

RUBEN NAGHDYAN

TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGY

Reader

Volume 1

YEREVAN

“Lusabats Publishing House”

2019

РУБЕН НАГДЯН
Составитель

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Хрестоматия
Том 1

ЕРЕВАН
«Издательский дом Лусабац»
2019

УДК 159.9
ББК 88
Т 654

Рецензенты:

*Г.В. Акопов, доктор психологических наук,
В.А. Мазиллов, доктор психологических наук,
Г.В. Шукова, кандидат психологических наук*

Р. Нагдян

Т654 Трансцендентальная психология. Хрестоматия / Сост.: Р. Нагдян.
– Ер.: «Издательский дом Лусабац», 2019. Том 1. - 424 с.

Предлагаемая вниманию читателей хрестоматия по трансцендентальной психологии предназначена для более углубленного изучения этого, сравнительно молодого, и, вместе с тем, интересного, но сложного, раздела психологической науки. Хрестоматия состоит из двух томов. Первый том состоит из трех глав. В первой главе этого тома собраны стенограммы семинаров основателя трансцендентальной психологии А.И. Миракяна, на которых впервые обсуждались методологические основы нового подхода к изучению психических явлений и нового образа мышления. Для второй главы были отобраны работы, в которых обсуждаются методологические вопросы трансцендентальной психологии. В третью главу включены теоретические исследования, в которых раскрывается необходимость формирования нового образа мышления, о котором можно говорить, как о новом типе или идеале научной рациональности.

Хрестоматия будет интересна студентам и аспирантам психологического профиля, методологам и историкам психологии, философам, работающим в области трансцендентальной философии, и всем тем, кого интересуют новейшие достижения в психологии.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-9939-69-295-1

© Нагдян Р., 2019

Посвящается 90-летию основателя трансцендентальной психологии Аршаку Исраеловичу МИРАКЯНУ

Введение

Предлагаемая вниманию читателей хрестоматия по трансцендентальной психологии (далее ТП) предназначена для более углубленного изучения этого, сравнительно молодого, и, вместе с тем, интересного, но сложного, раздела психологической науки. Как развивающаяся научная дисциплина ТП имеет историю своего возникновения, которая начинается с 70-х годов прошедшего столетия, когда А.И. Миракян (1929-1995) в лаборатории восприятия нынешнего Психологического института РАО (Москва) организовывал свои семинары, участниками которых были сотрудники лаборатории, его будущие ученики и последователи, а также приглашенные специалисты – известные методологи науки, психологи и философы. Это было начало трудного пути формирования нового подхода к изучению психических явлений, нового образа мышления, нового языка. И вся эта сложность преодоления ограничений традиционной психологии, надеемся, хорошо видна из приведенных в первой главе хрестоматии стенограмм этих бесед-дискуссий. Во вторую главу включены статьи, в которых обсуждаются методологические вопросы ТП. В них с разных сторон обсуждаются особенности различия между продуктивным подходом традиционной психологии и афизикальным (трансцендентальным) подходом ТП. Через все эти статьи красной нитью проходит идея о том, что выявлена новая реальность, реальность порождения психических явлений, для изучения которой в традиционной психологии не существует ни методологических,

ни концептуальных средств. Для третьей главы отобраны те теоретические исследования, в которых раскрывается необходимость формирования нового образа мышления, о котором можно говорить, как о новом типе или идеале научной рациональности. И, действительно, известную в философии науки классификацию типов рациональности оказалось возможным дополнить новым, трансцендентальным, потому что он оказался адекватным для исследования порождающей реальности, в которой не может быть объектно-субъектных отношений, что, напротив, характерно для классической, неклассической и постнеклассической типов рациональности. Эти три главы составляют первый том хрестоматии.

Второй том хрестоматии также состоит из трех глав. В первой главе второго тома была поставлена цель показать место ТП в системе разных концепций психологической науки. Поэтому для этой главы были отобраны статьи, в которых трансцендентальный подход сопоставляется с подходами Г.И. Челпанова, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Д.А. Ошанина, В.А. Барабанщикова, В.М. Аллахвердова, Л.Я. Дорфмана, В.А. Мазилова и др. Вторая глава может заинтересовать читателя тем, что в ней представлены статьи, в которых раскрываются философско-психологические предпосылки формирования трансцендентального подхода в психологии и трансцендентальной рациональности. Причем, специально были отобраны работы, раскрывающие необходимость применения метафизики для построения концепций научной психологии. Цель этой главы состоит в том, чтобы показать неразрывную связь психологии с философией, потому что без наличия этой связи невозможно решение фундаментальных проблем теоретической психологии. С этой точки зрения, по нашему глубокому убеждению, *ТП является частью философии психологии*. В третью, последнюю, главу второго тома хрестоматии вошли исследования, демонстрирующие воз-

возможности применения принципов ТП для решения конкретных теоретических проблем и практических задач.

Содержание хрестоматии позволит читателю составить определенное представление об особенностях возникновения, современном состоянии и перспективах развития трансцендентальной психологии.

За содействие и поддержку выражаю искреннюю благодарность всем коллегам, исследования которых вошли в содержание данной хрестоматии, и в их числе рецензентам книги - Г.В. Акопову, доктору психологических наук, профессору; В.А. Мазилу, доктору психологических наук, профессору и Г.В. Шуковой, кандидату психологических наук, заместителю директора Психологического института РАО по научной работе. Особая благодарность Е.М. Ахвердян за тщательную подготовку рукописи к изданию.

РУБЕН НАГДЯН

Январь, 2019, Ереван, Армения

ГЛАВА 1. НАЧАЛО.
БЕСЕДЫ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ
В ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ

Анализ проблем изучения психического отражения
профессором Ф.Т. Михайловым¹

УД 132
01.11.78

В беседе приняли участие: Ф.Т. Михайлов (Ф.М.), А.И. Миракян (А.М.), Э.Д. Безчеревных (Э.Б.), В.И. Панов (В.П.), О.А. Адамян (О.А.), Н.Л. Морина (Н.М.), Э.И. Кочурова (Э.К.), В.М. Леонов (В.Л.).

В начале этой беседы Ф.Т. Михайлов прочел великолепную полуторачасовую лекцию об Аристотеле. К моему большому сожалению, опубликовать ее в данной книге не представляется возможным. Ф.Т. Михайлов охарактеризовал место Аристотеля в истории философии, его понимание конечного и бесконечного и четырех оснований бытия: материи, формы, движения и цели. Закончил он четким определением понятия энтелехии у Аристотеля.

Ф.М. - Определение понятия энтелехии заключается в особой саморазвивающейся системе, основание которой есть ее цель, т.е. единство четырех причин (понятий). Единство материи, формы, движения и цели есть энтелехия.

¹ Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 1). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. – С. 171-201.

А.М. - Давайте проанализируем, о чем ты говорил. Ты закончил утверждением, что Маркс взял в качестве способа теоретизирования принцип историзма в его широком смысле, при этом критикуя представления через законченные, уже оформленные продукты об особенностях и противоречиях наличного бытия. Маркс исследовал возможности образования этих законченных форм. Поиск оснований возможностей их образования и есть научная интуиция. Правильно я излагаю?

Ф.М. - Да, только добавим, что это и есть диалектическое тождество.

А.М. - Потому что анализ двух уже свершившихся, уже готовых противоречий ведет к необходимости раскрытия основ их образования, возможности их образования. Следовательно, нужно определить способ поиска оснований. Так как мы собрались для того, чтобы найти способ поиска оснований психики, то сказанное тобой есть методология такого поиска применительно к любой науке: физике, экономике, психологии и т.д. Ты начал с противопоставления двух принципов теоретизирования: о дискретном (конкретном) и едином (общем, бесконечном), анализируя философию Аристотеля и его четыре причины бытия. Ты помнишь, как раз об этом я писал в первой статье? Теперь нам необходимо преодолеть разногласия в понимании оснований психического. Я два раза прослушал записи нашей прошлой беседы, заново посмотрел твою книжку и пришел к выводу, что между нами есть принципиальное различие в понимании оснований психики как объекта изучения. Мне не понятно, почему ты не замечаешь, что, когда я говорю о психике как предмете исследования, это не связано с человеком, животным. Т.е. вообще с субъектом. Я признаю, что твое несогласие закономерно, потому что в современном понимании философов и психологов психика – это то, что имел или имеет субъект – человек. Конечно, ты возразишь, что, если мы берем в качестве основания не данность в ее конечной форме, а историю образования, решения проти-

воречия, историю жизнедеятельности животных, деятельности и общения человека и т.д., то не понятно, как можно, не упоминая о Боге, искать другие основания изучения психического, кроме углубления в историю. Все дело в том, что мы по-разному понимаем историю, вкладываем в это понятие разное содержание. Когда ты прочел мою статью об Аристотеле, Гегеле, где подчеркивается мысль, что необходимо изучать психику как возможность, как энтелехию и т. п., это тебе понравилось, потому что эти проблемы были проанализированы в их историческом содержании. Тебе понравилась моя критика физикалистского понимания пространственного восприятия через сетчаточное изображение и т.д. Исследование проблем восприятия в историческом аспекте и критика эмпирических оснований изучения этих проблем не случайно позитивно оценена Василием Васильевичем Давыдовым и тобой. Но, несмотря на это, когда необходимо осмыслить содержание предлагаемого мною выхода из традиционной – эмпирической – парадигмы изучения психического, вы используете старые, теоретически и вами и нами отвергнутые способы. Вы не можете отказаться от мысли, что изучать психику необходимо как психику человека или животного, т.е. при наличии субъекта. Тогда как я ищу психическое в его природно-порождаемых основаниях. Вы же, как показывает предыдущий разговор, основы порождения и изучения психики видите в общении.

Ф.М. - В человеческом общении.

А.М. - Если вы берете общение, то это необходимо предполагает наличие уже сформировавшихся субъектов общения. Но разве животное, у которого полностью отсутствует человеческая форма общения, не отражает и не действует в меру его возможностей отражения мира? Его отражение окружающего мира и способы ориентации и проживания в нем разве не содержат в неразвитой форме элементы психики человека? Это что не психика? На протяжении истории философии и психологии всегда имело место представление о психике через понимание психики человека, полученное

средствами рефлексии, отсюда понятие души и т. п. Понятно, о чем идет речь?

Ф.М. - Нет, мне не понятно прежде всего потому, что я не говорю о термине «психика» только как прилагательном к человеку. Я считаю возможным говорить о психике более широко. Значит, не в этом суть спора.

А.М. - Очевидно, что ты допускаешь наличие психики у животных. Отсюда твой пример с собакой. Но, несмотря на это, ты следуешь традиции философского понимания психики через человека и поэтому формирование психики связываешь с общением, забывая, что еще до общения индивидуумов общение породила, создала природа по своим, присущим только ей законам, в том числе и законам, принципам порождения отражения, которые уже в развитой форме мы находим в человеческой деятельности и общении.

Ф.М. - Нужно сделать уточнение. Дело не в том, что мы сознательно или неосознанно делаем акцент на сущности человека. Дело не в этом. Дело в Аристотеле и Марксе. Я настаиваю на том, что специфическая форма человеческой жизнедеятельности имеет свое основание, понимание которого позволит переработать и наполнить новым содержанием понимание психики.

А.М. - Да, это понятно. И ты предлагаешь общение в качестве основания психики человека.

Ф.М. - Совершенно верно. Я только хочу уточнить одну деталь: я не забываю, что у животных есть психика. Но если мы ставим перед собой задачу понять, как человек видит, ощущает, воспринимает и т.д., мы должны учесть, что он это делает на своем основании.

А.М. - Вот в этом мы и расходимся!

Ф.М. - Когда я говорю об особенностях человеческого бытия, я имею в виду только то, что эти особенности можно рассматривать, исходя из понимания нового основания, т.е. общения, которому нет прецедентов в предшествующих исторических формах, которое противоречит и исключает эти формы, которое направлено против них.

А.М. - Вот сейчас кажется, что ты не берешь человека, но на самом деле исходишь из данности общения человека и с этой позиции рассуждаешь и оцениваешь психику животных, говоришь о субъекте.

Ф.М. - Нет, я говорю о логике мышления.

О.А. - Можно задать Вам вопрос, Феликс Трофимович? Что для Вас является объектом изучения?

А.М. - Объектом анализа.

Ф.М. - Объект изучения, анализа – это такая форма саморазвивающейся системы, основание которой только в ней. При этом система есть процесс. Поэтому я начинаю с органической системы, которая достраивает недостающие органы. Такой системой является человеческая жизнедеятельность.

А.М. - Я задаю тебе такой вопрос: нельзя брать более элементарные, природные основания психического, существующие до появления человеческого основания? Ты допускаешь такую возможность или не допускаешь? Вот где корень нашего спора.

Ф.М. - Нет, не допускаю. Существующая у животных стадность должна разрушиться, чтобы получилось человеческое общество. Животные способы манипулирования предметами должны быть разрушены, чтобы появился человеческий труд.

А.М. - Ты не замечаешь, что сравниваешь и находишь противоречие между конечными, уже готовыми отношениями – стадность, общество и т.д.

Ф.М. - Психику вне перехода от стадности к обществу невозможно понять, вне этого взаимоисключения нет проблемы.

А.М. - Возможно, что есть. Ты думал: что породило человеческую речь, основания которой есть и в животном стаде? В отношении живой системы с окружающей средой в ее данности уже есть принципы создания отношений, которые затем у человека явятся основанием возможности порождения речи. Значит, можно психику искать в этих природных принципах живой системы?

Ф.М. - Нет, человеческую – нет.

Э.Б. - Резонный вопрос: начало можно искать в дочеловеческих формах психического? У тебя, Феликс, начала нет.

Ф.М. - Есть.

Э.Б. - Где оно?

А.М. - Отличный вопрос. Где начало? Когда ты говоришь о началах, то сразу берешь субъекта, уже имеющего все искомые способности в готовом виде.

Ф.М. - Я настаиваю, что мы должны понять марксову мысль о том, что анатомия человека есть ключ к пониманию анатомии обезьяны.

А.М. - Это неправильное высказывание, потому что берется абстракция – анатомия человека и сравнивается с другой абстракцией – анатомией обезьяны. Обе уже «сушеные воблы абстракции».

Ф.М. - Согласен, правильно. Так можно интерпретировать, но это ко мне не имеет отношения.

А.М. - А меня интересует другой вопрос, как и почему эти анатомии образовались? Где начало того, с чем мы имеем дело на разных этапах истории развития в уже законченной форме? Я исследую, как возможно это, по Аристотелю.

О.А. - С этого все и начинается.

Э.Б. - Откуда взялась эта система, о которой идет речь как об уже готовом нечто?

А.М. - Правильно, почему ты начинаешь с уже готовой системы? Правда, ты, в отличие от, например, физиологов, эту систему берешь в контексте ее собственного исторического развития, через ее становление. Но становление уже ставшее. Вот о чем идет речь.

Ф.М. - Все понял. Речь идет о другом. Просто сегодня вопрос поставлен иначе.

А.М. - Всегда так стоял вопрос. Ты просто не замечал этого в силу собственных предубеждений.

Ф.М. - Вопрос стоял иначе. Речь идет не о том, что я писал в «Загадке человеческого Я». Просто не об этом.

А.М. - Да, но это не значит, что про «загадку» в ее содержании не надо было писать.

Ф.М. - Все правильно, но просто речь идет о том, что существует другая очень важная органическая система, анализ которой нас с вами должен заинтересовать. Это система жизни.

А.М. - Да. Система жизни, внутри которой постепенно образовалось то, что мы понимаем как психику.

Ф.М. - Гениально, согласен! Это нужно, можно и необходимо исследовать.

А.М. - Отсюда ясно, что мы, говоря о психике, имеем в виду это начало, а не твою готовую психику в уже готовом субъекте.

Ф.М. - Правильно, полностью согласен. Тогда нет никаких возражений. Пафос моего рассуждения заключается только в одном: надо иметь возможность четко зафиксировать исходные позиции, чтобы не представлять человеческую психику на основании психики вообще, с одной стороны, и, с другой стороны, чтобы не помещать психику вообще в основание человеческой психики. И то, и другое не корректно логически. Все, больше ничего и не надо мне говорить. Все мои слова были лишними.

Э.Б. - Правильно, логически некорректно.

А.М. - В прошлый раз мы говорили, что отражение есть явление природы и общества. В этом понятии отражения нет и тени того широко распространенного понимания отражения, когда считается, что уже отраженное яблоко попадает на сетчатку, а затем отражается в мозгу.

Ф.М. - Хорошо. Посмотрим, какой смысл вкладывается в это понятие отражения. Слово Аршаку, я молчу, потому что мы подошли к самой сути.

А.М. - В нашем понимании отражение – это возможность, возникающая, как это полагал Аристотель, при пересечении материи, формы, действия и цели. Пока мы берем три основания – материю, форму и действие. При этом считаем, что материя имеет в себе возможность действия и измене-

ния форм в разные моменты времени, т.е. материя в разные моменты имеет в себе действенность – деятельность. Вот я и рассматриваю психическое отражение как возможность материи, которая при единстве материи, действия, формы и цели, т.е. энтелехии воплотилась в такую форму психики, с которой мы сейчас имеем дело.

Э.Б. - Четко сформулировано.

А.М. - Если так, давайте посмотрим, как происходит реализация этой возможности. Через какие формы, средства, принципы она реализуется в определенные моменты времени, т.е. как действенность различных моментов приводит к образованию чего-то нового, что внутри этой действенности может привести к порождению психического. Именно это нас интересует. Философское содержание, о котором сегодня говорил Феликс, касается бытия вообще, куда входит и Земля наша. Именно история Земли нас и интересует, т. к. на ней порождено психическое, но обсуждаем мы ее в той же логике, что бытие вообще. Эту логику мы применяем для анализа уже образованной Земли – природы, материи. Здесь и вырисовывается второй – после понятия отражения – вопрос нашего спора о понятии взаимодействия. Если мы берем систему Земли как нечто уже особенное, имеющее частные формы существования, то тогда анализ взаимодействия между этими формами допустим.

Ф.М. - Правильно, с этим я согласен.

А.М. - Поэтому нас, как специалистов, изучающих явление отражения на Земле, интересует возможность рождения живого на Земле и возможность реализации психического в живой системе. Между прочим, если внимательно посмотреть, как раз марксизм всегда имел дело с человеческой историей.

Ф.М. - Конечно, реальный марксизм – да.

А.М. - Но через человеческую историю мы не поймем психическое, потому что эта история берет человека как данность, уже имеющую психику. Однако ты исходишь именно из этой истории.

Ф.М. - В той терминологии, в которой излагалась твоя концепция, я уловил несуществующие образования. Например, «отражение». Если мы договорились сейчас до фундаментального и очень важного, действительно философски грамотно оформленного положения, что речь идет не об анализе процессуального определения образования человеческой психики, именуемого мышлением...

А.М. - Нус².

Ф.М. - Да не о нусе, а о другом: о более широкой системе, в которой этот нус мог появиться, то мы должны признать эту систему в форме ее наличности. Следовательно, нус мы оставляем пока в стороне. Нас не интересует принципиально именно это образование, а нас интересует образование, в рамках которого могла появиться психика. А это образование есть органическая система, имеющая свои основания.

А.М. - А также она имеет в самой себе разность моментов бытия.

Ф.М. - Ну, конечно! Давайте посмотрим на эту систему. Ты чудесно предложил вернуться на Землю, потому что, в конечном счете, рассуждение о внеземной цивилизации пока для нас есть умозрительное построение. Мы договорились до самого главного. Мы в сфере особенного – органической системе. В конечном счете, само всеобщее есть особенное. Значит, мы находимся в сфере особенного.

А.М. - Которое называется Земля и жизнь.

Э.Б. - Тогда понятно, что можно изучать условия рождения этой отражающей системы.

Ф.М. - Значит, Вернадский, я, Шарден...

А.М. - Я не знаю кто именно, но ты используешь опять старый стиль мышления. Когда я читаю Вернадского или Шардена, я вижу все тот же естественнонаучный подход к порождению психического посредством уже отраженных продуктов. Я не говорю о том, кто изучал жизнь на Земле, я говорю о подходе к изучению жизни на Земле и даже не о самом подходе, а об основаниях этого подхода. Например, в

¹ Нус – мышление, древне-греч. (прим. составителя)

основании концепции Вернадского лежит антропоморфизм, свойственный всем естественнонаучным исследованиям прошлого века.

Ф.М. - Я имел в виду то, что есть колоссальная литература, которую нужно учитывать. Например, Бергсон.

А.М. - Да, но для меня все они, несмотря на их различия, одинаковы в главном: в основании подходов к изучению живого как естественнонаучного объекта.

Ф.М. - Я говорю об открытой реальности, развивающейся реальности, в основаниях которой я хочу покопаться... Если ты берешь другое основание для более широкой системы, то, ради Бога, копайся в этом основании. Это основание меня тоже очень волнует. Я четко пишу об этой широкой системе, что я этого не знаю. Это основание жизни на Земле. Я всегда корректен был в своих публикациях, чтобы это признать. А ты меня принимаешь как антропоморфического исследователя.

Ф.М. - Мы пришли к следующему, приняв без особого обсуждения следующие положения. Первое положение – философская, рефлексивная мысль, анализируя способ теоретизирования, позволила нам сформулировать задачу анализа развивающихся систем в порядке их общности, исторической общности. И второе - способ человеческой жизнедеятельности является продуктом некой предшествующей истории Земли, без анализа которой мы не хотим теоретизировать дальше. Мы хотим сейчас четко представить себе, что можно говорить о космосе, о бесконечности, можно говорить о мире вообще, но нас интересует, если мы психологи...

А.М. - Или теоретики психологии, методологи.

Ф.М. - Да. Нас интересует проблема жизни на Земле.

А.М. - Жизни?

Ф.М. - Почему я сказал «жизни»? Прежде всего потому, что мы договорились вернуться на Землю. Земля представляет собой некое космическое образование, находящееся в особенном состоянии развития, т.е. имеет начало. Коль скоро она имеет начало, то мы должны рассматривать основания

процессов, происходящих на этой планете и связанных с ее особенностью, не выходя за ее рамки. И тут нас интересует та форма жизни на Земле, которая может быть охарактеризована как способность к самофиксации, т.е. то, что можно назвать психикой.

А.М. - Да, эту самофиксацию мы и понимаем как явление отражения.

Ф.М. - Понятие самофиксации не подразумевает понятия отражения, потому что отражение, в принятом смысле, лишено понятия самофиксации. Короче говоря, нас интересует факт такой организации субстанции на Земле, когда имеет место самофиксация – психика.

А.М. - Сделавшая возможной самофиксацию.

Ф.М. - Верно. Тогда у меня возникает вопрос. Меня интересует основание, т.е. то самое внутреннее противоречие, разрешение которого есть психика, а также жизнь. Ведь мы договорились, что Земля представляла собой нечто, лишенное какой-либо жизни. Это было неорганическое тело, а потом на нем возникла органика. Что же явилось условием этой планеты, исходным противоречием, разрешение которого есть жизнь?

А.М. - Ты заметил, что ты часто повторяешь понятие «жизнь» и все рассуждение строишь на нем? Давайте вспомним Аристотеля. Ведь когда мы говорим «жизнь», мы фиксируем особенное. А когда мы фиксируем особенное, тогда мы не можем найти основание общего, потому что особенное уже выделено. Поэтому для понимания основания психического понятие этого выделенного, особенного не пригодено по той простой причине, что это есть уже законченный результат нашей рефлексии в форме готовой данности. Несмотря на то, что мы знаем, что жизнь имеет историю, но как понятие, как фиксация особенного она предстает в виде завершенности определенного момента истории. Поэтому, как возникла жизнь, нас не интересует, это не наш предмет. Мы не связываем вопрос о психике с вопросом возникновения жизни на земле, не используем логику и способ анализа

проблем в естествознании, что характерно, например, для Вернадского при постановке проблем жизни. Наше дело – понять основания возможности порождения психического. С нашей точки зрения, их можно искать не в самой жизни, а в том, что мы жизнью называем. В порядке иллюстрации рассмотрим аналогию с физическими исследованиями в квантовой механике, которая все частицы полагает взаимосвязанными, взаимоопределяющими и т.д. А несколько лет назад были обнаружены античастицы, поведение которых не укладывалось в принятую квантовой физикой теорию. Но потом оказалось, что существование античастиц так же естественно, как и других частиц. То есть, если возвращаться к Аристотелю, получается, что Аристотель критиковал Платона за то, что его идеи, эйдосы есть находящиеся в самих себе, неподвижные, у них нет различных моментов существования. Вот физики и рассматривали элементарные частицы как находящиеся в самих себе и не думали, подобно Платону, что должны быть античастицы, чтобы возникало, порождалось изменение, движение в этой, в самой в себе находящейся частице. Итак, рассуждение о психике мы начинаем с поиска возможных основ ее порождения. Мы исходим из того, что в самой природе содержится возможность создания разности различных моментов ее собственного существования. Тогда психику можно условно уподобить античастице как одну из форм различия в определенном моменте существования самой природы или материи.

Ф.М. - Теперь понятен мой вопрос. Когда я говорил, что на Земле образовалось живое, я имел в виду именно вот эти частицы и античастицы. Как раз это я назвал противоречием, разрешением которого стало живое. Значит, меня интересует не живое, а противоречие, разрешение которого приводит к живому.

А.М. - Это противоречие я понимаю, как различие между моментами находящегося в самом себе, по Аристотелю, сущего.

Ф.М. - Очень хорошо, согласен.

А.М. - Если эти различия находящегося в самом себе сущего есть одна из форм движения во времени, то мы можем сделать вывод, что основная характеристика психического, имеющего те же основания, что и сущее, есть различие его моментов. Иначе все было бы диффузно, однородно, было бы только общее без частного. Отсутствовала бы возможность противоречия. Это и есть общая онтологическая характеристика психического как явления, которое не связано с выделением понятий живого, неживого, материального, идеального и т.д. Тогда основная отличительная черта психики, как особенного, заключается в том, что аморфное глобальное единое может обратиться к себе только при наличии онтологического фундаментального условия дискретизирования этого единого во времени и пространстве, т.е. при условии упорядочивания. Получается дилемма – аморфность единого – упорядоченность особенного. Отсюда вытекает необходимость образования разных моментов как условие упорядочивания посредством упорядочивателя, т.е. системы, которая берет из общего частное. Выделением частного ограничивается бесконечность сосуществующих частных в едином, преодолевается бесконечность аморфного. Преодоление бесконечности обязательно требует момента фиксации и способа фиксации, т.е. дискретизации пространства и времени. Вот это и есть исходное условие и начало отражения – борьба между глобальным и упорядоченным, между единым и особенным.

Ф.М. - Правильно, это чистый Гегель!

А.М. - Нет, не точно, не чистый Гегель, а чисто гегелевская логика!

Ф.М. - Да, конечно.

А.М. - Но у Гегеля идея и психика выступают изначально в готовой форме.

Ф.М. - У Гегеля субъект и есть вычленение всеобщего в особенные формы. У Гегеля идея потом появляется.

А.М. - Давайте двигаться дальше. Система может создать разность моментов для фиксации частного, если у нее есть

способ фиксации отношения между дискретными элементами и между данными предыдущего и последующего моментов, создавших отношения. Между прочим, это исходная основа того, что ты назвал общением. Общение уже более развитая форма образования анизотропных отношений между дискретными элементами системы. И суть деятельности именно в разрешении этого противоречия.

Ф.М. - Совершенно верно.

А.М. - Таким образом, мы с вами охарактеризовали некоторые исходные особенности явления отражения, не используя при этом продукты непосредственно-чувственного процесса самого отражения. В прошлый раз ты призывал не говорить об отражении вообще, а я сейчас занимаюсь именно этим. Отражение есть борьба между глобальностью и упорядоченностью, которая происходила, происходит, и будет происходить в любой момент у каждого живого существа. В глобальности объект дан только потенциально, а не актуально. А актуальность возможна только через отражатель – субъекта его принципами и принципами отражения; через систему отражателя. Система включает в себя возможность образования отношений как обязательное условие отражения. Вот почему ни зеркало, ни воск не отражают! В зеркале не образуется отношение между дискретными элементами, которых в нем нет, а воск, имея дискретные элементы, не имеет возможности фиксации через образование отношений между ними. Итак, мы сформулировали некоторые характеристики психического отражения: система отражения обязательно должна иметь возможность образования отношений, т.е. анизотропность дискретных элементов, возможность создания различных моментов между образовавшимися анизотропными отношениями и возможность фиксации и воспроизведения этих отношений. Это и есть логическое основание психического.

Ф.М. - Да, но у меня есть некоторые уточнения. Я не знаю, кто из нас больше философ. До сих пор думал, что я.

А.М. - Конечно, ты по образованию философ, специалист по философии.

Ф.М. - Дело не в том, дело именно в проработке логических форм полагания объекта. Когда я говорил о доаристотелевской философии и вообще об античной системе философии, я подчеркнул, что предметом античного теоретизирования были как раз способы теоретизирования. И в том, что сейчас говорил Аршак, можно видеть самую настоящую античность, самую настоящую характеристику не просто самого бытия, а его сущность, связанную с Землей. Хотя к черту Землю! Наверное, то, о чем сейчас ты говорил относится не к Земле, если говорить строго: наверное, это относится к бытию, потому что представлено достаточно четко. Поэтому мое соглашение с этим не знак вежливости, а действительное согласие. В предложенном нам изложении отрабатывались формы способов полагания исследуемого объекта, или предмета исследования, отрабатывались грамотно, точно, четко по Гегелю. Что мы получили? Мы получили, что любой объект исследования – физический, химический, психологический и т.д. для нас представляет собой некое движение, которое возможно в результате разрешения противоречия между всеобщим – диффузным, глобальным, непрерывным – и его особенными формами. Это психическое уже потому, что это наш способ полагания мира. В рассуждениях Аршака, я не увидел ни грамма физического в смысле андрониковского разделения трудов Аристотеля на физику и метафизику. И это не случайно, потому что здесь речь идет о способе полагания любого объекта. И вот в чем хитрость. Разрабатывая способ полагания конкретного объекта, предмета, я формулирую всеобщие условия любой рефлексии. Отсюда, как истинный античный грек, распространяя всеобщность как способ своего мышления на бытие, онтологизируя его, я вижу фундамент самого бытия – условие противоречия между всеобщим и особенным. Верно, я глубоко убежден, что условию бытия присуще это противоречие. Более того, я согласен с тем, что именно это условие лежит в основе любых форм развития, присущих неорганической природе. Я должен признать, что это связано с любым космическим процессом независимо от

того, живой он или неживой. Все это хорошо и со всем этим мы согласны полностью и до конца, признавая при этом, что есть такое движение, которое неминуемо несет в себе рефлексивность и, по твоей терминологии, отражение. Если я это отражение назову психикой или основанием психики, если я назову это психическим отражением и его всеобщую динамику назову душой психики и ее сущностью, я тогда, к моему великому сожалению, о самой психике не скажу ничего, ни звука. К психике это не имеет никакого отношения, кроме того, что всякое движение есть движение. У Гегеля это названо так: «Всякое различие есть противоречие» и «всякое противоречие есть основание движения».

Теперь о психике, об Аристотеле. Мы нашли способ полагания любого предмета, в этом способе мы зафиксировали свое – человеческое – понимание бытия. В этой форме бытия мы нашли всеобщее основание. Тогда мы нашли всеобщее основание и психики тоже. Если мы хотим оставаться в рамках аристотелевского метода, мы должны ответить на мой вопрос, который я задал раньше: какова природа живого и психически живого – раз. Если хочешь идти дальше, пожалуйста: какова природа отражения в неживой природе – два, и наконец: какова всеобщая природа любого движения, так как психика есть одна из форм движения – три. Что ты сейчас сделал? Ты ответил только на последний вопрос. Великолепно! Ты ответил на вопрос о том, что всякое движение есть способ разрешения противоречия между всеобщим и особенным. Так это записано в любом учебнике по диалектике! Упрощая, ты сказал, что всякое движение есть способ разрешения противоречия между условиями его осуществления. Затем взял одну из его особенных форм – психику, и сказал: и психике это присуще. Когда мы говорили о человеческой психике, о мышлении, я просил ответить на один простой вопрос: что является сущностью мышления и вообще психики. Я просил ответить на вопрос о способе мышления и о способе существования живого. Ты гениально ответил, что для нахождения ответов на вопрос о живом необходимо

выйти за его пределы. Хорошо. Выходи, но только выходи в материале жизни, иначе будут абстрактно-философские рассуждения. Поэтому я спрашивал, кто из нас больше философ. Когда мы коснулись вопроса возникновения жизни, уже нельзя было опереться на собственную рефлексию и описать ее как общее бытие. Это давно отработанный прием в истории философии. Что же мы получили в результате? Мы получили, что собственную способность полагать движение как разложение на всеобщие особенности, как противоречие между условием и становлением и т.д. мы выдали за характеристику бытия. Ха, новое открытие! Вот почему я сказал: ты блестящий античный философ – грек, а совсем не армянин. Но надо иметь в виду, что после античности прошло 2 тысячи лет.

А.М. - Я думаю, что эти 2 тысячи лет во многом испортили античный образ мышления. И ты сейчас как образованный профессиональный философ демонстрируешь эту испорченность.

Ф.М. - Я в начале согласился с твоим античным философствованием, значит, я не окончательно испорченный. Самое смешное, что я до деталей согласен с тем, что ты сейчас излагал. Только прошу учесть, что условия всякого движения требуют анализа и того, что движется.

А.М. - Теперь мне ясно, что ты не почувствовал, не заметил, грубо говоря, не понял, что я рассказывал именно о том, что движется, и рассматривал возможность порождения этого движения, каковой является анизотропность отражающей конкретной структуры, анизотропность образования предыдущего и последующего конкретных моментов фиксации и образования отношений между ними. Ты не учиываешь, что я говорю не с кибернетиком или физиологом, чтобы подробно описывать структуру и процесс отражательной системы, я говорю с философом. Следовательно, центральное место в моем изложении отведено анализу противоречия между единым и особенным. Ты воспринял только это, не замечая, что это было сказано для вывода онтологических оснований

психического отражения как возможности самой природы. Притом элементарной возможности в виде основных элементарных форм отражения — образования анизотропных отношений и фиксации. Ой, как далеко еще до мышления, которое ты берешь как данность и хочешь понять, как главный атрибут психики. Так поступали многие философы, в том числе и Гегель. Им подай понятие, мышление и т.д. Мы же говорим о возможности порождения психики в природе, а не об уже сформировавшейся психике человека как общественного животного. Гегель развитие идеи, понятия видит через то, что уже есть в форме понятия, уже отражено. Так я понимаю Гегеля.

Ф.М. - Это так и не так. Просто дело в том, что в его логике все дано в чисто всеобщей форме как характеристика самого способа. Только третья часть его системы названа «Учение о понятии», первые две – «Бытие» и «Сущность». Он начал с того, что написал «Феноменологию духа», где изложил всю свою систему полностью и изложил через индивида, через развитие индивидуального сознания человека, через психику.

А.М. - Прошу дальше не продолжать. Ты уже сказал – через индивида, через феноменологию, через понятие. Все это уже есть продукты процессов упорядочивания. Ведь мы с тобой договорились, что психику теперь будем понимать не по Гегелю, когда отсутствует природное начало.

Ф.М. - Мы говорили, что у нас один и тот же способ полагания движения вообще, любого движения, независимо от того психическое оно или непсихическое. Совершенно точно с твоим пониманием это и изложено у Гегеля.

А.М. - Но я с тобой ни в этом был согласен. Как способ, учти, как способ! Но здесь речь идет не о способе, который ты правильно низвел до античного, греческого. То, о чем я говорил, ты однозначно перевел на способ рассмотрения вопросов, на способ философского анализа, способ полагания движения объекта.

Ф.М. - Правильно, правильно!

А.М. - Но учти, я не об этом говорил.

Ф.М. - Ты говорил о том же, о чем говорил Гегель. Он тоже этот способ называл психическим, душой, духом.

А.М. - Да, это есть душа, которая вложена в нас, поэтому мы друг друга понимаем.

Ф.М. - Слава Богу, я согласен полностью!

А.М. - Теперь ты видишь, что я тебя понимаю. Но опять повторяю, что не то, не об этом я говорю, не о способе мысли, меня не это интересует. Меня интересует возможность образования того духа, с которым мы имеем дело как с уже готовым, как с данностью, как уже проявлением.

Ф.М. - Правильно.

А.М. - А ты говоришь об уже проявленном, о том же, что интересовало Аристотеля, Гегеля, Маркса и других. Ты не заметил, чем отличается мой взгляд.

Ф.М. - Чем? Может быть не заметил.

А.М. - И Эдвард не заметил, потому что спрашивает, а где психика, считая, что мы лошадей запрягаем в паровоз.

Ф.М. - Тогда мой вопрос заключается в следующем. Если мы договорились, что у нас единый способ полагания и нужно понять начала психического, его основания, то в чем оно кроме...

А.М. - ...этого способа полагания? Видишь, я знаю, что ты скажешь. Я попытался изложить в этой логике полагания наше понимание возможности образования психического отражения.

Ф.М. - А кроме способа полагания ты ни о чем не сказал. Я очень хочу понять, о чем еще кроме способа полагания ты сказал?

А.М. - Давай вспомним, о чем мы уже говорили. Я начал с того, что психика есть процесс образования отношений. Психика есть то, что обязательно имеет систему образования отношений и возможность фиксации и воспроизведения этих отношений. В общем психика – это процесс между гомогенностью и упорядоченностью. Ты сам обозначил дилемму гомогенность – аморфность. Мы говорили, что обра-

зование отношений работает по принципу частицы-античастицы, создавая разность моментов — анизотропность при выделении чего-то одного.

Ф.М. - Я согласен, что все это есть психика. Но эти характеристики относятся к любому движению, это способ полагания любого движения. Я хочу задать простой, может быть, невежественный вопрос. Если все это есть психика, то значит ли это, что все это есть психика? С моей точки зрения, все, что ты говорил выше, относится к любому движению, в том числе и к психическому. Но это совсем не значит, что мы делаем элементарную ошибку с обращением предиката.

А.М. - Покажи на конкретном примере, что сказанное относится ко всему и вся.

Ф.М. - Возьмем взаимоотношение двух элементарных частиц. Оно аналогично предпсихической реальности, о которой ты говорил. Мы находимся в том положении, когда диалектика предписывает, что, если всякий род является родом изначальным, т.е. в буквальном смысле род – то, что зарождается, то, что порождает, тогда всякое его состояние является характеристикой, не исчерпывающей его сущность. Поэтому, если для тебя движение осуществляется по некоторым принципам, которые распространяются и на психику, это совсем не значит, что характеризующая таким образом психика может стать объектом научных исследований, потому что существует процесс, существует развитие реальной истории, в результате которого этот предикат должен стать особенным.

А.М. - Ты думаешь, я это не понимаю? Ведь ты не учи- тываешь, что я говорю о предпосылках, возможности образования этого процесса, этой истории развития. Разве тебе известна эта становящаяся возможность? Не учитывая особенности психического в общем движении, которое мы принимаем как условие возможности психического отражения, ты описал его посредством понятийных характеристик психического. Почему к нашему началу ты присоединяешь свой конец? Ты допустил ошибку, т.е. наши основания счел спо-

собом полагания, при этом рассматривая все с философской точки зрения, хотя мы и договорились, что не будем говорить о психике как способе проявления живого, имеющего способность отражать, не будем говорить о психике как отражении через образ, через понятие, а начнем с чего-то другого. Как внутри общего движения возможно порождение психического — ты знаешь, как это получается?

Ф.М. - Не знаю.

А.М. - Тогда почему ты критикуешь начала, которые мы предлагаем?

Ф.М. - Потому что ты сказал, что это начало есть психика.

А.М. - В этом начале может быть мышление?

Ф.М. - Хорошо, начнем с отражения.

А.М. - На этом основании можно строить наше представление о психическом?

Э.Б. - О, совершенно точно!

Ф.М. - Полностью согласен.

А.М. - Зачем же ты спрашиваешь меня, как из этого начала получается мышление?

Ф.М. - Меня интересуют три вопроса. На каком основании возникает мышление, на каком основании возникает животная психика, на каком основании возникает растительная психика, какая угодно реальная психика? Эти вопросы я ставлю в той самой логике полагания. Я согласен с главным. Но раз я утверждаю, что всякая проработка диалектического способа полагания объекта как такового в качестве предмета мысли есть одновременно в онтологизированном варианте характеристика любого движения, следовательно, пока мы дошли только до одного: мы охарактеризовали движение как таковое, что и является, как ты правильно заметил, основанием для психики, для понимания психики.

А.М. - Ты одобряешь это? А зачем тогда ругал это?

Ф.М. - Я не ругал, я боялся, что ты это считаешь психикой. Значит, мы нашли основания, на которых можно построить психику.

А.М. - Мы должны повторить эти основания, выделить из методологического подхода. Давыдов, между прочим, очень хорошо сказал, что мы дошли до какой-то предельной абстракции, на основании которой строится все остальное. Эта предельная абстракция – это наши основания. Первое из них – это образование отношения, различия между моментами (это может быть различие и в одном и том же моменте, потому что понятие момента не имеет определения). Это условие появления пространственное, т.е. пространство есть различие моментов в одновременном, а различие моментов в одновременном обязательно требует анизотропности, т.е. система, которая образует отношение, должна в этот момент создать различие в пространственной одновременности между отдельными ее элементами. Следовательно, пространство не может быть гомогенным. При гомогенности не будет различия и не будет, по нашему пониманию, явления отражения, не совершится акт отражения, потому что не совершится акт фиксации разделения, а затем акт фиксации разделенных отношений (память), благодаря процессу образования анизотропных отношений. Значит образование отношений фиксируется как момент различия, который имеет в себе возможность выделения одной из его составляющих. В этом есть начало психики?

Ф.М. - Это описание мира атомов. Анизотропность – это характеристика пространства. Гегель подробно описал характеристики пространства в «Философии природы» — «пространство становления – момент движения времени». Вы, в отличие от Гегеля, это рассматриваете как основание психики. Но это общее основание всего, любого выработанного объекта. Можно сказать, это основание бытия. Это описание любого пространственного отношения. Тогда можно говорить, о чем угодно, но это не будет спецификой психического.

А.М. - Феликс, это уже ясно.

Ф.М. - Если мы договорились, что нашли общее основание любого движения и поняли, что его можно зафиксиро-

вать относительно его самого только через пространственную фиксацию гомогенного и анизотропного состояния, то теперь надо понять, какие противоречия оно приобретает в своей особенной форме.

А.М. - Сейчас я постараюсь еще раз показать особенную форму психического. Это очень сложная задача, так как при этом необходимо преодолеть наш глубоко эмпирический способ рефлексии, привычный образ мышления при осмыслении возможности порождения и функционирования психического отражения. Обычно я просто это объясняю следующим образом. Представим себе, что наш способ отражения адаптирован для выполнения действий по обеспечению жизнедеятельности. Тогда наши отражательные возможности и образ мышления должны были образовываться для обслуживания этой деятельности. И тогда процесс отражения будет всегда оставаться скрытым от нашего мышления, потому что понимание его закономерностей не нужно для действий с предметами, так как мы имеем дело с предметами как с продуктами отражательного процесса, с его результатами. Особенности этого процесса и остаются скрытыми от нас. А когда мы начинаем его анализировать, то исходим из опыта продуктного мышления, глубоко эмпирического образа мышления, когда нет необходимости в познании собственно процесса. Следовательно, необходимо выйти за пределы эмпиризма, чтобы понять закономерности процессов отражения. Опираясь на результаты процесса психического отражения, мы никогда не сможем понять его процессуальные закономерности.

Ф.М. - Ты говоришь о мышлении, но мышление есть способность изменять природное тело человека, менять обстоятельства по логике целей человечества.

В.П. - Аршак, разрешите мне попробовать объяснить. Значит, можно психическое представить, как процесс образования анизотропных отношений, анизотропных в каждом моменте и в различных моментах. Но исследователь имеет дело с продуктами этих процессов, в силу чего они предста-

ют ему не в полноте процессуально образуемых отношений, а лишь на уровне продуктов законченного процесса в определенной понятийной форме. При этом исследователь теряет содержание процесса.

Ф.М. - Типично естествоиспытательский подход. Они берут всегда в законченной форме и исследуют.

А.М. - Закономерная реакция! Феликс считает, что именно философ видит, знает этот скрытый процесс отражения у исторически образовавшегося человека. Нет, не получается, Феликс.

Ф.М. - Получается. Не получается другое — выйти за рамки особенного.

А.М. - Вот из чего ты исходишь, вот твоя отправная точка – особенное, т.е. человек. Мы ищем психическое до человека, как возможность природы, а ты не можешь мыслить о психическом без человека.

В.П. - Значит нам надо понять особенности психического движения. Мы выделяем два уровня этих особенностей. Второй уровень – это когда психическое представлено в человеческой и животной, и т.д. форме. Но до этого есть первый уровень выделения специфики психического как явления в природе.

Ф.М. - Я буду рад, если вы покажете последнее.

А.М. - А мы не можем показать, потому что ты знаешь второй уровень – уже человеческий, и все сказанное о первом переводишь на второй.

Ф.М. – Первый – не моя профессия. Меня совершенно не интересует, когда, зачем и как возникла психика. Я по своей специальности не способен решить эти вопросы. Сейчас я рад послушать о первых проявлениях психики, когда о человеке еще не идет речь. В анализе этой серьезной проблемы мы от абстрактных рассуждений и философствования перешли к спецификации отделения психического от непсихического.

А.М. - Понять первый уровень можно только с помощью определенного способа мышления, отказавшись от обычно-

го образа мышления, когда человек, его психика являются готовыми и центральными. Для этого нужно создать специфическую методологическую основу, чтобы выбрать, выделить адекватный данному объекту исследования образ мышления. Поэтому, когда мы говорим о мышлении, это относится к мышлению исследователя, а не мышлению как психическому процессу второго уровня психического движения.

Ф.М. - Вы хотите всеобщую логику сфокусировать таким образом, чтобы получить принципы более особенного типа.

А.М. - Да, и при этом мы говорим, что наше обычное мышление не способно понять процессуальные принципы отражения, т. к. имеет дело с его продуктами.

Ф.М. - Я не понимаю, что ты имеешь в виду под мышлением современного человека. Есть физикалистский способ мышления и другие,

А.М. - Человеческий способ познания образовался для обеспечения функционирования человека в окружающем его мире, а не для разгадки психических закономерностей отражения. Они ему были не нужны, потому что человек действовал с продуктами отражательного процесса.

Ф.М. - Из этого мне стало понятно, что нет смысла говорить, что человек не рожден для того, чтобы оценивать свое собственное ощущение. Рожден и только с этого начинается человек. Именно рожден для того, чтобы понять.

А.М. - Человеку может быть известно не содержание процесса отражения, а только продукт процесса отражения, о чем ты и говоришь. Если бы было наоборот, тогда не нужна психологическая наука, потому что каждому индивиду было бы известно содержание тех процессов, которые образуют у него ощущение, мышление и т.д. Понять то, как это происходит, и есть задача психологии.

Ф.М. - Правильно!

А.М. - Тогда почему ты нам не позволяешь это изучать, а говоришь, что человеку дано содержание его ощущений? Да, и человек срывает банан, и обезьяна. Ты говоришь, первый знает, как срывает, вторая – нет. А я говорю, что они оба не

знают, как происходит процесс действия, по каким законам обнаруживается банан, каковы законы процесса срывания. И им не нужно это знать, важен результат отражения бананов, чтобы не умереть с голоду.

Ф.М. - Как обезьяна срывает банан – да, это вопрос особый. А человек-то знает, как срывает банан.

А.М. - Мне кажется, я говорю простую вещь. Все в нас организовано для оперирования с объектами, и человеческое мышление эмпирически обслуживает это общение. При этом психическое как процесс, закономерности этого общения человеческому мышлению не даны, они скрыты от него, потому что знание законов происходящих психических процессов человеку не нужно в его повседневной жизни, ему достаточно оперировать продуктами этих процессов. Подобно тому, как при езде на автомобиле процессы, происходящие в движущейся машине, меня не интересуют и остаются неизвестными.

Ф.М. - Гениально, великолепно! Описание человеческой психики как машинного процесса.

А.М. - Тебе известно, как происходит психический процесс?

Ф.М. - Конечно, известно.

А.М. - Тогда я кончаю говорить, а ты нам расскажешь, как происходят эти процессы. Только с одним условием — при этом не будешь описывать процессы посредством его собственных продуктов.

Ф.М. - Когда я говорю о человеческой психике, я вынужден считать, что человек родился с оценкой его движения.

А.М. - О чем ты говоришь? Мы же договорились, что не будем брать уже родившегося человека, а рассмотрим, как психическое отражение допустимо онтологически как возможность, реализующаяся у животных и человека. Ты опять нарушаешь наш договор.

Ф.М. - Это же нарушение качественного перехода логики. Сначала ты говорил, как возможно изучать психическое отражение, с чем я согласился. А потом ты перешел к чело-

веческому способу мышления, где уже согласия между нами не может быть. Мышление как таковое — это историческое явление и т.д.

А.М. - Ведь я говорю о человеческом мышлении, не имея в виду его изучение как объекта психологии. Я говорю об ограниченности мышления исследователя, изучающего скрытые закономерности психического процесса отражения.

Ф.М. - Я понимаю, что мне надо замолчать, а то я буду говорить на своем профессиональном жаргоне. Мне нужно вас слушать. В данном случае мы затронули действительно профессиональный вопрос. Вопрос о том, что такое всеобщее человеческое мышление. А у вас задача другая, как я понял – попробовать найти мостик от всеобщего движения как такового к психике. Как построить этот мост, я не знаю.

А.М. - Для того чтобы это понять, необходимо посмотреть, а имеем ли мы возможность раскрыть особенности процессов отражения. И так мы обнаружим в нашем мышлении непосредственную данность продуктов этих процессов. Значит, не надо опираться на эту данность (что делает традиционная психология), а следует выходить за ее пределы, искать опосредствованные данные для раскрытия содержания скрытого процесса. Об этих опосредствованных данных я и говорил. Это анизотропность, образование анизотропных отношений и т.д. Поэтому мы начинаем с представления психического в общей форме как процесса между глобальностью (аморфностью) и упорядоченностью. При этом полагаем их только вместе как единство противоположностей. Мы надеялись, что ты, как философ, примешь наш тезис о том, что эмпирическое человеческое мышление, оперируя с предметами, берет их раздельно. Такой способ мышления полностью удовлетворяет нуждам естествознания, но для понимания природных основ психического не пригоден, потому что используются продукты уже законченного процесса. Вот что я все время пытаюсь тебе объяснить. Теперь понятно?

Ф.М. - Да. Понятно, теперь все ясно.

А.М. - Сейчас давай проанализируем твои предыдущие

возражения. Когда мы говорили о движении, ты сказал, что это всеобщее основание движения, справедливое и для физики, и химии, и т.д. Да, это всеобщее основание движения, но оно понятийно оформлено, упорядочено естественнонаучным способом мышления естествознания через конечные результаты.

Ф.М. - Вот, это недостаток естествознания, это его ограниченность.

А.М. - А теперь давайте посмотрим, почему Михайлов использовал конечные отдельные понятия, когда я говорил об образовании отношений, об анизотропности, о фиксации, об особенностях отражательной структуры и т.д., хотя он нам заявил, что материю, форму, движение и цель, по Аристотелю, необходимо брать в единстве. Да, анизотропность, фиксация, образование отношений, система и т.д. как отдельные понятия присутствуют в естествознании. Но применительно к психическому только их единство имеет позитивное содержание. Вот чего ты не хочешь признать.

Ф.М. - Пока вы говорите о нашем способе отношения к миру, - я с вами согласен. Информация – тоже универсальная категория. Следовательно, бытие, взятое как предмет нашего рассмотрения, представляет из себя бытие движущееся, что с неизбежностью включает в себя характеристику его целостности, чего-то неопределенно-диффузного. Но как говорил Гегель, это ничто становится нечто, поскольку оно стало предметом нашего рассмотрения, и переход из ничто в нечто и есть становление. Вы тоже говорите это.

А.М. - Значит мы говорим только о полагании объекта, мы философы, а не психологи.

Ф.М. - Конечно. Ты грамотно воспроизвел гегелевское начало, почти дословно.

А.М. - А кроме этого я ничего другого не говорил?

Ф.М. - Да, пока нет. Я целый день жду.

А.М. - В гегелевском определении превращение ничто в нечто есть образование отношения как основной принцип?

Ф.М. - Конечно, именно становление.

А.М. - Да, становление есть, но через что? Гегель говорит через образование отношения?

Ф.М. - Да, именно через образование отношения. Нечто относится к ничто, именно их отношение есть становление или образование.

А.М. - Вот видишь, ты говоришь об образовании отношения между нечто и ничто, тогда как я говорю об образовании отношения, имея в виду принцип упорядочивания через образование отношения, а не образование отношения между нечто и ничто. Нас не интересует отношение между нечто и ничто, это философа интересует. А нас интересует образование отношения, упорядочивающего ничто в нечто при наличии упорядочивающей системы отражателя. Это уже психологическая проблема. Вот почему сказанное мною ты переводишь в общепhilософский контекст и поэтому не видишь специфику психического в описании общих форм движения материи. Сказанное мною ты берешь в форме логического способа полагания, не учитывая, что психическая реальность уже объект нашего исследования, т. к. мы не философы, а психологи. У нас есть реальная Земля, а на Земле – амеба, которая отличает холодную воду от теплой, т.е. по-своему упорядочивает воду, образуя отношение между холодным и теплым, совершая акт отражения. Вот о каком образовании отношения как основном принципе отражения мы говорили.

Ф.М. - Да, но это не имеет отношения к предыдущему разговору.

А.М. - Конечно, в твоём понимании это не имеет отношения к разговору. А я с утра только об этом и говорил.

Ф.М. - Вы же мне говорили, нельзя брать никакой реальности, а оказывается, надо брать реальность.

А.М. - Не об этом сейчас речь. Для того чтобы понять глобальность и упорядоченность как представление об отношении борьбы между ними, нельзя их брать отдельно от системы упорядочивания – отражения, порождения.

Ф.М. - Они друг друга определяют...

А.М. - Вот что значит определяют? Это гегелевская интерпретация. Разделить, а потом противопоставить понятия вне какой-нибудь реальности? А у нас в процессе глобальности и упорядочивания реально участвует система отражателя, через которую осуществляется упорядочивание. Мы не играем понятиями, что ты нам приписываешь, переводя сказанное в философский контекст. Если ты наш друг, то, будь добр, понять нас через нас же. Ведь у нас, как естествоиспытателей, задача – понять природные основы психического и поэтому мы влезаем в онтологию, в философию. А у тебя задача философская, и ты не хочешь понять специфику наших задач, из-за чего образуются эти споры.

Ф.М. - Мне понятно, что, когда ты берешь глобальность, аморфность, неопределенность, рассматривая их противоположно некоторой системе упорядочивания, ты находишь возможным ввести понятие отражения, фиксации, при которой эта аморфность приобретает характер предметности.

А.М. - Предметности? Ничего подобного!

В.П. - Что-то не то. Мы не вводим понятие...

А.М. - Это Гегель вводит понятия, чтобы играть с ними.

Ф.М. - Ну, хорошо. Тогда еще раз, но не думаю, что это изменит положение.

А.М. - Ради науки объясним еще раз, потому что, если ты нас не поймешь, то что же говорить о других.

В.П. - Имеется в виду, что, когда мы договорились об исходном основании, то вы все это рассмотрели, как процесс образования понятий, необходимых для описания реальности. И, что бы Аршак ни говорил или определял, вы брали как...

А.М. - ...отношение понятий...

В.П. - ...отношение между понятиями. А у нас получается по-другому. Поскольку мы приняли, что психическое отражение — одна из форм движущейся материи, мы исходно материалисты, то нам необходимо отказаться от естественнонаучного описания в привычных понятиях, потому что тогда реальность берется в продуктной форме. Поэтому мы,

исходя из философских понятий, сочли необходимым, что реальность психического отражения должна рассматриваться на других исходных основаниях, но не как философская система понятий, а как реальность, через содержание реальности.

Ф.М. - Понятно. Но поясните, ради Бога, что вы имеете в виду, когда говорите о глобальности и упорядочивании?

А.М. - Как раз это мы и хотим объяснить. Ты же учти, что для нас глобальность — это и то, о чем ты еще не имеешь знания. Глобальность – это то, что еще не упорядочено.

Ф.М. - Это чисто понятийное определение. Одно через другое.

А.М. - Нет. Вместо того чтобы понять, что речь идет об описании характеристик самого процесса отражения посредством описания этих понятий, ты берешь их отдельно как понятия и противопоставляешь друг другу. Ты не заметил, что я сказал: глобальность – это то, что еще не упорядочено. Ты игнорировал слово «еще», которое характеризует процессуальную сущность сказанного, а не противопоставляет заранее отдельно взятые два понятия. То есть логически, а не реально.

Ф.М. - Для меня логика и есть реальность, только взятая исторически, в становлении.

А.М. - Ты содержание процесса отражения переводишь в продуктную форму, в форму отдельных противопоставляемых понятий. Давай еще раз, ты только постарайся сказанное не переводить через себя.

Ф.М. - Давай, еще раз излагай.

А.М. - Наш объект исследования есть психическое отражение, которое в развитой форме есть сознание, рефлексия, познание. Мы решили найти такие способы, чтобы суметь раскрыть возможные начала и закономерности становления этого психического отражения как природой порожденного явления, которое для нас не понятие отражения в гельмгольцевском смысле и не понятие становления в гегелевском смысле. На Земле по внутренним законам природы образова-

лись вулканы, горы, растения и т.д., по тем же законам образовалось живое, а у живого те же законы природы привели к порождению психического отражения как явления, феномены которого мы обнаруживаем на разных уровнях развития живого и социально-исторического – у животных и у человека. В этом смысле элементарная форма отражения – это обнаружение объекта вне себя.

Ф.М. - Вот с этим я согласен.

А.М. - Отражение, как реальный процесс, происходило и происходит в мире. Это мы называем реальностью, которую устанавливаем через себя посредством рефлексии. Отражение имеет свои законы становления, продукты этого процесса и являются нам как проявления психического. Но одно дело понять явление во всеобщем, едином, философском смысле – это понимание психического в системе философских категорий. Другое дело – нахождение принципов, закономерностей становления этого явления в мире, содержания этого становления. Когда Гегель говорил о становлении нечего – это обобщенная характеристика любого явления бытия. Но мы исследуем конкретный процесс, закономерности реального акта отражения, посредством определенной системы превращающего ничто- глобальность в нечто-упорядоченность. Мы говорим: система должна иметь пространственно-временную дискретно-анизотропную структуру и возможность образования отношений между ее элементами или между отдельными моментами отношения – актами упорядочивания и, конечно, возможность памяти для фиксации. Теперь ясно различие философского и нашего понимания возможности психического отражения? При этом я утверждаю, что если традиционная психология использует уже отраженные продукты, берет готовые отдельные понятия, такие как объект-субъект, объект-образ и т.д., то мы ищем возможные закономерности порождения этих продуктов процессов психического отражения. В традиционной психологии считается, что понятие стакана дано Богом, поэтому я вижу стакан, или берется схема «стакан-

глаз-мозг», чем и определяется мое восприятие стакана, и т.д. Мы ищем иной путь объяснения восприятия. Анализируем не процесс восприятия стакана, который дан в нашем эмпирическом или религиозном опыте, а начинаем с анализа основания нашего способа мышления при понимании явления психического отражения и наших возможностей проникновения в его природные принципы, закономерности его становления и способы их научного описания. И мы обнаруживаем кардинальное несоответствие нашего образа мышления задачам понимания и конструктивного описания психического процесса отражения. Обрати внимание, я говорю процесса отражения, а не психического отражения. Анализ показывает, что существующие способы изучения основ явления психического отражения как явления в мире, закономерностей, обуславливающих его становление, имеют два основных содержания. Первое — анализ психического отражения в контексте философского содержания как явления, рассматриваемого внутри всеобщего. Второе — анализ психического отражения с продуктной точки зрения, т.е. с точки зрения уже законченных, ставших продуктами этого процесса. Сказанное понятно?

Ф.М. - Да, конечно.

А.М. - Далее, анализ показал, что и исследователи философского направления, и исследователи психологического направления в основание понимания явления психического отражения помещали данные продуктов уже отраженного процесса.

Ф.М. - Это мне не понятно.

А.М. - Я сейчас постараюсь объяснить, что я имею в виду, когда утверждаю, что философы психическое также берут как данность, свойственную субъекту, не учитывая при этом становления психического в самой природе. Они рассматривают психическое аналогично психологам.

Ф.М. - Спиноза тоже так поступал?

А.М. - Да. Потому что его способ изложения геометрической формы изначально содержит в себе возможность опе-

рирования понятиями как данностями. Сейчас мы не имеем возможности это детально анализировать.

Ф.М. - Мне достаточно твоего утверждения, что Спиноза также поступал.

А.М. - Естественно, после такого вывода мне необходимо было найти способ преодоления тех ограничений, которые свойственны философии и психологии; преодоления того глубоко эмпирического образа мышления, который образовался на основе данных процессов психического отражения, поэтому выражает результаты, а не содержание этого процесса. Значит, и философы, и психологи, и физиологи, и кибернетики, и т.д., не зная содержания принципов и закономерностей процесса психического отражения и имея дело только с его продуктами, не могут проникнуть в фундаментальные закономерности порождения психического процесса как природного явления. Этому мешает продуктный образ мышления, и поэтому для исследования процессуальных закономерностей необходимо выйти за пределы тех оснований, которые образуют продуктный образ мышления. Чтобы понять принципы образования, становления процесса необходимо отказаться от использования собственных продуктов этого процесса, полученных при его завершении.

Ф.М. - Я согласен с логикой, которую ты сейчас воспроизвел, характеризуя философские концепции как законченные системы. Но, в отличие от естествознания, философия представляет из себя всегда рефлекссию на самое себя, на саморазрушение и поэтому, к ее чести надо сказать, что ее развитие, ее становление заключалось не в создании готовой системы, а в обнаружении противоречий и разрушении этих систем. Отличие философии от других как раз в этом.

А.М. - Да, я тебя хорошо понимаю. Но и в философии как при создании систем, так и при их разрушении отсутствие знаний о психических процессах становления, порождения отражения неизбежно приводит к использованию уже ставших продуктов этого процесса. Поэтому закономерности,

приводящие к этим продуктам, оставались скрытыми в любой философской системе.

Ф.М. - Я бы подтвердил, что Аристотель, Гегель и все остальные философы создали системы и сами претендовали на их некоторую незаконченность. Но раз никто из них не сделал объектом понимания процессуальный характер психики, сознания, то отдадим философии должное и оставим философов в покое.

А.М. - Ну что ты говоришь, разве это мы не принимаем? Но речь идет не о том, о чем ты сказал сейчас. Речь о том, что в ходе многовекового и многостороннего обсуждения проблем психического в философии всегда за исходное брались продукты отражательного процесса также, как и в естествознании, но в нем это делается в открытой форме. В этом смысле философия и естествознание сходны. Например, скептик Секст Эмпирик, отрицая системы Платона, Аристотеля, исходит из тех же оснований, как и те, кого он критикует; берет те же данности, что и они: такие уже разделенные понятия как душа и тело, ощущение и ощущаемый объект и т.д.

Ф.М. - Неоплатоники так же поступают?

А.М. - Да. От античности до наших дней о психическом отражении мыслят через уже отраженные, уже разделенные продукты этого процесса. Отличие друг от друга разных школ только в том, что берутся разные продукты и производятся с ними различные операции для создания различных отношений между ними. Для наглядности можно провести аналогию с работой гончара. Увидев различные уже готовые изделия гончара, мы можем их описать, сравнить друг с другом, оценить и т.д. Однако по результатам описания мы не сможем понять содержание технологических процессов создания этих изделий. Главное в том, что из-за незнания содержания этих процессов, таких как степень влажности и текучести глины, время обжига и т.д., наши сравнения и оценки готовых изделий будут носить лишь поверхностный характер, будут внешним описанием без учета закономерностей и принципов технологического процесса изготовления.

Ф.М. - Понятно, пошли дальше.

А.М. - Теперь встает главный вопрос. Если поставили цель понять все это, то вопрос о всеобщности конкретного предмета и его особенностях нас не занимает. Нас интересует, какие возможные закономерности процесса изготовления привели к созданию, например, этой чашки как данности? То есть содержание технологии гончарного дела, в результате которого я получаю готовую чашку. При постановке проблемы мы неизбежно сталкиваемся с коварным вопросом: а как мы можем выйти за рамки нашего способа мышления, освободиться от привычки мыслить о возможных принципах и закономерностях психического отражения, опираясь на непосредственные данные этого процесса, данные нам в форме продуктов уже свершившегося процесса психического отражения? Как в философии, так и в естествознании не только нет ответа на этот вопрос, но он никогда и не ставился в такой формулировке, потому что, как я уже говорил, всегда вопрос о закономерностях процесса психического отражения решался на уровне продуктов уже законченного процесса. Вот почему задачей нашего исследования является поиск этой скрытой от нас «технологии» процесса отражения. Читая рассуждения Гегеля о процессе становления ничто в нечто, я признаю, что это действительно глубокое понимание сути дела, но сразу же задаю вопрос: а как эти общие соображения можно применить для понимания конкретной технологии процесса психического отражения? Ведь тот же Гегель говорит, что абсолютная идея в своем становлении приводит к тем понятиям, с которыми оперирует человек. Тогда я спрашиваю: а что из себя реально представляет процесс образования самих понятий? Как возможен процесс осуществления порождения понятия? Кстати, при встрече с Василием Васильевичем, я начал разговор именно с этого вопроса. Я говорил, что, если Вы хотите доказать, что процесс обучения должен развиваться от абстрактного понятия к конкретному, то Вам необходимо понять сам процесс образования понятия как психический процесс и учесть это понимание в ходе

обучения ребенка через переход от общего к частным понятиям. Вам трудно будет понять процесс образования понятия у ребенка, если не известны закономерности психического отражения. Но также невозможно понять процесс образования понятия у ребенка, оперируя уже готовыми понятиями, являющимися продуктами отражательного процесса. Значит, необходимо преодолеть ограниченность нашего мышления, отказавшись от использования при изучении содержания психического процесса продуктов и непосредственных данных этого процесса; выйти за рамки этой ограниченности посредством разработки новых оснований для понимания содержания тех природных принципов, которые реализуют возможность осуществления процессов психического отражения.

Ф.М. - Понятно. Это законченная часть твоих рассуждений, поэтому я с удовольствием слушал. Но я очень жду другого...

А.М. - ...содержания технологии самого процесса отражения? Но ты как философ должен учесть, что сначала нам необходимо разработать основания выхода за рамки глубоко эмпирического продуктного способа мышления, чтобы появилась возможность понять принципы и закономерности становления психического процесса отражения. Не спеши, еще очень далеко до понимания технологии реальных процессов психического отражения как природно-исторического явления в мире. Надеюсь, что постепенно мы придем к такому пониманию. Время покажет.

**Обсуждение сообщения А.И. Миракяна
«Об онтологическом основании изучения
психического отражения»
с А.С. Арсеньевым, В.В. Давыдовым,
Ф.Т. Михайловым³**

УД 144-146
01.03.79

В беседе приняли участие: А.И. Миракян (А.М.), А.С. Арсеньев (А.А.), В.В. Давыдов (В.Д.), Ф.Т. Михайлов (Ф.М.), В.И. Козлов (В.К.), В.И. Панов (В.П.), Н.Л. Морина (Н.М.), Э.И. Кочурова (Э.К.), О.А. Адамян (О.А.), В.Л. Леонов (В.Л.)

А.М. - Василий Васильевич, сегодня я решил сделать всем вам сюрприз. Я решил первый раз в моей жизни отметить день моего рождения. В марте мне исполняется 50 лет. Однако прошу учесть, что это празднование задумано лишь с одной целью. А именно, чтобы сегодня, мне как юбиляру, дали возможность полнее (подробнее) изложить те мысли о психическом отражении, которые накопились у меня за последние два десятилетия.

А.А. - Тогда, начинай!

В.Д. - Нет, сначала закусим, а потом поговорим. Ведь армянский коньяк на столе. Твое благополучие, Аршак, успехов и долгих лет.

А.М. - Спасибо! Вы знаете, ведь мы участвуем во всех ваших семинарах, но несмотря на это, вы ни разу нас так и не выслушали: чем мы дышим. Так, давайте начнем...

В.Д. - Докладывать будешь?

А.М. - Нет, беседовать с вами. Как это было в прошлом году с Феликсом. Пробовали много раз понять друг друга. Разговоры получаются трудные, потому что у меня пока нет отработанной адекватной терминологии. Иногда я вынужден

³ Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 2). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 13-41.

использовать такие понятия философии и других наук, которые для вас имеют совершенно иное, чем для меня содержание. Поэтому я прошу вас не обращать внимания на слова, а постараться понять общий замысел, интенции излагаемого.

Вот с чего я хочу начать. Мы как бы независимо от нас имплицитно принимаем, что есть «нечто», трактуемое по-разному в зависимости от исходного философского основания. Есть «нечто», чем занята человеческая мысль. Сам факт того, что мы собираемся говорить о чем-то, предполагает, что есть «нечто», о чем говорится. И хотя в истории философии по-разному определялось это «нечто», всегда констатировалось, что есть что-то, о чем мы мыслим. Значит, первое, что мы констатируем - это то, что есть «нечто». Второе, - что мы находимся внутри этого «нечто», и у нас есть движение мысли, которое фиксируется нашим сознанием, и считается, что это является фактом развития. Не будем его конкретно определять, а будем понимать, как движение или изменение во времени. Тогда, если есть «нечто» и есть это движение, то что же мы ищем относительно начал психического? Получается, что спонтанная человеческая мысль ищет связь между «нечто» и возможностью мысли - психическим отражением. Вместе с тем есть и движение - изменение этого «нечто». Я заметил, что философы, полагающие началом понятие, и определяют «нечто» через понятие, а не через самое себя как сущее, фиксируемое собственной сущностью или существованием, а не посредством понятий. Посредством понятий мы лишь обозначаем существование «нечто». Почему-то философы в основном игнорируют второе, и тем самым центром анализа становится понятие, а не «нечто». Понятно?

В.Д. - Пока, да. Мне во всяком случае. Все логически проработано.

А.М. - Я специально начал издавека, но главное - речь идет о явлении психического отражения.

А.А. - Мне кажется, что это самое «нечто» и есть психическое, неосознанно фиксируемое нами с самого начала.

В.Д. - Это декартовское понимание.

А.М. - Да, это декартовское основание, но я прошу вас не сводить к первичности психического, иначе разговор у нас не получится. Я отлично осознаю, что это одно из возможных представлений о психическом. Сегодня я постараюсь дать вам другое представление.

Итак, внутри большого движения «нечто» есть частичное движение психического. Здесь не столь важно, что первично, а важно принять, что это «нечто» и психическое есть реальности, как объекты вне нас, которые мы и исследуем. Значит, первое, - есть психическое независимо от того, как мы его принимаем: как первичное или нет. Второе, необходимо принимать психическое, как реальность и посмотреть, как становится возможным его образование, становление в мире. Третье, кроме реальности самого психического следует признать, что есть реальность и допсихическая, - т.е. природа - материальность. Здесь я время и материю рассматриваю в единстве, как сержант, который дал задание роте копать «от забора до обеда». Четвертое, принимается, что в самодвижении сущего психическое является завершенной формой этого движения. И самое главное – пятое, в отличие от выше сказанного, так или иначе известного из истории философии - осознание того факта, что в любой схеме осмысления психического обязательно подразумеваются человек или животное как обладатели, носители психики и, следовательно, как объекты ее изучения. То есть человеческий образ мышления отождествляет психическое с его носителями, делая их объектами изучения психического, отправной точкой его изучения.

Известно, что человек является мерой вещей. По аналогии с этим и при изучении психического он так же выступает как его мера и изучение психического начинается с человека. Но правомерно ли изучать психическое, основываясь на данных, которыми владеет человек в форме продуктов этого же - изучаемого - психического процесса?

Ф.М. - Я понял, что до тех пор, пока хотим мы или не хотим, мерой психического мы делаем человека, его способ

мышления, чувствований и желаний, т.е. его собственную душу, мы не имеем права говорить о психическом постольку, поскольку уже эта особенная форма исключает всеобщее.

В.Д. - Это известный парадокс: где в содержании особенного критерий характеристик всеобщности?

А.М. - Вот почему, не имея характеристик всеобщего в содержании особенного, мы при изучении психического всегда будем иметь дело только с феноменами. По этой причине психология и остается феноменологической наукой.

В.Д. - Правильно! Это давно известно, и в философии обсуждался этот тезис.

А.М. - Да, но где выход из этого порочного круга, из этой парадоксальной ситуации? Сейчас я попытаюсь указать выход, отличный от существующих. Предлагаю его на ваш суд.

В.Д. - Это частный случай, и так ясно изложено, что даже нам понятно.

А.М. - Я стараюсь... Ведь мне теперь уже пятьдесят лет... Я знаю, Василий Васильевич считает, что теория деятельности указывает путь выхода из этого тупика, так как психика в этой теории рассматривается как развитие предметной деятельности, как историческое деятельностное образование. А Толя Арсеньев скажет о человеке как универсуме и т.д. Но и в том, и в другом случае человек по-прежнему является точкой отсчета, исходным началом, владельцем психики.

Ф.М. - Конечно, так и должно быть.

А.М. - Но я постараюсь показать, что для понимания возможности становления психического в природе и обществе необходимо начать исследование без включения в него человека, так как человек выражает не процесс становления психического, а является носителем продукта этого процесса. В любых существующих учениях о психическом, обязательно объектом исследования имплицитно являются человек или животное, они - в основе любого теоретического анализа психики. Отсюда вытекает необходимость выхода за рамки таких представлений о психическом и поиска новых оснований понимания психических явлений и, особенно, понима-

ния становления природных оснований психического отражения.

В.Д. - Может быть, это обусловлено тем, что мерой всего является сам человек?

А.М. - Да. Но человек является мерой относительно всего, кроме процесса становления психического, потому что психическое человеку дано в форме продукта этого процесса или в форме психических феноменов. Сейчас речь идет о том, возможно ли исследовать становление психического как явления, не прибегая к уже готовым данным человеческой психики. Кстати, и все генетические исследования также основываются на данных человеческой психики.

В.Д. - Разве это не открывает большие возможности изучения психических феноменов?

А.М. - Да. Открывает возможности изучения феноменов, но закрывает возможности изучения генезиса самого психического как возможности порождения психического отражения и особенно закономерностей процессов этого отражения, с продуктами которого имеет дело человек-исследователь.

Ф.М. - Человек - это такая забавная штука, которая осуществляет себя через бесконечность, через всеобщее, вечное, неприходящее. Человек - это форма осуществления бесконечности.

А.М. - Феликс, это ты дал характеристику сущности человека, универсальности его сущности. Все это правильно. Но сейчас я говорю не о сущности человека внутри всеобщего, а о сущности способов его мышления, его исходных возможностях.

Ф.М. - Разве это две разные сущности?

А.М. - Да. Первая - сущность человека внутри всеобщего, а вторая - сущность способа мышления как возможности реализации этого способа мышления. Я уже говорил о втором - о способе мышления, о его ограничениях при познании собственных законов процесса в начале его становления. Сущность мышления в том, что оно ограничено. Иначе мышление сливалось бы с бесконечностью всеобщего.

В.Д. - Скажи, Аршак, какую проблему ты перед нами ставишь?

А.М. - Известно, что формальная логика имеет дело с уже готовыми логическими конструктами и совершенно не касается онтологических проблем логики, которыми занимается, по Гегелю, «наука логики». Аналогична формальной логике и психология, которая берет феномены и изучает их. Значит должна быть «наука психики», которая в отличие от психологии изучает онтологические вопросы образования психики как возможности, а не как уже ставшего явления. Мне кажется, что я и пытаюсь сформулировать онтологические основания «науки психики». Именно поэтому становится необходимым отказаться от исходных глубоко эмпирических оснований человеческого образа мышления о процессе психического отражения посредством данных уже законченного процесса.

В.Д. - Мне кажется, я уловил смысл того, что ты сказал. Ты не мог бы другими словами описать различие психологии и «науки психики»?

А.М. - Так как мне не удалось освободить вас от общепринятой схемы связи психики и человека и их обязательного совместного анализа при изучении психического, я вынужден был приводить вам хорошо знакомое различие формальной логики и «науки логики», чтобы подчеркнуть, что первая имеет дело с данными - феноменами логики, а вторая имеет дело с онтологическими основаниями логики как явления в мире и возможными основаниями его становления. Я старюсь показать возможность изучения становления психики на ее природных основаниях, а не на основе данных носителя психики - человека. Если сказанное стало понятным, то естественно возникает вопрос: а что из себя представляет вот эта так называемая «наука психики».

А.А. - Аршак, ведь вне человека психологии нет.

А.М. - Значит, мы не понимаем друг друга. Василий Васильевич берет деятельностьную основу психики, Михайлов - культурно-историческую сущность психики, а ты, Толя, бе-

решь, кратко говоря, религиозно-мистическую особенность психики. Во всех этих случаях человек как носитель психики везде присутствует, т.е. в этих, да и в других случаях нет онтологического основания возможности порождения психического в мире. Самой возможности его порождения. Значит, «наука психики» выражает не разные степени освобождения человека и образования его психики, а полагание психики или психического отражения как явления природы независимо от того, в каком субъекте и каких исторических условиях в субъекте оно формируется. Поэтому я и говорил, что человек эмпирически ограничен в понимании основ порождения психического, поскольку он имеет дело с уже готовыми данными происходивших психических процессов и оперирует их результатами.

Ф.М. - Я очень жду, когда ты раскроешь сущность онтологичности. Историчность философски не излагается как смена различных культур - это не историчность.

А.М. - Да. Ты просто сейчас даешь более богатое содержание историзма, но все равно при этом человек остается носителем психического, а вот это для меня неприемлемо.

Ф.М. - Если мы отбросим историчность и предметность, тогда у нас останется возможность рассмотрения становления самого человека действительно онтологично, т.е. в том смысле онтологично, что формирование того, что мы называем развитый, неразвитый, восточный и т.п., оказывается только одной из форм бесконечного бытия самой природы. Вот такую онтологичность я понимаю. Но я хотел бы услышать от тебя не о становлении нашего способа мышления о сущем, а рассуждение о сущем.

А.М. - Мы должны договориться, что речь идет об основаниях психики, а не о ее проявлениях. Я говорю о возможности человеческого способа мышления о процессах психического отражения.

А.А. - У меня вот такой вопрос. Я не совсем понимаю задачу, цель такого подхода. Зачем это нужно?

В.Д. - Зачем мир без человека, ты хочешь спросить? Мне

кажется, Аршак исходит из того, что всякому началу есть конец. Он хочет преодолеть рассмотрение начала с конца. Найти такие основания человека, в которых человека еще нет. Это опять Декарт, если мы говорим о мышлении, то, следовательно, то, что вне мышления, должно быть по природе тем же самым.

Ф.М. - Я бы все это представил себе следующим образом. Во всех случаях, когда речь идет о психике или о сущем, заходит речь о той или иной особенной форме. Сама основа этой особенной формы заложена в способе человеческого мышления, и для того, чтобы понять сам способ этого мышления, нужно выйти за рамки этого особенного. В данном случае таким гарантом становится вся человеческая история. Следовательно, для того, чтобы иметь возможность взглянуть на действительно человеческое бытие в культурно-исторической форме, мы должны найти некие основания, предпосылки, которые в себя уже не включают не только отдельные исторические формы человеческого бытия, а именно самого человека как нечто, т.е. надо тыкнуть пальцем в такое, что было бы обезчеловеченным.

А.М. - Это невозможно.

Ф.М. - Да, оказывается, тыкать-то не во что. Все равно все будет через меня. В этой невозможности у меня есть выход. Я его знаю. Я могу его предложить.

А.М. - Через изучение истории?

Ф.М. - Не просто истории. Я могу предложить особый способ тыканья.

А.М. - А Арсеньев предлагает другой способ тыканья. Ты даешь мне право предложить своей способ тыканья? Это и есть то, чем я занимаюсь сейчас, излагая свои мысли об изучении психического отражения. Для этого мы сегодня и собрались.

Ф.М. - Правильно. Значит, то, что ты собираешься нам рассказать, есть другой способ тыканья.

А.М. - Да. Именно это я собираюсь рассказать. Что касается вопроса Толи, зачем рассматривать психическое без че-

ловека, я отвечаю: для того, чтобы глубже понять природные основания психики, а затем опять вернуться к человеку.

Ф.М. - Значит, мы договорились до того, что мы осознаем тот факт, что любой предложенный способ рассмотрения оснований теоретизирования по поводу сущего всегда будет способом человеческим. Это первое. Второе, мы договорились, что Аршак не претендует на исключительность в этом вопросе. Он только предлагает другой способ тыканья.

А.М. - Нет, речь идет не о том, что без человеческой формы мышления можно понять что-то, а о том, что для понимания психического надо найти такой способ теоретизирования, который не основывался бы непосредственно на данных психического отражения. Чтобы понять психическое как природно обусловленное явление; чтобы понять, как возможно порождение психического способа отражения в качестве природного явления наряду с другими природными явлениями, необходимо освободиться от такого исходного основания.

В.Д. - Можно мне сказать? Я никогда не понимал термин «объективное знание». Сейчас на марксистском семинаре об этом можно говорить. Да, есть «объективная действительность», но для меня всегда было nonsensom «объективное знание». Причем часто цитируют Ленина и доходят до такого абсурда, что спрашивают: до человека земля была или нет. Нельзя сводить проблему объективности к существованию «нечто» независимо от человека тогда, когда объективность - это особый способ фиксации человеческого содержания человеком.

А.М. - Да. Это все верно, но способы фиксации человеком могут быть различными. Сейчас речь идет именно об этих разных способах применительно к различным подходам в понимании психического, а не о мышлении вообще.

В.Д. - Давайте еще раз акцентируем этот момент.

А.М. - Если бы мы согласились с тем, что можно искать способ исследования вне человеческого, то это был бы абсурд. Речь идет о другом начале.

Ф.М. - Философы в большинстве своем с человека не начинают. Вся философия начиналась с вопроса о сущности, о сущем, но не о человеке.

А.М. - Феликс, я имею в виду не философию как учение, а учения философов о психическом отражении, где они исходили из данных готовой психики человека. Об этом идет речь, а не о том, что брали в основание философии сами философы.

Ф.М. - Вы хотите говорить о бесчеловечном мире? Простите меня, но это ерунда! Вы хотите говорить о человеческом восприятии? Вы все равно будете говорить о тех же самых исторически предметных формах становления человека.

А.М. - Ты хорошо сформулировал понятие становления человека.

В.Д. - И через становление человека в его всеобщности вы раскрываете подлинную всеобщность сущего. С этой точки зрения, нужно начинать не с позитивистско-натурального мира, а с категории мышления, в которой фиксируется всеобщность бытия. У вас нет критерия всеобщности сущего, если вы мне доказали, что нечто сущее стало категорией мышления. Наличие некоей категории мышления есть указание для философа на то, что это момент самого бытия.

Ф.М. - Правильно! Вот это я и сказал Аршаку.

В.Д. - Так называемые материалисты и являются натуралистами и натурфилософами.

А.М. - Я это отлично понимаю.

Ф.М. - Любая попытка иного истолкования оборачивается натурфилософией.

В.Д. - Кстати, естествоиспытатели пытаются найти всеобщность, нечто сходное происходило в химии, физике, физиологии и психологии.

А.А. - А почему натуралистическая позиция - плохо?

Ф.М. - Кто сказал: плохо? Мы говорим: не плохо, а невозможно.

А.М. - А почему? Василий Васильевич мышление поставил в центр, который и определяет сущее. Когда я говорю,

что человек всегда берется изначально, я имею в виду не то, что человек в центре, мышление его в центре.

Ф.М. - Мы уже договорились, что есть банальность, что нельзя выскочить за пределы человека, о чем бы мы ни говорили. И Аршак сказал правильно, я с этим согласен. Я хочу предложить вам человеческий способ полагания сущего, отличающийся от тех, в которых за основание берется человек. Понятно, что Аршак снова будет говорить, что и здесь есть человек, не об этом сейчас идет речь. Аршак не хочет в качестве основания дальнейших рассуждений брать человека, его мышление, его деятельность и т.д. Василий Васильевич сказал, что, когда берется материя, т.е. до понятия, - это уже особенная форма рефлексии на частный случай. Вот и все, больше ничего.

В.Д. - Это кардинальнейшая проблема всего естествознания, а также психологии.

Ф.М. - Аршак обещал довести понятие мышления не до частного случая, когда мы говорим о материи, деятельности и т.д. Аршак берется довести до понятия мышления другой частный случай. Не тот, о котором говорил Василий Васильевич, говорили Маркс, Гегель и другие корифеи, а некоторый другой случай. Вот об этом другом мы и хотим послушать.

А.М. - Правильно. Именно о таком другом случае и идет речь. Однако прошу вас не думать, что это другое относится к «полаганию сущего», как только что приписал мне Феликс. Ничего подобного. «Способ полагания сущего» - это предмет философии, а моя область - психическое. Поэтому и только поэтому, когда я говорю о способе полагания, то я имею в виду способ полагания явления психического отражения в природе, где сущее берется как данность в его особенной форме. Следовательно, в данном случае не может быть и речи о философском содержании полагания сущего.

Я принимаю ваше исходное основание о том, что психика человека, анализом которой мы сейчас занимаемся, есть результат деятельности человека в самом широком смысле. Давайте не будем говорить об этом, нам всем это хорошо

известно. Но это не есть объяснение явления психического отражения, его становления в природе, т.е. онтологической сущности порождения психического отражения. Поэтому объект моего рассуждения – природные основания возможности порождения, образования явления психического отражения.

Ф.М. - А это истинный марксистский подход, исторический подход марксизма.

А.М. - Но это не важно.

А.А. - Правильно, это не марксизм, потому что Аршак предлагает особый способ формирования психики, где человеческая история выступает потом, после того, как уже сформировалось явление психического отражения в мире.

А.М. - Марксизм предлагает детерминизм через причинно-следственную связь явлений.

В.Д. - Я считаю, что Маркс как раз и переходит на совершенно новый тип детерминации - детерминации целевой. Если целевая детерминация в формировавшейся конкретной психике человека есть, то что послужило основанием для возникновения самой целевой детерминации?

А.М. - Да, то есть где начало самой цели...

В.Д. – Но тогда это утверждение опасно - оно приводит к мистической казуальности. Если природа - проматерия, то дух - целеполагание. И с этим неизвестно что делать. Хотите вы этого или не хотите, но психология попала в этот капкан.

А.М. - В понятии цели выражена характерная особенность человеческого способа мышления. Когда я пытался объяснить, что, говоря о психике, всегда присутствует человеческий фактор, я имел в виду пример целевой детерминации человека, имеющего целевое начало – направленность, особенность его собственного движения. Поэтому всему приписывают целевую направленность.

В.Д. - А, может быть, так и надо?

А.М. - Но не для понимания основ психического отражения. Вот это очеловечивание, я считаю, является выражением глубокого эмпиризма, человеческой сущности мышления.

В.Д. - Правильно! Я согласен. Это легко можно обнаружить, например, у аборигенов.

А.М. - Поэтому я и начал с того, что нам необходимо освободиться от этого глубокого эмпиризма, чтобы возможно было понять спонтанное образование в природе отражательных систем и явления отражения. Это и будет другим онтологическим основанием психического.

В.Д. - Согласен, правильно!

А.М. - Прошу учесть, именно в этом смысле я и говорил, что все рассуждения человека о психике всегда имеют в виду человеческую психику или психику животных, а не те основания, принципы, закономерности природы, благодаря которым стало возможным возникновение самого явления психического отражения. В этом случае глубокий эмпиризм, как я понимаю, есть основа для образования представления о психическом как явлении, имеющем действенно-историческое развитие, потому что сущность человека в мире в его действенности и цели.

В.Д. - Обычно забывают, что для Гегеля само полагание цели возможно лишь в действии. Не при помощи действия, а сама цель находится в реальном преобразовании. Тогда и возникает вопрос, о котором постоянно спорит Брушлинский с Ильенковым. Что вперед? Цель для действия или действие для достижения цели?

А.М. - Мне кажется, они оба спорят, исходя из человеческой точки зрения, сравнивая понятия. Помните, Василий Васильевич, я давал вам мою статью о теории деятельности, где показывается, что истинную деятельность понимали Аристотель и Гегель, выдвигая понятие действенности - деятельности - энтелехии. Теперь я ставлю вопрос так: почему человек-ученый должен думать о психике, исходя из непосредственных данных, которые образовались у него благодаря собственной психике, или из его понятия о психике. Мне кажется, что такой подход, такая позиция и дает возможность другого способа «тыкания», о котором мы говорили выше.

Использование понятий цели, ориентации, деятельности есть следствие того, что человек в собственной психике обнаруживает целевую направленность, определенную ориентацию, действие и деятельность. Да, должна быть психология, изучающая эти и множество других феноменов, а как иначе, любое явление достойно изучения. Но это и будет психология - логос о психике. Это наука о ставшем, об уже законченных процессах психического отражения, об уже отраженных данных. А вот «наука психики» как раз изучает возможность порождения этих данностей психики, процесс становления, порождения этих данных, а не сами данности.

В.Д. - Аршак, у меня к этому есть существенное, но неожиданное добавление. Знаете, когда мне скучно, я читаю самые разные работы по биологии, по физике. Вот недавно я читал книгу «Эволюция – эволюции» и мне стало безумно скучно. Слово «наука» прикрывает описание того, что есть у человека, все систематизировано. Затем я нашел системно-структурную методологию, которая сейчас считается сверхсовременной, но и это - способ достижения уже ставшего. И я увидел, что способ описания, объяснения ставшего есть наука, в которой потеряна категория - времени. Помнишь, мы об этом с тобой говорили?

А.М. - Да, помню.

В.Д. - Именно эту идею выразил Уэртроу, когда писал, что проникновение материализма во все науки есть превращение времени в пространство, превращение процесса в структуру. И после этого стало безумно скучно. Недавно я вынужден был заниматься некоторыми проблемами теории эволюции. И обнаружил, что все изложенное - предельно скучно, потому что это изложение того, что уже есть. Это - иерархизация ставшего. Эволюционная теория Пиаже выстраивает процесс из тонких срезов, когда время не средство, а только формальный процесс, существующий для связки пространственного взаимодействия. Время не как орудие бытия, а как последовательность. И я думаю, что и психология так же обращается со временем.

Меня заинтересовала позиция Курта Левина и я удивился. Ведь по Аристотелю, была идея цели и времени, как стихия, действующая стихия - энтелехия. Галилей на этом основывал современное естествознание. А Курт Левин показал, что нужно перейти в галилеевскую науку о духе, так как психология основывается на донаучных аристотелевских принципах. Позвольте, что же получается? Критерием научности в анализе духовно-психических явлений стал принцип антиаристотелевский, галилеевский - математический, физиологический, естественнонаучный. А в результате - казуально-детерминистическая наука. Мне не нужна такая наука о духе, где нет цели, действия и времени. При такой науке нельзя раскопать даже продуктивный процесс. Время уже изъято из процесса.

Отсюда психология как описательная наука, описывающая результаты, готовые функции, наука о феноменах. Поэтому мне предельно скучно в такой науке. Значит, всегда необходимо искать действенность времени перехода, и, следовательно, вы не можете найти основания в результате. Вместе с этим вы не можете на основании перенести момент результата. Я утверждаю, что есть область событий в мире, когда в основании не просвечивается результат, а в результате снимается до непохожести основание. Поэтому все науки действуют реформистским методом. Всегда в следствии отражается какая-то причина и тем самым структура невозможности, правда? Лингвисты обнаружили, что в идее духа нет никакой похожести, если это структурное единообразие результата и основания. Они показали, что любое высказывание не совпадает с основаниями как источником процесса высказывания.

А.М. - Мне кажется, мы отошли от обсуждаемых вопросов.

В.Д. - А я тебе скажу так. Это тот же логический ход, который ты развил, указывая на трудности теоретизирования, т.е. поиск предпосылок человека, которые человеческими не являются.

А.А. - У меня есть предложение дать Аршаку закончить.

В.Д. - Я кончил и теперь буду сидеть тихо.

А.М. - Действительно, в современной науке время не рассматривается, берутся разные временные срезы пространственных структур. То, что говорил Василий Васильевич, это все я чувствую, понимаю. Дело все в том, что как раз и необходимо преодолеть ограниченность традиционного рассмотрения содержания процессов без участия времени. Применительно к психике такое решение я вижу в анализе тех оснований, которые определяют содержание самого психического процесса. Одним из таких оснований является представление о целевом содержании психических процессов, когда цель выступает в ее осознанной форме как уже отраженная данность, и тогда онтологические (природные) закономерности, приведшие к формированию этой цели, в анализе не участвуют. Поэтому необходимо выйти за пределы этих данностей и выработать другие понятия, которые не содержали бы этих данностей. Следует искать онтологические основания цели, а не использовать в уже отраженной готовой форме данность цели человеку вне процессов, приводящих к этой данности.

В.Д. - Можно так сказать? Нужно найти какие-то основания какой-то сферы, которые лежат вне непосредственных характеристик самой цели или целеполагания.

А.М. - Да, именно так.

В.Д. - Теперь скажите: а цель как внешнее явление, как средство человеческой деятельности, она остается? Ты это целеполагание признаешь как следствие?

А.М. - Как следствие, конечно, как следствие чего-то. Мне очень импонирует, что Вы говорите о психике как о возможности и осуществимости. Когда я говорю «возможность», я очень четко осознаю, что эту возможность нельзя искать в тех формах данности, которые являются продуктами искомого процесса. Психику я представляю как возможность и как процесс, считая необходимым брать содержание этого процесса в форме соотношения между глобальностью

и упорядочиванием. Важно, что берется содержание процесса психического отражения, которое является характеристикой самого процесса, и оно индифферентно к продукту этого процесса. Такое понимание психического процесса является общим и для конкретного акта восприятия, и для мышления, и для процесса познания, когда аморфное, глобальное, общее, единое, благодаря внутренним законам процесса, приобретает очертания, упорядочивается, становится единичным. При этом важно, что здесь мы уже не спрашиваем, что упорядочивается, правильно или неправильно, адекватно или нет, соответствует или не соответствует упорядоченное оригиналу, глобальности. Если вы заметили, все эти вопросы касались соотношения между продуктами процессов, а не содержания или характера самого процесса психического отражения. Понятно также, что выше перечисленными вопросами интересуются философия и психология, а содержание самого процесса - это область «науки психики», для которой важно раскрытие природных закономерностей психического отражения как возможности самоотражения самой природы. При таком понимании психического отражения в качестве исходного понятия берется не человек, а природные закономерности в мире, благодаря которым и осуществляется психический процесс отражения. При таком понимании человек не является исходным, определяющим моментом, он пока не участвует.

А.А. - Но в таком определении еще нет и психики.

А.М. - Правильно, психики пока нет, потому что речь идет о возможностях, исходных основаниях порождения психического отражения.

А.А. - Но ведь аморфность и упорядочивание - это процессы, характерные физическим, химическим и другим явлениям, это еще не характеристика психического.

А.М. - Вот это и хорошо! Ведь исходные основания психического процесса являются теми же что и для других всех природных процессов. Значит, психическое отражение также является следствием природного процесса.

В.Д. - Это другое дело - определение исходных начал психического отражения.

А.А. - Значит, есть некий процесс, приводящий целостность к упорядочиванию, к структурированию. Возникает вопрос: как можно с помощью этого общего исходного представления построить психическое?

А.М. - Это и является основным вопросом нашего разговора. В этом и заключается моя задача. Прежде чем говорить о процессе перехода от глобальности к упорядочиванию, я специально подробно остановился на необходимости освобождения от глубоко эмпирического представления о психическом через человека. Необходимо понять главное: мы сейчас пытаемся не только понять психическое, но и стараемся преодолеть ограниченность такого представления о психическом как о качестве, связанном с человеком, поскольку такое понимание держит нас в рамках традиционного рассмотрения психики и не позволяет понять ее как природное явление. В вашем вопросе, Толя, заложено традиционное понимание. Ты требуешь, чтобы я дал характеристику психики как данности, о которой мы с вами знаем. А моя задача другая - исследовать возможности осуществления того, что мы имеем как явление, как данность. Я еще не могу удовлетворить ваше требование описания психического, потому что нахожусь сейчас только на этапе изучения возможностей порождения психического отражения. Феликс как-то точно также выдвинул требование определения психического. Пока для вас психическое будет связано с человеком вы не поймете психическое как явление, имеющее для возникновения природное основание и принципы его реализации, мы не будем понимать друг друга. Ведь сказанное мною вы переводите на свой язык понимания психического. Конечно, я могу просто сформулировать общую характеристику психического процесса отражения, но это мало что даст вам для понимания. Вот, например. Психическое отражение есть процесс, происходящий между глобальностью и упорядоченностью по принципам природной структурно-образованной отражательной системы.

А.А. - Все, я понял! У меня вопросов нет. Я ждал, что ты это скажешь, и я согласен с тобой.

Ф.М. - Я знал, что вы найдете общий язык и быстро договоритесь. Но дело в том, что тогда мы сразу противопоставляем два начала, начало дискретного и непрерывного...

А.М. - Понятно, в нашем случае нужно сказать «непрерывного и дискретного».

Ф.М. - Мне все равно. Я просто вспоминаю азы исторической логики, которая существует уже две тысячи лет и в которой эта проблема сформулирована так: либо мы строим свою концепцию на принципах дискретно-упорядоченного, либо мы строим на принципах непрерывного глобального сущего, в своем определении не содержащего никакой определенности. Так строились все науки: физика, химия, социальные, философские концепции и т.д. Мне тогда понятно, что эти два противопоставления представляют из себя результат исторической культуры, что эти оба направления разрабатывались и резервировались в различных философских концепциях. И, наконец, вдруг пришли к выводу, что оба эти принципа односторонние и их противопоставление лишено смысла с самого начала и принципиально. Тогда оказывается, что дискретное, пространственно оформленное, ограниченное, определенное, смертное и т.д. либо есть нечто одновременно бесконечное, безмерное, неформленное, либо оно есть бессмысленность, о которой говорили, т.е. выраженное в своей определенной однозначности. Так вот, когда я услышу, что мы можем рассуждать о «нечто» в этих двух противоположностях, так как это самое нечто дано нам как переход от одного к другому, то тогда я сразу говорю, что это и есть классический пример превращения исторических форм человеческого мышления в онтологизированную фантастику.

А.М. - Я ждал, что ты это скажешь. Сегодня ты это сформулировал четко и красиво.

Ф.М. - Я очень рад, что ты обладаешь таким превосходным даром предвидения.

А.М. - Я же восточный человек! Теперь послушаем Василия Васильевича.

В.Д. - Фиксация того, как, в какой абстрактности осознается бессмысленность противопоставления и необходимость взаимоперехода и тем самым онтологизации, есть, на мой взгляд, реальный фундаментальный механизм человеческого познания. Констатация этого очень важна, чтобы отличать так называемую объективность, онтологическую сущность и реальное познание, т.е. понимание того, что эта онтологическая сущность сама есть результат соответствующего познавательного практического действия. Это очень важно и для психологии. В чем дело? Мы сейчас говорим об абстрактных схемах, но в любом психическом акте обязательно есть такая реальная схема. Внутренний механизм любого элементарного действия субъекта является онтологизацией. Правда, при одном условии, что онтологизация суть инверсия - переворачивание. Как говорил Эльконин, то, что является моделью, становится как бы объектом, существующим вне познавательного процесса. Все дело в том, что объединить дискретность и непрерывность как противоположности, временное и пространственное можно лишь в процессе, когда сукцессивное становится симультанным. Вы можете в едином акте воспринимать расчлененное как целостное. И лишь в этом смысле, расчлененное в вашем акте познания вы потом получите в результате. Вот почему мне кажется, что в изучении реальных процессов, при котором человек имеет дело с дискретностью и непрерывностью и ощущает бессмысленность их противопоставления друг другу, оказываются хвостики самой симультанизации. В чем таинственность симультанности, и что говорит о таинственности? Весь секрет таинственности во времени преодоления пространственной последовательности. Вот, как ни странно, до чего мы дошли в своих абстрактных разговорах, - к каким-то глубинным данным уже не абстрактного познания, а к сугубо индивидуальным реальным субъективным механизмам, к существованию того, что мы можем назвать одушевленным. Ведь кажется,

что при симультанности уничтожается время, а я утверждаю обратное.

А.М. - Внутри симультанности содержится время.

В.Д. - Да, и благодаря пространственности является не способом развертки, а способом существования. Это одна сторона дела. Теперь я могу, видимо, представить твой подход следующим образом. Что такое порой кажущееся безумным представление о психике без человека? На своем языке, может быть, совершенно нестандартно ты всегда пытаешься найти в природе, т.е. в природе такие способы взаимодействия, взаимосвязи, которые являются стихией последующего субъективного отправления. Ты говоришь, что это глобальность-целостность должна конструироваться, оформляться в процессе перехода. Дальше ты добавляешь, что эта глобальность имеет такую же степень абстрактности как глобальность возможного, приводящая к упорядочиванию, структурированию. Это есть везде, у нейронов, атомов, молекул и т.д. И ты говоришь, что уже в самих вещах, как таковых, существует такой образ, который может быть описан в категориях...

А.М. - ...как возможность психического...

В.Д. - Да, как возможность психического...

А.М. - Не как психическое, а как возможность.

В.Д. - Как вы помните, я многократно говорил, что подлинным основанием возможности появления психического является соотношение категорий возможности и действительности. Я не знаю, совпадает ли это с представлением о глобальности и упорядочивании. Это вопрос другой. Но такое основание есть. Тогда, конечно, можно сказать, что такой пласт действительности есть без человека и без животных, т.е. без субъекта. Но выделение этого пласта, оформление его в особом виде бытия и приводит даже не к предпосылке, а к существенному основанию психики. И, следовательно, если в природе есть такой пласт, обладающий соответствующими характеристиками, которые надо знать во всем многообразии их проявления, то, следовательно, есть какая-то часть приро-

ды, которая делает для себя самоцелью превращение одного в другое и без субъекта. Это осуществляется тоже, видимо, в нейронах и других природных образованиях без человека, без животных. При этом тоже происходит превращение глобальности в упорядочивание, структурирование. Но если это есть существенное основание психического, значит нужно ответить на такой вопрос: за счет каких средств жизнедеятельности растения, животного и человека и через них осуществляется этот процесс? Если мы признали, что этот процесс происходит и для субъекта, а субъект производит это же превращение в этих же природных явлениях, то возникает вопрос: мы нашли основания этого уже психического, нужно дойти до конкретных отправлений, когда это основание стало собственно психическим?

А.М. - Да, действительно!

Ф.М. - Разве это возможно? Но, товарищи дорогие, вы вначале взяли абстрактные понятия - целостности и дискретности, и хотите, чтобы из них стало психическое...

В.Д. - Итак, превращение глобальности в дискретность у субъекта - это особая действительность в отличие от тех превращений, которые происходят в веществах неодушевленной природы. И тогда я могу сказать, если я тебя правильно понял, что вопрос «науки психологии» состоит в следующем: в чем, в какой форме существуют эти средства субъекта, которые позволяют ему через себя реализовывать превращение глобальности в упорядочивание? Я так, видимо, понял. И я добавлю следующее. Можно сказать, что все это присутствует на определенных страницах «Философии природы» Гегеля. Он, рассуждая о механике, говорит, что некоторые механические свойства природы уже обладают возможностью идеализации. Помните? Снятие для него есть стихия идеализации.

Ф.М. - Очень хорошее выражение.

В.Д. - Снятие. Гегель интересовался следующим. В чем животное, обладающее потребностью крика, в себе самом и другой окружающей природе, осуществляет такое снятие,

т.е. идеализацию. А затем человек как орудие, существо такой идеализации снятия. Давайте продолжим. Эта идея очень интересна. Идеализация находит свое чистое оформление, завершение в общественности человека. У человека происходит лишь процесс поиска в природе новых средств идеализации. Следовательно, идеальное, идеализация лежит в основе всеобщего и оформляется во всеобщей сущности человека. Гегель не такой дурак, чтобы считать, что в химизме есть чистая душа, но он говорит, что это лишь возможность души: переход от механизма к организму и т.д. постоянная конкретизация средств и способов идеализации от механизма до организма и души. Вот это и называется принципом предметности. Идея онтологической основы, т.е. досубъектной основы того, что называется психикой. Ты предлагаешь конкретный ход: надо узнать вне психологии своеобразие того вида превращения глобальности в дискретность, в котором переход из одного в другое осуществляется посредством симультанизации и который уже есть возможность и предпосылка возникновения психики. В чем ты упрекаешь всю традиционную психологию? Они не исследуют онтологических основ психики. В этом смысле, ты говоришь, в мышлении вы должны найти перевод глобальности в упорядочивание.

А.А. - Можно сказать, что помимо мышления найти еще мышление.

В.Д. - В восприятии стоят аналогичные проблемы. Это и есть проблема предметности. Внутри какого процесса или какой процесс реализует существующий в определенной форме субъект, чтобы придать этому структурированность восприятия? Я постоянно упрекаю Зинченко в том, что он пытается исследовать некоторые механизмы движения глаз и не задается вопросом, а что в этом предметно, что стоит за этим внесубъектно?

А.М. - Они изучают движение как движение, чистое движение.

В.Д. - Да, какой пласт геометрических преобразований осуществляет это субъектное движение глаз. Давайте послу-

шаем, как Аршак покажет пути конкретной разработки этого общего положения о том, что есть внесубъектное, внечеловеческое, природное основание, благодаря которому становится возможным возникновение явления психического отражения в мире как явления структурирования, упорядочивания и которое является в данном случае, я не боюсь сказать, онтологической предпосылкой субъектных психических отправлений. Но с одной оговоркой. Все-таки, если эта идея интересна, то нужно вернуться к «Философии природы» Гегеля.

А.М. - Вы предлагаете, чтобы я продолжил?

В.Д. - Да, если мы до сих пор правильно понимали твои мысли.

А.М. - К сожалению, не так правильно, как мне хотелось бы. Особенно неправильно понял все сказанное мною Михайлов.

Ф.М. - Что я не понял?

А.М. - Как я говорил, процесс осуществления возможности психического отражения представляется мне как процесс, общей характеристикой которого является борьба между глобальностью и упорядочиванием. Между прочим, Феликс, твое неадекватное понимание проявляется и у других моих слушателей. И это не случайно. Поэтому сейчас очень важно адекватное понимание. Неадекватное понимание сказанного начинается с того, что практически никем не замечается, что речь идет о содержании процесса, на одном полюсе которого - глобальность, а на другом - упорядочивание. Не как отдельно взятые явления или понятия, а только вместе и только как содержание процесса.

В.Д. - То есть процесса перехода.

А.М. - Да, содержание, характеристика этого процесса, а не характеристики отдельного понятия глобальности и отдельного понятия упорядочивания, как рассматривает Михайлов. Феликс не учел, что речь идет не о понятиях дискретного и непрерывного или целостного и конечного, не о самих понятиях, а о характеристике их взаимодействия.

В.Д. - О переходе.

А.М. - Это тоже неточно. Говоря о переходе, мы подразумеваем одно отдельно от другого, переход из одного в другое. Это характеристика законченного процесса, а нам необходимо охарактеризовать сам процесс, поэтому идет речь о взаимодействии. Этот процесс и создает возможность порождения психического отражения. Часто для лучшего понимания я привожу такой пример. Есть два куска металла и есть процесс сварки. Таким образом речь идет о процессе сварки, а не о том, какими были два куска металла до и после сварки.

В.Д. - Значит, мы говорим о сварке?

А.М. - Да, о сварке! О том, как два отдельных куска металла становятся сваренными в единый кусок благодаря особым температурным режимам, молекулярным и другим изменениям, характеризующим сами процесс, и особенности сварки. Аналогично этому я понимаю психическое отражение, когда из двух «кусков» - глобальности и упорядоченности на основе закономерностей систем сварки (создания определенной температуры) и закономерностей металлов (атомное и молекулярное движение при температурных изменениях) порождается новая «сваренная» деталь. Мне кажется, что Михайлов упустил процесс сварки.

Ф.М. - Ничего подобного! Аршак, весь пафос моего выступления был принципиально в другом. Я говорил о том, что главное не просто указать на банальность, что все люди производят какие-то человеческие понятия. Я еще раз повторю сказанное Василием Васильевичем. Мы возводим понятие в действительность и тем самым в определенность. А коль скоро мы это делаем, следовательно, мы не можем не считаться с формой развития этого понятия. Поэтому я прошу обратить ваше внимание не на эту, отмеченную уважаемым Аршаком, банальность, что мы говорим о человеческих понятиях. Мы договорились, что будем говорить о человеческих понятиях. Если ты решил выбрать свое собственное «тыкание», то, будь добр, подними его на уровень понятия - всеобщности и покажи, каким образом можно сюда перейти. Теперь, когда я слышу рассуждение об изначальности, я

возьму на себя смелость, поставить вопрос о дискретности и всеобщности и т.д. При этом я сразу говорю, товарищи, здесь меня волнует, то, что это - всеобщность. Меня не интересует, это сварка или варка, не интересует, что ты с ними делаешь. Интересует то, что историческое развитие логики в культуре достаточно глубоко разработало эти две формы фиксации действительности - дискретность и непрерывность. Хороший пример, шар Земли и меридианы, параллели - это образ научного понятия. Почему? Потому что, с одной стороны, мы видим реальное понятие меридиана и параллели, а с другой стороны, мы пытаемся освободиться от субъективности и сказать: мы тут не при чем. Что же тогда получается? Когда мы говорим дискретный и непрерывный...

А.М. - Кто говорит?

Ф.М. - Я говорю, ты говоришь.

А.М. - Извини меня, я такого не говорил! Разве я говорю о дискретности и непрерывности или о глобальности и упорядоченности как об отдельных понятиях? Я говорю о содержании процесса между ними.

Ф.М. - Хорошо. Я хочу сказать следующее. Меня действительно не очень интересуют конкретный научный теоретический смысл понятий глобальность и структурирование. Почему? Потому что, когда я слышу слово «глобальность», в этот момент я сразу же определяю некое противопоставление двух моментов бытия: первое - определение сущего как единого, вечного, бесконечного и второе - определение сварки как структурирования. И наконец, я могу представить себе, что автор этого определения имеет в виду постоянный переход: сварки, структурирования к глобальному, глобального к структурированному, как угодно. Простите меня, сейчас мне не важно, поймите мою мысль. Мне сейчас не важна дальнейшая динамика мысли. Мне важно только одно, что структурирование есть всегда пространственно определенное сущее, а глобальность - есть временно определенное сущее, и имеется историческое основание для разведения этих двух определений, они были произнесены. Коль скоро

нашлось два термина, следовательно, это нужно было делать в рамках определенной исторической концепции.

А.А. - Феликс прав, но прав и Аршак, потому что он в начале доклада просил не цепляться к терминам, потому что в настоящее время не отработана адекватная терминология для описания проблем «науки психики».

А.М. - Я просил вас по возможности воздерживаться от собственной интерпретации сказанного мною. Я повторяю, что я говорил о содержании процесса между глобальностью и упорядочиванием, а не об отдельных понятиях глобальности и упорядоченности. Откуда ты выкопал понятия дискретности и непрерывности, структурирования и глобальности и т.д. (даже последнее брал шиворот-навыворот), которые противоречат всем моим представлениям? Дальше - сочинил противоречие между структурированием как понятием, имеющим пространственную характеристику, и глобальностью с его временной характеристикой. Тогда как я говорю о процессе между глобальностью, рассматривая его обязательно как первое понятие, имеющее пространственно-временную характеристику и упорядочиванием, также имеющим пространственно-временную характеристику. Меня интересует содержание, особенности процесса между ними. И при чем здесь «структурирование, имеющее только пространственную характеристику»? Прошу тебя, обрати внимание на слово «процесс» как возможность становления упорядочивания, а не на уже упорядоченное, еще хуже - уже структурированное что-то, которым ты оперируешь. Я хочу сказать вам о содержании процесса в онтологическом смысле, а вы возвращаете мне уже готовые, имеющие определенную ценность и характеристики понятия культурно-исторического содержания мышления!

А.А. - А ты кто, не представитель этого исторического мышления?

А.М. - Вот я и говорю, что здесь различие не в употреблении тех или иных понятий, а в том, что никто не рассматривал этот процесс как природное основание и как характеристику психического.

А.А. - Вот это другое дело. Мы на это сразу все согласились. Никто не брал как онтологическое основание. Этого не было.

А.М. - Поэтому я хочу Феликсу возразить следующим образом. Есть психология как наука, которая изучает феномены восприятия и мышления на основании уже отраженных данных. Классический пример: объяснение процесса восприятия этой бутылки, которая посредством светового потока входит в глаз, через зрительный нерв в мозг и получается образ бутылки. При этом объяснении бутылка заранее уже была выделена, то есть воспринята. До сих пор так описывают процесс восприятия. Приходят Рубинштейн и Леонтьев и говорят: воспринимать бутылку возможно только в деятельностном историческом процессе и т.д., что вам, безусловно, отлично известно. В последнем случае процесс восприятия получается психологически более богатым, но данность, уже отраженность бутылки опять берется до ее процесса восприятия, а содержание процесса остается скрытым. Что я предлагал сегодня? Я считаю, что, если мы ставим перед собой задачу раскрытия содержания самого процесса, не оперируя при этом готовыми данными законченного процесса, мы должны выйти за пределы нашего эмпирического опыта, который имеет дело только с уже отраженными данными изучаемого нами процесса, и изучать процесс психического отражения как процесс между глобальностью и упорядочиванием. Такое рассмотрение, во-первых, не содержит непосредственных продуктов уже отраженного процесса, и, во-вторых, как я надеюсь, дает возможность изучать содержание процесса, порождающего продукты отражения.

Ф.М. - Насколько я понимаю, этим занимается философия.

А.М. - Философия занималась взаимоотношениями и взаимопереходами бесконечного и конечного, прерывности и непрерывности, общего и особенного и т.д., а не глобальностью и упорядоченностью как процессами, обуславливаю-

щими возможность психического отражения, как характеристиками психического процесса.

Ф.М. - Мне кажется, в основание этих понятий берется исторически ограниченная культура Нового времени, противопоставляющая особенное всеобщему. Вот и все.

А.А. - Феликс, ты не возмущайся. Позиция Аршака является правомерной, но на мой взгляд, неадекватной для изучения психики человека. Это одно из направлений новоевропейского рационализма. Мне лично наплевать на «науку психики», я хочу понять, что такое человек и его психика.

В.Д. - Тебе наплевать потому, что еще никогда предметом твоих рассуждений не была психика. Ты говоришь только о распространенности психики, ее многообразии, ее неожиданных формах и т.д. Но о психике как таковой, ты нигде и никогда не говорил. Ты психику берешь в разных формах данности или в субъективных проявлениях сознания.

А.М. - Правильно, а нам надо понять другое: как возможно явление психического отражения? Поэтому наша задача заключается в том, чтобы найти адекватный способ описания этих явлений. Итак, мы условились, что особенность, главная характеристика, которую мы можем выделить как основу психического, - это процесс борьбы между глобальностью и упорядоченностью.

В.Д. - Да, понятно, но это еще не психика, а это онтологическая предпосылка психического, которой затем орудует психическое, т.е. субъективное у животного и человека.

Ф.М. - Все это здорово, если еще принять во внимание, что само это условие включает в себя человеческий момент.

В.Д. - Да, понятно, но это еще не психика, а это онтологическая предпосылка психического.

А.М. - А как может быть иначе, если исследователь сам является человеком? Второй особенностью, онтологической характеристикой процесса психического отражения являются способы, делающие возможным осуществление процесса отражения. При этом необходимы следующие три условия: первое - наличие глобального сущего, второе - определенная

структура, имеющая закономерности приведения глобального к упорядоченности, и третье - необходимость искажения глобального в определенные моменты процесса. Потому что только через искажение преодолеваются бесконечные формы глобальности и выступает единственная форма в данном конкретном времени процесса отражения. Четвертая характеристика процесса - это возможность установления отношения между уже вычлененными формами в различные моменты времени. Установление отношения становится возможным лишь при условии искажения, то есть элиминировании одних свойств, форм и подчеркивании, выделения, фиксации чего-то одного в данный момент времени.

Ф.М. - Процесс представлен в этом искажении. Нацело, полностью весь процесс представлен в этом искажении. Не только искажается, но и выражается. Здесь Гегель, но это я так, между прочим.

* * *

А.М. - Итак, психическое характеризуется как процесс борьбы между глобальностью и упорядоченностью, следовательно, необходима система, упорядочивающая глобальность, обеспечивающая противостояние глобальности. И эта система отражения должна также иметь возможность расчленения глобальности, т.е. дискретизации непрерывности глобальности для ее частичного упорядочивания. Тогда единственно возможное условие - это искажение части глобального для выделения из общего глобального.

В.Д. - Чистота духа! Тут очень логичны эти условия.

А.М. - Вторая характеристика - это процесс, это возможность искажения, обуславливающая возможность фиксации в системе отражения уже выделенного из глобальности, т.е. память. Третья характеристика - это возможность фиксации и образование отношения между дискретными элементами системы. Если мы так будем рассматривать акт отражения, то тогда психическое отражение - акт взаимоотношения, взаимодействия между глобальностью и упорядочивающей

системой, которая в соответствии со своими принципами упорядочивания (искажения, фиксации, образования отношений, дискретными элементами и т.д.) осуществляет акт психического отражения. Ведь новое, которое существовало в глобальности, еще невыделенным, неупорядоченным, осуществилось отражательной системой на основе ее собственных принципов упорядочивания. Здесь важно подчеркнуть, что упорядочивание глобального, выделение особенного соответственно принципам отражения и есть первое проявление субъектности данной отражательной системы. Потому что другая система с другой организацией упорядочивает другие стороны глобальности. Именно поэтому появляется и цель каждой системы отражения - упорядочивать, соответственно своим внутренним закономерностям, для обеспечения самосохранения собственной структуры от процесса слияния с глобальностью. В результате, это отражение-познание становится бесконечным процессом, потому что глобальность неисчерпаема для упорядочивания. Сказанное я часто иллюстрирую на примере амебы, которая как система, отражающая температуру воды, искажает существующее вокруг и реагирует только на изменение температуры в разных слоях воды, двигаясь в ту сторону, где тепло. Здесь мы видим, что у амебы в отдельном акте отражения, имеющем возможность искажения, фактически осуществляется процесс порождения отражения.

В.Д. - Мне кажется, что важно различие возможности, каузальности и целевого детерминизма. Это целый раздел психологии и физиологии. Посмотрите, что писал Н.А. Бернштейн в своих записных книжках: движение регулируется через представление о будущем. Физиолог дошел до этого! А с точки зрения этой труднейшей проблемы целевого полагания меняется представление о чисто физиологических процессах, потому что при построении движения нужно иметь задачи потребного будущего, регулирование разных уровней и форм классификации задач и т.д. Все дело в том, что одно и то же движение даже тогда, когда оно по-

вторяется, имеет разные средства своего осуществления. Это бьет по рефлексологии Павлова. Но здесь и происходит присоединение к философии. Почему? А что такое цель? Что такое кауза? Что такое детерминизм? Что такое структура сознания, которое внутренне связано переходом (в терминах, которыми ты пользуешься) от глобальности к упорядочиванию. Я прихожу к совершенно неожиданному выводу, странному на первый взгляд. Мне кажется, что в значительной степени так называемая философия была теоретической психологией.

А.М. - Да! Именно так и есть на самом деле.

В.Д. - Отсюда, когда мы говорим, что необходим категориальный план уточнения психологических понятий, то я не вижу другого хода, как обращение к истории философии. И здесь оказывается, что веретено изобретают очень многие. Кстати, я познакомился с принципами так называемой когнитивной психологии американцев. Слушайте, это чистейшее изобретение веретена! Да, у них богатство, они позволили себе проводить множество экспериментов и наконец догадались, что нужно отбросить бихевиористическую схему. У нас же отсутствие возможности экспериментов заставляет заниматься теорией, анализом понятий. Это и значит быть теоретически грамотными. Представляете, они обнаружили вдруг, что образ регулирует и что, оказывается, есть воображение! Докатились! А все это потому что отрицали, что философия является одной из фундаментальных основ психологии. Они считали, что нужно начинать с рефлексов - стимулов и реакций. Мы не можем и не будем так идти. Поэтому в узком кругу теоретиков нужно заниматься, в частности, изучением категорий и понятий в философии и психологии.

А.М. - Мне кажется, мы так и действуем и именно этим и занимаемся.

В.Д. - По записке Ломова Федосеев в журнале «Вопросы философии» развивает тезисы позитивистской психологии, которой никакая философия не нужна. Преодолевать позитивизм - это очень трудное занятие. Необходима специальная

подготовка философских представлений, знание истории философии. Например, Фихте больше психолог, чем философ. Некоторые работы Канта - это чистая психология. Все дело в том, что мы недостаточно освоили методологию и способ анализа психики и деятельности, который создан немецкой философией.

А.М. - Но что у нас происходит сегодня?

В.Д. - Сейчас, здесь?

А.М. - Да, вот эти споры с Михайловым.

В.Д. - Я могу сказать, что происходит. Феликс Трофимович считает, что, с его точки зрения, используемые нами понятия в категориальном плане не уточнены, и эта неуточненность выступает в том, что мы берем в абстрактной форме понятия, которые исторически уже разведены. Для разведения понятия дискретности и непрерывности и т.д. нужен исторический процесс. Исходя из трудности антиномичности логических понятий, нужно не брать их как таковые, а вновь производить.

А.М. - Я думаю, что мы именно так и поступаем.

В.Д. - Но этот исторический процесс формирования абстракций нужно провести мысленно, логически.

Ф.М. - А не онтологически. Тогда нет возражений.

В.Д. - И для того, чтобы провести такой логический анализ относительно понятий прерывности и непрерывности или каузальности и целеполагания, нужно определить тип логики. И Аршак предлагает не натуралистический, не житейский, не университетский, не школярский тип логики. Он предлагает такую логику, которая соответствует адекватному решению этой задачи, гегелевско-марксовую логику.

Ф.М. - Я готов рассказать об основах этой логики. Я вам расскажу, что из себя представляет логика органической системы. При этом будем иметь в виду, что в данном случае мы фиксируем в логической всеобщей форме исторический процесс выработки характеристик, способов, с помощью которого человечество фиксировало внешний объект. Единственное против чего я - против того, чтобы способы в сво-

ей логической форме выдавались за характеристику самих объектов. Тут уж, извините, это не пройдет, это безграмотно. с точки зрения истории философии. Нельзя брать логику мышления, способ фиксации объектов и видеть в этом способе исключительную характеристику самой действительности. Не получается...

В.Д. - Я вернусь к нашим баранам, мне кажется, что проблема «с чего начинается Родина» и образ должна быть поставлена на предметной основе. В чем предметное содержание образа? Аршак, ты правильно говоришь, что, если я вижу бутылку и думаю, что предметным содержанием бутылки является бутылка или пузырек, это не верно. Да, какие-то свойства пространства обыгрываются мной для того, чтобы в результате получился лишь образ бутылки.

А.М. – А чтобы понять основы этой игры, необходимо углубиться в онтологические, природные закономерности порождения самого образа.

Ф.М. - Необходимо обратиться к истории.

А.М. - Опять история! А если окажется, что история на основе глубоко эмпирического мышления процесс психического отражения всегда рассматривала через продукт самого этого процесса? Это то, что сейчас говорил Василий Васильевич о предметном образе. Это есть выражение европейского рационального образа мышления и в этом вопросе Толя Арсеньев прав, называя европейское мышление рациональным мышлением. В основе этого мышления лежит глубоко эмпирическое представление о процессе психического отражения через собственный же продукт. А чтобы понять закономерности психического отражения, нам необходимо выйти за пределы этого представления. Вот о чем идет речь. Нет образа, это продукт отражательного процесса, на основе которого эмпирический способ мышления через уже отраженные готовые признаки образа пытается восстановить процесс порождения самого образа. Вслед за психологами и физиологами так поступают кибернетики, когда пытаются моделировать процесс опознания образов.

**Беседа с В.В. Давыдовым
О принципах и механизмах процесса
психического отражения⁴**

05.09.79

В беседе приняли участие: В.В. Давыдов (В.Д.), А.И. Миракян (А.М.), В.И. Панов (В.П.), Н.Л. Морина (Н.М.), В.И. Козлов (В.К.), Э.И. Кочурова (Э.К.).

В.Д. - Я хотел бы сегодня обсудить ваши материалы, которые вы мне дали, но начнем с другого вопроса. Дело в том, что я должен представить в Академию пятилетние планы основных направлений всех лабораторий. Я могу сочинить планы по возрастной психологии, но у меня абсолютный провал по планам лабораторий, занимающихся общей психологией и особенно по вашей лаборатории. Поэтому мне нужно знать, что вы мыслите, в каком направлении хотите развиваться. У меня два предварительных абсолютно дилетантских соображения. Мне кажется скучной вся эта традиционная психология. Вы ведете партизанский образ жизни, вы хотите делать то, что хотите. У вас благоприятная ситуация для того, чтобы выдвигать совершенно неожиданное, нетривиальные темы, подходы, проблемы. У вас руки развязаны. Но вместе с тем это должно входить в какую-то сферу практики. Можешь ли ты кратко сформулировать, чтобы я сделал резюме для плана? Как вы мыслите и по понятиям, и по направленности проблемы изучения восприятия? В последнее время я читал много работ А.Н. Леонтьева в связи с его юбилейной датой. Ты знаешь, я сторонник его «теории уподобления». Но это у него до конца не разработано. Есть общая идея. Когда эту идею разработали Ю. Гиппенрейтер и А. Логвиненко, то это было чистым физикализмом. Для ваших работ я вижу применение в области распознавания и роботостроения.

⁴ Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 2). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 44-68.

А.М. - Вчера приходил к нам сотрудник Ф.Т. Михайлова Кондратов и говорил, что он работает с глухонемыми, и они остро чувствуют необходимость в приборах по распознаванию речи и переводу опознанных слов на тактильный код, который глухонемые воспринимают пальцами. Если эту проблему рассмотреть серьезно, то это вопросы распознавания речи.

В.Д. - Но это грандиозная проблема. Целые институты работают над этим.

А.М. - Да, именно это я и говорил Кондратову, что современные машины опознают очень ограниченное число слов и они настроены на определенные индикаторы. Почему я с этого примера начал? Потому что этот пример дает ответ на вопрос о том, чем мы занимаемся и как это связано с практикой. Мы занимаемся тем...

В.Д. - Занимаетесь тем, что нельзя решить.

А.М. - Нет, мы считаем, что решить можно.

В.Д. - Можно? Но как это сформулировать в общих чертах понятным для нашей Академии языком? Что это за проблема?

А.М. - Что за проблема и на каком языке ее можно описать? Насколько мы знаем, во всех известных нам примерах решения проблем распознавания образов опознаваемому объекту приписываются какие-то свойства, признаки, которые уже отражены человеком. Затем ищут способы описания этих свойств и признаков, которые записываются в памяти машин. При повторном показе этого объекта сравнивается вновь полученная информация с информацией, хранящейся в памяти, и тем самым машина опознает этот объект.

В.Д. - Это я уже все знаю.

А.М. - Значит, в отличие от этого подхода мы ищем такие принципы, которые в акте отражения приводят к этим признакам или свойствам. Мы предлагаем не систему, опознающую признаки объекта, а систему, создающую эти признаки.

В.Д. - Можно так переформулировать: вас интересует, как должен срабатывать какой-то механизм, который позволяет

выработать признаки достаточно однозначные для опознавания, потому что в самом объекте эти признаки не заложены.

А.М. - Нет, объективно они существуют в объекте, но в невычлененной форме среди других бесконечных форм признаков.

В.Д. - Их бесконечное количество, они для чего угодно.

А.М. - Да, для чего угодно и в разные моменты отражения они меняются, как рисунки в калейдоскопе.

В.Д. - Скажи, пожалуйста, а есть какие-то факты, показывающие возможность самого определения схемы признаков еще до того, как они выявлены в опознаваемом объекте? Кто все-таки задает тему желательных признаков?

А.М. - Для того, чтобы ответить на этот вопрос необходимо сначала договориться, что мы должны отказаться думать через признаки.

В.Д. - Правильно, это очень важно.

А.М. - Мы должны искать такую структуру и такие принципы процесса отражения, чтобы в конце этого процесса получили признаки.

В.Д. - Да, ты в прошлый раз уже об этом говорил.

А.М. - Для понимания этого процесса нам необходимо найти, гипотетически представить, какие возможные принципы в осуществление процессов непосредственно-чувственного отражения могут быть заложены, чтобы они привели к отражению необходимых свойств объекта и создали возможность выделения, опознания этого объекта.

В.Д. - Так, а это что за механизм? В системе каких понятий он описывается.

А.М. - Для того, чтобы найти эти принципы отражения, необходимо рассматривать процесс отражения не с точки зрения уже отраженных продуктов, а полагать процесс отражения как явление, которое образовалось в процессе развития материи и несет в себе закономерности материального мира.

В.Д. - Да, об этом ты уже говорил. Онтологическую и гносеологическую суть явления отражения ты уже излагал.

А где та экспериментальная область, которую нужно разворачивать без таинственности каких-либо фактов? Эта онтологическая конструкция пока не технологична?

А.М. - Да, пока это не технологично, верно.

В.Д. - Она логична для того, чтобы представить схему пути идеализированного мысленного эксперимента. Это теоретическое предположение. Правильно?

А.М. - Правильно.

В.Д. - А где с твоей точки зрения она обнаруживается, в каких достаточно повторяемых, но пока необъяснимых фактах? А если этого нет, то, естественно, это отталкивает от себя так называемая традиционная наука. Потому что такое истолкование явлений недостаточно понятно для официальной науки.

А.М. - А как иначе? Без сохранения этого условия науки нет.

В.Д. - Но дело не столько в науке, сколько в том, что можно согласиться с твоими исходными положениями и сказать, какой непонятный факт ты пытаешься при этом гипотетическом представлении объяснить. Не объяснить, а объяснять.

А.М. - Меня радует, что очень конструктивно идет наш разговор. Предположим, что вот это гипотетическое исходное верно и теперь необходима конкретная технологическая разработка этой теории. Конкретно технологически утверждается, что процесс непосредственно-чувственного отражения есть образование отношений.

В.Д. - В чем, в каком субстрате отношение? Отношение чего к чему?

А.М. - Вот эти вопросы задают все, когда я начинаю рассказывать о механизмах и технологии процесса отражения. Когда спрашивают, «отношение чего к чему», это значит, что остаются в пределах нашего глубоко эмпирического гносеологического образа мышления. Потому что и «чего», и «чему», и «чего к чему» предполагают уже отраженные продукты, уже готовые «чего» и «чему». А наша-то задача - так представить образование отношений, благодаря кото-

рому порождалось, образовывалось и «чего», и «чему» в законченном процессе отражения. Речь не идет об образовании отношения между чем-то и чем-то, а о порождении самих чего-то и чего-то в процессе образования отношений. Значит, не образуются отношения между уже отраженными, готовыми объектами. А есть возможность образования отношений как исходное свойство самой отражательной системы. И в процессе отражения, на основе образования отношений, порождаются сами элементы объектов, выступающие как результаты после окончания процесса отражения. Я часто говорю: для того, чтобы описывать процесс порождения необходимо выйти за пределы, границы эмпирического образа мышления: на уровень трансцендентального стиля мышления.

В.Д. - Значит, я предполагал заранее то, что есть эти предметы и представил себе образование отношений между ними. Поэтому спросил «отношение чего к чему»? Понятно, что при традиционном подходе сначала вычлениют признаки, а потом образуют отношения между ними. Значит, отношение как таковое?

А.М. - Как отношение. Вы хорошо уловили различие двух подходов. Более наглядным примером этого могут служить понятия времени и пространства и их отношение. Их берут разделенными: «вот это время, вот это пространство» и между ними образуют различные отношения. Если рассмотреть их с иной точки зрения, выходя за рамки эмпирического сознания, то время и пространство едины. Человеческий способ отражения их разделяет.

В.Д. - Это ближе к математическим представлениям Бурбаки и Пиаже с его утверждением о единстве пространства и времени и что математика берет как раз отношение.

А.М. - О нет! Они берут отношение между уже разделенными, между уже заранее дискретными.

В.Д. - Они считают, что математика начинается с любого типа любых отношений.

А.М. - Но они берут отношение между чем-то и чем-то.

В.Д. - Нет, Бурбаки берет только отношение. Спрашивается: между чем и чем. Ответ: между любыми. Отношение фиксируется это «А», «В». Что за «А», «В» - безразлично.

В.П. - У них есть уже «А», «В».

А.М. - А у нас нет «А», «В», потому что под «А» и «В» подразумеваются уже готовые, уже отраженные продукты. Пусть будут любые, но уже выделенные, а выделенные и есть уже отраженные продукты.

В.Д. - Но там можно представить что угодно.

А.М. - У Пиаже аналогичным образом заранее все выделено, а потом создаются отношения, имеющие различные содержания. А у меня принципиально другое.

В.Д. - Однако мы знаем, что физики приходят к релятивистским представлениям, где любая единица является совокупностью энергетических отношений. Они каждый элемент выводят из этих отношений. Такой ход мысли был в знаменитом «энергетизме»: сами объекты, предметы, термины абсолютно произвольные единицы, и они возникают в результате накопления определенной энергии и составляют отношения между различными энергетическими потоками. Такая позиция проработана.

А.М. - Возможно. Но я говорю о другом. У них всегда изначально есть уже выделенное, не важно, как словесно или понятийно оформлено. Это и есть основная характеристика физикализма, потому что физикализм - это подход, который всегда берет уже готовые, выделенные человеком формы, и создает различные отношения между этими заранее выделенными объектами, понятиями, свойствами и т.д. Например, Бурбаки берет объект «А», в котором подразумевает множество других, но по сути дела форма объекта как уже отдельная предполагается при этом и она выступает как отдельная и образует отношение с одним уже выделенным объектом из множества «В». А нашей задачей является именно само это выделение.

В.Д. - Тогда как возможна такая логика: как можно представить отношение того, что еще как таковое не выделено? Ведь это нарушает всю рациональность.

А.М. - Да, именно так, потому что я рассматриваю психическое отражение как возможность, а не как данность.

В.Д. - Ну, хорошо. Представим себе, что возможно нерациональное представление о процессах психического отражения. Тогда получается, что средствами той логики, которой мы владеем, ухватить это мы не можем.

А.М. - Правильно, поэтому я начал говорить о выходе за границы традиционно принятой логики для понимания основ образования явлений психического отражения на определенном этапе развития материи. Именно с точки зрения возможности, а не действительности.

В.Д. - А где хотя бы намечки, существования этой нерациональной логики?

А.М. - Ведь без возможности существования такой логики получится безмерность, глобальность, бесконечность и ничего определенного и положительного. Будет только констатация образования отношения и больше ничего. Оказывается, есть реальная мера бесконечности в этих абстрактных рассуждениях. Эта мера задается самими возможностями отражательной системы и определяется ее структурно-процессуальными закономерностями пространственно-временной дискретизации глобальности и выделением чего-то одного в определенном отрезке времени в процессе отражения.

В.Д. - Значит, система отражателя все-таки уже существует?

А.М. - Да, а как иначе, ведь в этой логике рассматривается возможность процесса отражения и здесь обязательно предполагается отражатель. Только отражатель здесь предполагается не как данность по продуктам собственного процесса, а как возможная система, обладающая какими-то принципами, осуществляющими процесс отражения. Эти принципы существуют частично в неорганическом мире и в полной мере проявляются в органическом мире независимо от уже отраженных результатов, на основании которых строится наша обычная логика. Отражательные системы существуют, потому что они образовались как определенные материальные

образования. Именно в этих материальных образованиях сформировались те принципы, благодаря которым становится возможным одновременно как составление образующихся отношений, так и дискретизация или выделение элементов, образующих отношение.

В.Д. - Пожалуйста, повтори последнюю фразу, я что-то не уловил.

А.М. - Мы понимаем «отношение» без включения результата отражения.

В.Д. - Это я усвоил. Это возможный допустимый ход. Конечно, еще не понятно, но такой ход мысли допустим. Он серьезный и допустимый.

А.М. - Сутью процесса отражения является процесс образования отношений. Процесс отражения происходит в определенных структурах, потому что отражателем является определенная структура, которой может быть амеба, животное, человек, а также человечество или его история. Вот в них и заложены какие-то природные принципы, благодаря которым образуются отношения и фиксация образованных отношений, в процессе акта психического отражения. Именно эти принципы обеспечивают возможность образования отношений и тем самым возможность выделения из общего, глобального, единого чего-то частного в данный момент времени.

В.Д. - Конечно, здесь проглядывается какая-то идея. Ты знаешь, что меня смущает? То, что ты говоришь, мне кажется, в общей форме есть у Гегеля. Он, конечно, не употребляет понятие «отношение». Отражение он понимает, как состоявшийся момент взаимодействия. Но вот сам способ такого рассуждения, когда положительность нужно выявить самому из неопределяемых пока отношений - это обычный гегелевский ход мысли. Для него покоящееся - ставшее бытие, признаки - ставшее бытие как таковое, оно опосредствованное. Это опять довольно интересный логический ход. Это хорошо известно логикам-гегельянкам.

А.М. - Здесь опять необходима поправка, уточнение. Гегель берет взаимодействие опять между уже отраженными.

В.Д. - Да, это я понимаю. Твою критику способов их рассуждения я понимаю.

А.М. - То есть везде и всюду присутствует уже отраженное.

В.П. - Диалектика та же, но исходные основания разные. Они берут отношение между отраженными понятиями.

В.Д. - Значит, у них все равно предполагается выделенность, отраженность.

А.М. - Вот хороший пример. В последних статьях А.Н. Леонтьева о восприятии, содержится, с одной стороны, освобождение от традиционного понимания проблем восприятия, потому что он рассматривает восприятие с точки зрения теории деятельности. Но с другой стороны, он рассматривает эти же проблемы традиционно, как их рассматривал Вундт и многие другие. В этих работах четко прослеживается способ анализа процессов восприятия через собственные продукты этих же процессов. Местами он пишет, как психофизик, забывая о том, что деятельностная теория восприятия по сути не совместима с классической теорией восприятия психофизиков. Именно продуктивный анализ не позволяет ему выйти за пределы психофизической парадигмы.

В.Д. - Это все ясно.

А.М. - В этом смысле вы сейчас так же говорили о Гегеле, не учитывая, что философия в отличие от психологии рассматривает отношение между уже отраженным образом и понятием уже отраженного объекта.

В.Д. - Не спеши, дай мне осмыслить то, что ты говоришь! Значит, философия в отличие от психологии рассматривает отношение уже отраженного к уже отраженному объекту.

А.М. - Это характеристика подхода классической гносеологической философии.

В.Д. - Яков Пономарев в последней работе очень близко к этому сформулировал отличие онтологического понимания психологии от гносеологического.

А.М. - Здесь опять необходимо уточнение. Когда я читаю Пономарева, то его критика гносеологического подхода

в психологии мне очень нравится. Но в понимании психического он, как и другие, исходит из уже отраженных данных психического процесса, пытаясь через продукт этого процесса описать онтологическое содержание психического. И тогда он теряет всю свою оригинальность. Он, как и остальные психологи рассматривает психический процесс отражения через продукт, через описание признаков уже законченного процесса.

В.Д. - Ну, хорошо. Но все-таки продукт-то есть на каком-то этапе?

А.М. - Есть, конечно, есть продукт! И можно, и нужно описывать психическое и по продукту тоже. Но это другая задача, которая имеет дело с феноменами или данностями психического отражения, что является объектом исследования традиционной психологии.

В.Д. - Я понял это. Это действительно логика определенного рассуждения, в котором не интересно занятие уже отраженным, а интересно возникновение психического отражения, сам процесс становления психического. А где все-таки прощмыгивают остатки этого становления? Да, в ставшем уже всех признаков возникновения нет. А в каких, каких-то неожиданных, по-видимому, неестественных ситуациях вы будете изучать становление психического? Если ты станешь на позицию, утверждающую, что традиционная психология имеет дело с продуктами психических процессов, то для тебя уже нет другой действительности. Ты можешь сколь угодно гипотетически предполагать, что есть какая-то сфера процесса становления чистых отношений, которые существуют в своих особенностях еще до превращения в признак и в продукт. Ты догадываешься, что это есть или это может быть? Тогда я задам вопрос, с которого мы начали этот разговор. Итак, ты говоришь, что традиционное рассмотрение при всем его естественно-логическом арсенале восприятия и мышления не в состоянии выходить за пределы продуктного способа (это кантовский заход), но вместе с тем ты считаешь, что все-таки существует какой-то другой логический способ

проникновения в допродуктивный процесс психического отражения. Значит, я задам тебе один решающий вопрос, который для меня важен как для теоретика. Вы должны поставить человека в такую противоестественную ситуацию...

В.П. - Или напротив, естественную, соответствующую процессу и его содержанию.

В.Д. - Противоестественную для установившегося...

А.М. - Стиля мышления.

В.Д. - Стиля мышления или восприятия.

А.М. - Да, правильно.

В.Д. - Значит, вы должны человека поставить в такую противоестественную ситуацию, когда по воле или неволе обнаруживаются какие-то чисто выделенные системы отношений при очень глубоком абстрактном представлении. В принципе нельзя подходить с оценкой, что к чему относится. Вам нужно это получить. Я это, по-видимому, так понял сначала. В каких же экспериментальных ситуациях вы можете это проиллюстрировать?

А.М. - Я вас понял, Василий Васильевич. Здесь также, и это естественно, вы пошли в соответствии с традиционным установившимся образом мышления, предполагая, что мы будем исследовать человека и найдем феномен допродуктивного уровня образования отношения. Эксперимент с человеком мы не проводим, как это делает традиционная психология, считающая, что у человека есть психика и психические феномены, которые необходимо выявить экспериментально. У нас же другая задача исследования: у человека существуют принципы отражения, которые мы заранее гипотетически предполагаем, а затем экспериментально проверяем наличие этих принципов у человека. Вы почувствовали различие задач между традиционными и нашим способом экспериментирования?

В.Д. - Да, теперь я чувствую разницу.

А.М. - Для большей наглядности я эту разницу обычно демонстрирую на нескольких примерах нашего способа экспериментирования. Человек сам по себе не является объек-

том нашего исследования, а мы исследуем наличие принципов у человека.

В.Д. - Дай мне повторить, потому что я хорошо понимаю, когда повторяю. Значит вас интересует не человек со своими возможными феноменами, а принципы организации человека, позволяющие осуществиться способности отражения?

А.М. - Да, человек как обладающий возможностью реализации этих принципов.

В.К. - Человек как просто их носитель.

А.М. - Как носитель этих принципов.

В.Д. - Хорошо. А что дальше?

А.М. - А дальше главный вопрос. Какие принципы мы выделяем, для изучения на человеке и других живых организмах? Когда я отказался от гносеологического подхода к изучению психического отражательного процесса, то естественный для этого подхода вопрос об адекватности отражения, вытекающий из понимания психического через отраженно-продуктное отношение между объектом и субъектом, для меня уже не стоял. Изучение константно-аконстантного восприятия величин привело меня к пониманию процесса восприятия как процесса, где по необходимости происходит искажение. Оказалось, что адекватность относится к результативным отношениям между объектом и субъектом и не характеризует сам процесс отражения, которому свойственно искажение.

В.Д. - Все это я уже сам понимаю, читал это в твоих статьях. Но есть следующие два вопроса: какая экспериментальная, опытная сфера дает тебе возможность продвигаться дальше? Это раз. И во-вторых, ведь я сегодня пришел как раз с вполне конкретной целью, как вашу достаточно продуманную и фундированную со всех сторон позицию, кратко сформулированную тобой превратить в план, который вы будете составлять на новую пятилетку? Как все это сформулировать? Да, ты уже сказал через искажение, неадекватность, но, что является основой исправления этой неадекватности? Как сказать публике, чем вы будете заниматься?

А.М. - Мы обычно выходим из этой ситуации очень просто. Мы это связываем с теорией деятельности, потому что это сейчас более или менее признанная теория.

В.Д. - А что такое теория деятельности? Я так и не разобрался.

А.М. - Это утверждение, что в деятельности необходима функциональная гибкость. Вот именно в этом аспекте мы рассматриваем деятельность.

В.Д. - Я как раз написал статью, которая называется «Категория деятельности в психическом отражении по теории А.Н. Леонтьева». И там я подчеркиваю идею Леонтьева об «абсолютной пластичности отражения».

А.М. - Да, именно это. Но мы ставим вопрос так: если признать пластичность, то для нее необходимы принципы, приводящие к этой пластичности. И эти принципы должны содержать в себе возможность отражения любого. После чего мы и ставим вопрос об искажении в процессах отражения. Именно искажение посредством составления анизотропных отношений создает возможность в отдельные отрезки времени образования одного, другого и третьего, тем самым обеспечивая функциональную гибкость процесса восприятия. Этот тезис я хорошо экспериментально демонстрирую при изучении процессов восприятия пространственных свойств и отношений объектов.

В.Д. - Я хорошо это помню, ты же давал мне читать все это. Но все-таки у меня просьба: кратко опиши эти эксперименты, чтобы я их воспринимал в контексте сегодняшнего разговора.

А.М. - Если вы помните, я предъявлял испытуемому два стержня. Сначала они находятся в одной фронтальной плоскости, а в других сериях экспериментов они разноудалены друг от друга. Вот как выявляется содержание процесса образования отношений через искажение. Когда испытуемый фиксирует взор на одном из стержней, то другой, рядом стоящий стержень, воспринимается как уменьшенный относительно величины фиксированного стержня и наоборот, тогда, когда их величины

объективно одинаковы. В этом эксперименте величина фиксированного объекта определяется относительно величины нефиксированного - уменьшенного объекта, т.е. величины искажаемого объекта. В этих экспериментах на примере восприятия величин теоретический принцип образования анизотропных отношений подтверждается через искажение.

В.Д. - Знаешь что, а не неудачно ли здесь понятие искажения?

А.М. - Возможно, я не спорю. Об этом мне говорил еще Дмитрий Александрович Ошанин.

В.Д. - Это плохое определение, потому что с ним связаны житейские и другие ассоциации.

А.М. - Да, даже гносеологически непонятно, как можно понять адекватное отражение, когда процессу свойственно искажение. Но это другой вопрос. Давайте сейчас его не будем обсуждать. Все дело в том, что пока мы еще не нашли подходящего понятия.

В.П. - Поэтому сейчас Аршак часто вместо понятия искажение употребляет «образование анизотропных отношений».

В.Д. - Вот это лучше!

А.М. - Анизотропное отношение в том смысле, что стержни одинаковы по величине на сетчатке глаза, но когда испытуемый один из них фиксирует, то другой воспринимается уменьшенным, т.е. образуется неоднородность (анизотропность) при объективной одинаковости их проекции на сетчатке.

В.Д. - Я это понимаю, но сейчас мне важна административная сторона этого дела. Значит, найдены возможные иллюстрации, подтверждающие исходные гипотезы? Что же исследование закончено?

А.М. - Нет!

В.Д. - Тогда еще раз объясни. Какие трудности стоят перед лабораторией в решении этих сложных неординарных задач? Какие проблемы должны решать твои сотрудники в течение пятилетки?

А.М. - Я понимаю ваш вопрос, на который можно ответить очень просто. Ведь сказали о гибкости, полифункциональности восприятия, когда один и тот же механизм искажения образует возможность восприятия и константно-аконстантного, и глубины, и разноудаленности и т.д.

В.Д. - То, что ты сейчас говоришь, можно иллюстрировать чисто эмпирически, экспериментально?

А.М. - Да, конечно!

В.Д. - Значит закончен определенный теоретический этап вашего исследования. Как же можно сформулировать ваши планы на следующие годы? Что же вам не понятно, чтобы исследовать это дальше? Ты можешь сказать мне, что поставишь новую проблему, когда важнейшим механизмом восприятия является образование анизотропных отношений. Конечно, но вам скажут, что это за проблема? Почему, чем важно изучение такого типа отношений? И вы должны сказать, какие именно вопросы.

А.М. - Да, верно. Если вы заметили, мы до сих пор изучали образование отношений при статических условиях. Теперь необходимо посмотреть, как происходит образование анизотропных отношений между данными последующих моментов времени относительно предыдущих, когда объект или отражатель находятся в движении. То есть изучать динамику всевозможных перемещений объекта и субъекта при различных условиях восприятия. Как происходит образование анизотропных отношений в этих условиях восприятия, мы не знаем. Панов начал это изучать, но он часто впадает в физикализм, повторяя Вундта и Леонтьева. Он берет движение в механическом ньютоновском содержании, а не как образование анизотропных отношений.

В.Д. - Это потому, что ты ставишь перед Пановым такие проблемы, когда он вынужден находить такие хитроумные, неожиданно парадоксальные методики, которые не были бы построены на продуктах восприятия.

А.М. - В этом и сложность. Поэтому-то и затягивается его диссертация, несмотря на то, что для изучения воспри-

ятия движения мною уже придуманы соответствующие нашим задачам методики исследования.

В.Д. - Между прочим, по тому как ты сейчас развиваешь эти проблемы, получается не только твоя докторская диссертация, но и десятки кандидатских.

В.П. - Так оно и есть.

В.Д. - Такая постановка проблемы, - это целое направление исследований. Это громадное поле исследований. Здесь нужно не искать окончательные ответы, а демонстрировать умение так обсуждать проблему, так анализировать эксперименты, чтобы показать решение неожиданно поставленных вопросов. Вот это вам и надо.

А.М. - Мы именно этим и занимаемся в настоящее время. Уже разработана методика исследования восприятия движения.

В.Д. - А в чем трудность этих опытов?

А.М. - Здесь трудность не в методике, а в анализе и понимании этих экспериментов. При анализе Панов неосознанно выступает как физикалист, как традиционный психофизик.

В.Д. - Знаешь что, это знаменательная проблема - принцип дополнительности. Я не могу познать, что такое объект, ибо сам, как исследователь, подхожу со своими средствами, которые уже заранее искажают ситуацию чистого объекта, поскольку я уже наблюдаю результат взаимодействия этого объекта с самим собою.

А.М. - Да, ситуация аналогичная.

В.Д. - Ты знаешь, Н. Бор неоднократно ссылался на психологические работы и показал, что в психологии также работает «принцип дополнительности».

А.М. - Да, с этим я знаком, у меня есть книжка Бора. В настоящее время мы мучаемся над тем, чтобы у Панова образовался этот новый способ мышления.

В.Д. - Я это понимаю, но почему ты говоришь только о Панове? Если честно, меня все время спрашивают: что делает эта лаборатория? Куда они идут?

А.М. - Относительно Панова ясно, чем он занимается. Это восприятие движения, это время и пространство вместе

как акт непосредственно-чувственного отражения. Это понятно. Теперь перейдем к работам Мориной. Вы помните, я рассказывал вам, что она изучает анизотропность пальцев не только по их длине, но и по анизотропности мышечно-суставных различий, которые позволяют осуществляться осязательному восприятию объектов.

В.Д. - Оpozнание шариков и кубиков?

А.М. - Да.

В.Д. - Теперь я к вам обращаюсь. Скажите ваше имя, отчество.

Н.М. - Наталья Львовна.

В.Д. - Наталья Львовна, я не знаком с литературой по опознанию в осязании. Имеется ли описание подобных экспериментов в литературе?

Н.М. - Конечно, нет. В литературе ищут уже известные свойства объектов, а не то как эти свойства выявляются в процессе осязания.

В.Д. - Тогда это само по себе интересно. И что же?

А.М. - То, что здесь также благодаря анизотропности пальцев происходит опознание форм объектов. Главное, когда мы искусственно нарушаем анизотропность пальцев руки, испытуемый наощупь не отличает куб от шара. Но пока мы предварительные эксперименты проводим.

В.Д. - Эксперименты имеют возрастной аспект?

А.М. - Нет, это нас не интересует, так как мы изучаем принцип анизотропности независимо от возраста испытуемых.

В.Д. - А на Западе есть литература по подобным проблемам?

А.М. - Нет, и не может быть, потому что они изучают либо феномены процессов отражения через их же продукты, либо математически моделируют процессы между этими продуктами. Вот совсем свежая работа Найссера. Он правильно критикует ассоциативную психологию, гештальтистов, а в конце концов предлагает кибернетику и изучение информационных процессов. Но информация - это

продукт уже отраженных процессов. Он переходит к Пиаже и Гибсону.

В.Д. - Но Гибсон описывает объективные свойства и восприятие определяет по тем признакам, которые имеет объект.

А.М. - Значит опять не то! Он опять берет заранее отраженные результаты, которые ищет в свойствах света, воздействующего на сетчатку глаза. Поэтому если глубоко вдуматься, мы ищем возможность отражения как возможность, которая заложена природой. Другой пример изучения: анизотропность головы и ушных раковин при восприятии звуков - это исследование Зальцмана.

В.Д. - Скажи, пожалуйста, понятие анизотропности только у вас используется?

А.М. - Нет, это понятие у физиков означает неоднородность в каком-либо направлении.

В.Д. - Тогда при формулировке задач на следующую пятiletку коротко сформулируйте их через понятие анизотропность - неоднородность в терминах изучения анизотропности как механизма.

А.М. - Нет, как принципа.

В.Д. - Как принципа построения образа (отражения не надо). А затем укажите, в какой практической области находят применение эти исследования.

А.М. - Это у нас давно определено. Это применяется в разработках «искусственного интеллекта» - роботостроении. Интересно, что мы не употребляем «неоднородность», т.к. в отличие от анизотропности это понятие заранее предполагает уже отраженные элементы и указывается их неоднородность. Теперь дальше. Козлов работает над большой проблемой, связанной с тем, как в психологии изучали зрительные иллюзии. Вы знаете, что у Пиаже, Грегори и других исследователей зрительные иллюзии являлись экспериментальным доказательством выдвигаемых ими теорий восприятия. И когда мы стали рассматривать иллюзии как уже отраженные продукты, тогда проблемы, связанные с иллюзиями, оказались следствием их традиционного анализа с

точки зрения уже отраженных признаков. Мы же отвергаем этот эмпирический подход к иллюзиям и рассматриваем их как следствие образования анизотропных отношений. В качестве примера можно рассмотреть иллюзию Мюллера-Лайера. Ведь в ней сравнивается длина двух равных отрезков, которые заключены в различных фигурах. То есть берут признак величины независимо от формы, частью которой является эта величина, мысленно абстрагированная от формы, которая в разных сочетаниях форм будет разной. То есть сравниваемые отрезки не могут быть воспринимаемы как одинаковые изолированные от формы обычные отрезки, потому что в процессах восприятия формы задействованы механизмы образования анизотропных отношений. Требование их одинаковости в различных формах - это гносеологическое требование о непременном соответствии объекта и образа, согласно которому отрезки одинаковы по величине вне формы. Это значит, что эти заранее выделенные величины - продукты отражения.

В.К. - Получается, что исследователи требуют, от испытуемого выделения отдельных линий в этой фигуре. Т.е. происходит поиск изоморфизма.

В.Д. - То есть все уже абстрагировано, отдельно, вырвано из собственных отношений.

А.М. - Да, вырвано из реального процесса образования отношений. Вы обратили внимание, что это аналогично проблеме опознания образов, где также выделяют признаки, а потом с ними действуют?

В.Д. - Вот почему, когда они ставят эти выделенные признаки в контекст, то они уже не работают, потому что они сухорукие абстракции. Именно поэтому в таких случаях распознавания машина садится в галошу. Да, интересный ход мысли. Они, конечно, указывают на зависимость от окружения и т.д.

А.М. - Но как объект, так и его окружение берут уже отраженными как продукты, например, уже выделенные фигуру и фон и т.д.

В.Д. - Тогда весь вопрос упирается в следующее. Вся наша научная терминология такова, что при изучении процессов восприятия мы ориентируемся на абстрактные уже отраженные продукты.

А.М. - Мы это формулируем обычно так: как через уже отраженное можно понять, как отражается?

В.Д. - Ведь это знаменитая старая проблема, которая сформулирована Гегелем и подчеркнута Лениным. Как можно через дискретное понять непрерывность, бесконечность?

А.М. - Дурная бесконечность!

В.Д. - Здесь то же самое, так оно и есть.

В.П. - Да, здесь образование отношений - это дискретное, которое дает в продукте процесс восприятия, и восприятие непрерывно.

В.Д. - Можно ли сформулировать результаты этих экспериментов более или менее понятным языком для роботостроения? Им нужно доказать, что у них не получается, не потому, что они глупы, а потому, что у них неподходящая система анализа подобных проблем, абстрактно вырывающая исследуемый объект, почему и не получается ожидаемый эффект.

А.М. - Мы именно так и поступаем. Практический выход будет через искусственный интеллект.

В.Д. - Создание перцептронов. Дрейфус четко видит крах кибернетиков.

А.М. - Да, но он ничего нового не предлагает. У него очень детский подход, американский, поверхностный, внешний.

В.Д. - Без соответствующего глубокого анализа он поймал их в собственных противоречиях. Например, книга «Машинное зрение».

А.М. - Но это же чистая техника, изобретение. Это все не серьезно, не научно. Недавно я читал книгу Ильенкова «Проблемы идеального». И что интересно, он показывает идеальное также объективно. И мы стараемся показать, что отражение как явление в мире также объективно.

В.Д. - У нас многие философы сейчас занимаются проблемами отражения. Недавно я читал статью, которая написана для журнала «Вопросы философии», «Соотношение принципа развития и отражение». Автор рассматривает отражение как момент объективно развивающейся системы. Правда, там используется опыт биологических систем.

А.М. – Значит, опять через продукт отражения!

В.Д. – Вообще, это умный автор. Тебе нужно с ним поговорить. У него нетрафаретные рассуждения на эту тему.

А.М. - Когда я читал про идеальное у Ильенкова, думал: да, идеальное объективно, и он показывает, что это объективное образовалось через социально-культурное. А я спрашиваю, значит оно имеет начало? Т.е. когда образовалось социальное, то тогда возникло и идеальное? Значит, имеет начало? А философия это отрицает, т.к. из ничего не может образоваться что-то. Как раз не хватает того, что имело возможность осуществления начала идеального, что обуславливало образование идеального при переходе к социальным отношениям.

В.Д. - Непонятно! Что ты имеешь в виду?

А.М. - Ильенков говорит, что идеальное имеет свое начало в образовании социальных отношений. Но дело в том, что идеальное еще до перехода к социальным отношениям человека должно было иметь возможность своего образования. Непосредственно-чувственное психическое отражение, как мы понимаем, и есть проявление этой возможности.

В.Д. - Но в этом случае понятие «отражение» не подходит.

А.М. - Это мы хорошо знаем, но пока еще не нашли адекватного понятия. Здесь важно, что должна быть изначальная природная возможность, чтобы потом на ее основании стало возможным социально обусловленное общение.

В.Д. - Однако Ильенков борется против тех физиологов, которые считают, что психика есть только функция мозга, игнорируя роль социального в процессе формирования идеального. Ведь они все берут уже готовую психику как отправле-

ния органа мозга. Это же дикость! Ты читал книгу Д.И. Дубровского «Мозг и психика»? Вышла громадным тиражом.

А.М. - Да, это дикость. Но обратите внимание, что я говорю, как возможность, как природное основание. Это не имеет ничего общего с пониманием психологов и физиологов. Они в качестве оснований берут функцию мозга не только в качестве феноменов в современной понимании работы мозга, но и историю его развития в филогенезе и онтогенезе. Чтобы было понятно поясню, что значит «природное основание», если его не брать как филогенез, онтогенез, генетику, биологию, физиологию. Возьмем симметричность как процессуально-структурную организацию живого, являющуюся природным основанием отражения. При этом анизотропность является нарушением симметричности, благодаря которой преодолевается гомогенность и порождается новое, т.е. происходит отражение. Сказанное можно наглядно продемонстрировать на примере правой и левой рук человека. Они симметричны относительно тела человека и одновременно анизотропны как противоположные руки, благодаря чему и становится возможным пространственное отражение и охват предмета. Аналогично, большой палец руки противопоставлен другим пальцам и т.д. На основании этих природных принципов становится возможным отражение только потом в социальном общении образуется понятие, т.е. идеальное.

В.Д. - Эти формулировки напишите и, пожалуйста, дайте мне. Это очень интересно!

А.М. - Но эти рассуждения у нас давно уже сформулированы.

В.Д. - Но ты впадаешь в физику. Овчинников давно писал о симметричности и нарушении симметричности как основных понятиях физики.

А.М. - До Овчинникова об этом писал Кюри, Бор и другие. Даже Кюри показал, что асимметричность - анизотропность кристалла порождает новые свойства этого кристалла в сравнении с аналогичными симметричными кристаллами. Знаменитый Пастер пришел к выводу, что возникновение

живого из неживого возможно вследствие нарушения симметрии и образования асимметрии молекул при воздействии света. Вот на таком уровне природности мы рассматриваем асимметричность противопоставленных рук, благодаря чему и становится возможным образование отношений между ними и отражение пространственных свойств объектов.

В.Д. - Скажи, пожалуйста, а принципиальную асимметрию органических процессов и их выражение, например, в структуре и асимметричность мозговых структур полушарий ты считаешь, как вторичное выражение симметрии?

А.М. - Да. Асимметричность у нас не имеет ничего общего с тем, как она понимается относительно полушарий мозга. У них асимметричность описывается на феноменальном уровне как функция мозга. А у нас асимметричность выступает как принцип отражения, как принцип порождения нового, имеющий место в любом органическом и процессуальном характере процесса. Рубен из Еревана, с которым мы сотрудничаем, собрал много фактов о роли асимметрии в физике. Оказывается, при изучении элементарных частиц атомного ядра физики сначала исходили из принципа симметричности явлений, что не объясняло феномена появления античастиц. Только благодаря преодолению ограниченности понимания явлений по принципам симметричности процессов и переходу к пониманию значимости асимметричности как принципа в этих явлениях стало понятным протекание процессов в элементарных частицах. Физики, как и психологи, думали о процессе через его уже отраженный продукт, т.е. через принцип симметричности в понимании явлений. Однако оказалось, что асимметричность - основа процессов квантовой физики и именно это дало возможность объяснения появления античастиц в этих процессах. Это и является проявлением асимметричности в квантовой физике. Т.о. происходит очевидная трансформация физикального образа мышления. Традиционное эмпирическое причинно-следственное понимание получило трещину после открытия существования античастиц. Поэтому в явлениях физики асимметричность

вместе с симметричностью стала равноправным принципом и способом рассмотрения других явлений. По сути дела, это было проявлением закона диалектики о противоположностях, который стал объектом познания не только философов, но и физиков, и естествоиспытателей. Вот почему для нас симметричность рук и их противопоставленность друг другу образуют анизотропность. Или разные длины пальцев одной руки, их пространственная анизотропность - стали значимыми природно порождающими основами осязательного восприятия пространственных свойств объектов. Значит, анизотропность как свойство, необходимое для появления нового качества у кристаллов, у человека является условием для отражения пространственных свойств и отношений объектов при наличии фиксации (память) этих отношений. Такое понимание процесса отражения ставит по-новому вопрос об адекватности в ее философском понимании как соответствия между объектом и образом, которое является сравнением уже отраженных, уже ставших объекта и образа, отношений между ними и теми процессуальными возможностями психического отражения, где без искажения невозможно образование отношений, приводящих к появлению отраженных свойств объектов. Ведь вы знаете, в психологии Ананьев, Веккер, Ломов, Зинченко и другие считали, что движение руки и пальцев делает возможным отражение пространственных свойств осязаемого объекта. Но они не учитывали, а что же само движение отражает?

В.Д. - Они продолжали линию абстрактного истолкования процесса осязания Вундтом и Сеченовым.

А.М. - Да, они заранее исходили из того, что объект имеет признак угловатости и движение руки или пальцев выявляет переход с одной грани объекта на другую. Но они не учли, что угловатость это уже отраженное свойство, это уже продукт отражения и поэтому не раскрывается особенность самого процесса отражения. Что же приводит к этому продукту - угловатости? Мы же, напротив, показываем, что именно благодаря анизотропности пальцев руки и образуют-

ся различные отношения, приводящие к отражению угловатости и что главное, движение руки в процессе осязательного отражения является условием создания анизотропных отношений в различные моменты времени.

В.Д. - То, о чем ты нам рассказываешь, надо писать и публиковать где-нибудь!

А.М. - В чем у нас трудность? В том, что для изложения этих мыслей мы пока не выработали адекватного языка и понятий. Понятно, я привел только один пример, показывающий, как в психологии содержание процесса восприятия исследуют посредством данных уже отраженных, ставших продуктом этого процесса. Аналогичным образом действуют и при исследовании физиологии сенсорных систем. Вы знаете, в последние годы в зрительной системе нашли детекторы, отражающие какие-то признаки: направления движения точек, кривизну линии и т.д., посредством которых, как они думают, происходит процесс опознания объекта. Эту гипотезу у нас исследуют В.Д. Глезер, Е.Н. Соколов и другие. Вслед за ними многие кибернетики пытаются этот способ опознания моделировать в машинах. Но все они не учитывают, что процесс опознания по признакам невозможен. Признак - это уже отраженный продукт процесса, принципы работы которого в продукте уже не содержатся и поэтому по продукту понять процесс в этом случае невозможно, т.к. особенности самого процесса скрыты от исследователя по той причине, что он имеет дело только с уже отраженными продуктами этого процесса.

В.Д. - Я не признаю детекторов. Они лишь частные признаки отражают. И кроме этого не может эволюция живого ориентироваться на подобные признаки. Впрочем, я не знаю, может быть в этих исследованиях что-то и есть.

А.М. - Вы не обратили внимание на то, что «угол», «прямая линия» и т.д. - это уже отраженные описания геометрических понятий, которые не могут иметь место в сенсорной организации животных и человека. Ведь Хьюбель и Визель провели эксперименты на кошках.

В.Д. - Давайте закончим. Я уже плохо воспринимаю, но смысл всего сказанного ясен, мне во всяком случае ясен. Давайте к понедельнику на трех страницах кратко изложите все это.

А.М. - Мы обязательно напишем, только это написанное вам придется редактировать так, чтобы и другим было понятно.

В.Д. - Организационно, что следует из всего этого?

А.М. - Безвыходное наше положение... Серьезно без смеха.

В.К. - Это смех сквозь слезы.

В.Д. - Ты считаешь, что вы не можете действовать в этом вакууме?

А.М. - Где нам искать единомышленников?

В.Д. - Почему не берешь аспирантов?

А.М. - Все современные аспиранты хотят быстро защищаться. Сейчас умными аспирантами считаются хорошие физикалисты. Вот так мы и живем, Василий Васильевич!

В.Д. - Тогда берите умных людей научными сотрудниками. Потому что при таком глубоком изучении психики пять сотрудников очень мало.

А.М. - Окружающие нас не понимают. Вы считаете, что исследования по восприятию движения, которые проводит Панов, умными и оригинальными. А вот когда мы это докладывали на съезде психологов в Москве, Ю.Б. Гиппенрейтер, как председатель секции, писала в журнале «Вопросы психологии», что этот доклад не понятен. А ведь она является специалистом, хорошим экспериментатором.

В.Д. - Но она чистый физикалист!

А.М. - Вы заметили, что между мной и В.П. Зинченко научный контакт не получается, несмотря на хорошие дружеские отношения между нами? Если бы не было вашей поддержки, то не существовала бы эта лаборатория, и работы, которые мы обсуждаем.

В.Д. - Твой пессимизм мне понятен, это направление преждевременно, но несмотря на это надо все это более или

менее понятно излагать. Пока наступят благоприятные условия в науке в социальном и научном плане. Это я понимаю, поэтому сейчас доказать большинству психологов бессмысленность реактивных представлений невозможно. Даже Леонтьев дошел до того, что он поместил свою деятельность как среднее звено в формуле S-R. Теперь пишут S-D-R. Уму не постижимо!

А.М. - Да, непонятно. При чем в этой формуле «деятельность»?

В.Д. - Вчера мы говорили с Даниилом Борисовичем. Он говорит: «Я не понимаю, почему Леша и другие стали приклоняться перед теорией рефлексологии Павлова? Даже свое понимание деятельности всовывают в схему S-R». Я говорю, потому, что это общий образ мышления, идущий от дуализма Декарта. Это не преклонение перед Павловым и физиологией, а слишком привычный картезианский образ мышления, который доминирует в умах многих современников. Даже у Леонтьева.

А.М. - Да, это косность мышления.

В.Д. - Именно так и я понимаю. Но то, что ты затронул вопрос об анизотропности - это еще более глубокий, более фундаментальный уровень мышления. И ты хочешь, чтобы тебя сейчас понимали и принимали? Поэтому надо создавать микросреду в нашем институте, чтобы в дальнейшем получить распространение в тех областях психологии, философии и кибернетике, где есть люди, имеющие потребность заниматься такими фундаментальными вопросами. Надо распространять эти представления. Скажу прямо, порой собственное неумение найти адекватный способ изложения новых представлений приводит к мысли, что люди вас не понимают. Есть и объективные трудности. Вы пока не можете объяснить так, чтобы другим стало понятно. Но мне кажется, что порой вы преувеличиваете объективные сложности. В узкой среде вас поймут, например, Михайлов, Логвинов и др. Теперь надо пробивать свои тезисы, может быть, даже ради чистоты своего понимания, а не современ-

ного понимания. Конечно, я еще как следует не разобрался, но мне кажется, само представление Леонтьева о том, что при столкновении предмета и деятельности, деятельность формируется самим предметом еще до возникновения образа. Это в общем какое-то такое сближение, идея, поисковые движения тоже в этой плоскости. Конечно, это чистоту твоего подхода не обеспечит, может быть нужно будет большее философско-гносеологическое введение для того, чтобы делать эти идеи рабочими, операторными понятиями для других. Понятия анизотропности, асимметричности и другие. Но это длительный процесс, надо, чтобы другие привыкали к этим понятиям. Я боюсь, как бы это благородное негодование, что все шагают не в ногу, не стало причиной отыскания средств более доходчивого распространения этих идей.

А.М. - Василий Васильевич, как раз я хотел Вам изложить другой путь сделать эти идеи доходчивыми. Это путь к техническому моделированию этих принципов, чем я и занимаюсь последнее время. Это попытка создания такого перцептрона, в котором будут действовать наши принципы. Поэтому нам необходимы такие сотрудники-инженеры, которые не подходили бы к этим вопросам традиционно, чтобы наши принципы отражения не перевели бы на обычный кибернетический язык, язык обратной связи, теории информации и т.д. Чтобы моделировали не продукты отражательного процесса, а принципы отражения, которые приводят к продуктам этого процесса.

В.Д. - Я понял, что здесь не может работать нормальный обычный инженер. У Вени Пушкина есть такой инженер, но он слишком привязан к парапсихологии.

А.М. - Вы представляете, если у нас получится это моделирование, то какое огромное оборонное значение будет иметь эта распознающая машина?

В.Д. - Я не знаю, получится ли? Но представляю научно-практическое значение этого дела. Эта большая научная логика уже имеется. Потому что, то, о чем мы рас-

суждали в начале сегодняшнего разговора, особенно об анизотропности образования отношений и т.д., которые не вписываются в традиционное понимание процессов психического отражения, я носом чувствую, что здесь возможен ход мысли, выходящий за рамки древней и новой философии. Может быть, это красивая иллюзия, но, поскольку я воспитан гегелевской классической философией, то мне кажется, что-то очень принципиально важное лежит за этими идеями.

**Обсуждение идеи концепции
«Трансцендентальной психологии»
с Э.И. Кочуровой⁵**

Десять лет назад в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР выступал с циклом лекций о философской системе Декарта недавно ушедший из жизни оригинальный мыслитель Мераб Константинович Мамардашвили. Эти лекции регулярно обсуждались сотрудниками нашей лаборатории. В одном из таких обсуждений и обозначились контуры новой научной концепции, названной автором «Трансцендентальная психология», в которой психическое отражение предлагается изучать как порождающий процесс, реализующийся по принципам, не зависимым от данных непосредственно-чувственного восприятия.

Вместо заключения к публикуемому диалогу, участниками которого были автор и старший научный сотрудник его лаборатории Э.И. Кочурова, предлагается написанное 10 лет спустя предисловие к будущей книге «Трансцендентальная психология».

26.02.81

В беседе приняли участие: А.И. Миракян (А.М.), Э.И. Кочурова (Э.К.)

А.М. - В прошлый раз мы говорили, что возможно трансцендентальное рассмотрение как психики и сознания, так и объективных явлений. Трансцендентальное рассмотрение этих явлений заключается в том, что по возможности максимально исключается эмпирический способ мышления. Таким образом осуществляется выход за пределы данностей мышления и сознания. Но, что есть данность мышления и сознания? Как Декарт «очищает» сознание от эмпиричности? Декарт считает, что когда понимание каких-либо вещей

⁵ Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии (книга 2). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 125-139.

или их свойств строится, исходя из эмпирического опыта, то обязательно берется одно и определяется через отношение к другому. Однако, это способ не может считаться правильным способом мышления, так как в данном случае суть или свойство вещи определяется не через саму вещь, а через отношение. Этот тезис Декарт раскрывает на примере понятия тяжести. Тяжесть определяется как сила, с которой тело притягивается к поверхности Земли, т.е. сила притяжения, которая проявляется в повседневно наблюдаемых фактах падения предметов на землю. Ведь раньше люди не знали, что такое притяжение.

Э.К. - Значит они исходили из эмпирической данности того, что все предметы падают на Землю. И Декарт считает, что человек определяет тяжесть, как свойство вещи на основании знания того, что вещь тяжелая.

А.М. - То есть приписывается свойство тяжести вещным объектам. Вот в чем дело.

Э.К. - Да, и это свойство рассматривается уже как сущностное свойство объекта. А Декарт говорит, что оно не может быть сущностью, поскольку взято в отношении к Земле, относительно земного притяжения.

А.М. - А какой должна быть сущность по Декарту?

Э.К. - Сущность должна быть «чистой», т.е. быть самой в себе?

А.М. - Не совсем точно... Сущность есть то, что определяется через самое себя, посредством самого себя.

Э.К. - То есть не через отношение к другим вещам или свойствам вещей, а через самое себя. А таковым является «А мыслю...».

А.М. - А что здесь берется?

Э.К. - Осознаваемый акт мышления, актуальный процесс мышления.

А.М. - Потому что, если бы я не мыслил, то не мог бы утверждать, что я существую.

Э.К. - Да, тогда вообще говорить не о чем.

А.М. - «Я мыслю» и еще «Я существую». Оба эти мо-

мента Декарт полагает вместе. А существование дает через протяженность. А как, скажем, Кант поступает с протяженностью?

Э.К. - Освобождается от нее.

А.М. - Кант берет протяженность как чистое пространство, пространственность вообще, как трансцендентальное. А что значит трансцендентальное?

Э.К. - Дословно: выходящее за пределы.

А.М. - Вслед за Кантом этому понятию придают гносеологическое значение. Трансцендентальным называют априорные условия познания, находящиеся вне сознания человека.

Э.К. - Согласно философскому словарю, трансцендентальность - это «переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира».

А.М. - Но трансцендентально ли такое рассмотрение? Ничего подобного. Оно эмпирично. Выход за пределы сознания - это, фактически, невозможный акт.

Э.К. - Потому что это должен делать человек, будучи в сознании, будучи мыслящим.

А.М. - Да. Значит «выход за пределы» - это просто метафора для представления того, о чем идет речь. В этом смысле мое первое определение трансцендентальности было еще более правильным.

Э.К. - Имеется в виду рассмотрение мира и сознания при максимальном исключении эмпирических способов мышления?

А.М. - Правильно. Здесь уже вопрос о границах не ставится, а ставится вопрос о сведении к минимуму того эмпирического, что есть в сознании и что дано сознанию через эмпирический опыт. Но я хотел говорить о другом, очень важном. Продолжая наш разговор о трансцендентальности, я все время клоню к одному...

Э.К. - К трансцендентальной психологии.

А.М. - Да. Но что это такое? В течение недели я только и говорю об афизике и трансцендентальной психологии. Когда

я сказал об этом Василию Васильевичу Давыдову, он сразу схватился за эту идею. Что такое афизика? Декарт говорит о тяжести: ее нет в вещах, она приписывается им как свойство на основании эмпирического опыта. Разве это не афизика? Ведь это против Ньютоновской физики, базирующейся на эмпирическом подходе к явлению. Но когда я говорю об афизике, к чему это относится?

Э.К. - К способу мышления.

А.М. - И у Декарта относится к способу мышления, как к способу полагания объекта и силы тяжести как приписываемого ему свойства. Декарт называет неверным такой способ полагания и выходит за пределы эмпирического мышления. А каково содержание выхода в афизике?

Э.К. - Здесь тоже выход за пределы того мышления, которое сложилось.

А.М. - Относительно чего? Относительно психики и психических явлений. Это суть афизики. Как во времена Декарта эмпирический опыт отрицался относительно физики Ньютона, так же и сейчас нужно отрицать физикальный (эмпирический) способ мышления относительно психических явлений. То есть происходит то же самое, но на другом объекте. И здесь возникает очень важный вопрос: что значит отрицать? Ведь полностью отрицать невозможно.

Э.К. - Наверное, нет.

А.М. - Разве Декарт полностью отрицал эмпирию? Нет. Он оставил «мышление» и «существование», «сознание» и «протяженность» или «душу» и «тело». И свою теорию строил на этом. А что еще сохранил Декарт, что до сих пор оставалось незамеченным, и чем я сейчас занимаюсь? На последних страницах моей рукописи фактически об этом и идет речь.

Э.К. - Прежде всего способ полагания Декарта сохранил черты физикализма.

А.М. - У Декарта в качестве исходного остается идея. Что значит, остается идея? Это значит, что остается эмпирический продукт мышления, продукт процесса психического

отражения. Вот ответ на этот вопрос. А что такое физика, физикальный образ мышления? Мышление через продукты психического отражения.

Э.К. - У него «Я мыслю, следовательно, существую». Но чем я мыслю, откуда берутся идеи?

А.М. - У Декарта все очень просто - идея у меня присутствует, значит, со мной родилась. Но если берет идею уже как готовую, то, значит, он тоже опирается на эмпирию через данность этой идеи сознанию, через осознание идеи вещи.

Э.К. - Отрицая эмпирию, Декарт делает идеи врожденными и освобождается таким образом от всего реального мира, не замечая того, что сами идеи взяты им из того же реального мира.

А.М. - Нет. Речь о данности этих идей, об их законченности, как продуктах отражения. Для нас это важно. Идеи есть законченный результат процесса отражения. А что такое афизика? Это то, что отрицает возможность изучения психических явлений через продукты уже законченных процессов психического отражения, через данность сознания. Что получается? Если Декарт был трансценденталистом, то мы должны быть еще более трансценденталистами, так как, изучая психические явления, мы должны быть еще более строгими в своих исходных основаниях и исключать данность не только физического, но и психического в уже отраженной форме, в форме образа, понятия, идеи и т.п. Разве это не есть трансцендентальный подход к рассмотрению психики?

Э.К. - Да.

А.М. - Декарт оставил в качестве исходного «врожденные идеи» или «свет ума». Фактически он не объяснял и не имел дела с психическими явлениями, беря их в форме данности, в форме продукта уже ставшего, свершившегося процесса.

Э.К. - Тем самым он не рассматривал процесс психического отражения как предмет исследования и брал за основу его продукт, отсюда – «Я мыслю».

А.М. - Да, но, когда он взял «Я мыслю» в качестве исходного основания, он снял философскую проблему исти-

ны, определяемой через самое себя безотносительно к чему-либо. При этом, оставив только мышление и протяжение, определяемые другими философами через органы чувств, через опыт и т.д., он свел к минимуму использование эмпирических данных в полагании объекта исследования. Но, мышление посредством «интуиции» и «света ума» стало основанием для объяснения психологического, являясь при этом данностью сознания, продуктом процесса отражения. Изучая Платона и стоиков, я говорил, что у них «идеи» или «пневма» изначальны и существуют до опыта. Однако, это не та. Если посмотреть глубже, то видно, что изначален здесь все тот же уже отраженный объект, так как в самой идее уже содержится знание о принадлежности, отнесенности этой идеи к данности объекта или его свойств. Иными словами, эмпирически сформировавшееся представление об объекте присутствует и у этих мыслителей в форме скрытой изначальной данности, в форме имплицитной самости объекта. Как же должны решаться эти вопросы трансцендентальной психологии или «Наукой психики»?

Э.К. - Для этого необходимо рассмотреть процесс порождения самого идеального.

А.М. - В данном контексте такой ответ недостаточен. Декарт предлагает врожденные идеи, говорит, что есть «свет ума», а чем мы все это заменяем? Они-то на самом деле есть. В свое время гештальтисты говорили, что есть гештальт, есть инсайт, есть бессознательная интуиция. Есть ассоциации, деятельность, установка и т.д. Эти факты, явления, феномены существуют в психике. А как мы пытаемся объяснить возможность порождения психического отражения?

Э.К. - Принципами отражения, закономерностями, по которым происходит отражение.

А.М. - А откуда мы берем эти закономерности? Разве другие психологи не искали закономерности отражения? Чем же мы отличаемся от них?

Э.К. - Наверное, при трансцендентальном рассмотрении порождения и функционирования психики мы максимально

ограничиваем то, что можно взять из арсенала познания. Конечно, полностью освободиться от данностей человеческого мышления мы не можем, поскольку должен сохраняться тот минимум, на который мы опираемся, своеобразный философский «минимум познания», с точки зрения которого мы и рассматриваем процесс порождения психического (идеального).

А.М. - Где же мы берем закономерности, составляющие содержание этого «минимума познания»?

Э.К. - Поскольку само отражение является процессом, который материален по природе, то поиск этих закономерностей производится в природе... они берутся из природы, из уже познанных природных принципов. Поэтому необходимо использование фундаментальных данных о свойствах материального мира.

А.М. - Закономерности порождения мы ищем не в субъекте, не в его мышлении и т.д., как это делает традиционная психология, а в материи. Это же просто!

Э.К. - Я это и имела в виду: природа и есть материя. Мы исследуем закономерности природы...

А.М. - Исследуем свойства материи, закономерности развития, формопорождения и движения, одной из форм которого является психическое отражение. Что нам дает такой подход?

Э.К. - Возможность определить, найти общеприродные принципы, лежащие в основе психического отражения, принципы, обеспечивающие саму возможность порождающего процесса психического отражения.

А.М. - Это верно, но я хочу сказать другое. В данном контексте мы рассматриваем психическое как трансцендентное, а за основу берем материю, ее развитие...

Э.К. - И таким образом получается трансцендентальный материализм.

А.М. - Вот это и есть главное. Философско-методологически-трансцендентальный материализм, а для изучения психики - трансцендентальная психология. А материалисты

- Гоббс, Кондильяк, Фейербах, даже Маркс и Ленин - брали психику как результат воздействия на органы чувств, т.е. подобно пониманию свойства тяжести вещей на основании эмпирического сознания.

Э.К. - Субъективный образ объективного мира.

А.М. - Да. Но в этом не выражена материальность порождения образа, а только зафиксирован гносеологический смысл первичности материи относительно сознания. Это - чисто философское содержание отношения материи и сознания. Это глубоко эмпирическое понимание распространяется на психическое отражение, особенно при изучении законов порождения психического. Вот, что важно: понимание материальной основы возможности порождения психического, а не противопоставление уже отраженных, разделенных понятий объекта и субъекта, материи и сознания.

Э.К. - Да, в той формулировке, что принимают материалисты – «субъективный образ объективного мира» - присутствует идеальный образ и материальный мир...

А.М. - И образ при этом очень мало отличается от «идеи» Декарта. Декарт говорит, что, когда я вижу рисунок, изображающий человека, я не могу сказать, что это человек. Невозможный случай, чтобы эти черточки света и тени, не имеющие ничего общего с реальным человеком, воздействуя на мои глаза, создали его образ. Если у меня заранее нет образа человека, нет «идеи человека», то я не узнаю его в этом силуэте и не смогу сказать, да это человек. Фактически, акт восприятия Декарт сводит к акту сличения воздействия и идеи.

Э.К. - ...к оживлению врожденной идеи.

А.М. - Да... При этом изображение является как бы пускателем, а акт восприятия идет изнутри, осуществляясь через врожденные идеи.

Э.К. - ...Как испускание образа у древних пифагорейцев.

А.М. - Между прочим, теория испускания образов, предложенная античными мыслителями, была основана на той же логике, поскольку философы понимали невозможность акта восприятия только при факте внешнего воздействия на

органы чувств, без нашего участия изнутри. Каков же главный вывод нашего разговора?

Э.К. - Необходимость трансцендентальной психологии или науки психики на общей методологической основе афизики.

А.М. - Что такое афизика или трансцендентальный материализм? Для материалистов трансцендентальное невозможно, потому что материализм берет все через опыт. И ведь вот что интересно, берет через опыт, но вместе с тем все время опирается на идеальное, на отраженное, на продукты, образы. «Субъективный образ объективного мира» - это гносеологическое отношение, не психологическое, не онтологическое.

Э.К. - Да, здесь Ленин имел в виду только гносеологическое противопоставление материи и сознания.

А.М. - Дело в том, что психическое должно быть дальше от этого. Это то, что имел в виду Давыдов, говоря, что мы в материалистическом объяснении психики пытаемся идти дальше, чем сформулировано у Ленина. Василий Васильевич прекрасно понял, что возможности порождения психического отражения мы фактически ищем в закономерностях материи. А что означают «врожденные идеи» Декарта? Действительно, изображение человека и воздействие этого изображения на наши глаза отличаются от реального человека, и мы не могли бы узнать настоящего человека в нагромождении штрихов и точек, если бы у нас не было чего-то, подобного декартовской «врожденной идее».

Э.К. - Непонятно. Ведь идеи образуются в практике, в человеческой деятельности.

А.М. - В тебе говорит университетское образование лентьевской школы. Декарт ставит вопрос о том, как могут возникать идеи, если у меня ничего нет? И называет это, между прочим, загадкой всех загадок. А мы, фактически, решаем эту загадку. Потому что мы исследуем, как возникает образ конкретного человека, когда я вижу его впервые. Другими словами, как происходит процесс порождения «идеи

этого человека». Трансцендентальная психология имеет дело с теми принципами, на основании которых становится возможным процесс порождения идеального.

Э.К. - Причем, эти принципы основаны на знании свойств материи.

А.М. - Какие же принципы нам известны?

Э.К. - Принцип анизотропности, образования двуединых отношений, сопредставленности...

А.М. - И так далее. Но это, во-первых. Во-вторых же, необходимо отметить, что при формулировании этих принципов не используются продукты непосредственного процесса восприятия, т.е. отраженные свойства объектов. Но это означает, что, освобождаясь от продуктивности, мы замечаем, что процесс образования «идеи» человека при созерцании реального, скажем, Иванова или его силуэта (изображения) является одним и тем же. В том и другом случае «идея» порождается одними и теми же структурно-процессуальными закономерностями, несмотря на различия воздействий на сетчатку глаза воспринимающего. Здесь я хочу сказать, что мы обнаруживаем продуктивный, нетрансцендентальный уровень рассмотрения Декартом этих процессов. Он предполагает, что воздействия на сетчатку при лицезрении настоящего Иванова (знаешь, это любимый пример Мамардашвили) и его изображения должны быть одинаковыми. Физическая идентичность рассматривается как обязательное условие образования одинаковых идей. Здесь Декарт - остается на продуктивном уровне рассмотрения, используя уже отраженные, готовые результаты.

Э.К. - Но с другой стороны, как же иначе? Ведь, если черточки будут похожи не на Иванова, а на Сидорова, то человек не узнает, кто это такой.

А.М. - Речь не об этом. Когда Декарт говорит, что в нарисованном Иванове нет ничего похожего на настоящего живого Иванова, то он предполагает необходимость их объективной идентичности и упускает из виду то, что возможен такой психофизиологический процесс, для которого одина-

ково безразлично превращать отражение живого Иванова в «идею Иванова» или отражение нарисованного Иванова в ту же идею.

Э.К. - Получается, по Декарту, надо иметь две идеи: и на силуэт Иванова, и на Иванова живого.

А.М. - Нет, он говорит, что есть одна идея, но предполагает два различных объекта. А полагание двух различных объектов означает, что он берет их как взаимодействие на глаз, не учитывая возможность структурно-процессуальной идентичности этих двух воздействий, порождающих одну и ту же «идею Иванова».

Э.К. – Значит, Декарт исходит из того, что реальный Иванов и его изображение различны, не подозревая, что по каким-то структурно-процессуальным принципам протекание этих процессов идентично и приводит к одинаковым результатам.

А.М. - Да, вот видишь, разве это не похоже на то, что люди до Декарта приписывали вещам тяжесть, зная по опыту, что вещи имеют тяжесть? Здесь он тоже приписывает, исходя из опыта, что физически различны Иванов и его изображение. Поэтому невозможно получение их единой идеи.

Э.К. – Значит, он заведомо берет уже отраженные продукты, опираясь на их физические свойства, и по ним судит о процессах отражения этих свойств человеком.

А.М. - Да. Однако, вместе с этим у Декарта есть гениальная догадка, которая меня поразила своей глубиной: истина только то, говорит он, что дает не только содержание вещи, но и способ ее полагания. Вещь имеет тяжесть, потому что падает на землю, потому что мне тяжело ее тащить и т.д. Мы можем описывать явление тяжести. Истиной же является то, что в «идее» дано не только содержание, скажем, есть «идея Иванова», которая имеет содержание: мы можем описать голубые глаза, нос, руки, рост и т.д., т.е. содержание образа Иванова... Но это не истина, потому что содержание мы приписываем, т.к. берем относительно чего-то: голубого цвета как такового нет, величина зависит от другого сравниваемо-

го объекта, от его величины, от единицы измерения: футы, метры... Значит, «идея Иванова» не истинна, если она дана только через содержание. А истинны только те идеи, которые...

Э.К. - ...врожденные.

А.М. - Нет, врожденность относится к другой плоскости анализа. Идея истинна только тогда, когда дана через способ ее полагания.

Э.К. - Да, это истинно, потому что способ полагания совпадает...

А.М. - Совпадает - отличное слово! Совпадает или дан вместе с идеей. У меня есть идея моей мысли вместе со способом полагания этой мысли. И трансцендентальная психология фактически это и делает. По Декарту, мы дает способ полагания этой идеи. Не только «идею Иванова», но и способ восприятия через анизотропность, образование симметрично-двуединых отношений и т.д. И когда в дальнейшем люди будут говорить, что они воспринимают объект: «Я воспринимаю Иванова», и у них будет представление и о способе этого восприятия как процессе порождения, тогда противоречие между опознанием Иванова и его изображения не возникает. Особенности этого процесса приводят к единой или различным идеям. Значит, мы не отражаем объекты, а порождаем их посредством тех закономерностей, которые заложены в нас. Поэтому лучше использовать в психологии термин «порождение», а не «отражение», поскольку последний подразумевает психический процесс, исходя из имплицитной самости объекта и его свойств. Но свойства объектов представляют собой уже отраженные продукты того процесса, который является объектом нашего научного исследования. Не случайно, что веками ученые искали именно этот способ, принимая его, то как божественный дар, то как врожденную идею, через рефлекс, гештальт, теорию нейронов-детекторов и т.д. Философия, психология, физиология, фактически, искали эту возможность порождения идеального. Вот с чем имеет дело трансцендентальная психология.

Вспомни, Декарт говорит, что идея, которая дается через содержание объекта, - это неясная идея. Между прочим, до него так говорил Демокрит – «темные и светлые идеи». Фактически, психология и физиология занимаются тем, что объясняют способ полагания образа в идее объекта. Есть различные модели этого полагания. Когда мы строим афизикальную модель этого процесса, мы так же берем материю, ее свойства, закономерности ее развития, такие как дискретность, анизотропность, структурообразующий процесс и т.д.

Вот что важно: Декарт исключает развития вообще, так как говорит, что мыслит он только в данный момент. А что было раньше, что будет дальше Декарт не рассматривает, отрицая тем самым связь настоящего с прошлым и будущим, поскольку это предполагает использование эмпирического опыта, памяти и т.д. А это уже нетрансцендентальное рассмотрение явления. Но, если он не берет движение, если он не берет развитие, то, фактически, у него все неподвижно. А то, чем мы занимаемся, основано на представлении о развитии и движении во времени. То есть то, что Декарт считал эмпирическим и выбрасывал, как иллюзии, мы берем в качестве исходного. Здесь возникает философская проблема: по правильному ли пути мы идем, истинный наш путь или ложный? И получается очень интересно. Когда я анализирую Декарта, кажется, что, с философской точки зрения, мы на ложном пути. Декарт действительно прав в своем отрицании: действительно нет времени, нет движения. Их создает наш способ мышления, а есть только данный момент, «здесь и теперь».

Э.К. - Но тогда можно отрицать и данный момент.

А.М. - Нет, его мы отрицать не можем, потому что в этот момент мы мыслим, следовательно, существуем.

Э.К. – «Я мыслю» - это тоже в конце концов материально, ведь «я существую», я же тело.

А.М. - У философов есть очень простое определение того, что значит философствовать. Это значит заниматься решением вопроса, почему есть нечто, а не ничто. И я счи-

таю, что Декарт прав с философской точки зрения, потому что на философском уровне вопрос ставится именно так: почему есть нечто, а не есть ничто. В философском смысле это правильно, поэтому нужно рассматривать только то, что существует сейчас. Ведь если мы забудем, что есть будущее, забудем, что было в прошлом, значит, мы выбросим наш эмпирический опыт.

Э.К. - А почему ты за философский эталон принимаешь Декарта?

А.М. - Это не только Декарт, этот вопрос и древние мыслители ставили. Просто Декарт это хорошо сформулировал. У нас философия превратилась в философию только гносеологическую, житейскую, эмпирическую философию.

Э.К. - То есть это вопрос - что есть мир?

А.М. - Да, что есть мир, пространство. Как мы фиксируем этот мир?

Э.К. - А правомерен ли такой вопрос?

А.М. - А как же. Либо мы должны договориться ничего не говорить, либо, когда мы говорим, то фиксируем существование нашего сознания. Как у Декарта - собственное мышление и собственное существование.

Э.К. - То есть мир в себе мы понять не можем?

А.М. - Да. Потому что нам даны конечные способы познания, познания этого мира, а сам мир состоит из бесконечности. Древние ставили вопрос, как может меньшее содержать в себе большее, как может конечное содержать в себе бесконечное и т.д.

Э.К. - А может быть сознание как раз такая вещь, которая может?

А.М. - Нет, не может. Тогда это будет сознание Бога. Сейчас не будем это обсуждать. Я ставлю другой вопрос. Почитай текст «Науки психики», Мераб Константинович одобрил начало, где критикуется физикализм в понимании психических процессов отражения через продукты этого отражения, но выдвинул очень серьезные возражения о том, что я, следуя гегельянско-марксистской философии, строю трансцен-

дентальную психологию на основаниях, принимающих за исходное материю, ее диалектическое развитие, и стараюсь ответить, как возможно порождение психического в недрах материи, полагая, что закономерности психического отражения можно установить и описать, исходя из этих оснований. Ты помнишь с чего начался наш разговор? Мы начали с мысли Декарта о том, что трансцендентальной является только та идея, сущность которой определяется посредством ее самой. А мы берем материю, начиная с ее дискретности, анизотропности, возможности образования отношений между дискретными элементами и т.д. И все это, по Декарту, данные эмпирического и научного опыта, которые он отрицает. Декарт отрицает приобретенные знания - знания, которые образуются через отношение. (Тяжесть есть свойство предмета, когда оно берется по отношению к Земле.) Тогда что получается? Я не могу ответить Мамардашвили? Он скажет, вы берете отношение, а отношение в философии не считается истинным.

Э.К. - Но это отношение мы познаем через отношение.

А.М. - Ну и что? Декарт тоже об этом говорит, это будет наращивание отношений, но не будет содержать в себе истину.

Э.К. - А почему Декарт должен быть прав?

А.М. - А тогда вся философия неправильная. Тогда его трансцендентальность лишится смысла. Почему должно быть правильно? Потому что вопрос философии - почему есть нечто, а не ничто - остается. Знаешь, как не попасться в капкан, поставленный Мерабом? Думаю, с помощью следующего рассуждения. Декарт берет существование в тот момент, когда он мыслит. Значит, он берет какое-то время, время этого момента. Относительного этого момента оба утверждения – «я мыслю» и «следовательно, я существую» - он считает истинными. Это философски правильно. Но, если Декарт берет момент собственной мысли (момент мысли индивида), почему я не имею права брать момент мысли человечества (что философски безусловно грамотно), понимая под этим момент познания человечества? Почему вместо

индивида я не могу брать человечество, а вместо мгновения - век? Философских ограничений для этого нет, поскольку все безвременно, а то короткое время, что у Декарта, я беру как короткое время существования человечества. Ни один философ не скажет мне, что это неправильно.

Э.К. - А что это дает? Разве это снимает возражение против использования неистинных отношений?

А.М. - Использование отношения становится философски корректным. Когда Декарт говорит? «Я мыслю, следовательно, я существую», он опирается на момент памяти. Он помнит, что он сейчас мыслит. А я могу сказать, что человечество познает, следовательно, существует. Он берет несколько мгновений, мы берем века, он же сам отрицает различие этих величин. То, что Декарт рассматривает как акт восприятия, я рассматриваю как акт развития материи, реализующей возможность порождения психического отражения и познания человечества аналогично акту восприятия индивида. При этом по своей природе акт отражения похож на акт восприятия, а акт познания похож на акт мышления, сознания. Единичное у Декарта - момент мысли индивидуального сознания, у меня - момент мысли, познания человечества. Я имею право изучать акт отражения, познания так же, как Декарт имеет право изучать акт индивидуального мышления.

Э.К. - Разве он изучает акты мышления?

А.М. - Конечно. Он же говорит о врожденных идеях, о «свете ума».

Э.К. - Изучения врожденности как раз и не требовалось.

А.М. - Врожденные идеи это и есть объяснение, а другое объяснение – «свет ума». Что есть акт психического отражения?

Э.К. - ... я мыслю, следовательно, я существую. Но ведь можно сказать, что я вижу, отражаю.

А.М. - Нет, «я вижу» - это уже другое. Дело в том, что, как Декарт говорит «я существую, потому что я мыслю», так и я могу сказать: человечество существует в тот момент, когда оно познает. Потом Декарт говорит, что существую я

телесно, я имею протяженность. Я тоже могу сказать, что человечество телесно, материально. Короче говоря, я не решаю вопрос, что есть истина, а я беру вопрос о моменте мира, в котором есть живые существа, человек и человечество. И относительно этого отрезка времени я объявляю психическое как развивающееся существующие. Как Декарт рассматривает связь мышления с телом, так же я рассматриваю связь психического отражения с материальным миром, выходя за пределы непосредственных данностей этого отражения, т.е. моего эмпирического опыта, и основываясь на знании о закономерностях материи, имеющей возможность как порождения в себе живого, так и порождение специфического для живой природы психического отражения. Это и есть основания трансцендентальной психологии, или науки психики, и главный тезис ее в том, что в закономерностях материи заложены принципы порождения отражения, которые мы можем постепенно раскрыть, познать научным способом.

Вместо заключения

Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность присутствия отсутствующего в любом присутствующем. Возможность понимания сущности реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание), как уже существующее, принадлежим к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как - в реальности отсутствующего любое присутствие отсутствует.

Отсюда следует, что мы и наше мышление по своей принадлежности к реальности присутствия при попытке познания этой реальности имеем дело только с формами присутствующего. А формы реальности присутствующего в нашем сознании выступают как уже осознанные нами формы материальности мира и идеальности понятия.

В психическом отражении как предмете научного исследования есть две загадки. Первая: как в отдельном акте восприятия из множества сопредставленных объектов и их свойств выделяется, отражается что-то одно. И вторая: как отдельно отраженные объекты или их свойства вновь предстают в восприятии сопредставленно, соответственно сопредставленности материальной.

Обе задачи нельзя решить, если рассматривать процессы отражения через их уже отраженные продукты. Следовательно, необходим выход за пределы традиционного подхода к изучению процессов психического отражения, который опирается на продукты непосредственно-чувственного восприятия. До сих пор мы работали над первой задачей и нашли, что выделение отдельных объектов и их свойств в восприятии есть процесс порождения этих объектов и свойств. Этот процесс осуществляется на основе структурно-процессуальных принципов возможности порождения идеального. Тогда нам становится понятным, как материя могла реализовать в живом возможность осуществления психического отражения, и в чем заключена сущность единства души и тела.

Мы не знаем, как Бог создал материю. Но, как из материи возникла психика, мы постепенно можем познать, потому что материя и психика находятся в присутствующем, а Бог и возможные законы порождения материи находятся в отсутствующем. Так как человеческое познание находится внутри присутствующего, за пределы которого не может выйти, об отсутствующем мы можем только догадываться по следам его проявления в присутствующем, таким, как, например, принципы материи: стремление к самосохранению, к структурированию, цели, самопознанию и т.п. О процессах их порождения нам судить не дано, поскольку мы просто имеем эти проявления в наличии, как следствие чего-то вечно остающегося для нас неизвестным. Отсюда следует, что человечество должно освободиться от мысли об отдельности духа (психики) от материи, его субстанциональности, от мысли считать дух божественным даром, и от его непосредствен-

ной связи с Богом. Оставить Богу - богово, но понять, познать человеческое (сознание, духовность и т.п.) не через его продукт, а через заложенные Богом закономерности материи, порождающие человека, человечество, психику и познание.

Это приводит к выводу о том, что место Бога в отсутствующем, а то, что религии переносят его в присутствующее, приписывая его участие даже в мыслях и деяниях отдельного человека, объясняется тем, что о Боге и его возможностях судят через собственные уже отраженные продукты сознания. Мне кажется, человек связан с Богом через природу, материю, т.е. через его проявления в присутствующем. Поэтому, деяния людей или человечества караются не Богом непосредственно, а божественными законами, заложенными в материи и природе.

Отсюда главные выводы: не следует исходить из готовых данных сознания, продуктов психического отражения, которые ограничены присутствующим, и не противопоставлять их Богом данным закономерностям природы, а искать всегда возможность порождения данных сознания в закономерностях самой материи; не судить о чем-то через уже рожденное и не действовать на основе продуктивных суждений. Возможно, в этом заложен смысл стремления возврата человечества к природе, в этом заложена возможность отыскания смысла греха и справедливости, оснований морали и аморальности. Возможно, это то, что дает реальную меру относительно безмерности абстрактной мысли и желаний человека и человечества.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах⁶

А.И. Миракян

1. Методологические основания логики физикального образа мышления при изучении процессов психического отражения.

История развития научного познания свидетельствует о произошедшем с начала Нового времени стремительном росте конструктивно-созидательного потенциала научной мысли. Этот рост обусловлен, в частности, возникновением и развитием такой направленности человеческой деятельности, которая связана с использованием открывающихся человеку в мышлении отражательных свойств его разума для создания теории построения машин и механизмов. В результате был создан мощный аппарат теорий и методов естественных наук и развита специальная логико-математическая технология – совокупность особых мыслительных (теоретических) средств и способов освоения человеком окружающей действительности. Характерная особенность этой технологии связана с организацией абстрактных структур и конструкций на основе задания четких исходных отношений между заранее выделенными, точно определенными объектами. В свойствах этих отношений как бы кристаллизуются, опредмечи-

⁶ Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография) / Под ред. А.И. Миракяна. – М., 1992. – 223 с.

ваются характерные особенности формы процессов в логике развитого формального мышления, получившего свою научную строгость в математической логике.

Использование достижений логико-математической теории в 40-х годах нашего столетия приводит к разработке новых способов информационного управления и созданию ЭВМ, явившихся универсальным средством эффективной реализации информационных вычислительных процессов. Применение новой «информационной технологии и развитие на этой основе широкого комплекса научно-технических дисциплин и, в частности, кибернетики, открыло возможности для эффективного, конструктивного описания и моделирования многих явлений действительности. Эти революционные изменения не могли не сказаться на исследованиях, посвященных проблеме психического отражения, и здесь стала актуальной задача конструктивного процессуального описания не только интеллектуально-логического мышления, но и явления непосредственно-чувственного отражения человеком свойств и отношений объектов. Эта задача приобрела весьма большое значение еще и потому, что в результате ее решения могут быть открыты качественно новые возможности создания искусственных устройств, имитирующих человеческие функции в особо сложных условиях работы (в космосе, под водой, в местах глубокого бурения и т.п.).

Важно отметить, что человеческое познание в ходе своего развития не сталкивалось с необходимостью столь конструктивного изучения психического отражения как процесса. В силу огромной сложности исследуемого явления полученные в истории науки философские, психологические и физиологические описания закономерностей процесса отражения были восприняты как определенные достижения. Однако оказалось, что эти объяснения невозможно использовать в кибернетике, где, согласно требованиям техники, существенным является конструктивное описание исследуемых процессов.

Вместе с тем предложенное кибернетикой представление процесса психического отражения (узнавания) как чисто информационного процесса оказалось в целом несостоятельным по отношению к описанию сложных психических явлений и, в частности, процессов непосредственно-чувственного восприятия, задача изучения которых в кибернетике сформулирована как проблема распознавания образов. Явное осознание этого факта может быть отнесено приблизительно к началу 60-х годов, когда с полной определенностью выявились трудности в таких проблемах, как автоматическое распознавание образов и машинный перевод, а радужные надежды на скорое продвижение в создании искусственных «интеллектуальных систем» сменились трезвым осознанием того, что наука находится здесь лишь в самом начале долгого и извилистого пути» (Бирюков, 1982, с.32).

Не случайно, что именно проблема распознавания образов стала камнем преткновения для кибернетиков, так как в отличие от других проблем, выдвинутых кибернетикой, проблема распознавания относится непосредственно к таким отражательным возможностям человека, для понимания которых логико-математические способы оказываются малоэффективны и даже непригодны.

Начиная с 60-х годов, наши исследования методологических основ понимания процессов познания показали, что оно основано на интроспективно-эмпирических представлениях, характерных для естественнонаучного физикального образа мышления, которому свойственно оперировать, действовать с конечными продуктами процессов отражения (представленными в сознании свойствами и отношениями объектов окружающей действительности). При изучении процессов психического отражения это означает, что, поскольку сам процесс, обеспечивающий отражение (восприятие), скрыт от интроспекции исследователя, представление о характерных чертах этого процесса строится на основе логического соотнесения конечных результатов (продуктов) этого процесса – на основе особенностей, феноменов восприятия.

Глубокие гносеологические корни формирования такого образа мышления, оперирующего продуктами отражения, кроются в жизненном значении самой функции отражения в процессе деятельности человека. Эта функция заключается в обеспечении адекватности продукта завершеного, свершившегося отражательного процесса свойствам объекта (постулат изоморфности). Психическое отражение, осуществляющееся внутри деятельности, при выполнении предстоящих задач этой деятельности выступает для человека в виде отношений между объектом и образом, вследствие чего процесс, приводящий к соответствию между объектом и образом, также представляется через это отношение.

Большая практическая значимость функционального смысла соотношения объекта отражения и продукта отражения для успешного осуществления деятельности человека и, напротив, отсутствие функционально-практического смысла для деятельности человека непосредственно процессуальной стороны отражения привело к образованию в сознании исследователей глубоко эмпирического постулата отождествления характеристик процесса психического отражения с его предметно-содержательным результатом – содержанием. Последнее всегда было ближе к сознанию практически действующего человека, поскольку служило для удовлетворения потребностей его деятельности. На этой основе сложился естественнонаучный (или физикальный) образ мышления. Его отличительная черта заключается в том, что изучение природных явлений и процессов проводится через отношение исходящего состояния и конечного результата, продукта исследуемого процесса.

Этот образ мышления полностью удовлетворял нуждам и запросам всех существующих естественных наук, которые по мере своего возникновения и развития брали на вооружение данный принцип изучения процессов (физических, химических, биологических и т.д.) через их исходно взятое состояние и конечный результат. Поэтому не случайно, что логико-математический конструктивизм, в котором это от-

ношение взаимодействия максимально формализуется, стал символом научности изучения природы.

Рассмотренный выше физикальный образ мышления не представлял исключения и для психологической науки. Постулаты изоморфизма и отождествления являются исходным основанием традиционных подходов к изучению процессов психического отражения (несмотря на специфические особенности этих процессов). Это обусловлено тем, что в течение многих веков в философии обсуждался вопрос о соотношении объекта и отраженного продукта познавательных процессов (образа), первичность объекта, адекватность образа отраженному объекту. В результате в философии укоренилось гносеологическое представление об изоморфности уже отраженного отдельного свойства объекта, ставшего продукта восприятия. Естественно, что психология и физиология при изучении конкретных явлений непосредственно-чувственного отражения не выходили за рамки, определяемые проблемой соотношения объекта и образа.

Как в психологии, так и в психофизиологии, анализ явлений восприятия начинается интроспекции, так как с уже отраженных, выделенных, обособленных свойств в форме образов и понятий. Затем на основании заранее принятых знаний о свойствах и признаках объектов, ведутся поиски закономерностей и механизмов, реализующих восприятие этих свойств и признаков. Например, ставится задача: как воспринимается квадрат, который является геометрической фигурой, имеющей четыре равные стороны и четыре прямых угла. В соответствии с этими признаками, экспериментальное исследование, предположим, физиологических закономерностей заключается в выяснении вопроса о том, какие возможные периферические или центральные механизмы (детекторы, нейронные ансамбли и др.) осуществляют отражение величины и ориентации отрезков, образующих стороны, а также разные величины углов.

При такой постановке вопроса остается незамеченным, что представление о квадрате, как о фигуре, обладающей ря-

дом признаков (четыре стороны в виде равных отрезков прямой и прямые углы), является средством нашего геометрического описания объективных отношений на определенном понятийном уровне, который образовался у нас в результате упорядочивания продуктов процессов непосредственно-чувственного отражения фигуры, выделяемой нами из всех возможных фигур и обозначаемой как квадрат. Получается, что поиск механизмов непосредственно-чувственного отражения данной фигуры (или класса фигур) осуществляется с использованием ряда заранее выделенных геометрических признаков, которые являются результатом уже законченного непосредственно-чувственного процесса восприятия в упорядоченной нами на понятийном уровне форме. В то время, как задача изучения особенностей процесса отражения состоит, на наш взгляд, в том, чтобы найти те принципы и физиологические механизмы, которые не используют заранее постулированные, уже отраженные свойства (отрезок прямой, угол и т.п.) объектов, и поэтому реализуют возможность целостного восприятия любой фигуры (из любого их класса).

Таким образом, анализ показывает, что психология и физиология органов чувств, ставя перед собой цель изучения именно процессов психического отражения, исследуют их как процессы, происходящие между объектами с определенными свойствами и взаимоотношениями (с одной стороны) и человеком или высшими животными, обладающими какими-то механизмами восприятия, и отражающими эти свойства и отношения объектов (с другой). Здесь обнаруживается, что объект, описываемый через какие-то свойства, - это объект, уже отраженный, или уже ставший продукт отражательного процесса, а предполагаемые принципы, механизмы восприятия призваны осуществлять акт отражения объекта, который уже имеет заранее определенные свойства. В этом случае любой способ исследования закономерностей процесса восприятия есть изучение этого процесса на продуктивном, физикальном уровне исследования.

Изучение на таком продуктном уровне сенсорных систем и особенностей восприятия животных и человека выявило множество экспериментальных фактов и феноменов. Они в изобилии представлены в современной психологии и физиологии органов чувств, изучающих процессы непосредственно-чувственного отражения. Однако, при этом остаются скрытыми закономерности порождения самих продуктов отражения и те принципы и механизмы, посредством которых в живых существах реализуется возможность отражения этих продуктов.

Как было отмечено выше, выявление ограниченности и постановка вопроса о преодолении продуктного подхода (физикального образа мышления) имеют прямое отношение к достижениям разных разделов кибернетики и особенно опыту проектирования автоматизированных систем распознавания образов и систем автоматической самоориентации в окружающей среде. История развития кибернетики дает богатый материал для понимания ограниченности физикального подхода при изучении явлений непосредственно-чувственного отражения и ярко демонстрирует методологические основания научных исследований в этой области.

Так, например, можно видеть, что в период появления кибернетики те ученые, которые обсуждали вопросы отражения с его процессуальной стороны, не замечали, что существующий в философии спор об адекватности отражения относится к соотношению исходного объекта и конечного результата отражения и даже более того – к соотношению мира и его познания. Это есть центральный вопрос гносеологии, который определяет методологическую основу изучения проблем в любой науке, и в том числе изучения процесса самого отражения, но это не значит, что решение проблемы осуществления процесса отражения и выявления его закономерностей тождественно или аналогично решению этой проблемы на философско-гносеологическом уровне.

На этом основании построил свои представления относительно процессов отражения и Н. Винер, и так как это со-

ответствовало физикальному образу мышления, его последователи также пошли по этому пути изучения процессов отражения. Во введении к «Кибернетике» Винер обсуждает вопрос о необходимости построения опознающих машин, дающих возможность слепому воспринимать печатный текст на слух. Он пишет: «Основная трудность заключается в том, чтобы получить один и тот же звук для букв данной формы, независимо от их величины. Это точный аналог задачи восприятия формы, или гештальта, восприятия, позволяющего нам опознавать квадрат как квадрат, независимо от бесчисленных изменений размера и ориентации. Прибор Мак-Каллоха обеспечивал избирательное чтение печатной буквы при различных ее увеличениях. Такое избирательное чтение может выполняться автоматически посредством процесса развертки. Идея развертки, позволяющей производить сравнения между исследуемой фигурой и данной стандартной фигурой фиксированного, но совсем другого размера, уже предлагалась мною – на одном из Мейсиевских совещаний» (Винер, 1968, с. 70-71). В приведенной цитате неявно принимаемый постулат изоморфности между отражаемым объектом и отраженным продуктом выступает в том месте, где Винер говорит о сравнении «между исследуемой фигурой и данной стандартной фигурой». Не случайно, что Винер использует понятие гештальта. Согласно гештальтпсихологии, процесс восприятия пространственных свойств объектов имеет собственные закономерности целостных образований – гештальтов, которые родственны законам физических силовых полей. Эти закономерности действуют по отношению к определенной структурно-динамической организации феноменальной реальности. Так, например, В. Келер установил закон транспозиции соотношения свойств объектов. В частности, он был выявлен в опытах над курами, которые были поставлены в условия выбора соотношения светлоты поверхностей (цит. По Рок, 1980). Другим простым примером может служить закон соотношения «фигура-фон», сформулированный Рубиным (там же). Отсюда ясно, что пред-

ставление о закономерностях процессов отражения строится гештальтпсихологами на основании отождествления характеристик процесса отражения со свойствами структурной организации отражаемой действительности, причем предполагается, что закономерности процессов, происходящих в мозговых структурах, изоморфны законам физической теории поля. Таким образом, в гештальтпсихологии имеет место продуктивный подход к рассмотрению процессов психического отражения.

Проведенное сопоставление наглядно показывает единые физикальные основания концептуальных подходов к исследованию явления психического отражения в кибернетике и гештальтпсихологии. Это родство методологических оснований характерно и для других направлений психологической теории. Так, скажем, не случайно, что вопрос о восприятии, опознании объектов независимо от изменения, их величины и ориентации, известный в психологии как многовековая проблема константности восприятия, неизменно оказывается в центре внимания.

Вопрос о том, как «нам опознать квадрат как квадрат, независимо от бесчисленных изменений размера и ориентации», в чем Винер видит основную трудность создания технического аналога для задач восприятия формы, или гештальта, ставился многократно в истории развития философии и естествознания. В античные времена обсуждали эту проблему в связи с основным вопросом философии о соответствии свойств объектов и их отражения, позднее изучали это философское соотношение непосредственно через оптико-проекционные и физиологические особенности человеческого глаза. Психологи выдвигали разные гипотезы, ставили эксперименты над животными и людьми, и всегда в основе изучения проблемы было глубоко эмпирическое представление о процессах отражения через соотношение между объектом и продуктом отражения (например, проекционное отношение размеров объектов на сетчатке глаза и воспринимаемая величина или удаление этих объектов).

Это было обусловлено тем, что, во-первых, константность понималась в контексте философско-гносеологического аспекта этого явления (изоморфность, адекватность) и при этом не учитывалось, что адекватность отношения между объектом и результатом отражения, необходимая при философско-гносеологическом рассмотрении, является абстрагированной от самого процесса отражения: во-вторых, в силу физикального образа мышления не подвергалось сомнению, что изучение характеристик самого процесса отражения невозможно через эти уже «застывшие» продукта отражения.

Здесь может возникнуть сложнейший вопрос о том, как же исследовать процесс отражения, если невозможно опираться на продукты процесса отражения, а человек для изучения процессов отражения другими средствами не располагает и никогда не будет располагать. При такой постановке вопроса не учитывается, что в данном случае речь идет не о том, что нельзя опираться на результаты отражения, относительно этого двух мнений быть не может. А речь идет о преодолении глубоко эмпирического продуктно-физикального образа мышления, основанного на принятии постулатов изоморфности и отождествления. Рассмотрим существо возникающей здесь проблемы.

Естественной основой человеческого мышления являлось общение человека с миром, и необходимая функция психического отражения заключалась в поддержании контакта с миром через выделение объектов и образование отношений между ними. Таким образом, сложилось коренное свойство отражения, связанное с образованием отношений через посредство продуктов отражения. Следуя этому привычному образу мышления, в психологии при попытках построить представление о процессах психического отражения в качестве основы для изучения их характеристик использовали то же эмпирически составленное отношение между продуктами отражения. При этом не принималась во внимание специфика психического отражения как особого объекта исследования.

Исходные постулаты физикального образа мышления не зависят от объективных свойств той сферы действительности, с которой имеют дело естественные науки, и поэтому продуктивный подход вполне удовлетворяет нуждам развития этих наук. Ситуация кардинально меняется, когда объектом исследования становится сам процесс психического отражения, в результате осуществления которого только и появляются, порождаются продукты отражения. Постулаты физикального образа мышления в этом случае не только не помогают познавать, но наоборот, скрывают принципы и закономерности процесса непосредственно-чувственного отражения и не дает возможности составить о них адекватного представления.

Действительно, принятие физикального подхода реально означает, что при попытках понять, каким является психофизиологический процесс, приводящий к непосредственному восприятию (именно непосредственному, потому что опосредованное восприятие осуществляется в интеллектуальных процессах мышления, с использованием способов научного познания), мы исходим из определенных, данных нам в непосредственном ощущении и упорядоченных в мышлении свойств (например, пространственных характеристик окружающего нас мира). тогда, со строго научной точки зрения, мы приходим к противоречию, если объясняем этот процесс таким образом, что один или несколько параметров, свойств, являющихся результатом процесса или участвующих на промежуточных стадиях его осуществления, берем в качестве имплицитного постулата в основание концепции, объясняющей искомый процесс. Иными словами, раскрываемые механизмы и закономерности процесса непосредственно-чувственного отражения зависят от продуктов этих процессов или определяются результатами отражения. Несостоятельность такого подхода, на наш взгляд, достаточно очевидна.

Поясним сказанное на примере теории восприятия пространственных свойств и отношений объектов Дж. Гибсона. Согласно этой теории, «восприятие мира как трехмерного

связано с восприятием уходящих в глубину плоскостей, особенно плоскости земли, а основу такого восприятия задает текстура плоскости» (цит. по Рок, 1980, т. 1, с. 109). Гибсон утверждает, что градиент структуры физического мира образует оптический градиент плотности на сетчатке глаза, где физически однородные по величине и форме объекты и их пространственно выделяемые части (каким образом они выделяются, остается неясным) получают постепенно уменьшение величины по мере удаления от наблюдателя (например, градиент волн на поверхности воды). При этом он невольно принимает, что процесс, приводящий к восприятию величины и формы объектов (в данном примере, волн), известен, более того, известен механизм, составляющий градиентное отношение и дающий различные результаты восприятия каждой величины. После принятия этой аксиоматики объясняется, что именно это воспринятое наличие величине и форм порождает восприятие трехмерности физических объектов по их проекции на двумерной плоскости сетчатки. Таким образом, восприятие величин и форм объектов по их градиентной проекции принимается как исходная аксиоматическая данность при выявлении закономерностей процессов восприятия трехмерности, пространственности этих объектов. Поэтому в данной теории в итоге выявляется только связь между пространственным расположением трехмерных форм в физическом мире и их проекционными образованиями на двумерной сетчатке в разных условиях восприятия. При этом остаются необъясненными закономерности, обуславливающие возможность порождения форм и величин, и особенно процессы, устанавливающие их соотношение (что необходимо для образования самих градиентов).

Проведенные рассуждения позволяют заключить, что проблема преодоления продуктно-физикального образа мышления не предполагает необходимости отказаться от всякой опоры на продукты отражения. Важно лишь, чтобы при объяснении закономерностей процесса психического

отражения не использовались имплицитные продуктивные основания, то есть такие заранее заданные свойства объектов окружающей действительности, которые являются непосредственными результатами процессов восприятия. Кажущаяся простота этого положения может ввести в заблуждение. Вместе с тем, вопрос в целом далеко не прост, и, как отмечалось ранее, физикальный образ мышления имеет глубоко эмпирические основания в человеческой практике. Именно этим объясняется тот парадоксальный факт, что ученые, исследовавшие процессы непосредственно-чувственного восприятия, фактически не замечали внутренней неполноты и противоречивости своих теоретических построений.

В этом отношении особо примечательным является известный взгляд, согласно которому физиологические механизмы сенсорных систем восприятия построены на основе «детекторов» элементарных признаков. Широкое распространение это представление получило после того, когда в ряде нейрофизиологических экспериментов было показано, что нейроны коры головного мозга избирательно реагируют на соответствующую стимуляцию данного органа чувств. Наибольшую известность приобрели нейрофизиологические исследования центральных механизмов зрения, которые проведены Д. Хьюбелом и Т. Визелем еще в конце 50-х годов. Путем изучения активности и пространственной организации нейронов первичной зрительной коры ими была выявлена функциональная схема, которая, по их мнению, может лежать в основе переработки сенсорной информации в коре головного мозга (Хьюбел... 1982). Хьюбел и Визель с помощью микроэлектродов регистрировали активность отдельных клеток первичной зрительной коры головного мозга и, раздражая различные области сетчатки глаза, подбирали такие простые изображения (например, отрезки линий с заданными признаками: формой и ориентацией), которые обеспечивали оптимальную активацию этих нейронных клеток. Таким образом, они, в частности, обнаружили, что

существуют нейроны, избирательно возбуждающиеся при появлении на сетчатке отрезков линий заданного наклона (Хьюбел, 1974). В результате был сделан вывод: «Нейроны возбуждаются или тормозятся специфическими стимулами: группы нейронов действительно выполняют специальные преобразования» (Хьюбел... 1982, с. 197) и таким образом подтверждено представление, явившееся исходным основанием при постановке исследования: определенные нервные элементы обладают специфической реактивностью по отношению к определенным фрагментам (признакам) изображений, попадающих на сетчатку глаза. Вместе с тем, это представление, которое казалось бы позволяет просто объяснить многие явления, связанные с восприятием, внутренне противоречиво, поскольку при определении механизмов зрительного восприятия здесь в явной, открытой форме используются продуктные основания. Продукты процесса восприятия человека – уже отраженные физические и геометрические признаки изображений – прямо выступают в качестве характеристики процесса зрительного восприятия, который оказывается построенным по способу, связанному с наличием «детекторов» соответствующих продуктов (признаков).

Таким образом, одна из причин отсутствия конструктивного описания процессов психического отражения, на наш взгляд, заключена в том, что исследования этих процессов проводились на продуктном уровне через построение отношений между воздействием и результатом восприятия, и перенесение характеристик этих отношений на процесс восприятия. В этом смысле подход Н. Винера, высказывания которого цитировались выше, аналогичен представлениям нейрофизиологов, а также гештальтпсихологов и Дж. Гибсона. В самом вопросе Н. Винера – как человек воспринимает все квадраты и начертания букв независимо от их величины и ориентации – уже скрыто заключен способ мышления через результат отражения, которому привычно брать данные одного процесса восприятия (квадрат с

его свойствами как уже отраженными продуктами восприятия) и через них обсуждать другой процесс восприятия – восприятие формы объектов безотносительно к их размерности. При таком подходе игнорируется важный смысл процессов восприятия – воспринимать «что», «для чего». Относительно процессов отражения этот вопрос – что отражается – не может стоять отдельно от вопроса – для чего отражается. Связь человека с природой обуславливает единство этих вопросов и поэтому не может быть оторванной, абстрагированной от связи с природой функции отражения, ограниченной только вопросом «что?». В этом заключен глубокий смысл теории деятельности в советской психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец, Б.Ф. Ломов, Д.А. Опшанин), которая исходит из того, что без функции предметности отражения нельзя рассуждать о явлениях отражения и тем более понять процессуальное содержание этого отражения. Однако представители этой теории обсуждают отражение как процесс и рассматривают его закономерности также через продукты отражения. И тем самым в этих исследованиях процессов психического отражения не содержится объяснений закономерностей самого психического отражения, а имеется лишь методологическая основа понимания этих процессов.

В целом рассмотренные выше проблемы восприятия не являются в этом смысле единичными. Фактически любая проблема, относящаяся к процессам психического отражения, ставится и решается подобным образом, то есть на основе физикального образа мышления: явление рассматривается как отношение между объектом и продуктом, и на этом составляется представление о характеристиках данного процесса. Рассмотрим в этой связи подробнее ряд кибернетических способов моделирования отражательных функций человека в искусственных системах.

2. Ограниченность кибернетических подходов к моделированию процессов психического отражения

В настоящее время в кибернетике известно большое количество разнообразных способов моделирования различных отражательных возможностей человека. В качестве примера укажем на обилие методов построения систем распознавания образов (Васильев, 1983). Вместе с тем, анализ показывает, что это многообразие способов основано на едином методологическом основании естественнонаучного продуктного подхода, о котором говорилось выше, и сводится к задаче построения искусственных систем, имитирующих человеческие функции. Для обоснования этого положения рассмотрим методологические позиции и вытекающую из них ограниченность основных направлений в построении систем распознавания образов.

К первому направлению можно отнести способы, предполагающие изначальное эмпирическое выделение человеком отдельных свойств и признаков определенной группы или класса объектов. Эти признаки составляют как бы «память» системы и в процессе функционирования последней либо сами применяются в качестве эталонов при распознавании (в простейшем случае), либо в качестве такого эталона выступает специфическая, порой весьма сложная структура их взаимоотношений, построенная с использованием специального математического аппарата.

Примером относительно простого автомата, настроенного по методу сравнения с эталонным набором признаков, является система распознавания почтовых индексов (Наука и жизнь, 1983), здесь в качестве признаков используется наличие в изображении горизонтальных, наклонных и вертикальных линий, что позволяет представить каждую цифру отличительным двоичным кодом, состоящим из 3-х разрядов, соответствующим 9 сегментам трафаретной сетки. Другим примером простого метода распознавания стандартных

символов является способ распознавания печатных знаков, использующий совмещение оптического центра знака с оптической осью системы рецепторов и отличающийся тем, что формируется сигнал, пропорциональный смещению геометрического центра знака относительно оптического, и этот сигнал сравнивается с эталонным (А.С. №217754...). Таким образом, в качестве признака здесь выступает такая характеристика, как расстояние между геометрическим и оптическим центрами изображения. Признаки могут носить и более сложный, абстрактный характер, как, например, в устройстве для выделения признаков при распознавании сложных геометрических изображений определенного класса (А.С. №898464...), где особенности зрительного образа кодируются величинами приращениями суммарных сигналов, получаемых с матрицы фотоэлементов при ее колебательных движениях в разных направлениях в плоскости, параллельной плоскости изображения.

Примером использования особой структурной организации разного рода признаков является система распознавания центрированных знаков (Патент №3651461...). Здесь в качестве структуры обобщенных признаков выступает специальный, заранее составленный алгоритм выявления характерных особенностей изображений определенного набора знаков по их положению относительно заданной центральной полосы раstra.

Из этого краткого перечня видно, что способы построения систем распознавания образов, предусматривающие предварительные анализ и составление описания свойств объектов, естественно оказываются функционально сугубо ограничениями, поскольку могут быть успешно использованы только для распознавания заранее заданного класса объектов (например, знаков стандартного типографского шрифта). Поэтому системы распознавания, построенные на основе этих способов, можно определить как узкофункциональные. Преодоление этой узкой функциональности потребовало разработки специальных математических методов

распознавания образов (Васильев, 1983; Горелик... 1985; Верхаген... 1985). В основе этих методов лежит идея о проведении специальных преобразований исходного описания изображений и «нахождении в признаковом пространстве таких решающих границ (решающих правил), т.е. границ между классами, придерживаясь которых можно обеспечить наибольшую точность распознавания» (Горелик... 1985, с. 19). Особая роль при этом отводится процессу обучения системы, который осуществляется путем показа отдельных объектов или явлений, в результате чего распознающая система автоматически приобретает способность реагировать одинаковыми ответами на изображения объектов, принадлежащих к данному классу, и различными – на изображения объектов, не принадлежащих к этому классу. Здесь распознавание характеризует действия уже обученной системы. В целом задача обучения ставится по аналогии с человеческим способом опознания образов.

Характерный для этого подхода образ мышления исследователя иллюстрирует рассуждения М.А. Айзермана (1962). В первые годы изучения проблемы распознавания образов Айзерман писал, что есть «непонятная нам пока способность живого мозга. Если взять много разных букв «А» и «Б», и ученику, который не знает букв, показывать различные их начертания и говорить лишь «это буква «А»» и «это буква «Б»», то через некоторое время ученик сможет отличать буквы «А» от букв «Б», и при том не только те, которые ему показывали ранее, но и все остальные начертания этих букв» (Айзерман, 1962, с. 174). Здесь при постановке проблемы распознавания образов автор определяет их по аналогии со «зрительным восприятием, которое происходит у человека в результате наблюдения различных фигур, т.е. он опирается на уже готовые продукты отражения. Принимаются результаты отражения буквы «А» как геометрической формы и рассматривается тот феномен восприятия, согласно которому любое начертание буквы «А» относится человеком к классу «А». Далее ставится задача, как обеспечить такую

идентификацию. М.А. Айзерман считал, что должны быть найдены и заложены в программу какой-либо один или небольшое «число универсальных «признаков», лежащих в основе самого понятия «образ» (там же, с. 176), и полагал, что такой универсальный алгоритм может быть создан на основе «гипотезы компактности» Э.М. Бравермана (1962). Компактность двух множеств точек (принадлежащих изображению или его признаковому описанию) позволяет сформулировать относительно простые правила (алгоритм) для разделения этих множеств (т.е. отделения, например, заданных начертаний букв «А» от всех других букв) и является универсальным свойством широкого класса изображений. Одновременно, это свойство определяет и способ построения системы распознавания, т.е. становится характеристикой процесса опознания. Таким образом, видно, что, разрабатывая проблему имитации процессов опознания человека, автор поставил задачу исследования и выдвинул гипотезу о самом процессе на основе постулата отождествления характеристик процесса с его результатом.

В панораме известных подходов к моделированию процессов непосредственно-чувственного восприятия особое место занимают системы отображения и распознавания изображений типа перцептронов (Патент №3192505... Патент №4318083...). Они построены с использованием процедуры детерминированных или статистических суммаций или взвешивания аналоговых сигналов, представляющих разные части изображения, с последующим выделением результатов посредством пороговых элементов. Структура связей перцептрона может меняться в процессе обучения, что обуславливает возможность настройки на выделение объектов определенного класса. Фундаментальные исследования перцептронов проведены Ф. Розенблаттом (1965). По его мнению, перцептрон прежде всего и главным образом является моделью мозга, а не устройством, служащим только для распознавания образов. Под моделью мозга подразумевается любая теоретическая система, которая объясняет его

функции. Розенблатт также пытается преодолеть узкофункциональный подход к созданию искусственных систем отражения. Он критикует модели так называемого монотипного приближения, метод построения которых сводится к детальной разработке логического устройства в виде специализированной вычислительной машины, предназначенной для вычисления некоторой заранее заданной «психологической функции», например, такой, которая получается в результате распознавания алгоритма или преобразования стимула» (Розенблатт, 1965, с. 28). Монотипным моделям он противопоставляет генотипные, которые строятся «в виде множества алгоритмов, порождающих некоторый план физических систем» (там же с. 28). Таким образом, генотипный подход имеет дело со свойствами систем, подчиняющихся заданным законам организации, а не с некоторой логической функцией, осуществляемой конкретной системой» (там же с. 35).

Вместе с тем, возможность реализации полиалгоритмичности системы автор видит в переходе от детерминированной к статистической ее организации. С помощью введения в систему случайных факторов он надеется отчасти воссоздать известные свойства функциональной пластичности и гибкости человеческого восприятия. Но здесь, так же, как и в других кибернетических концепциях, при разработке способов построения перцептронов Розенблатт принимает имплицитные основания естественнонаучного физикального образа мышления, хотя и не использует продукты восприятия, что Розенблатт связывает восприятие с процессом разделения объектов на классы по их свойствам и признакам. Здесь он опирается на известные результаты, полученные в различных областях физиологии и психологии (в том числе гештальтпсихологии к концепции Гибсона). Это разделение заранее конкретно не задается, но изначально предполагается, и на его основании определяется исходная организация структуры сети взаимосвязей между элементами перцептрона, а также задаются правила регулирования функциональных зависимостей между переменными и алгоритм преоб-

разования свойств сети. При переходе с одного множества классов на другое или при решении другого класса задач заново выделяются характерные признаки объективного множества классов и соответственно изменяется функционально-структурная организация перцептрона (осуществляются переналадка и обучение). Необходимость такой перестройки обусловлена тем, что в основе способа построения системы используется ограниченный аналитический метод расчленения и фиксации определенного ряда пространственных свойств объектов. В результате этого структура и метод обработки информации оказываются зависящими от обобщенных характеристик объектов.

С момента начала работ над перцептронами Розенблатом в Корнеллском университете в 30-х годах их простота и кажущаяся перспективность обнадеживали и подкупали исследователей. Так М.М. Бонгард в книге «Проблемы узнавания» существующие перцептроны понимает как системы «стандартного (не зависящего от конкретной задачи) преобразования пространства рецепторов» и ставит перед собой задачу построения системы, осуществляющей «переменное (различное для разных задач) преобразование пространства рецепторов» (Бонгард, 1967). Он исходит из представления о процессе узнавания как процессе классификации, основанном на анализе признаков, и пытается сформировать такие обобщенно-абстрактные признаки, которые могут служить исходными кирпичиками для построения соответствующей поставленной задаче классификации объектов в более широком диапазоне разделения классов.

Ограниченность возможностей перцептронов выявили М. Минский и С. Пейперт (1971). В их книге «Перцептроны» приведено несколько задач и строгое доказательство того факта, что перцептроны не могут с ними справиться. Одна из таких задач связана с установлением свойства связности предъявляемой геометрической фигуры. Эти основные факты ограниченности перцептрона в сравнении с возможностями зрительной и отражательной системы разрушили основа-

ния для неоправданно больших надежд, которые возлагались на перцептроны и их способность к распознаванию.

Таким образом, в целом можно заключить, что, несмотря на кажущуюся универсальность перцептронов, т.е. независимость их организации от свойств выбранных классов объектов, область отображаемой системой реальности ограничивается самим исходным теоретическим основанием построения системы, в котором продукт отражательного процесса имплицитно выступает в качестве заранее заданного постулата при создании ее процессуально-структурной организации, т.е. происходит воссоздание процесса через собственный продукт. Это является причиной отсутствия в перцептронах возможностей полифункционального отражения и приводит к их функциональной ограниченности, т.е. монофункциональности.

Такая монофункциональность является отличительной чертой всех известных способов построения систем отражения. Например, определенный интерес представляют способы автоматических преобразований дискретизированных изображений в специально созданных структурах, построенных с использованием бинарных арифметических (Патент №3597731...) или логических (Патент №2813731...) операций. Эти способы предназначены для выполнения функции сжатия или локализации отдельных частей изображения (что позволяет, например, определять точки оптической плотности и использовать метод градиентов Дж. Гибсона). Полученные результаты обрабатываются с помощью специальных программ на ЭВМ. Важно отметить, что процесс сжимающего отображения происходит для любых возможных вводных изображений, т.е., казалось бы, нет ограничений на классы отображаемых объектов. Однако, при разработке этих способов выбор структуры и метода обработки информации здесь также исходно ограничен представлением о монофункциональной операции локализации или сжатия отдельных частей изображений. Поэтому, как и ранее, в силу исходной ограниченности основания, использованного при

разработке этих способов, они применимы для отображения только определенного (хотя и весьма широкого) класса объектов, обладающих соответствующей решаемой задаче свойствами. В случае перехода в отображении объектов с качественно новыми свойствами из области решаемых задач требуется строить новую структуру, осуществляющую аналогичный процесс сжатия, а также изменять алгоритм последующей обработки. Таким образом, несмотря на кажущуюся универсальность, т.е. независимость выбранной отображающей структуры и принципа сжатия от общих характеристик объектов, область отображаемой системой реальности исходно ограничивается. Это обуславливает принципиальную ограниченность указанных нами способов и монофункциональность соответствующих систем.

Кроме уже рассмотренных, следует упомянуть исследования, которые связаны с моделированием процессов переработки информации у человека (как зрительный, так и других модальностей) и в том числе модели процессов распознавания образов (Линдсей... 1974; Патент №3701095... Соколов... 1983; и др.). Они опираются на результаты ряда психологических и нейрофизиологических исследований (в частности, можно указать на упоминавшиеся в разделе 1 теории гештальтпсихологии и Дж. Гибсона и особенно на эксперименты Д. Хьюбела и Т. Визеля). Эти направления исследований, как нейрофизиологические, так и кибернетические, исходят из представления о том, что процесс переработки информации человеком осуществляется через посредство особых детекторов специфических особенностей стимулов. Так, например, П. Линдсей и Д. Норман, «развивая теорию распознавания образов, представляют систему зрительного отражения в виде иерархической структуры, в которой первичные детекторы выделяют геометрические признаки изображений (линии, углы, кривые и т.п.) и далее по совокупности взаимоотношений выделенных признаков выносятся решения о предъявляемой форме» (Линдсей... 1974). При этом авторы не обращают внимания на тот факт,

что представление о детектировании признаков внутренне противоречиво, поскольку непонятно, откуда же человеческий мозг может заранее знать о существовании, например, такого признака как прямой угол. Это означает, что представление о процессе восприятия строится здесь на основе продуктного подхода, причем в его явной форме, когда продукты процесса восприятия человека – геометрические признаки изображений прямо становятся характеристикой процесса восприятия.

Таким образом, анализ показывает, что представление о процессе непосредственно-чувственного восприятия, как процессе, основанном на выделении и переработке признаков, оказало значительное влияние на постановку задач имитационного моделирования функций восприятия (в частности, опознания) в искусственных системах отражения. Более того, можно констатировать, что в течение последних 20-ти лет развитие этого направления проходит под знаком все более углубленного использования признакового подхода. Это явление весьма показательно и закономерно, поскольку для создания систем восприятия все шире применяются современные электронно-вычислительные машины. В силу специфики своей организации ЭВМ требует преобразования данного комплекса входных физических воздействий в специализированный набор числовых данных. В результате такого преобразования, как правило, теряется пространственно-временная форма входного воздействия, и, естественно, что для выявления ее особенностей (при распознавании образов) необходимо проводить специальный анализ и вводить новые, ранее не использованные, формы описания признаков.

Современные системы восприятия изображений с помощью ЭВМ предназначены для преобразования изображения сцены в ее описание, которое, как правило, включает в себя результаты распознавания объектов, составляющих сцену, и определение их свойства взаимных связей (Дудо... 1976; Уинстон, 1980). Типовая система восприятия включает следующую последовательность операций. Поиск от-

личительных локальных образов (признаков) изображения. Сопоставление признаков областей при наличии нескольких изображений сцены с разных точек видения (пространственная интерпретация). Сегментация изображения – разбиение его на области, относящиеся к поверхности определенных объектов и их частей. Распознавание объектов сцены по признакам их видимых частей, которое проводится путем сравнения наблюдаемых областей с предполагаемыми конфигурациями.

Из этого описания хорошо видно, что имитационная модель восприятия строится в данном случае полностью на основе естественнонаучного физикального образа мышления, когда процесс опознания определяется через посредство свершившихся продуктов этого процесса – признаков изображения сцены. Интересно отметить, что исследование по созданию систем машинного зрения на основе функционально-структурного анализа сцена оказали определенное воздействие на представления психологов, в результате чего появились работы, направленные на неправомерное, с нашей точки зрения, обоснование этого подхода с позиций психологии (Величковский, 1982).

Ограниченность возможностей известных кибернетических способов моделирования восприятия и мышления в настоящее время отчетливо осознается исследователями, как философами и психологами, так и многими кибернетиками. Обсуждению ограниченности оснований кибернетического подхода к явлению отражения посвящена обширная литература (Дрейфус, 1978; Вейценбаум, 1982; Брушлинский, 1979; Тьюхин, 1983; и др.). Однако необходимо отметить, что критика проводится с использованием того же естественнонаучного, физикального подхода. Это не позволяет глубоко понять существо выявляемых ограничений. Ограниченность кибернетических методов выявляется в сравнении с функциональными возможностями человека. В частности, большую роль в современных дискуссиях о путях и возможностях моделирования отражательных

процессов играет положение о существовании у человека «неявного», интуитивного личностного знания, т.е. человек умеет (узнает) много больше, чем это можно вербализовать и формализовать. Х. Дрейфус ссылается на пример езды на велосипеде. Рациональное содержание движений велосипедиста можно выразить правилом: ехать так, чтобы кривизна траектории его пути была все время обратно пропорциональна квадрату скорости. «Это, однако, не является способом объяснения его действий. Формализация говорит лишь о том, что происходит в мозгу или разуме велосипедиста в процессе выполнения им этой задачи» (Дрейфус, 1978, с. 144-145). Вместе с тем попытка формализовать – т.е. представить в терминах множества четко определенных независимых друг от друга элементов – процесс разумного поведения (мышления и восприятия) человека, для которого, как указывает Х. Дрейфус, любой факт «приобретает смысл только в контексте человеческой деятельности» (там же, с. 171), приводит к неразрешимому противоречию – антиномии. С одной стороны, имеется тезис: для каждого данного контекста всегда должен существовать более широкий контекст: в противном случае не было бы никакого способа различения релевантных и нерелевантных фактов. С другой стороны, имеется и антитезис: должен существовать какой-то первичный, ни к чему не сводимый контекст, не требующий интерпретации: иначе возникнет бесконечная редукция контекстов, и мы никогда не сможем приступить к формализации» (там же, с. 186). Один из путей разрешения этой антиномии Дрейфус видит в моделировании процесса развития ребенка и предполагает, что если запрограммировать изначальные рефлексy младенца и «обеспечить машине возможность обучения, то, быть может, окажется возможным решить проблему распознавания контекстов (там же, с. 187). Вместе с тем, «первоначальный переход от неизменных реакций к реакциям гибким, основанным на учете смысла ситуации, по-прежнему остается неясным» (там же, с. 187). Если принимать бесконечную редукцию

контекстов во времени, то «так называемый глобальный контекст должен распознаваться в терминах фиксированных, но зависящих от контекста признаков, и тогда мы не столько решаем проблему, сколько игнорируем ее» (там же, с. 187). Из приведенных выше рассуждений видно, что, обсуждая проблему формализации познавательных процессов и, в частности, распознавания контекстов. Дрейфус неявно исходит из того основания, что глобальный контекст должен быть определен в терминах результатов акта его отражения (познания), или вообще с использованием тех самых знаний, которые заключает в себе контекст. Иными словами, представление о процессе отражения контекста или ситуации строится на основании знаний (как продуктов отражения), которые могут быть, в принципе, почерпнуты из данного контекста или ситуации. В результате остается скрытым сам момент реализации процесса отражения (познания), а распознавание определенного таким образом контекста оказывается возможным только с помощью зависимых или не зависимых от него признаков. И здесь получается, что распознавание с помощью зависимых признаков фактически невозможно, а введение не зависящих от контекста признаков заставляет отказаться, как от иллюзорной, от той гибкости, которую мы старались объяснить, что в целом при водит автора к выводу: «По всей видимости, не существует ни способа проникновения внутрь ситуации, ни способа распознавания ее извне» (там же, с. 188).

При рассмотрении процессов непосредственно-чувственного восприятия проблема распознавания контекста выступает как проблема целостного восприятия, «над имитацией которого уже давно бьются специалисты, занимающиеся разработкой систем автоматического распознавания образов» (Бирюков, 1982, с. 77). Анализируя работу Х. Дрейфуса в послесловии, Б.В. Бирюков пишет, что «человек строит системы соответствующих признаков («фактов») в ходе осмысления задачи, а не просто синтезирует ситуацию (задачу) из готовых признаков. Целое, как известно, состоит из частей,

но части осмысляются в составе целого» (цит. по Дрейфус, 1978, с. 304). Важно отметить, что целостность восприятия здесь трактуется на основании ее результативного описания – соотношения целого и его частей, т.е. в терминах уже отраженных продуктов восприятия.

Таким образом, видно, что даже современная критика кибернетических способов моделирования процесса психического отражения строится на основании естественнонаучного – физикального образа мышления, потому что, когда Х. Дрейфус берет первичные рефлексы необученного человека, он не учитывает важнейший факт: у этого ребенка уже имеются структурно-функциональные возможности порождения функционально-гибкого отражения, которые становятся действительностью в процессе индивидуального развития. Вместе с тем, наблюдаемая тенденция такого физикального, «продуктного» осмысления процессов отражения (познания) вполне закономерна, поскольку, строя свои аргументации, Дрейфус и другие исследователи широко используют материалы психологических (в частности, гештальтпсихологических) и философско-гносеологических концепций, подход которых к изучению процессов непосредственно-чувственного восприятия связан с использованием естественнонаучного – физикального образа мышления, который был подробно обсужден в разделе 1.

Проведенный краткий обзор кибернетических подходов позволяет заключить, что принятие исследователями непроизвольно допускаемого основания изучения процесса посредством уже отраженного продукта при моделировании процессов отражения ведет к построению представления о нем на основе продуктов процесса восприятия, т.е. эти продукты используются в объяснении самого процесса. При таком образе мышления становится ведущим отношение объекта отражения к продукту отражения, и изучается не сам процесс отражения, а свойства объектов через их признаки, являющиеся уже продуктами отражения, более того, такой метод исследования явления непосредственно-чувственного

отражения со строго научной точки зрения внутренне противоречив, поскольку процесс отражения объясняется таким образом, что один или несколько параметров (свойств), являющихся результатом процесса или участвующих в его осуществлении, берутся в качестве имплицитного постулата при изучении искомого процесса.

Не случайно, что процесс распознавания образов описывается через объект со своими свойствами, и поэтому в кибернетике стало широко применяться понятие «распознавание образов», которое означает изучение так свойств объектов и соответствующих им признаков, на основании которых формируются образы. Конкретное изучение распознавания образов сводится к нахождению образов сводится к нахождению более или менее оптимальных способов либо классификации признаков, либо классификации самих образов. И в том и в другом случае образуется замкнутый круг, так как, с одной стороны, ставится задача изучения опознания с целью имитации человеческих способов опознания (как это мы видели в рассуждениях Н. Винера и М.А. Айзермана), а с другой стороны, дается описание процессов на основе отношения между объектом и продуктом опознания, и в итоге объектом изучения становится само это отношение. Единственную возможность выхода из этого круга дает нам изучение закономерностей психического процесса непосредственно-чувственного отражения на основе построения новых исходных постулатов. Исходным условием для их выдвижения является положение о том, что в основание концепции, объясняющей процесс непосредственно-чувственного отражения, не могут быть поставлены такие постулаты (параметры или свойства), которые сами являются результатами или компонентами промежуточных стадий этого процесса.

3. Аффикальные принципы формопорождения в процессах психического отражения

Проведенный анализ методологических оснований естественнонаучного исследования непосредственно-чувственного отражения, а также способов его моделирования в технических системах привел нас к выводу о том, что в психологии, психофизиологии и кибернетике при изучении явлений и процессов психического отражения естественнонаучный способ полагания предмета исследования основывается на логике физикального образа мышления.

В соответствии с этим исторически сложившимся образом мышления при естественнонаучном способе изучения явлений и процессов материального мира изначально берутся в качестве отправных (исходных) оснований определенные данности (выраженные в понятиях, образах, феноменах, свойствах, признаках или различных соотношениях), относящиеся к той же области реальности, что и изучаемые явления, процессы или закономерности. Эти же данности используются далее в форме готовых компонентов при проведении анализа и описании подлежащих исследованию явлений или процессов. Затем объекты изучения становятся сами исходные ценности, а логика их исследования.

Строится на основании других ценностей на той же области реальности, что и на предыдущих этапах исследования. Таким образом, описывается новый, до этого не изученный процесс или закономерность, другой срез или сторона этой реальности, что дает возможность выявления новых, до этого не известных феноменов, процессов, закономерностей и т.д., но вопрос о природе и порождении самих исходных данностей и на этом этапе исследовании остается неизученным. Так происходит постепенное упорядочивание картины исследуемого явления, расширение и углубление опознания изучаемых процессов и закономерностей и возможности использования его результатов для практических и познавательных потребностей человека.

Заимствование такой логики физикального образа мышления при изучении процессов психического отражения в психологии и психофизиологии приводит к тому, что здесь также берутся как данности определенные понятия, феномены, системы, образы, свойства, признаки и их различные соотношения из области психической реальности. При этом остается без внимания то, что любая такая данность относится к реальности психического и является исследователю в форме результата тех процессов или явлений психического отражения, которые подлежат исследованию. Но, поскольку изучение явлений психического отражения осуществляется с использованием этих данностей как исходных оснований логики исследования, то получается, что при физикальном подходе изучение процессов психического отражения производится через собственный же продукт. Именно это делает возможным изучение принципов, закономерностей, лежащих в основе процессов психического отражения, порождающих эти данности, так как для исследователя исходные данности из области психической реальности при любом уровне изучения явлений отражения (на любом его этапе) представляют собой продукты законченных процессов, которые брались как исходные данности в логике построения исследования. В результате этого выявление новых феноменов и закономерностей на определенном уровне их исследования превращается в описание феноменов и закономерностей только в заданных условиях их проявления.

Таким образом, физикальный образ мышления продуктивно используется в области изучения материальных процессов и явлений, но при изучении процессов психического отражения его логика оказывается внутренне противоречивой. Это обусловлено тем, что исходные данности, взятые из области реальности психического отражения, являясь его непосредственными и опосредствованными продуктами, на любом уровне и при любой форме изучения психического отражения с необходимостью сами лежат в основании при построении логики этих исследований. Указанная особен-

ность принципиально ограничивает возможности использования физикального образа мышления при исследовании процессов психического отражения и ставит науку, изучающую закономерности психического отражения, в особое положение, предъявляя к ее методологическому аппарату принципиально иные требования.

Для естественнонаучного изучения явлений психического отражения необходим другой образ мышления – афизикальный, требующий выхода за пределы данностей психической реальности, которые даны исследователю в форме продуктов законченного процесса отражения. В качестве исходных необходимо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и др.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи. Это позволяет нам ставить проблему психического отражения как проблему возможности порождения явления психического отражения и изучать принципы, закономерности, лежащие в основе ее процессов, когда исходные данности можно брать не из области исследуемой психической реальности.

Переход к такому образу мышления означает построение новой рефлексивной логики полагания предмета исследования – логики изучения самой возможности порождения явления психического отражения как закономерного результата действия диалектических закономерностей самодвижения материи. Вопросу построения такой новой логики полагания предмета исследования по отношению к явлению психического отражения посвящено дальнейшее изложение.

Согласно сформулированному выше требованию, явления, процессы и закономерности психического отражения не могут быть раскрыты на основе использования для их описания самих продуктов отражения. Вместе с тем эти явления и процессы открыты нам непосредственно именно в форме результата, продукта уже свершившегося про-

цесса отражения. Поэтому изучение явлений психического отражения требует выхода за рамки его данностей в более широкую сферу, в сферу возможности порождения психического отражения как природного явления, возникающего на определенной ступени развития материи. Это означает, что исходные основания при построении логики полагания предмета исследования по отношению к явлению психического отражения могут быть выявлены при анализе фундаментальных особенностей, свойств или принципов самодвижения материи, в процессе саморазвития которой возникает явление отражения.

Таким образом, понимание явления психического отражения как определенной формы самодвижения материи диктует и полагание предмета исследования в виде фундаментальных закономерностей, принципов развертывания процессов отражения в живой и неживой природе. Отсюда следует, что при поиске закономерностей, принципов, лежащих в основе явления психического отражения, следует исходить из соответствующих закономерностей материи. В таком случае форма психического отражения принимается нами в качестве одной из форм саморазвития материи и как природная форма несет в себе общие особенности и закономерности самодвижения материи, т.е. предстает как такая форма, проявление которой суть выражение общих закономерностей и принципов отражения.

Такая логика полагания предмета исследования общих особенностей и принципов отражения определяют вместе с тем и путь выявления исходных логико-методологических оснований естественнонаучного изучения возможности порождения отражения и принципов его функционирования, связанных с объективно независимой от данностей психического реальностью материи.

В качестве первой исходной особенности материи можно взять как ее объективную дискретность, так и ее объективную единость в их диалектическом соотношении, которое заключается в том, что независимо от нашего непосредствен-

но-чувственного и опосредственно-познаваемого отражения, или уровня знания, материя, или материальность, состоит из бесконечного многообразия форм (атомы, молекулы, клетка, человек, человечество, дерево, Земля, Вселенная и т.п.), которые в природе по своим внутренним законам образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы. Но вместе с этим, как границы их дискретности, так и определенность форм вне нашего отражения, т.е. вне выделения и сопоставления этих форм и составления определенных соотношений, представляют нерасчлененную единость. При этом единость присуща не только абсолютному общему, но и присутствует внутри каждой относительно дискретной формы (атом как определенная дискретная форма имеет в себе электроны и другие элементарные частицы, представляющие единость в атоме, аналогично этому представляют единость в молекуле, молекула – в клетке, клетка – в человеке, человек – в человечестве, Земля – во Вселенной и т.д.).

Вторая особенность материи заключается в распадении и порождении форм, что обусловлено диалектически противоположными тенденциями к самосохранению дискретных форм и к их разрушению, приводящему к единости. Именно в этом вечном превращении форм живого, которые в отличие от форм неживой материи, где самосохранение формы обеспечивается высокими энергетическими связями между соответствующими ее элементами, имеют слабую энергетическую структуру и при осуществлении природно заданной цели – самосохранения собственной формы в борьбе с тенденцией превращения в нерасчлененное единое – по необходимости приобретают такую возможность – возможность отражения предупреждающего воздействия окружающей среды. Тем самым форма живого приобретает свойства системы, имеющей в себе многообразные межэлементные связи, передающие и фиксирующие воздействие. Отсюда и место, и функция отражения как явления, возникшего в недрах материального мира для осуществления возможности самосохранения форм живого. Отсюда и сущность отражения

как процесса формопорождения в живых системах, активно отражающих воздействие на них в отличие от неживых форм, которые принимают воздействие пассивно, только по мере противопоставления своих энергетических возможностей для самосохранения образовавшихся форм.

В качестве третьей особенности материальности можно взять ее структурно-процессуальную особенность образования и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы. Эта особенность образования и разрушения отношений в виде межэлементных или межформенных взаимодействий обусловлена собственными физико-химическими законами связи между элементами данной формы. Благодаря этим связям образуются структурно-процессуальные системы как в неживой, так и в живой природе. Вместе с этим, в соответствии с общей особенностью образования и разрушения отношений между элементами живая система отличается от неживой тем, что в ней соответственно природно заданной цели – самосохранения формы – имеется возможность структурно-процессуального составления и фиксации образовавшихся отношений и составления отношений между созданными отношениями, т.е. возможность образования информации в виде памяти, которая не разрушается при образовании новых отношений. В неживой природе образование структурно-процессуальных отношений между ее элементами или формами бесследно разрушается при образовании новых отношений между ними. Именно в сохранении образующихся отношений в меру своих слабо энергетических структурообразующих возможностей обнаруживается активность живой системы и пассивность форм неживой материи, отражающих образовавшиеся в ней межэлементные отношения при условии энергосильных воздействий на структурные взаимоотношения ее элементов.

Отсюда вытекает очень важный вывод о том, что для неживой материи, где отсутствует фиксация образовавшихся отношений между ее элементами и формами превращения,

время как свойство материи, выступает в виде своей нерасчлененной единости. А для живой системы благодаря возможности сохранения образовавшихся отношений и составленных отношений между ними единость времени расчленяется, дискретизируется и тем самым порождает возможность отражения времени в виде предыдущего и последующего образования дискретных отношений, которые и являются основанием для восприятия течения времени.

Четвертая объективная особенность материи – ее пространственно-временная анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с осуществлением дискретно-единых распадающихся и порождающихся ее форм. При этом гомогенность можно представить как пространственную однородность дискретных форм единости, вследствие чего любая дискретная форма материи вместе с включенными в нее другими дискретными формами по каким-то присущим им физико-химическим законам связи и взаимодействия между собой образуют пространственность заключающей их формы. И несмотря на гомогенную однородность внутренне-дискретных форм, они, относительно собственной пространственности, т.е. нахождения в данный момент времени и данной точке пространства, составляют анизотропные отношения друг с другом в любых направлениях этого пространства. Это можно понимать как основу, образующую пространственно-гомогенно-анизотропную особенность материи.

Временная гомогенно-анизотропная особенность материи заключается в том, что при распадении и порождении форм материи внутри единого времени происходят изменения форм, которые относительно друг друга составляют анизотропные отношения в виде предыдущих и последующих форм, что приводит к гомогенной (в случае неизменности форм), либо к анизотропной (в случае различных форм) дискретизации единого времени. Отсюда следует, что отражение как процесс формопорождения в определенной отражательной системе возможно при условии образования пространственно-времен-

ных анизотропных отношений между однородными дискретными формами, так как при образовании гомогенных пространственно-временных отношений возможность формопорождения отсутствует. Опираясь на эти особенности материи, которые необходимым образом присущи любой отражательной системе, так как любая система сама является одной из образованных форм материи, можно выводить основные процессуально-структурные принципы и закономерности формопорождения в процессах психического отражения.

Исходя из сказанного ясно, что для осуществления возможности формопорождения необходима определенная анизотропная материальная структура – отражательная система, которая посредством своей пространственно-временной анизотропности имела бы возможность фиксировать формы объективного мира. При этом любая конкретная отражающая система должна иметь функционально ограниченную разрешающую способность и обладать конечными возможностями отражения объективно природных форм материи.

Вместе с тем, по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще не реализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие объективных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образовываться, т.е. породиться в процессе отражения, который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватное функционирование живой системы в окружающей среде.

Таким образом, каждая природная отражательная система в силу своей структурно-процессуальной анизотропности имеет возможность порождения форм объектов и их свойств,

которые сопредставлены в подлежащей отражению глобальности. Простым примером сопредставленности таких форм является цвет и пространственная форма объекта, не существующие один без другого, но вместе с тем выступающие как различные в процессе зрительного восприятия. Сопредставленность природных форм в психическом процессе отражения указывает на важную характеристику анизотропности отражательной системы, выступающую как возможность выявления и фиксации различия или сходства. Действительно, известно, что сенсорные органы живых существ имеют дискретное, анизотропное строение, например, сетчатка глаза, Кортиев орган уха, пальцы руки человека и т.д.

Отсюда ясно, что для того, чтобы отражение было возможно дискретная структурная организация отражательной системы не должна быть гомогенной (в гомогенном порождение нового невозможно), т.е. она должна быть анизотропной. Это в свою очередь предполагает наличие определенной возможности образования отношений между отдельными дискретными элементами; отношений, в которых посредством фиксации различия или сходства порождается сопредставленность отраженных форм. И здесь важно отметить, что образование отношений наряду с анизотропностью являются не только особенностями материальной природы, но и выступают как всеобщие принципы, также лежащие в основе психических процессов отражения.

Если исходить из того, что само отражение как процесс – это упорядочивание гомогенности (еще неотраженного) соответствующей отражательной системой, имеющей возможность фиксации многообразия форм материи в соответствии со своей разрешающей способностью, то принцип образования анизотропных отношений в известной мере позволяет раскрывать специфику процессуальной стороны отражения в живой природе. Возможность процессов отражения в живой системе предполагает, что образование отношений не может происходить иначе, чем в определенной структуре – в определенной отражательной системе. Эта структура долж-

на иметь те или иные возможности фиксации образовавшихся отношений, и именно эти возможности определяют разрешающую способность отражательной системы.

Таким образом, в целом видно, что анизотропность структуры отражательной системы предполагает форму дискретности, которая обеспечивает возможность образования различия в гомогенности. Вместе с тем в дискретной структуре возможность формопорождения создается посредством образования отношений в однородно-дискретном, что обеспечивает возможность появления различия дискретной однородности (как например, пространственной выделенности правой и левой стороны и др.). Образование отношения предстает как определенный акт-момент и тем самым предполагает необходимость фиксации (памяти), во-первых, установления и, во-вторых, сохранения различия или сходства.

Фиксация образования отношений означает наличие определенной структуры, в которой возможность образования отношений предстает как внутренняя связь в отражательной системе, обеспечивающая каждый действительный акт образования отношений. Ясно, что элементарная связь, обеспечивающая, с одной стороны, возможность образования отношений и в то же время, с другой стороны, определяющая возможность фиксации (порождения и сохранения) различия и сходства в одном акте образования отношения, является по сути понятия образования отношений связью между двумя дискретными элементами (воздействиями) в едином (третьем), обеспечивающем фиксацию различия или сходства. Поскольку в одномоментном акте образования отношения возможность фиксации различия или сходства определяется отношением двух в едином третьем, то элементарное анизотропное отношение в самом общем виде может быть охарактеризовано как двуединое отношение (см. описание изобретения А.И. Миракяна в настоящем сборнике). Здесь двуединство представляет собой отношение между двумя одинаковыми однородными в одном объективном качестве и вместе с тем различными, анизотропными в другом

качестве (допустим, по положению в пространстве и времени) относительно анизотропности отражательной системы.

В результате, при образовании двуединого отношения это объективное различие и одинаковость порождаются как отраженная форма в двуедином элементе отражательной системы. Образование двуединого отношения можно рассматривать, таким образом, в качестве элементарного механизма формопорождения, т.е. механизма порождения нового, являющегося своеобразной «клеточкой», реализующей возможность отражения.

Косвенным свидетельством, удостоверяющем правомерность постулирования образования именно двуединых отношений как исходного элементарного механизма, лежащего в основе процессов отражения, является тот известный, но в принципе удивительный и до сих пор необъясненный факт, что органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, две руки, два уха и др.

Раскрытая выше сущность двуединого отношения, определяемая как установление различий двух одинаковых однородно-дискретных элементов (в результате чего гомогенность отражается анизотропно), предполагает, что в процессе образования двуединого отношения в силу наличия дискретности, естественным образом возникает граница между двумя элементами, образующими отношение, границе, где один из них переходит в другой. Образование границы проявляется как ограниченность в данном отношении и может совпадать с природными границами данной формы (как, например, при образовании непосредственного отношения между двумя клетками живого существа, когда эта условная граница совпадает с мембранами оболочек каждой из клеток). При образовании двуединого отношения в такого рода отражательной системе границей может являться третий элемент структуры, фиксирующий двуединое отношение (элемент 2 на рис.1). Надо отметить, что указанная ограниченность понимается в наиболее широком смысле и может носить, в том числе, и временной характер. В этом случае имеет место, на-

пример, отделение дискретности предыдущего и последующего моментов образования отношений.

Указанная граница является по сути той осью, относительно которой проявляются различия и сходство двух дискретных однородностей, т.е. эта граница выступает осью симметрии. Тем самым здесь обнаруживается возможность появления симметричности при образовании отношения между двумя дискретными элементами. Когда речь идет не только о двух элементах, а о некоторой однородной дискретности, то при условии однородности образования отношений может быть порождена структурная симметричность.

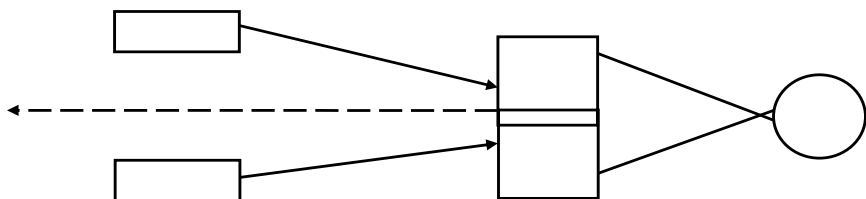

Рис. 1

Таким образом, симметричность является имманентным свойством процесса образования двуединых отношений между двумя дискретными элементами относительно разделяющей их границы. В силу того, что в живом образовании отношений фиксируется в определенной анизотропной структуре отражательной системы, то можно предположить, что симметричность должна быть одной из структурообразующих основ отражающей системы. На языке понятий гомогенности и анизотропности симметричность выступает как такая анизотропность отражающей системы, которая создает возможность отражения гомогенности анизотропно. С процессуальной точки зрения симметричность, выступающая как симметризация, может служить основой возможности обнаружения и фиксации различий между однородными дискретными элементами при образовании анизотропных отношений в отражательной системе. На этом основании и можно говорить о симметричности (возможность появления

которой, как было сказано выше, заложена в основе образования двуединых отношений), как о принципе, лежащем в основе возможности явления отражения как процесса формопорождения. Рассмотренный выше принцип образования двуединых отношений получает, таким образом, свою конкретизацию, так как двуединые отношения можно трактовать как симметрично-двуединые. Лежащее в основе процесса формопорождения двуединое отношение выступает, таким образом, как симметрично-двуединое отношение.

Построенная логика полагания предмета исследования по отношению к реальности психического отражения позволяет, таким образом, сформулировать ряд принципов, которые, будучи, с одной стороны, объяснительными для возможности отражения, с другой стороны, выступают в качестве непосредственного объекта исследования.

Первый принцип в самом общем виде может быть сформулирован как принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы и определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией.

Характер анизотропной отражательной системы раскрывается другим принципом, определяющим элементарный механизм формопорождения, - принципом образования отношений. Этот принцип конкретизировался выше как принцип образования симметрично-двуединых отношений; он раскрывает универсальный механизм любого процесса формопорождения.

Разработанные теоретические положения афизикального способа полагания и развитые на этой основе фундаментальные принципы отражения открывают возможности проведения широкого комплекса исследований, направленных на выявление этих принципов и их физиологических механизмов в пределах непосредственно-чувственного отражения различных модальностей у человека.

Список литературы

Айзерман М.А. Опыты по обучению машин распознаванию зрительных образов // Биологические аспекты кибернетики. – М.: изд-во АН СССР, 1962.

А.С.Н. 217754 (СССР) Способ распознавания печатных знаков. Опубл. 24.03.1967. МКИ Ст.0649/28.

А.С.Н. 898464 (СССР). Устройство для выделения признаков при распознавании образов. Опубл. 29.05.80. МКИ Ст. 0649/46.

Бирюков Б.В., Гутчин И.Б. Машина и творчество. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.

Бонгард М.Н. Проблема узнавания. – М.: Наука, 1967. – 320 с.

Браверман Э.М. Опыты по обучению машины распознаванию зрительных образов // Автоматика и телемеханика, 1962. 23, 3, с.349-365.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.

Васильев В.И. Распознающие системы (справочник). – Киев, Наукова думка, 1983. – 422 с.

Вейценбоум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум (от суждений к вычислениям). – М.: Радио и связь, 1982. – 368 с.

Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы. Ощущение, восприятие. – М.: Педагогика, 1982, с. 219-246.

Верхаген К., Деан Р., Грун Ф., Йостен Й., Бербен П. Распознавание образов, состояние и перспективы. – М.: Радио и связь, 1985. – 104 с.

Винер Н. Кибернетика. – М.: Советское радио, 1968. – 326 с.

Горелик А.Л., Гуревич И.Б., Скрипник В.А. Современное состояние проблемы распознавания. – М.: Радио и связь, 1985. – 160 с.

Дудо Р., Харт П. Распознавание образов и анализ сцен. – М.: Мир, 1976. – 511 с.

Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины (критика искусственного разума). – М.: Прогресс, 1978. – 334 с.

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. – М.: Мир, 1974. – 550 с.

Минский М., Пейперт С. Перцептроны. – М.: Мир, 1971. – 262 с.

Наука и жизнь. – М.: 1983. №2, с.96.

Патент №3192505 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 14.07.61. Оpubл. 29.06.65, кл. 340.146.3.

Патент №3597731 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 28.07.69. Оpubл. 03.08.71, кл. 340.146.3.

Патент №3651 461 (США). Центрирующее распознавание символов. Заявл. 17.04.70. Оpubл. 21.03.72, кл. 340.146.3.

Патент №3701095 (США). Зрительная система для выделения признаков символов и образов. Заявл. 14.09.70. Оpubл. 24.10.72, кл. 340146.3.

Патент №2813731 (ФРГ). Процесс автоматической оценки изображений с помощью скоростного преобразования изображения и цепь для осуществления процессов. Оpubл. 25.04.78. МКИ ст. 06К 9/56.

Патент №4318083 (США). Устройство для распознавания образов. Заявл. 14.04.80. Оpubл. 02.03.82, кл. 340.146.3.

Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики (перцептроны и теория механизмов мозга). - М.: Мир, 1965. – 480 с.

Рок И. Введение в зрительное восприятие. – М.: Педагогика, 1980, книга 1 – 312 с., книга 2 – 280 с.

Соколов Е.Н., Шмелев Л.А. Нейробионика. Организация нейрореподобных элементов и систем. – М.: Наука, 1983. – 280 с.

Тюхтин В.С. Теория познания и кибернетика // Диалектика в науках о природе и человеке, том 1. – М.: Наука, 1983, с. 321-327.

Уинстон П. Искусственный интеллект. – М.: Мир, 1980. – 519 с.

Хьюбел Д. Зрительная кора мозга // Восприятие. Механизмы и модели. – М.: Мир, 1974, с.169-184.

Хьюбел Д., Визель Т. Центральные механизмы зрения // Мозг. – М.: Мир, 1982, с. 167-197.

Основания трансцендентальной психологии восприятия⁷

А.И. Миракян

С античных времен и до наших дней одна из основных загадок феномена «психика» формулируется в следующем виде: каково содержание того события в живом организме, которое приводит к осуществлению его возможности видеть, слышать, осязать окружающий мир и самого себя? В философии, различных религиях и науках содержатся многочисленные формы ответов на поставленный вопрос. Проведенный нами анализ этих форм ответов показал, что, несмотря на их противопоставленность, а порой и взаимоисключаемость, все они содержат одно и то же исходное основание, которое не позволяет им дать научное объяснение процессуального содержания данного события. Это исходное, отправное основание заключается в том, что происходящее в живом организме событие полагается и анализируется посредством данных уже ставших продуктов процесса его осуществления. Сказанное хорошо иллюстрируется следующими тремя примерами, анализ которых дает возможность выявить некоторое скрытое содержание традиционного способа изучения процессов восприятия.

Когда представитель любой религиозной конфессии утверждает, исходя из постулатов веры, что способность воспринимать окружающие нас вещи изначально дана человеку Богом, то очевидно, что в силу этого возможность восприятия как события в живом организме - божественный дар. Но это означает, что предметы являются уже увиденными, знаемыми еще до акта восприятия, то есть являются продуктами. Поэтому в данной логике предметы изначально про-

⁷ Расширенный вариант статьи А.И. Миракяна «Начала трансцендентальной психологии восприятия», опубликованной в журнале «Философские исследования». 1995. №2. По книге А.И.Миракян. Контуры трнсцендентальной психологии (кн. 2). – М.: Изд-во «ИП РАН», 2004. С. 343-380.

тивопоставлены тому субъекту, который имеет божий дар их видеть. Значит, эти предметы принимаются как уже увиденные, то есть являются продуктами уже свершившегося процесса их восприятия. Вот почему при таком понимании явления восприятия предметы не порождаются в процессе восприятия, а изначально присутствуют для акта восприятия их человеком. Ведь если уже есть воспринятые объекты, окружающие человека, значит, он их уже когда-то воспринимал. Следовательно, описание божьего дара относится к тому восприятию, когда уже есть воспринятые предметы, и поэтому восприятие объясняется через уже воспринятое. Значит, такое понимание не содержит в себе объяснения возможности процесса восприятия как события в живом организме, как возможности быть (стать) осуществленным.

Во втором объяснении возможности явления восприятия в живом организме центральное место занимает понятие души. Душа - нематериальное образование, отличная от тела субстанция - вселяется в тело человека, и с ее помощью осуществляется способность человека воспринимать окружающие его вещи и явления. Это происходит благодаря органам чувств, которые как двери открывают входы души в мир телесных вещей и поэтому становится возможным акт их восприятия. Это объяснение явления восприятия подобно предыдущему: то, что должно стать воспринятым, уже есть воспринятое, т.к. окружающие человека вещи являются душе как уже воспринятые, поскольку имеют возможность каким-то образом войти в душу человека через органы чувств и образовать у него образ, представление о внешней вещи. При таком понимании вещь уже есть нечто воспринятое, которое, входя в душу, образует образ этой вещи в самой душе.

Здесь опять же содержание того события, благодаря которому становится возможным акт восприятия, выводится из исходного, а priori принятого представления о том, что вещи через органы чувств входят в душу и вследствие этого становятся увиденными. Но это значит, что они уже были восприняты до того, как человек начал их воспринимать.

Следовательно, воспринятое посредством души не является искомым событием, потому что это процесс восприятия уже увиденного, уже отраженного; нас же интересует, каково содержание того события, благодаря которому становится возможным процесс видения. Не содержание процесса восприятия уже воспринятого, не формирование образа уже воспринятой вещи, а каково содержание процесса, благодаря которому становится возможным порождение образа, являющегося нам при завершении этого процесса как образ воспринятой вещи. Иными словами, необходимо раскрыть содержание порождающего процесса, в котором возможность восприятия становится осуществленной.

Следующими более содержательными попытками ответа на поставленный вопрос являются многочисленные естественнонаучные представления, которые развивались параллельно с предыдущими представлениями, начиная с античных времен, и получили бурное развитие в новое время, особенно в течение последних столетий. Это научные теории в рамках естественнонаучной, физикальной парадигмы, которая принцип работы с данностями во всех науках доводит до единственной истинно научной аксиомы. Согласно естественнонаучному представлению о психике, человеческое восприятие дано нам в фактах, феноменах самого восприятия. Следовательно, если мы хотим понять содержание процесса, приводящего к событию восприятия, мы должны в качестве исходной опоры использовать имплицитно принятые эти очевидные факты, данности, представленные нам самим восприятием в форме продуктов уже завершившегося процесса. Вот почему в рамках физикальной парадигмы поиск содержания процесса восприятия ведется в анализе взаимодействия объекта и субъекта, соотношения стимула и реакции; объекта, деятельности и субъекта и т.д. Здесь уже объект, подлежащий восприятию, явно выделен, дан как уже ставший объект восприятия, отделенный от воспринимающего субъекта. При этом как объект, так и субъект описаны через продукты процесса восприятия: готовые свой-

ства, признаки, т.е. то, что только должно быть воспринято, уже воспринято.

В последние десятилетия этот подход получил свою завершённую форму в нейрофизиологических и психологических работах по изучению физиологии зрительного процесса. Суть этих работ в следующем: т.к. мы знаем, что воспринимаемые объекты имеют линии, углы, дуги и другие пространственные признаки, то, следовательно, в глазу (в сетчатке) или соответствующих отделах мозга должны быть «рецептивные поля» для каждого из этих признаков, образующие тем самым отражение любых форм объектов, имеющих эти признаки. Нейрофизиологии искали и «нашли» отдельные детекторы, соответствующие этим признакам, и «рецептивные поля» среди миллиардов клеток мозга, отвечающих на световое воздействие на определенные клетки сетчатки.

С точки зрения физики, физиологии и логики естествоиспытателя, эти эксперименты идеальны, а с точки зрения фундаментальной афизикальной психологической науки, эта гипотеза построена на ложных исходных основаниях, а эксперименты бессмысленны. Чтобы убедиться в этом, достаточно ответить на один простой вопрос: что такое линия, угол, дуга как признаки объекта? Ответ: это геометрические абстракции, полученные в результате анализа данных продуктов восприятия при наблюдении свойств объектов, т.е. уже воспринятые свойства и признаки. Если это утверждение справедливо, то, значит, исследователи в качестве механизмов, отражающих пространственный образ вещей, полагали уже отраженные свойства - линию, угол, дугу - и приписывали эти же свойства структуре отражающего аппарата, вместо того чтобы искать механизмы, имеющие возможность порождения этих пространственных свойств объектов, т.е. свойств линии, угла, дуги и др., которые только при завершении процесса восприятия становятся воспринятыми пространственными свойствами, а не заранее созданы, смонтированы в природной организации-конструкции отра-

жательного аппарата - сетчатке глаза и соответствующих отделах мозга.

Не случайно эта физиологическая гипотеза полностью совпадает с кибернетическим пониманием проблемы опознания образов, где главное - это математическое описание геометрических свойств пространственной формы. Но если в кибернетике такой подход правомерен, то задачам физиологии и психологии он не отвечает, потому что их главная цель - выявление природных закономерностей и механизмов, осуществляющих возможность порождения пространственных свойств и признаков. Поэтому, когда исследователь исходит из непосредственных данных восприятия, являющихся продуктом искомого процесса, тогда вход на понимание содержания этого процесса для него закрыт⁸.

Следовательно, в рамках естественнонаучной парадигмы (исходящей из того, что есть объекты, имеющие какие-то свойства, и есть субъект, отражающий эти объекты) также остается нераскрытым содержание того порождающего процесса в живом организме, в котором возможность восприятия становится осуществленной, в котором объект порождается в качестве объекта восприятия. Но здесь появляется новый вопрос: каково содержание того процесса, когда животные чувствуют, а человек осознает объекты, становящиеся объектами восприятия, в качестве вне находящихся объектов действия, т.е. как возможно установить тождественность между процессами, происходящими в мозгу, и вне находящимися объектами (загадка Гомункулуса: кто читает образ объекта на сетчатке глаза или в мозговых структурах?).

⁸ В рамках данного краткого изложения нашей концепции трансцендентальной психологии восприятия мы не можем достаточно удовлетворительно раскрыть содержание продуктного подхода в философии, физиологии, психологии и кибернетике. Подробно об этом написано в следующих книгах: Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван, 1990; Принципы порождающего процесса восприятия, М., 1992; Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. (книга 1), М., 1999; Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов, М., 1993.

Последний вопрос не мог возникнуть в двух предыдущих представлениях о восприятии, т.к. в понятиях «божьего дара» и «души» подразумевалось восприятие как данность человеку, как уже имеющаяся возможность целостности его процессов. А в естественнонаучной парадигме после открытия законов оптической проекции формы объекта на сетчатку глаза (Альгазен, Леонардо да Винчи, Декарт) эта целостность раздвоилась на процесс получения изображения объекта на сетчатке глаза и процесс продолжения этой проекции в мозговых структурах. Вследствие этого перед учеными встал ряд вопросов. Первый - как возможна фиксация процессов в мозговых структурах, в результате которой и возникает образ воздействующего объекта? Второй вопрос (являющийся главной загадкой феномена «психика») - это вопрос о том, как или кем этот образ чувствуется или осознается как объект восприятия, т.к. природа процессов в мозговых структурах отлична от природы отражаемого объекта? И третий вопрос - как возможна и каково содержание связи между объектом и мозговыми процессами, имеющими различную природу?

Эти вопросы были четко сформулированы Декартом, искавшим ответы на них. И после него многочисленные философы нового времени и философы, психологи, физиологи последнего столетия занимались тем же. Кант довел формулировки этих проблем до предельной четкости на примере анализа возможности восприятия протяженности пространства, что привело в дальнейшем к образованию различных школ психологов и физиологов (эмпиристов и нативистов) в поисках ответов на поставленные Кантом следующие вопросы⁹: если известные нам органы чувств не дают ощущения протяженности пространства подобно тому, как мы имеем непосредственное ощущение цвета, запаха, упругости и

⁹ Сто лет назад эта проблема подробно проанализирована Г.И. Челпановым в двухтомной монографии «Проблема восприятия пространства» (М., 1886), в которой приводятся исчерпывающие данные о мировой философской, психологической, физиологической литературе.

др. качеств вещей, то тогда через органы чувств невозможно восприятие и представление о качестве протяженности пространства. Исходя из этого, Кант считал, что представление о протяженности пространства изначально дано человеку с его рождения.

Простой пример хорошо иллюстрирует утверждение Канта об отсутствии возможности ощущения протяженности пространства у человека. Определенный цвет воздействует на сетчатку и становится ощущаемым, но та поверхность, в которой заключен этот цвет, ничем не отражается, т.к. воспринимающая цвет поверхность сетчатки состоит из отдельных цветоощущающих элементов и не может образовать представление о пространственности этой дискретной поверхности.

Иными словами, здесь спрашивается, как возможно представление о целостности дискретных элементов? Процесс суммации дискретных элементов в качестве источника, образующего ощущение протяженности пространства, здесь не пригоден, т.к. в таком случае кто-то должен «считать» эту сумму, потому что суммированное, не заключенное в пространстве, может относиться и ко времени и не может дать ощущения протяженности, «и точки, и момент не могут быть мыслимы само по себе, а постигаются только в данном уже пространстве и времени как их границы»,¹⁰ - писал Кант. А если отдельную точку или их сумму представить в каком-то пространстве, значит, представление о протяженности у нас уже есть изначально, и в этом случае о формировании протяженности посредством органов чувств не может идти речи. Поэтому Кант представление о пространстве считает изначально данностью человека как «условие, при котором нечто может стать предметом наших чувств».¹¹

Мы видим, что критик чистого разума считал объяснение возможности формирования восприятия и представления о пространстве, основанное на данности человеку в форме

¹⁰ Кант И. Сочинения в 6 тт. М., 1963, т. 2, с. 407.

¹¹ Кант И. Сочинения в 6 тт. М., 1963, т. 2, с. 395.

продуктов восприятия и разума, невозможным, т.к. это трансцендентное явление и оно дано человеку как изначальное условие восприятия. Но вместе с этим в основе понимания Канта изначальная данность представления о пространстве также имплицитно содержит следствие продукта восприятия в его уже законченной форме. Ведь если смотреть с точки зрения исследования возможности формирования пространственного представления, принимая даже, что оно имеет форму изначальной данности человеку, то тогда остается без ответа вопрос о том, что эта данность когда-то и как-то формировалась? Значит, несмотря на то, что Кант отрицал восприятие пространства и пространственности объектов посредством органов чувств, представление пространства у человека он все равно брал также как осознанную человеком форму данности, как продукт восприятия собственной прирожденной возможности. Это не продукт непосредственно-чувственного восприятия, но продукт осознания его существования в форме уже готовой данности у человека.

Таким образом, анализ истории философии и различных наук даже в таком кратком изложении показывает, что исследование возможности процессов восприятия живого организма подразумевается на основании уже воспринятых продуктов искомого процесса. По этой причине остаются скрытыми процессуальные принципы и закономерности, которые обуславливают порождение тех продуктов восприятия, на основании которых ведутся феноменологические исследования в философии, психологии и физиологии органов чувств. Главное условие выхода из этого заколдованного круга заключается в том, чтобы, не опираясь на данные непосредственно-чувственного восприятия, выйти за пределы его данности и найти такие природные основания и принципы структурно-процессуальной организации в живом организме, благодаря которым становится возможным акт порождения восприятия.

Для этого необходимо иметь адекватные этой задаче философско-методологические исходные основания, позво-

ляющие преодолеть ограниченность современного продуктно-феноменологического физикалистского подхода к проблемам восприятия, т.е. создать трансцендентальную теорию психологии восприятия.

* * *

При формулировании этих исходных оснований нами было осознано то, что исследование психики необходимо начать с разработки понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, т.к. в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует.

Отсюда следует, что мы и наше мышление по своей принадлежности к реальности присутствия при попытке познания этой реальности имеем дело только с формами присутствующего. А формы реальности присутствующего в нашем сознании выступают как уже осознанные нами формы материальности мира и идеальности понятия.

Мы не знаем, и не можем знать, как Бог создал материю - бытие присутствующего, но, как из материи возникла психика, мы постепенно можем познать, потому что материя и психика находятся в присутствующем, а Бог и его возможные законы порождения материи находятся в отсутствующем. Человеческое познание находится внутри присутствующего, за пределы которого не может выйти. Об отсутствующем мы можем только догадываться по следам его проявлений в присутствующем. Таким, как, например: стремление к самосохранению и структурированию неживой и живой материи, стремление к цели и к самопознанию, проявление силы притягивания и любви и т.п. О процессах

их порождения нам судить не дано, поскольку мы просто имеем эти проявления в наличии как следствие чего-то вечного отсутствующего и нам неизвестного. Но вместе с этим мы можем говорить о реальности стремления к дискретно-структурному разрушению и самосохранению этих дискретных форм материи. Вероятно, они как проявления нам вследствие закономерностей отсутствующего и содержит в себе возможность порождения неживых и живых форм природы и принципов и закономерностей их существования. Главный принцип этого стремления к самосохранению собственной дискретной формы. В отличие от форм неживой материи, где самосохранение формы обеспечивается высокими энергетическими связями между соответствующими ее элементами (атом, молекула, галактика). Живые формы, начиная с клетки, имеют слабую энергетическую структуры для осуществления природно заданной цели – самосохранение собственной формы. Поэтому при наличии тенденции превращения в нерасчлененное единое «ничто» живой организм по необходимости приобретает новую возможность - возможность предупреждающего ощущения об угрожающем воздействии окружающей среды. Тем самым в форме живого приобретает свойства системы, имеющей в себе многообразные межэлементные связи, передающие и фиксирующие воздействие. Отсюда и место, и функция отражения как явления, возникшего в недрах материального мира для осуществления возможности самосохранения форм живого. Отсюда и сущность *отражения как процесса формопорождения живых систем*, активно отражающих воздействие на них в отличие от неживых форм, которые принимают воздействия пассивно, только по мере противопоставления своих энергетических возможностей для самосохранения образовавшихся форм. Отсюда следует, что человечество должно освободиться от мысли об отделенности психики от материи, от ее непосредственной связи с Богом. Необходимо оставить Богу - богово и понять, познать психику не через непосредственный продукт самого

психического, а через заложенные Богом закономерности материи, порождающие человека, человечество, психику и познание.

Мне кажется, человек связан с Богом через природу, материю, т.е. через его проявления в присутствующем. Поэтому деяния людей караются не Богом непосредственно, а божьими законами, заложенными в материи и природе.

Отсюда главные выводы: при исследовании психики не следует исходить из готовых данных сознания, из продуктов психического отражения, которые ограничены присутствующим, не следует противопоставлять их созданным Богом закономерностям природы, а всегда искать возможность понимания порождения данных сознания в закономерностях самой природы.

Для достижения этой цели сначала необходимо принять реальность «ничто» - отсутствующего - как того, что человек не в состоянии непосредственно воспринимать, аналогично тому, как мы принимаем реальность «нечто» как существующего, того, что отражает человек, с чем имеет дело человек и его эмпирико-функциональное мышление. Если основную характеристику «ничто» можно представить в форме пространственно-временной однородности-гомогенности как объективное отсутствие различия в едином, то, противоположно этому, основная характеристика *«нечто» является нам в форме сущего, которому свойственна неоднородность-анизотропность - как объективное присутствие различного в едином.* Отсюда следует, что гомогенность - объективная возможность единого, а анизотропность - форма различия в едином, объективная возможность формопорождения сущего и мера дискретности, порождающая единичное противоположно объективной непрерывности материи.

Поэтому анизотропность - это не только пространственная характеристика систем, состоящих из дискретных элементов (как принято считать в естествознании), а это есть более общая, объективно содержащая в себе отношение особенность материи, в которой заложено начало саморазвития,

образования ее новых форм, и эта особенность как основа порождения отношений вообще и взаимоотношений в частности тем самым может являться главным условием для спонтанного образования психического отражения.

При таком понимании естественно предположить, что современное естествознание, изучающее материю исходя из представления о гомогенности пространства (и, в частности, о симметричности процессов, происходящих в микромире, где пространство и время предстают взору исследователя в своем еще нерасчлененном единстве), рано или поздно должно было столкнуться с этой основной особенностью материи, т.е. ее пространственно-временной анизотропностью, которая до сих пор представлена в науке лишь своими чисто пространственными характеристиками.

Изучение истории развития квантовой механики показало, что экспериментальное обнаружение античастиц и есть проявление в исследовании такой особенности материи как анизотропность, и что именно это заставило теоретиков физики отказаться от господствовавших взглядов на симметричность физических процессов и осознать необходимость понимания асимметричной природы исследуемых явлений. Еще более наглядным примером, показывающим анизотропность как свойство материи, проявляющееся в пространственной асимметричности как необходимой, внутренне присущей материи особенности, дающей возможность порождения иной структуры, мы находим в описании процессов, происходящих в кристаллах. Нарушения симметрии кристаллической решетки, понимаемые как дефекты кристалла, оказались совершенно необходимыми для его роста. Исследования П. Кюри показали, что если в описании внешней формы и внутреннего строения кристаллов важную роль играет симметрия, то для изучения их свойств необходимо представление об отсутствующих элементах симметрии. Исходя из этого, Кюри считал, что отсутствие элементов симметрии и есть та асимметрия, которая создает явление, т.е. новые свойства структуры.

Эти факты асимметричности микромира, факты физиологического исследования асимметричности левого и правого полушария мозга, а также многие другие исследования последних десятилетий показывают, что асимметричность как одно из проявлений анизотропности материи является источником образования новых материально-пространственных неорганических и органических систем. Однако выделение этих систем есть только фиксация человеком развитых форм самой материи, характеризующих ее различные уровни, или ступени, эволюции. Именно по этой причине они являются объектами исследования в естествознании, так как в своей объективной материальности эти формы существовали и существуют в вечном потоке движения материи.

В истории материалистической философии были попытки поиска сущности явления психического отражения в истоках самой материи; но при этом материя и ее закономерности анализировались только через присутствующее, которое не содержит в себе основных проявлений отсутствующего. Поэтому процесс психического отражения представлялся исследователями на основании данных продуктов этого процесса и феноменов; и объектом исследования ими был выбран человек с его природно-общественной историей и предполагаемой эволюцией его мышления, а не те принципы-закономерности порождения природных форм непосредственно-психического отражения, которые материя имеет в себе как возможность и только опираясь на которые можно создавать гипотезы об условиях порождения психического отражения в недрах материи, гипотезы о принципах и закономерностях его структурно-процессуального функционирования; можно искать ответ на вопрос о содержании тех явлений, благодаря которым осуществляется порождающий процесс восприятия в живом организме.

Именно анизотропность (т.е. различие в едином), понимаемая нами как природа, соответствует тому, что в истории философии часто вкладывалось в понятие материи. Отсюда и вывод о том, что воспринимающий организм сам

является одной из возможных анизотропных форм природы, имеющей возможность порождения его пространственно-временных форм. Если человек как дискретно органическая система сам является присутствием различия в едином, а его восприятие и мышление имеют дискретные возможности отражения различия в едином (по этой причине в мышлении исключена возможность фиксации отсутствия различия в едином), то он способен только к отражению присутствия анизотропного различия в едином. Значит, *анизотропность - это объективно существующая особенность материи, создающая в едином возможность порождения ее форм. Именно это является основой восприятия и не только определяет возможность его возникновения в недрах материи, но и является основной характеристикой любых его процессов.* Вот почему в живом организме в качестве источника его собственной действенности как воспринимающей системы заложена анизотропность в форме ее дискретно-анизотропных отражательных структур, главная особенность которых заключается в том, что по мере возможности каждая из них вычленяет различные формы материи путем дискретизации единства пространственности и времени.

* * *

Для понимания действенности воспринимающей системы мы можем гипотетически выделить следующие процессуальные условия. Первое - это дискретизация форм пространственности и непрерывности времени. Второе - это возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени. И третье - это возможность образования отношений между данными различных моментов времени.

Содержание понятия «анизотропность», употребляемого в данном контексте, в общей форме можно сформулировать так: анизотропность - это особенность такой системы, где каждое дискретное содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характе-

ризуется данная система. Например, какие-либо два элемента глаза как две точки в пространстве сетчатки - дискретные, но в то же время и единые элементы этого пространства; вместе с тем они анизотропны как элементы в едином однородном пространстве, объективно находящиеся в разных местах этого пространства. Поэтому очень важно, что в любой отражательной системе единство дискретно-системности и анизотропности в отличие от гомогенности образует возможность порождения иного. При таком подходе явление непосредственно-психического восприятия как исходное основание развития мышления есть такая же спонтанно образующаяся форма материи подобно тем другим ее формам, которые исследуются естествознанием.

Исходя из этого можно предположить, что каждая природная отражательная система в силу своей структурно-процессуальной анизотропности имеет возможность порождения форм объектов и их свойств, сопредставленных в подлежащей отражению глобальности. Сопредставленность природных форм в психическом процессе отражения указывает на важную характеристику анизотропности отражательной системы, а именно возможность выявления и фиксации различия и сходства. Известно, что сенсорные органы живых существ имеют дискретное, анизотропное строение: например, сетчатка глаза, Кортиев орган уха, пальцы руки человека и т.д.

Возможность процессов отражения в живой системе предполагает образование отношений, которое не может происходить иначе, чем в определенной структуре – в определенной отражательной системе. Эта структура должна иметь те или иные возможности фиксации образовавшихся отношений, и именно эти возможности определяют разрешающую способность отражательной системы. Образование отношения предстает как определенный акт-момент и тем самым предполагает необходимость дискретизации и фиксации (памяти), установления и сохранения различия или сходства.

Таким образом, можно сформулировать ряд принципов, которые, будучи, с одной стороны, объяснительными для возможности процесса порождения психического отражения, с другой стороны, выступают в качестве непосредственного объекта исследования.

Первый принцип в самом общем виде может быть сформулирован как *принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы* и определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией.

Другой принцип анизотропности отражательной системы, определяющий элементарный механизм формопорождения. Это принцип образования симметрично-двуединых отношений, он раскрывает универсальный механизм любого процесса формопорождения.

При исследовании принципов анизотропной структурной организации и образования симметрично-двуединых отношений в осязательном процессе формопорождения мы исходили из того, что благодаря природной анизотропности пальцев руки, т.е. различию их длины и мышечно-силовых характеристик, а также образованию симметрично-двуединых отношений между противостоящими пальцами, симметричными относительно природной оси кисти руки, происходит формопорождение при статической фиксации объекта. Экспериментально-методическим приемом доказательства этого было искусственное уравнивание пальцев руки, т.е. нарушение анизотропного строения руки и противопоставленности пальцев, что привело к нарушению формообразования: испытуемые не отличали куб от шара (Н.Л. Морина).¹²

¹² Морина Н.Л. Экспериментальное исследование принципа анизотропности и пространственно-временной дискретизации в осязании // Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.171.

Экспериментальное исследование функционирования принципов симметрично-двуединых и пространственно-временных отношений, образования анизотропных отношений звукового поля вокруг головы и ушных раковин человека показало, что благодаря структурно-процессуальной анизотропной организации процессов становится возможным восприятие громкости, выделение и определение направления и других энергетико-пространственных свойств и отношений звуков. Здесь так же, как в предыдущих экспериментах, посредством нарушения анатомо-акустических анизотропных природных свойств ушных раковин и головы удалось показать, что именно действие принципов пространственно-временной анизотропности, образования двуединых анизотропных отношений порождающего процесса восприятия обеспечивают возможность отражения пространственно-временных, энергетических и информационных характеристик звуков (эксперименты А.М. Зальцмана)¹³.

Более значимыми оказались эксперименты, показывающие возможность порождения восприятия протяженности между большим и указательным пальцами руки как противостоящими друг другу анизотропно-двуединая природными системами (эксперименты Н.Л. Мориной и Т.С. Погорельцевой). Здесь мы исходили из того, что если одновременно-симметрично во времени оба пальца будут ощущать соприкосновение обоих концов стержня, то восприятие протяженности не состоится, так как в этом случае не происходит образование анизотропных двуединых отношений между отдельными пальцами, т.е. нет дискретизации во времени и не создается осязаемое различие различных отрезков времени. Ведь при одномоментном соприкосновении пальцев со стержнем ощущение протяженности не возникнет, так как длительность между этими ощущениями равна нулю, и, следовательно, ощущение протяженности между ними

¹³ Зальцман А.М. Роль пространственно-акустической анизотропности в слуховом восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.116.

также равно нулю. Значит, одномоментность, не имеющая длительности дискретизации (минимальное время ощущения соприкосновения на одном пальце), не может породить протяженность, так как без дискретизации нет различия ощущения между отдельными моментами. А когда имеется возможность для создания анизотропных отношений между различными дискретными моментами ощущения, только тогда появляется ощущение протяженности между двумя симметрично-двуедиными пальцами руки, потому что сами пальцы природно анизотропны-дискретны как отдельные точки объективного пространства. Именно это создает возможность порождения протяженности посредством дискретно-временной анизотропности процесса, который осуществляется как последовательная смена создающихся анизотропных отношений между двумя ощущениями соприкосновения пальцев, разделяющими процесс на предыдущие и последующие моменты¹⁴.

Следовательно, объективная противопоставленность анизотропных пальцев руки и создание дискретных пространственно-временных анизотропных отношений между различными моментами ощущения пальцами порождает восприятие протяженности. Именно природно-анатомическая объективная анизотропность пальцев руки и возможность образования между ними симметрично-двуединых отношений являются одним из возможных, предполагаемых изначальной данностью условий восприятия пространственной протяженности, о которых говорил Кант и нативисты. Однако очень важно учесть, что, по нашим представлениям, эти условия, порождающие пространственное восприятие, суть объективно-природные принципы и механизмы осуществления процесса восприятия, а для Канта и нативистов условия восприятия пространства есть нечто идеальное, свойства уже отраженного пространства в виде их данности человеку,

¹⁴ В 2000 г. Погорельцевой Т.С. защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук «Осязательное восприятие пространственной протяженности» (прим. ред.)

что, как мы не раз отмечали, не позволяет понять содержание процесса восприятия пространства и возможность порождения самого отражения пространственной протяженности в процессе жизнедеятельности живых систем.

Для нас «возможность порождения самого отражения в жизнедеятельности живых систем» не случайное словосочетание, оно отражает двойкий смысл употребляемого нами понятия «отражение». Во-первых, это привычное понимание отражения как процесса, в котором предполагается наличие объектов с определенными свойствами (пространственность, форма, цвет, величина, звуки, громкость и т.д.), а живой организм каким-то образом воспринимает их, отражает в себе эти объекты и их свойства. Второе - наше - понимание «отражения» как возможности порождения отражения, в котором объекты и их свойства порождаются, создаются, и только в конце этого процесса становятся отраженными. В первом случае психологический или физиологический процесс восприятия описывается посредством конечного продукта психофизиологического процесса и отражение понимается в его примитивно-функциональном, эмпирико-гносеологическом содержании: как соотношение между отражаемым объектом и отраженным субъективным образом, адекватным объекту. Как уже говорилось выше, это продуктный подход, в пределах которого невозможно понять принципы и закономерности осуществления возможности порождения самого отражения как процесса, по завершении которого в качестве продукта восприятия выступает отраженный образ объекта. Поэтому нас не интересует вопрос о том, как объекты и их свойства отражаются (что предполагает наличие объекта и данность его свойств). Необходимо выйти за пределы такого понимания психологии восприятия и с точки зрения трансцендентальной психологии ответить, как возможен *процесс порождения отражения*, в котором объект и его свойства проявляются? Как функционирует организм благодаря его субъектным возможностям как природным образованиям системы, имеющей собственные принципы порождения объ-

ектов и их свойств и отношений, которые в восприятии являются человеку в форме конечного продукта этого процесса? Приведенные примеры экспериментальных исследований показали, что именно в этих природных принципах, порождающих непосредственно-чувственное отражение, необходимо искать психофизиологическое содержание процессов восприятия. Среди структурно-процессуальных принципов порождающего восприятия особое значение имеет принцип симметрично-двуединых анизотропных отношений, о котором выше было сказано мимоходом. На самом деле этот принцип является таким же основополагающим в процессе отражения, как принцип анизотропности. Главная черта процесса отражения состоит в том, что анизотропность выступает как различие единого, и поэтому графическое изображение принципа симметрично-двуединых анизотропных отношений стало своеобразной эмблемой, предваряющей публикации работ нашей лаборатории. В системе, состоящей из гомогенных элементов, изображение отдельного элемента в соответствии с этим принципом имеет следующий вид:

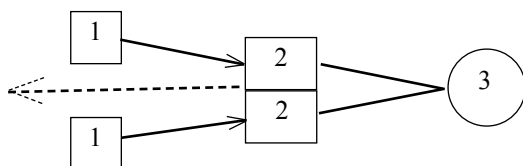

Рис. 1

Здесь 1, 1 дискретно однообразные симметричные элементы, но анизотропные относительно разделяющей их оси симметрии. 2, 2 - элементы временной задержки импульсов для сравнения, а 3 - это элемент-регистратор, образующий отношение сравнения 2 и 2.

Правомерность постулата об образовании именно симметрично-двуединых анизотропных отношений как принципа, лежащего в основе порождающих процессов восприятия, подтверждает тот удивительный, давно известный, но до сих пор необъясненный факт, что отражательные органы

чувств живых существ представлены парами: два глаза, два уха, парность конечностей (две руки и ноги у человека), противопоставленность большого пальца остальным пальцам руки и даже кончик языка у пресмыкающихся состоит из двуединых симметрично анизотропных частей. В силу того, что в живом организме образование отношений фиксируется в определенной анизотропной структуре отражательной системы, обеспечивающей возможность образования двуединых отношений, можно предположить, что симметричность наряду с анизотропностью являются структурообразующей основой самой отражающей системы. С процессуальной точки зрения они составляют основу возможности явления отражения как процесса формопорождения.

Исходя из этого, мы предположили, что принцип образования симметрично-двуединых отношений заложен в структурно-процессуальной организации и способе функционирования зрительной системы (аналогично на поверхности кончиков пальцев руки, в слуховых путях ушных раковин) и реализуется посредством попарно взаимосвязанных элементов, расположенных симметрично относительно естественно-природного центра структурного поля одинаково дискретных рецепторных элементов отражающей системы. Вследствие этого, именно принцип образования симметрично-двуединых отношений лежит в основе возможности процесса формопорождения, и в реальном процессе восприятия опознание (различение) формы объекта должно происходить лишь после процесса образования симметрично-двуединых отношений.

Для проверки этой гипотезы было проведено экспериментальное исследование процесса опознания формы геометрических фигур с одновременной регистрацией движений глаз испытуемого как индикатора внешне-результативного проявления процессов образования симметрично-двуединых отношений (эксперименты В.И. Козлова, Н.В. Подлесновой)¹⁵.

¹⁵ Козлов В.И., Подлеснова Н.В. Экспериментальное исследование формопорождения в зрительном восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.62-78.

При постановке экспериментов мы исходили из предположения, что, если наша гипотеза верна, то опознание формы фигуры должно происходить тогда, когда после предварительной произвольной фиксации точки, которая находится вне того места экрана, где потом будет предъявлена фигура, точка произвольной фиксации взора испытуемого при демонстрации фигуры будет находиться в том месте экрана, которое равно удалено от крайних точек (по горизонтали) контура этой фигуры. Эксперименты показали правомерность гипотезы о том, что в основе возможности осуществления формопорождения лежит принцип образования симметрично-двуединых отношений.

Дальнейшее осмысление формопорождающих принципов образования анизотропных отношений, образования симметрично-двуединых отношений, принципа элиминирования гомогенных элементов в зрительном процессе привело нас к созданию технической системы и компьютерной программы структурно-процессуального моделирования процессов центрации и слежения динамического объекта формопорождения и процесса опознания формы объектов.¹⁶

Анализ осуществления процесса в этих моделях показал, что формопорождение в зрительной системе - это инерционный процесс, предполагающий наличие необходимого времени формообразования. Отсюда мы пришли к неожиданному выводу о том, что восприятие движения и стабильности объектов, и особенно восприятие скорости движения обусловлено структурно-процессуальной организацией формопорождающего процесса. Это предположение, с нашей точки зрения, теоретически подготовлено постулатом о том, что исследование процессов и закономерностей восприятия необходимо изучать, выходя за пределы феноменологического подхода,

¹⁶ Миракян А.И. Устройство для кодирования форм объектов. Авторское свидетельство N 1610480 за 19 г. // Принципы порождающего процесса восприятия /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.47-52. Миракян А.И., Артеменков С.Л. Устройство центрации и слежения динамического объекта // Принципы порождающего процесса восприятия /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.53-61.

основанного на уже отраженных продуктах процесса восприятия. Наглядным примером последнего является традиционное понимание восприятия движения и скорости. Анализ показывает, что движение и скорость изначально полагаются как уже данности отраженного движения и скорости объекта, и в соответствии с ними предлагаются мышечные проприорецепторы, глазодвигательные и другие механизмы, обеспечивающие восприятие внешнего воздействующего объекта. При этом процесс восприятия движения и скорости описывается посредством физических представлений через отношение заранее воспринятой подвижности и неподвижности объекта, который мыслится как движущаяся абстрактно-геометрическая точка, не имеющая формы. Ясно, что такое понимание - полная противоположность нашему подходу к процессу восприятия как формопорождающему процессу.

Мы полагаем, что в момент каждой неподвижной фиксации взора происходит микроакт формопорождающего процесса, содержанием которого является образование симметрично-двуединных анизотропных отношений между реципирующими элементами, расположенными симметрично относительно центра сетчатки глаза. Вследствие этого происходит образование процессуальных анизотропных отношений между предыдущим и последующим микроактами. Это позволяет зрительной системе установить идентичность или различие данных образовавшихся анизотропных отношений между микроактами. При идентичности данных предыдущего и последующего микроактов образуется ощущение неподвижности объекта, а при их различии - ощущение движения объекта. Зрительная система не всегда имеет время, необходимое для завершения процессов образования анизотропных отношений, в условиях отдельной фиксации взора: когда фиксируемый взором объект выходит из центральной зоны наблюдения раньше, чем успевает завершиться процесс образования симметрично-двуединных отношений, необходимых для осуществления формопрождения в ходе отдельного микроакта. Вследствие этого образуется не только ощущение

ние движения объекта, но и ощущение скорости его движения, потому что разная степень незавершенности процесса формопорождения соответствует различным ощущениям о характере движения объекта в определенный момент времени. Понятно, что ощущение быстрого движения является результатом большой незавершенности формопорождающего процесса, а в случае ощущения медленной скорости движения формопорождающий процесс близок к завершению.

Отметим, что именно феноменальный результат этого процесса в физике, как и в обыденной жизни принято называть восприятием человеком скорости движущегося объекта.

Для проверки гипотезы об обусловленности восприятия скорости движущегося объекта формопорождающим процессом В.И. Пановым были проведены следующие эксперименты.¹⁷ Сначала испытуемому предъявлялись различные многоугольники одинакового размера и определялось время опознания каждого из них, а потом происходило опознание этих многоугольников при условии их движения на разных скоростях и при случайном порядке предъявления. Данные последней серии экспериментов показали, что для опознания движущегося многоугольника требовалось большее время экспозиции, чем при опознании той же фигуры неподвижной. А при разных скоростях движения одной и той же фигуры время ее опознания пропорционально росло, и при быстрых скоростях не происходило опознание, так как из-за дефицита времени в отдельном микроакте не происходило завершение процесса формопорождения.

Дальнейшие исследования принципов структурно-процессуальной анизотропности и образования двуединых анизотропных отношений показали, что процесс восприятия ахроматических цветов и возможность их порождения также обусловлены действием этих принципов. И здесь дис-

¹⁷ Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объекта. М., 1993. Панов В.И. Порождение движения в процессе зрительного восприятия //Принципы порождающего процесса восприятия /Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. С.79-103

кретность и анизотропность сетчатки и возможность образования анизотропных отношений преодолевают исходную «однородность», нерасчлененность светового потока, превращают его в объект фиксации и фон, что в свою очередь создает возможность выделения - порождения восприятия света. Конкретный механизм этого процесса нами был сформулирован следующим образом. Принцип образования анизотропных отношений как необходимое условие цветообразования может реализоваться на основе анизотропной пространственно-временной организации протекания процесса в зрительной системе (в частности, анизотропной светочувствительности дискретных элементов и рецептивных полей различных участков глаза) конкретно - на основе анизотропности центра и периферии сетчатки.

Была сформулирована гипотеза о том, что благодаря различной чувствительности к энергии светового потока центра и периферии сетчатки однородность этого потока раздваивается, что создает возможность образования двуединых отношений между ними. В зависимости от длины волны воздействующего света ощущения от образующихся двуединых отношений различные, что является выражением восприятия различных ахроматических цветов. Исходя из того, что в основе порождения ощущения ахроматического цвета лежит возможность образования отношений между элементами центра и периферии сетчатки, можно предположить, что восприятие ахроматических цветов не состоится, если исключить возможность образования отношений между ними. Для экспериментального доказательства этого предположения был использован метод ограничения поля зрения при тахистоскопическом предъявлении различных ахроматических цветов на поверхности. Были выделены три экспериментальные ситуации: 1) ограничение периферии поля зрения; 2) ограничение центра поля зрения и 3) частичное ограничение центра поля зрения в виде кольца.¹⁸ Данные этих

¹⁸ Адамян О.А. Восприятие ахроматического цвета объектов // Психологический журнал, 1991, N1. С.124-132.

серий экспериментов показали, что непосредственно-чувственное порождение ощущения ахроматического цвета объекта реализуется посредством образования анизотропных отношений между периферией и центром сетчатки. Нарушение возможности образования этих отношений приводит к нарушению процесса цветопорождения (данные экспериментов О.А. Адамяна и И.Л. Руденко).¹⁹

Таким образом, и при исследовании восприятия ахроматических цветов мы получили данные о том, что принципы структурно-процессуальной анизотропности, пространственно-временной дискретизации процесса и образования анизотропных двуединых отношений обуславливают процесс восприятия ахроматических цветов. Однако не трудно заметить, что и этот эксперимент, и эксперименты, описанные выше, являются лишь первыми попытками афизикального исследования отражения, имеющими скорее демонстративный, чем доказательный характер при изучении принципов порождения процессов восприятия разных модальностей. Это лишь первые шаги в исследовании содержания процессов восприятия, и впервые в психологии они сделаны без использования непосредственных данных продуктов процесса восприятия, а на основе природно-порождающих структурно-процессуальных принципов психического отражения.

* * *

Выше было показано, что благодаря этим принципам становится возможным осуществление акта порождения восприятия и что познание их содержания достигается при выходе за пределы глубоко эмпирического способа осмысления процессов восприятия через непосредственные данные самого восприятия, т.е. на трансцендентальном уровне объяснения содержания порождающих процессов психического отражения. Но очевидно, что и на этом уровне объяснения не достаточен

¹⁹ Адамян О.А., Руденко И.Л. Принцип образования отношений в процессах восприятия ахроматического цвета объектов // Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992. С.188-197.

анализ содержания восприятия только через структурно-процессуальные принципы, т.к. в этом случае хорошо раскрывается сущность процессов порождения тех или иных свойств объектов восприятия, но остается неясным содержание *субъективного процесса акта порождения отражения*: как воспринятое становится субъективно отраженным?

Конечно, изучение порождения восприятия свойств объектов заранее предполагает существование как объектов, так и их свойств, порождающихся в восприятии. Правда, мы при изучении процессов восприятия не использовали непосредственно уже отраженные продукты восприятия, такие как форма, цвет, величина и другие свойства объектов. Мы изучали условия действия гипотетических принципов, обуславливающих их порождение в процессах непосредственно-чувственного восприятия.

Однако при этом мы имплицитно исходили из того, что порождающиеся свойства каким-то образом субъектом отражаются. Поэтому предполагалось, что форма, цвет, величина, движение и т.д. воспринимаются в определенном пространстве, а процесс формопорождения, восприятия движения и т.д. происходит в определенном времени. Но пространство тоже является продуктом более общих процессов восприятия. Значит, мы также, как и все психологи, но уже на другом - следующем, втором - уровне пользуемся отраженными продуктами, которые постулируем как условия восприятия, а не как его непосредственные данные. Не преодолев ограниченность уже этого второго уровня, мы не сможем понять сущность того события в живом организме, которое приводит к осуществлению его возможности видеть, слышать, осязать окружающий мир и самое себя. Значит, мы должны ответить на вопрос о том, как возможно субъективное отражение пространства, времени, местонахождения и определение воспринятого времени.

Прежде всего было необходимо познать принципы и механизмы того процесса, благодаря которому структурно-процессуальное событие, происходящее в живом организме, становится субъективно переживаемым, т.е. ощущаемым

или осознаваемым субъектом актом фиксации отражения. Необходимо было понять, как происходит процесс порождения самого отражения, который играет роль «гомункулуса», «читающего» содержание процесса восприятия. Известно, что эта проблема - краеугольный камень философии, психологии и физиологии, и поэтому в истории наук существует множество вариантов ее решения, начиная с понимания психики как божественного дара животному и человеку и кончая объяснением ее через физиологические механизмы условных и безусловных рефлексов.

Как было показано выше, все эти варианты в своем основании базируются на уже отраженных продуктах психической деятельности, но, несмотря на это, исходят из данности «отсутствующего» - Бога, Абсолютного Духа, Ничто и т.п. или из данности «присутствующего» - свойств материи, энергии, движения, информации, биологических или физиологических механизмов и т.д. Так как в основе этих объяснений - уже отраженные продукты, в силу чего «отсутствующее» представляется через «присутствующее», то выход за пределы «присутствующего» невозможен. Он реален только тогда, когда принимается постулат о том, что в любом присутствующем присутствует отсутствующее, поскольку только в этом случае возможно порождение отражения.

В отсутствующем берет начало дискретизация - деление единого, самосохранение отдельного, его притяжение и отталкивание, присутствие в органической материи раздражителя, стремление к самосохранению и соединению (основа жизни и воспроизводства) как основной цели, наконец, стремление к самопознанию, а также другие проявления отсутствующего, познать которые нам не дано, т.к. наше мышление принадлежит присутствующему.

Это означает, что для понимания содержания порождения отражения необходимо выйти за рамки данности присутствующего и исходить из данных нам проявлений отсутствующего. На этой основе и строится фундамент трансцендентальной психологии.

В качестве примера рассмотрим порождение зрительного отражения протяженности пространства.

Известно, что с древних времен явление психического отражения сравнивали с отражением в зеркале или с отражением печати на воске. Но если зеркало в силу своей гомогенной организации отображает форму объекта, преломляя световые лучи, только в момент воздействия этих лучей, что означает полное отсутствие в его структуре свойства памяти, то воск по причине его дискретной молекулярной организации, позволяющей ему структурироваться по форме воздействия печати, образует долговременную память об этой форме. Мы уже говорили, что только в структурно-процессуально организованной системе, обладающей способностью дискретно-анизотропного и симметрично-двуединого образования отношений между своими элементами, возможно отражение воздействующей формы в виде организации процессов безадресной памяти в определенных структурах этой системы. Такое понимание отражения позволило описать принципы структурно-процессуальной организации отличной от зеркала и печати системы, отражающей форму объекта и имеющей возможность ее записи и воспроизведения в структурах безадресной памяти. Мы смоделировали процесс порождения формы в электронно-технической системе и составили его компьютерную программу, а в психофизиологических экспериментах, преодолевая продуктный подход, выявили структурно-процессуальную организацию разных отражательных систем человека и показали реальность порождающих принципов процесса восприятия. Однако вопрос о том, как порожденные формы становятся для животного и человека воспринятыми, остался без ответа. Как возможно отражение субъектом факта порожденной в его собственных структурно-процессуальных системах формы, как возможно порождение самого отражения?

Для ответа на эти вопросы мы должны проанализировать какое-либо известное нам явление, идущее от отсут-

ствующего. Так, например, «желание» живого оставаться живым и при этом иметь возможность отражать угрожающее ему воздействие, реагировать на него, т.е. явление ощущения воздействия. Его должны брать как факт, имеющий необъяснимое (для нас) начало. Понятно, что речь идет не о физико-химических аспектах взаимосвязи воздействия и ощущения, а о том, какова причина наличия этого явления в мире. Так как это явление - факт ощущения у живого существа - есть, то наша задача - найти объяснение другого явления - явления *порождения отражения*. Для этого, в первую очередь, необходимо понять возможность порождения зрительного отражения пространственности, протяженности, которое является необходимым условием восприятия мира вещей.

Начнем с того очевидного факта, что каждому объекту соответствует огромный диапазон изменений его величины ясно, что каждая из этих разных величин не может иметь собственной ячейки записи в структуре безадресной памяти, в противном случае память имела бы дело с дурной бесконечностью. Следовательно, можно предположить существование гипотетического механизма стандартизации сетчаточного изображения объектов в каких-то структурах зрительной системы. Как известно, благодаря созданной природой оптической системе глаза величина изображения на сетчатке чрезвычайно уменьшена относительно реальной величины объекта. Исходя из этого можно допустить наличие в зрительной системе такого структурного механизма, который любое сетчаточное изображение увеличивает до тех пор, пока оно не достигнет предельных границ определенного размера, при котором процесс увеличения заканчивается, а эта стандартизированная величина записывается конкретной в ячейке безадресной памяти. Таким образом, любая величина одного и того же объекта получает в структурах памяти одно и тоже изображение один и тот же код, посредством которого в дальнейшем совершается процесс опознания этого объекта. На рис.2 дано схематическое изображение предложенного

механизма, где объекту «О» соответствует уменьшенное сетчаточное изображение «И», которое после сетчатки в структуре увеличения «И» получает стандартную величину «С». Далее «С» проходит обработку в формопорождающих структурах, которые нами частично уже описаны.²⁰

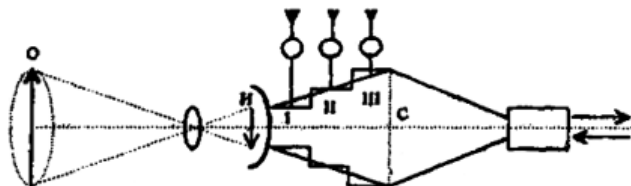

Рис.2

Здесь мы не можем подробнее касаться формопорождающего процесса и процессов памяти, потому что наша задача - объяснить возможность порождение отражения пространства, протяженности, для отражения которого у человека нет непосредственного рецептора восприятия, подобного цветоощущающим рецепторам сетчатки, специальным рецепторам запаха и вкуса, упругости, температуры и т.д. Мы уже отмечали, говоря об осязательном восприятии протяженности, что в гомогенно-дискретной системе, каковой является сетчатка глаза, порождение ощущения протяженности невозможно, потому что протяженность - это не сумма реакций выражение дискретных элементов. Суммация выражает только количество элементов независимо от того, каково качество суммированного, следовательно, суммация не может отражать качество пространственности. Отсюда мы пришли к выводу о том, что как при осязательном, так и при зрительном восприятии протяженности ощущение протяженности порождается благодаря ощущению процессуальной дискретизации, то есть ощущению длительности

²⁰ А.И. Миракян. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование. Миракян А.И. Устройство для кодирования форм объектов//Принципы порождающего процесса восприятия/Под ред. А.И. Миракяна, 1992.

процесса. Иначе говоря, отражение протяженности становится возможным через отражение времени (длительности) процесса. По нашим представлениям, это чудо - явление порождения отражения пространства через ощущение времени и ощущение длительности процесса в зрительной системе живого организма - происходит следующим образом.

Увеличение сетчаточного изображения происходит дискретно ступенчатообразно I, II, III до окончания процесса увеличения. В зависимости от исходной величины изображения на сетчатке процесс может начаться с любой ступени, что определяет конкретное время длительности процесса восприятия любой протяженности при наличии регистрирующего механизма (клетки, хронотропа) длительности процесса. Следовательно, максимальная граница протяженности поля зрения (что равно максимальному углу поля зрения/глаза) попадает на последнюю ступень увеличения, т.е. это случай самой короткой длительности процесса, что является выражением протяженности целостного зрительно воспринимаемого пространства, и это становится местом, где в следующий момент процесса завершается процесс увеличения нового - меньшего - изображения на сетчатке, длительность увеличения которого больше, чем длительность изображения, достигающего границ поля зрения. Динамику этих процессов можно представить следующим образом. На последнюю ступень прямо попадает изображение поля зрения, хронотропная клетка фиксирует минимальное время длительности процесса, это раздражение по длительности передается клеткам чувствительности, и они образуют ощущение определенного состояния организма соответственно раздражению по длительности. После этого успевает дойти до границы увеличения следующая менее протяженная, чем поле зрения форма, для которой также образуется ощущение определенного состояния организма соответственно раздражению по длительности увеличения. Далее - до границы увеличения доходит следующая, еще менее протяженная форма, и также образуется определен-

ное состояние раздражения соответственно длительности ее увеличения и т.д.²¹

Именно эти образованные ощущения и являются своеобразным «гомункулусом», читающим содержание происходящих процессов. Таким образом, благодаря структурно-процессуальной организации системы через ощущение длительности отрезков времени происходит порождение пространства и благодаря переживанию длительности процесса порождения отражения пространства отражаются и пространственные протяженности различных объектов, расположенных как бы внутри этого пространства.

Итак, выйдя за пределы традиционного эмпирико-физического понимания содержания процессов отражения, за пределами продуктного подхода к изучению явления психического отражения, нам удалось показать, что процесс восприятия - это процесс порождения свойств и отношений объектов. Мы показали, что содержание процессов восприятия можно раскрыть, не прибегая к непосредственно данным продуктам самого восприятия, и не только нашли соответствующие природные принципы и закономерности, обуславливающие порождающий процесс восприятия отдельных свойств объектов отражения (которые мы все-таки брали как уже отраженные продукты), а впервые объяснили возможность процесса порождения восприятия пространственной протяженности как условия порождения других пространственных свойств объектов. С нашей точки зрения, порождение восприятия пространственности обусловлено внепространственными факторами, т.е. в ходе структурно-процессуальной организации отражательной системы пространственность изначально не предполагалась, а порождалась на основе длительности процесса, которая фиксировалась посредством природно-биологического механизма - хронотропа.

²¹ В 2000 году Шуковой Г.В. защищена диссертация на соискание ученой степени кандидат психологических наук «Зрительное восприятие пространственной протяженности» (прим.ред.)

Но это есть объяснение процесса порождения пространственной протяженности, а не порождения отражения протяженности, т.е. фиксации отражения субъектом как носителя этих механизмов порождения. Поэтому здесь необходимо обратиться к тому единому божественно-природному механизму, образующему ощущение, феноменологическое содержание которого, по выражению А.Ф. Лосева, «есть знание себя и иного без знания факта этого знания»²². Это даст нам возможность говорить о явлении порождения самого отражения, не как о понятийном человеческом отражении, обусловленном природно-социальной историей его развития, а о порождении отражения как факте восприятия этого ощущения и животными, и человеком.

Пример порождения отражения пространственной протяженности показывает, что, имея соответствующие структурно-процессуальные системы, организованные по природным порождающим принципам восприятия, таким как дискретно-анизотропное и симметрично-двуединое структурное строение, и возможность процессуального образования отношений, можно описав порождение отражения других всевозможных свойств и отношений объектов. В отличие от процессов порождения отражения пространственной протяженности порождение отражения других свойств происходит на основе порожденной пространственности, что создает базовые условия для структурно-процессуальной организации порождающих процессов. В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробного описания порождающих процессов восприятия формы, цвета, громкости, движения, процессов их опознания, порождения восприятия движения объектов в глубину, объемов объектов и других осязательных качеств. Все это уже проанализировано нами применительно к структурно-процессуальной организации безадресной памяти, которая обеспечивает осуществление процессов внутренней организации внимания, обнаружения и опознания функционально необходимых объектов. Подробное опи-

²² Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. М.: Мысль, 1993. С.663.

сание этих процессов и явлений во много раз увеличило бы объем данной работы. С другой стороны, с техническим моделированием указанных процессов связаны конкретные коммерческие интересы. Поэтому сказанного более чем достаточно, чтобы охарактеризовать трансцендентный подход и указать исследования, более или менее приоткрывающие содержание того события в живом организме, которое приводит к осуществлению его возможности видеть, слышать, осязать окружающий мир и самого себя.

Парадигмальный анализ парадоксов в изучении психики²³

В.И. Панов

Теоретические и эмпирические исследования психических явлений (от ощущений до высших форм мышления, сознания, поведения) стали в последние полвека настолько популярны, что количество научно-психологических публикаций становится практически необъятным. Между тем, изучая восприятие, психические состояния или психическое развитие человека всегда ли мы задаемся вопросом: а что собственно мы изучаем?

Действительно ли мы изучаем психику или же ее отражение в нашем способе мышления?

Как особо подчеркивал А.И. Миракян (1999, 2004), изучение психики и ее экспликация в качестве объекта и предмета исследования неизбежно сталкиваются с фундаментальной особенностью психической реальности, которая выражается в том, что исследователь психики имеет дело с ее проявлениями, то есть продуктами психического процесса, в то время как сам психический процесс порождения этих продуктов остается скрытым от наблюдения. И более того, как показывает этот автор, вследствие эмпирических предпосылок эволюции человеческого мышления оно способно осмысливать психику только опосредованно — опять же через продукты психических процессов.

Отсюда возникает вопрос и проблема: а что же тогда изучает психология и действительно ли ее предметом является психика в непосредственной форме бытия? И здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов.

²³ По материалам: *Панов В.И.* Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 50–54. — Работа поддержана грантом РФНФ № 11-06-00735.

Семь парадоксов психологического исследования

Парадокс 1. Если исходить из значения термина «психология», то психология — это наука о душе. Но при этом современное научное психологическое сообщество молчаливо признает, что собственно «душа» является предметом богословия, но не научной психологии. Психология, говорим мы вслед за учебниками, изучает психические процессы, эмоциональные состояния, черты личности, сознание и тому подобные психические явления, но не «душу». Правда, в последние годы стали появляться работы, авторы которых пытаются вернуть «душу» психологии, точнее — в объект психологии. Однако работы эти проистекают либо из богословских предпосылок, в основе которых лежит представление о человеке как единстве тела, души и духа (Гостев, 2001; Дворецкая, 2006; Флоренская, 2001 и др.), либо имеют весьма декларативный характер. Определенным исключением в этом плане являются работы В.Д. Шадрикова (1996, 1998) о генезе духовных способностей. По словам В.И. Слободчикова (1995, с.123): «Психология начинает интенсивно осваивать наследие (и мировое, и отечественное) религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа, расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное – строить новый взгляд, новое видение человеческой реальности в ее субъективной проекции».

При этом необходимо отметить, что в психологическом сообществе как-то обходят стороной то обстоятельство, что критерием научности психологических исследований является естественно-научный способ мышления, представленный в предельной форме в физике и математике и практически воплощаемый в технических достижениях нашей цивилизации. Логические основы естественно-научного способа мышления заложены, как известно, Декартом и другими философами и физиками Нового времени (см., например, декартовские «Правила для руководства ума»). Однако не все знают, что, когда Декарт (1989) создавал эти правила, он

исходил из того, что человек — это единство души и тела. При этом он сделал весьма принципиальную методологическую оговорку, а именно: он сказал, что «душу» изучать мы не можем, так как она принадлежит Богу и не может быть предметом научного познания. Но мы можем изучать «тело» человека как машину, как «механическую вещь», используя те правила для ума, с помощью которых мы можем и должны изучать другие физические тела и другие, как выражаются философы, «вещные отношения». Однако в итоге исторического развития психологии, как естественно-научной дисциплины, она естественно (простите за тавтологию) стала ориентироваться на естественно-научный способ мышления, то есть пользоваться тем способом исследовательского мышления, который изначально был предназначен и разработан для изучения непсихических, вещных свойств и отношений.

Парадокс 2. Исходно полагая, что объектом психологии является психика, мы в качестве предмета психологического исследования определяем (эксплицируем) психические процессы (восприятия, мышления, памяти и т. п.), эмоциональные состояния и переживания, темперамент и способности, личностные черты и сознание и т.д. Однако если исходить из принципа системности, то психика не сводится к своим проявлениям, хотя и проявляется в них (Ломов, 1984; Барбанщиков, 2004; Сергиенко, 2006 и др.). Тогда как же определить психику в качестве объекта исследования? По частям? Ощущения, восприятия, мышление, личность, сознание? Но ведь это все уже порожденные проявления психики в форме тех или иных ее продуктов и в тех или иных условиях. А как же эксплицировать психику в качестве предмета исследования — как то, что порождает эти проявления?

Парадокс 3. Если исходить из деятельностного принципа (Леонтьев, 1972; Рубинштейн, 1946 и др.), то психика проявляется и формируется в деятельности и посредством деятельности. Но тогда психика предстает перед нами опосредованной и, более того, опредмеченной целями, условиями, мотивами и, наконец, предметом той деятельности, в рамках

и посредством которой психику заставили проявлять себя. Но цели, мотивы, предмет деятельности — это уже проявленные свойства и качества психики. Более того, меняя виды деятельности и условия ее выполнения, мы получаем разные проявления психики как предмета нашего исследования (см., например, «пристрастность» по А.Н. Леонтьеву, «оперативный образ» по Д.А. Ошанину и др.). Сколько меняем виды деятельности, столько разных проявлений психики и получаем.

Парадокс 4. Может быть, искать в фундаментальных свойствах психики? Так, если исходить из принципа отражения, то фундаментальным свойством психики является ее предметность. Но это означает, что вышеуказанные проявления психики (процессы, состояния, сознание и др.) исследуются нами не в непосредственной их форме, а в форме, опосредованной либо их предметным содержанием, либо содержанием потребности и целями (задачами) перцептивного акта, что опять же обуславливает предметно-содержательную опосредованность представления психики в качестве предмета исследования (Барабанщиков, 2000; Миракян, 1999, 2004; Панов, 2004 и др.).

Одна из известных нам попыток «схватить», зафиксировать психику вне ее опредмеченности сделана В.А. Петровским (2007, с. 59), который ввел для этого специальное понятие «анимум». Цитирую (там же): «Заметим, что в этом ряду «субъективности» отсутствует ядерный элемент, который я называю «анимумом». В отличие от всех вышеназванных и более сложных элементов, надстраивающихся над ним, анимум представляет собой первичное субъективное проявление психики, не соотносимое ни с одним из объектов вовне ни по одному из мыслимых качественных критериев (вкус, цвет, запах, звук, плотность, протяженность, вес, форма и т. п.), и, кроме того, анимум не совпадает ни с одним из рефлексивных свойств психики (например, с переживанием «это — во мне, внутри меня», или «это — вовне меня», «по ту сторону»). Анимум есть переживание бытия, а оно — по-

пробуйте отличить! — есть то же самое, что и переживаемое бытие. Существование анимума, на мой взгляд, дает ответ на стародавний вопрос о продуктивности внимания: является ли внимание продуктивным процессом. Ответ: «Да», если иметь в виду, что внимание есть процесс актуализации базового психического элемента: то, чего не было, посредством внимания теперь есть в сознании».

Парадокс 5. Но, кто-нибудь скажет, ведь есть же принципы развития и процессуальности, которые дают возможность исследовательскому мышлению выделить в качестве предмета исследования именно процессуальную сторону порождения психических явлений. И действительно, есть так называемый метод срезов и даже метод формирующего эксперимента, которые позволяют либо проследить процессуальные стадии (срезы) развития того или иного психического явления, либо смоделировать процесс подобного развития, реконструируя условия и предполагаемый механизм данного процесса развития. Однако исходным основанием и в том и в другом случаях выступает изначальная (целевая) заданность того продукта (феномена) психического, процесс развития которого нами исследуется. Вследствие чего процессуальная сторона порождения этого продукта реконструируется «с конца». В качестве примера можно привести этапы формирования перцептивного образа (Ланге, 1894; Ломов, 1984 и др.), степень дифференцированности которого определяется относительно тех пространственных свойств и отношений, которые еще только должны быть восприняты. В случае с формирующим экспериментом ситуация еще более наглядна, так как мы создаем условия для формирования того психического свойства (процесса, качества и т. п.), который хотели бы получить — например, сформировать процесс мышления учащегося на основе обобщения «по теоретическому типу» (Давыдов, 1996), то есть опять же — что задаем в качестве цели эксперимента, то и получаем.

Однако если исходить из диалектических принципов, то по Гегелю «процесс в продукте умирает». В нашем случае

это означает, что, хотя процесс порождения психического продукта умирает, но остается продукт (феномен), порожденный им, то есть психика в форме своего продукта - в виде того или иного феноменального вида психической реальности (ощущения, эмоции, потребности, сознания и т.д.). И именно этот продукт выступает для нас в качестве явной или неявной предпосылки для экспликации психического в качестве предмета теоретического и экспериментального исследования ее же самой, точнее — порождения ею этого своего же продукта.

Дело в том, как показывает А.И. Миракян (1999, 2004), глубинной основой, психологической предпосылкой и необходимым условием эволюционного формирования человеческого мышления, в том числе и исследовательского, выступают практические (эмпирические) действия человека с вещными (предметными) свойствами и отношениями окружающего мира. Поэтому, во-первых, психика предстает перед нами не в непосредственной своей данности, а, как уже говорилось, в виде своих продуктных (результативных) проявлений, обеспечивающих регуляцию биологически целесообразных действий с предметами окружающего мира. Причем, как уже отмечалось, эти проявления предстают перед нами опять же не в своем непосредственном виде (данности), а в опосредованном предметным (объектным) содержанием эмпирического взаимодействия человека с окружающим миром. Следовательно, когда мы пытаемся в качестве предмета исследования представить процессуальную сторону психического, то эта процессуальность психического поневоле предстает перед нами, образно выражаясь, сквозь призму эмпиричности и предметной опосредованности самого способа исследовательского мышления, то есть исходя опять же из продуктной стороны психики, а не из ее собственной процессуальности. Более того, собственно деление бытия на «пространство» и «время» как разные формы бытия тоже имеет в своей основе результативный продукт непосредственного восприятия окружаю-

щей действительности, расчленяемой непосредственно-чувственным актом на «пространственную» и «временную» составляющие.

Парадокс 6. Логика полагания «процессуальности» психического в качестве предмета исследования строится, как известно, на категориях пространства и времени. Это означает, что исследовательское мышление, образно выражаясь, «мыслит» категориями и понятиями «пространства-времени». Однако по тем же причинам наше человеческое мышление осмысливает такие явления, как «изменение», «время», «динамичность», «процесс», «процессуальность», представляя и описывая их с помощью пространственных представлений, понятий и отношений, то есть опосредствуя «время» и его «изменение» пространственными представлениями и отношениями. Вспомним тот же метод срезов, декартову систему координат для изображения динамически протекающих явлений (возможны и другие аргументы). Если вы проделаете мысленный эксперимент, пытаясь представить в своем мышлении «временную длительность», то обнаружите, что не можете представить себе «время» иначе, как только представляя его в виде пространственных образов и отношений, то есть обнаруживается, что человеческое мышление может осмысливать «время» только в форме «пространственных отношений». Иначе говоря, человеческое мышление описывает «время» опять же не в непосредственной его данности (реальности), а опосредствуя (и, значит, подменяя) его человеческими пространственными представлениями и отношениями, то есть уже порожденными продуктами психических актов. Это означает, что в силу данной особенности человеческого мышления мы определяем «процесс» и «развитие» психики в пространственно-опосредованной форме.

Но пространственность окружающего мира суть тоже продукт психического отражения, причем в разных формах его опосредования. В частности, речь идет о том, что в психологических исследованиях (в других, кстати, тоже) «пространство» как исходная категория научно-психологического

исследовательского мышления имеет разный смысл, разный характер (Панов, 2004). Так, в рамках классической психологии (структурализм В. Вундта и др.) постулируется абсолютный характер пространства (т.е. независимость его свойств от объектов его заполняющих), в гештальтпсихологии постулируется относительный характер пространства (т.е. зависимость его свойств от объектов его заполняющих), в экологическом подходе Дж. Гибсона (1988) постулируется непосредственная данность окружающего пространства как среды обитания (т.е. зависимость его воспринимаемых свойств от способа жизнедеятельности субъекта восприятия), в концепции оперативности психического отражения Д.А. Ошанина (1999) пространственность объекта восприятия непосредственным образом зависит от предметного действия, в рамках которого осуществляется акт восприятия данного объекта (функциональная деформация пространственных свойств объекта восприятия), в трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна (Миракян, 1999, 2004; А.И. Миракян и современная психология восприятия, 2010) пространственность окружающего мира порождается в непосредственном акте восприятия и обусловлена не только задачей действия, но и структурно-процессуальной анизотропностью самой отражательной системы, вследствие чего необходимым условием и принципом порождения пространственности является анизотропное искажение принимаемых воздействий. В итоге становится понятно, что «процессуальность» психического как объект и предмет исследования непосредственным образом зависит от того, какой смысл вкладывает исследователь (его мышление) в понятие пространственности окружающего мира и в конечном счете в понятие пространства как категории исследовательского мышления (Панов, 2006).

Парадокс 7, который, возможно, является причиной предшествующих парадоксов и который выделяет психологию из ряда других естественных наук в особую методологическую позицию. Дело в том, что в психологии, в отличие от других наук, психика выступает одновременно как объект исследо-

вания и как средство (способ мышления) исследования ее самой же, то есть имеет место совпадение психики как объекта и как средства ее исследования (Давыдов, 1996; Михайлов, 1993; Миракян, 1999, 2004). Ф.Т. Михайлов называл это методологическим парадоксом Мюнхгаузена, который пытался вытащить себя из болота за свои же собственные волосы. Именно по этой причине психика в качестве предмета исследования всегда опосредована и ограничена не только своей феноменальной стороной («процесс в продукте умирает» и потому в продукте феноменально не представлен), не только своей опредмеченностью вещными отношениями внешнего мира, но также и тем способом мышления (а это тоже продуктивное, феноменальное проявление психики), посредством которого осуществляется экспликация психики в качестве объекта и предмета исследования.

В итоге надо признать, что в научной психологии мы изучаем не психику как таковую, а именно разнообразные ее проявления (частные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, то есть мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования) «облаченной в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее, не сводится ни к одному из них. Поэтому некорректно говорить о том, что, например, гештальттеория восприятия более истинна, чем теория восприятия в ассоциативной (структуралистической) психологии или деятельностной теории восприятия. Истинность каждой из таких теорий определяется и задается тем способом мышления, посредством которого и в рамках которого была произведена экспликация исследуемой психической реальности в качестве предмета исследования и заданы критерии представления эмпирических результатов в качестве теоретически обоснованных и эмпирически подтвержденных фактов.

Возможность экспликации психики в качестве объекта исследования

Начнем с того, что представление о мышлении и других высших психических функциях как разных формах объективно существующей психической реальности имеет в своей основе допущение, что ее субъектом-носителем является человек. Это означает, что психика как подлежащая исследованию объективная реальность существует не сама по себе в виде самостоятельной формы бытия, а лишь в форме атрибутивной, как свойство человека. И потому в наиболее распространенных подходах и способах к ее определению (полаганию, как говорят методологи) в качестве объекта исследования она изначально рассматривается производной («вторичной») от человека как существа биологического и социального, в том числе и деятельного (деятельностного); а ныне часто добавляют еще и духовного. Это означает, что, согласно этим подходам, психика не обладает субстанциональностью, так как она суть проявление субстанциональности человека как явления и как одной из форм бытия. Соответственно, источник развития психики следует искать не в самой психике как самостоятельном природном явлении (в широком, не биологическом смысле этого слова), а в человеке и характерных для него видах биологической и социальной активности. Тем самым происходит редуцирование психики как явления к биологически и социально обусловленным формам ее проявления.

Поэтому, если рассматривать психику вне системы «человек — окружающая среда», то экспликация сферы существования психической реальности будет ограничена, согласно указанным рассуждениям, только сферой существования человека как ее субъекта-носителя и как компонента этой системы (и тем самым обречена на редуционизм).

Пример с системой «человек — окружающая среда» как исходным основанием для экспликации психики в качестве объекта исследования обусловлен тем, что эта система была использована нами в качестве исходного основания для объе-

динения различных эколого-психологических исследований (психологической экологии, психологии окружающей среды, психологии экологического сознания и др.) в экологическую психологию как самостоятельную область психологических исследований (Панов, 2004, 2006; 2-я Российская конференция ... , 2001; 3-я Российская конференция ... , 2003).

И вот только здесь обнаруживается методологическая возможность разработки гипотетического ряда предпосылок, позволяющих эксплицировать психику в качестве объекта и предмета исследования вне ее опредмеченности. О каких же предпосылках идет речь?

Согласно первой предпосылке, психика представляет собой такое же общеприродное явление, как, например, явления гравитации, электромагнетизма, жизни и т.д. И так же, как все эти и другие подобные им общеприродные явления, она представляет собой форму бытия, которое обретает конкретные формы своего существования во взаимодействии с другими формами бытия, всякий раз проходя этапы самопорождения, самосохранения и саморазрушения, что в феноменальном плане предстает как последовательность рождения, развития и смерти, то есть перехода в другие формы бытия. Причем как формы бытия могут в данном случае рассматриваться и такие частные формы психики, как психические процессы, психические состояния и сознание (Миракян, 1999, 2004; Панов, 2004).

Согласно второй предпосылке, существуют по крайней мере две парадигмы и, соответственно, два способа полагания психики в качестве объекта исследования (Миракян, 1999, 2004; Панов, 1998, 2004). В основе господствующего до сих пор способа лежит картезианская логика, согласно которой психика в качестве объекта исследования эксплицируется в апостериорной форме, то есть как эмпирическая фиксация некоего психического явления в ставшей своей форме — в виде продукта состоявшегося, свершившегося психического процесса. Именно этот способ выражен в знаменитом кредо Декарта: «мыслью — следовательно, суще-

ствую» (сначала частный продукт психического процесса в ставшей форме — «мыслю», а затем вывод о более широкой реальности бытия — «существую»). Другой способ своими корнями восходит к аристотелевской логике, согласно которой психика существует в форме «бытия в возможности» и «бытия в действительности». Нетрудно понять, что психика в форме «бытия в действительности» — это и есть та форма психической реальности, которая фиксируется в нашем опыте и посредством опыта, то есть имеет картезианскую апостериорную логику полагания психики в качестве объекта исследования. Если же следовать аристотелевской логике, то психика существует не только в актуальной (проявленной) форме апостериорно эксплицированных психологических функций и свойств человека и не только в превращенной, опредмеченной (в свойствах окружающей среды) форме своего актуального и потому апостериорного существования, но и в априорной форме — форме «бытия в возможности».

Согласно третьей предпосылке психика обретает форму актуального существования, то есть переходит из «бытия в возможности» в «бытие в действительности», в процессе и посредством взаимодействия человека с окружающей средой. Иными словами, психика в этом случае предстает как становящееся качество (свойство) системы «человек — окружающая среда», которое (поскольку оно системно) не сводится к актуальным свойствам ни «человека», ни «окружающей среды» как компонентов указанной системы, но обуславливается ими. Это означает, что становление психической реальности как качества этой системы происходит в функциональном диапазоне, пределы которого задаются актуальными свойствами ее компонентов, то есть человека и окружающей среды. Так, например, функциональный диапазон константности восприятия, восприятия движения и стабильности объектов и тому подобного задается свойствами зрительной системы человека, естественно сформировавшись в его фило- и онтогенезе во взаимодействии с окружающей природной средой (Миракян, 1990; Миракян, Панов,

1995; Панов, 1998). В качестве других примеров, подтверждающих возможность такой логики рассуждений, приведем порождение и развитие высших психических функций и сознания человека посредством присвоения (интериоризации) индивидом культурно-исторических способов человеческой деятельности в социальной ситуации развития и посредством совместно-распределенной деятельности (Выготский, 1991; Давыдов 1996; Рубцов, 1996 и др.), а также изменение психологических свойств и качеств личности в рефлексивных ситуациях межличностного взаимодействия, создаваемых при групповых (активных) методах обучения, в психотренинговой практике и тому подобных ситуациях коммуникативного взаимодействия. В этом случае психика в качестве объекта исследования и практики предстает в виде продукта становления системы «человек — окружающая среда» как единого субъекта порождения актуальной формы проявления психической реальности.

В последней фразе сформулирована четвертая предпосылка, согласно которой необходимым условием обретения психикой актуальной формы существования («бытия в действительности») является субстанциональность системы «человек — окружающая среда», выражающаяся в ее способности быть онтологическим субъектом своего становления и проявляющаяся в том, что каждый компонент этой системы становится условием для развития другого и одновременно результатом этого развития.

Это возможно в том случае, если в качестве системообразующего принципа, объединяющего «человека» и «окружающую его среду» в единую становящуюся систему «человек — окружающая среда» выступает принцип анизотропного формопорождения, в котором объединены принцип образования анизотропных отношений и принцип формопорождения (самопорождения-самосохранения-саморазрушения форм бытия), обуславливающие, в частности, трансцендентальный подход к психологии восприятия и к изучению психики как особой формы бытия (Миракян, 1999, 2004; Панов,

1998, 2004), что является пятой предпосылкой наших рассуждений. Необходимым условием реализации принципов анизотропности и формопорождения во взаимодействии двух и более форм бытия является их единость (по Миракяну), содержащая их взаимное структурно-функциональное различие. В качестве иллюстративного примера анизотропности, порождающей новую форму физического бытия, можно привести возникновение искры (или молнии), порождаемое различием потенциалов в едином электрическом поле. Примером анизотропности как «единости, содержащей в себе различие», порождающей психическую реальность, может служить структурная симметрия строения и одновременно функциональная асимметрия работы парных органов чувств у человека и других биологических видов живых существ. Но чтобы эта анизотропность могла реализовать себя как процесс порождения психической реальности в виде, например, пространственных ощущений, она должна принимать воздействие со стороны окружающей среды, причем это воздействие в свою очередь должно находиться в анизотропном соотношении с состоянием рецепторного поля, принимающего это воздействие.

Из этого вытекает вывод: эксплицировать психику в качестве предмета исследования и, соответственно, изучать ее в форме непосредственно данной психической реальности (образа, процесса, состояния и т.д.) невозможно, так как мы все время будем возобновлять картезианскую, вещную логику «продуктного» способа определения психики в качестве объекта и предмета исследования. Но мы можем сделать объектом исследования условия, необходимые и обеспечивающие возможность порождения действительной формы существования психики в виде той или иной психической реальности. Дело, как говорится, «за малым»: понять, на каких исходных основаниях и каким образом должна строиться логика исследования, предметом которого являются не сама «психическая реальность», а «условия, обеспечивающие возможность ее порождения в непосред-

ственном психическом процессе (акте)». Как показывают ранее проведенные исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), эти основания должны иметь трансцендентальный характер по отношению психической реальности, подлежащей исследованию. В качестве одного из таких оснований он предлагает рассматривать принцип анизотропности (образования анизотропного отношения). Наши исследования показывают, что необходимым условием для этого должно быть онтологическое определение психики — как природной формы бытия, обретающей актуальную (действительную) форму своего существования в процессе становления (формопорождения) системы «субъект психической реальности (например, человек) — окружающая среда», которая тем самым становится онтологическим субъектом формопорождения психической реальности как формы бытия и как предмета исследования психики.

Список литературы

2-ая Российская конференция по экологической психологии. Материалы. (Москва, 12-14 апреля 2000 г.) / Под ред. В.И. Панова. М. - Самара: Изд-во МГППИ, 2001.

3-я Российская конференция по экологической психологии (Москва, 15-17 сентября 2003 г.). Тезисы. М.: Психологический институт РАО, 2003.

А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ. Ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010.

Барабанщиков В.А. Системогенез чувственного восприятия. - М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.

Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991.

Гостев А.А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М.: Институт психологии РАН, 2001.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. - М.: Прогресс, 1988.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. — М., 1996.

Дворецкая М.Я. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан Средневековья: дис. д-ра психол. наук. — М.; СПб., 2006.

Декарт Рене. Сочинения в 2 т. — Т. 1. — М., Мысль, 1989. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 05.08.2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958>.

Ланге Н.Н. Закон перцепции. — Одесса, 1894.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. — М.: МГУ, 1972.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.

Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999.

Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2004.

Михайлов Ф.Т. Порождающий процесс восприятия; под ред. А.И. Миракяна // Вопросы психологии. — 1993. — № 11. — С. 181–183.

Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. – М. – Воронеж: Издательство: МОДЭК, МПСИ. Серия: Психологи Отечества, 1999.

Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Вопросы психологии. — 1998. — № 2. — С. 82–107.

Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. — М.: Наука, 2004.

Панов В.И. Введение в экологическую психологию: учеб. пособие. — 2-е изд. М.: Школьные технологии, 2006.

Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: метаимплицативная модель // Рефлексивные процессы и управление. — № 1. —Т. 7. — С. 58–88.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946.

Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. — М.; Воронеж, 1996.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. — М.: Институт психологии РАН, 2006.

Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Начала христианской психологии. — М.: Наука, 1995. С. 123-138.

Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. — М.: Владос, 2001.

Шадриков В.Д. Духовные способности. — М., 1998.

Шуман А.Н. Трансцендентальная философия. — Мн.: Эко-компресс, 2002.

Формопорождение как принцип изучения и как принцип бытия психической реальности: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты²⁴

В.И. Панов

Собственные исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), а также проведенные под его руководством исследования порождения движения и стабильности объектов на непосредственно-чувственном уровне восприятия (Панов, 1996, 1998; 2004) позволяют по-иному подойти к осмыслению понятия «формопорождение», поскольку благодаря этим исследованиям оно обретает тройной смысл: гносеологический, онтологический и трансцендентальный.

В гносеологическом — традиционном — смысле понятие «формопорождение» синонимично понятию «формообразование» и обычно обозначает процесс перцептивного отражения пространственных свойств окружающего мира как процесс формирования их пространственного образа посредством преобразования пространственной формы данного объекта в ощущение (образ) этой формы. Исходной предпосылкой для такого понимания формопорождающего акта является явное (сетчаточно-моторная и феноменологическая парадигмы) или неявное (операциональная парадигма) требование соответствия предъявляемой (заданной) пространственной формы как «объекта восприятия» ее «перцептивному образу» как результату ее восприятия.

Психический процесс восприятия (простейший феномен психики) как объект исследования эксплицируется здесь не в своей непосредственной данности, а опосредованно — в форме предметного содержания исследуемого психического акта, в данном случае в форме гносеологически представленных в этом акте пространственных свойств и отношений окружаю-

²⁴ Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. — М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. С. 64-72.

щей среды, которые подлежат восприятию и которые, вместе с тем, в логической процедуре исследования выступают как имплицитная самость (Миракян, 1999, 2004), то есть как уже отраженные, ранее познанные свойства окружающего мира, противостоящие субъекту восприятия в качестве объекта восприятия. А с другой стороны, психика как объект исследования представлена здесь *в собственной, ставшей форме*, то есть в виде актуально протекающего непосредственно-чувственного процесса психического отражения (восприятия) и перцептивного образа как его продукта.

Процесс восприятия здесь рассматривается как процесс, происходящий между субъектом восприятия и пространственно-предметными свойствами окружающего мира как объектом восприятия. Однако эти пространственные и предметные свойства окружающего мира рассматриваются в контексте отношения «субъект восприятия — объект восприятия», то есть как исходно известная данность тех или иных отдельно вычлененных свойств и отношений (формы, величины, движения и т. п.), гносеологически противопоставленная перцептивным свойствам субъекта восприятия. Содержание таким образом эксплицируемого процесса восприятия определяется предметностью (имплицитной самостью) объекта восприятия. Если речь идет о восприятии «формы» предмета, то и в качестве содержания процесса восприятия будет рассматриваться «форма», а не «удаленность», например.

Понятно, что субъектом психической реальности в данном случае выступает человек, то есть первый компонент системы «человек — окружающая среда», который может рассматриваться с позиций его существования:

- как существа биологического (физиологического), и тогда мы имеем физиологические и психофизиологические подходы к изучению процесса восприятия;
- как существа социального, и тогда процессы его восприятия рассматриваются в контексте и исходя из представления о его деятельности или общении как сущностных характеристик человека социального;

— как существа духовного, и тогда процессы восприятия и вообще познания рассматриваются исходя из постулата, что чувства и разум — это проявления души человека, которая дана ему Богом²⁵.

Однако теперь, когда мы показали, каким образом возможно порождение актуальной формы психической реальности (в виде порождающего процесса восприятия) как особой формы бытия, переживающей все этапы ее становления от порождения до завершения (т. е. перехода в иную форму бытия), мы должны сделать следующий шаг в понимании «человека» как компонента системы «человек — окружающая среда». Дело в том, что принятие психики в качестве особой формы бытия, то есть такой же, как живая и неживая природа, позволяет и даже заставляет нас считать человека также *существом психическим* в дополнение к его статусу существа биологического, социального и духовного.

Поэтому появляется второй смысл понятия «формопорождение» — онтологический, обозначающий в данном случае акт превращения объектной (физической, предметной) «формы» существования пространственности воздействия (в данном случае — пространственных свойств светового потока) в «форму» психическую, то есть из глобально непроявленных свойств принимаемого сетчаткой воздействия в определенную «форму психического процесса» образования анизотропных отношений и, соответственно, в структурно-процессуальное состояние данной зрительной системы. При этом посредством структурно-процессуальных анизотропных отношений будет происходить фиксация «идентичности» и «неидентичности (взаимного различия)» структурно-процес-

²⁵ А.И. Миракян показывает, что «Мальбранш и Беркли использовали феномен константности восприятия для доказательства существования обманов зрения, поскольку изображение на сетчатке глаза изменяется по закону угла зрения и уменьшается при удалении от наблюдателя, а восприятие его величины соответствует физической величине объекта. Отсюда, считали они, с необходимостью следует вывод о том, что данные о величине, форме и других свойствах предметов мы получаем не через зрение, а через душу, вложенную в нас Богом» (Миракян, 1999, с. 73).

суального состояния зрительной системы в разные моменты и в разных пространственных позициях приема воздействия, что, собственно, и будет составлять содержательную сторону этого процесса. Иначе говоря, онтологическим содержанием процесса восприятия будет в этом случае выступать не предметность объекта восприятия, а вариативность или инвариантность состояний самой отражательной системы (их идентичность или неидентичность друг другу). Инвариантность этих состояний, возобновляющаяся всякий раз при приеме одного и то же воздействия, будет создавать непосредственно-чувственную основу для порождения «пространственности восприятия», а также неизменности (стабильности) или изменения (движения) свойств этой пространственности.

При этом термин «инвариантность» в данном случае требует уточнения. «Инвариантность», о которой говорит Дж. Гибсон (1988), относится к пространственным свойствам светового потока («строю»), сохраняющимся, несмотря на его изменения как проксимальной стимуляции. Но Гибсон обходит стороной вопрос о том, посредством какого процессуального механизма происходит преобразование этой «объективной» инвариантности светового потока в «субъективную» инвариантность ощущения стабильности и движения объектов и их пространственных отношений. Нашим же предметом исследования является порождение инвариантности состояний зрительной системы, обеспечивающих возможность порождения восприятия пространственных свойств на основе их проксимального отображения.

Онтологический смысл процесса восприятия как процесса формопорождения состоит в данном случае в том, что порождению подлежит не гносеологически заданная пространственно-предметная форма воспринимаемого объекта, а феноменально представленная форма (феноменология) собственного протекания самого процесса восприятия как некоей формы бытия. Поэтому пространственные свойства объекта восприятия при таком подходе становятся относительными, так как начинают определяться не только и не столько

собственными (объекта) свойствами, сколько свойствами данной зрительной системы, с одной стороны, и функциональными потребностями человека как субъекта восприятия — с другой. Можно сказать, что предметные свойства и отношения окружающего мира как объект восприятия, образно выражаясь, размываются. Объектом восприятия становится, как показывает В.А. Барабанщиков (2001, с. 111–112), сама ситуация восприятия, включающая свойства и окружающего мира, и самого субъекта восприятия²⁶: «Объект восприятия — интегративное образование, включающее разнородные элементы индивида и среды, объединенные общностью места и времени их существования, объективными связями (причинно-следственными, генетическими, структурными, функциональными и др.) и отношениями, в том числе потребностями субъекта и возможностями их удовлетворения. Речь идет о форме единства индивида и среды, которая неплохо описывается в терминах «ситуации» (Argale, Pumpham, Graham, 1981; Lewin, 1935; Magnusson, 1981), «жизненного пространства» или «мира» (Голд, 1990; Рубинштейн, 1973; Lewin, 1935; Uexkull, 1955), выражающих способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежат индивиду. Это — его ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще. Объект-ситуация изначально противоречив и парадоксален: он включает в себя воспринимающего и одновременно противостоит ему как нечто внешнее, иное. Одной его стороной оказываются условия жизни, другой — их восприятие и оценка человеком, включенным в ситуацию. Логика развития объекта-ситуации основана на приоритете внутренних связей над внешними, преобладании центростремительных сил над центробежными, динамики над статикой. Осуществляя восприятие, субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. Соответственно объект восприятия оказывается и детерминантой (вернее, системой детерминант), и результатом активности субъекта».

²⁶ Прошу прощения за повтор цитаты.

Третий — трансцендентальный — смысл понятия «формопорождение» задается использованием принципа формопорождения как исходного основания для разработки априорной и апостериорной моделей порождающего процесса на основе структурно-процессуальной анизотропности строения и функционирования зрительной системы. Принцип формопорождения выступает здесь в роли такого исходного основания, которое является общим для разных форм бытия, включая психику. По этой причине этот принцип как исходное основание, во-первых, имеет трансцендентальный характер по отношению и к свойствам субъекта восприятия, и к пространственно-предметным или иным свойствам объектов, подлежащих восприятию. И, во-вторых, он может быть использован в этом качестве не только для зрительного восприятия, но и для любых других видов психических реальностей, а именно психических состояний и сознания как частных форм психической реальности вообще.

Согласно принципу формопорождения, как было показано выше, исходным и необходимым условием для возможности осуществления формопорождающего акта является анизотропность отражательной системы, позволяющая ей искажать и расщеплять (квантовать) принимаемое воздействие в соответствии с анизотропной дискретностью и неоднородностью своих структурно-процессуальных свойств — трансцендентальный смысл понятия формопорождения. Непосредственно-чувственный процесс, как формопорождающий акт, выступает при этом в виде частного случая проявления общеприродного формопорождающего процесса, то есть принципа формопорождения, обеспечивающего возможность порождения (становления) актуальной формы психической реальности в ставшей (собственной) форме в виде пространственности формопорождающего акта — с одной стороны, в превращенной (опредмеченной) форме «пространственности» принятого воздействия окружающей среды — с другой стороны, и в виде психического образа — с третьей.

Психика как объект исследования в виде собственно порождающего процесса восприятия предстает здесь в становящейся форме — как продукт взаимодействия отражательной системы человека с окружающей средой, то есть системы «человек (его отражательная система) — окружающая среда». Причем субъектом становления психической реальности выступает система «человек (его отражательная система) — окружающая среда» в целом, так как свойства порождаемой психической реальности имеют системный характер и не могут быть сведены к свойствам компонентов данной системы. Более того, функцию быть субъектом указанного процесса порождения психической реальности эта система может выполнять только при условии наличия анизотропности между «человеком» и «окружающей средой» как взаимодействующими компонентами этой системы. В противном случае (весьма специальном)²⁷ гомогенность (однородность) взаимоотношения между «человеком» и «окружающей средой», как компонентами системы «человек — окружающая среда», не позволит произойти образованию анизотропного отношения между ними и, как следствие, исключит возможность порождения психической реальности, обретающей актуальную форму своего проявления «в зазоре» между ними.

Исходя из вышесказанного, формопорождающий акт как процесс становления психической реальности из потенциальной формы существования («бытия в возможности») в актуальную («бытия в действительности») представляет

²⁷ Можно провести простой эксперимент. Нужно положить на свою раскрытую и неподвижную ладонь спичечный коробок и понаблюдать за своими ощущениями. Сначала Вы будете его чувствовать лежащим на Вашей ладони, но спустя некоторое время и при условии, что Вы будете сохранять неподвижность, эти ощущения исчезнут. Это означает, что анизотропность между спичечным коробком и состоянием рецепторного поля Вашей ладони будет исчерпана, вследствие чего прекратится образование отношений между ними и соответственно исчезнет ощущение этого коробка как порождение психической реальности такого вида. В качестве более серьезных аргументов можно привести аналогичные факты с «исчезновением» восприятия в условиях восприятия стабилизированных сетчаточных изображений (Притчард, 1974; Ярбус, 1965).

собой дискретно-непрерывную (континуальную) последовательность отдельных микроактов. Фундаментальной особенностью этой последовательности микроактов является то, что каждый предшествующий из них опосредствует осуществление последующего (последующих) микроакта. Иными словами, каждый предшествующий микроакт взаимодействия между человеком и окружающей средой как компонентами системы «человек — окружающая среда» опосредствует (антиципирует) последующий микроакт их взаимодействия. Это означает, что результаты предшествующих микроактов взаимодействия между компонентами системы «человек — окружающая среда» должны быть включены в структуру указанного взаимодействия в качестве полноправного компонента взаимодействия.

В результате мы приходим к пониманию того, что становление психической реальности в актуальной форме непосредственного пространственного ощущения происходит как антиципирующее опосредование последующего микроакта психического процесса результатом его предшествующего микроакта. Это позволяет говорить о том, что становление психической реальности (формопорождающий акт), как обретение ею актуальной формы существования («бытия в действительности»), происходит не по линейному принципу в форме дихотомической оппозиции «стимул—реакция», «субъект—объект» и т. п., а по принципу спирали в форме своеобразного односторонне открытого треугольника²⁸ (рис. 3), где «прошрое» (предшествующий микроакт, состояние) антиципирует «будущее» (последующий микроакт, состояние). Соответственно, линейная логика, традиционно ис-

²⁸ В физиологии и психологии достаточно хорошо представлены аналогичные «треугольные» схемы в качестве единицы анализа психики в тех или иных ее проявлениях, то есть в ставшей форме психической реальности: акцептор действия «по Анохину», антиципация «по Ломову» и др. Однако, в отличие от них, здесь речь идет о механизме порождения самой этой схемы как глубинного и универсального механизма порождения психической реальности в становящейся форме. Похожую схему предлагает У. Найссер (1981).

пользуемая для анализа взаимодействия между компонентами системы «человек — окружающая среда», должна дополниться антиципирующим компонентом, опосредствующим это взаимодействие.

Рис. 1. Условная схема формопорождающего акта

Из вышесказанного следует, что продуктом становления психической реальности является «приобретение» психологических свойств каждым из компонентов системы «человек — окружающая среда»: «человеком» психики в форме ставшей реальности, а «окружающей средой» — психики в превращенной форме психической реальности, отчужденной от ее субъекта-человека. По выражению А.И. Миракяна, в форме «имплицитной самости» предметных свойств окружающего мира. Другими словами об этом сказано в вышеприведенной цитате В.А. Барабанщикова: «Осуществляя

восприятие, субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. Соответственно объект восприятия оказывается и детерминантой (вернее, системой детерминант), и результатом активности субъекта».

При этом обнаруживается несколько принципиальных моментов, позволяющих сделать определенные предположения относительно природы психики *как особой формы бытия*.

С этой целью вернемся к формопорождению пространственности, рассмотренному выше на примере восприятия движения и стабильности, поскольку обычно вследствие эмпиричности человеческого мышления понятие «пространственность» ассоциируется с пространством внешнего, физического мира. Между тем на уровне формопорождения все оказывается несколько иначе.

Дело в том, что на формопорождающем этапе процесса восприятия пространственность первоначально порождается как идентичная самой себе (в этом смысле инвариантная) последовательность сосуществующих (завершенных и незавершенных) анизотропных отношений, выражающих процессуальное состояние самой отражательной системы. Это состояние затем становится ее свойством, антиципирующим дальнейшее осуществление порождающего процесса²⁹, иначе говоря, начинает выступать в качестве своеобразной априорной формы, о которой в свое время говорил И. Кант. Осознанное обращение к ней как прошлому опыту есть, по сути, рефлексия. Более того, если формопорождающий акт имеет свою завершенность, то он имеет свою длительность, которая начинает выступать в качестве единицы дискретности порождающего процесса и, тем самым, в качестве непосредственно чувственной основы порождения ощущения времени (Миракян, 1999, 2004). Это позволяет говорить о том, что в формопорождающем акте взаимодействия челове-

²⁹ Кстати, именно этим объясняется, что А.И. Миракян назвал одну из своих книг «Психология пространственного восприятия» (1990), чем вызвал недоумение многих коллег, для которых более привычным и понятным было бы название «Психология восприятия пространства».

ка с окружающей средой происходит порождение не только пространственности, динамичности и длительности свойств окружающего мира, но в первую очередь пространственности и длительности *бытия психики человека (или другого существа) в ставшей форме*, которые затем квантуют и антиципируют порождение соответствующих пространственных и временных свойств окружающего мира.

Следовательно, во-первых, пространственность принимаемого воздействия оказывается антиципированной пространственностью самого формопорождающего акта, а, во-вторых, свойства и размерность этой пространственности определяются свойствами и размерностью структурно-процессуальной анизотропности данной отражательной системы и ее состоянием. Поэтому пространственность принимаемого воздействия в виде порожденной пространственности самого формопорождающего акта (психика в ставшей форме как свойство отражательной системы человека) и в виде антиципированной пространственности принятого воздействия (психика в превращенной форме, то есть опредмеченной в форме свойств окружающей среды) имеет всегда относительный характер³⁰.

Следующая особенность состоит в том, что психика как становящаяся форма бытия представляет собой дискретно-непрерывный (континуальный) процесс порождения *отношений* в «зазоре» между структурными и процессуальными состояниями отражательной системы (в данном случае — человека как субъекта психической реальности) в процессе ее взаимодействия с окружающей средой. Вышеуказанная анизотропность структурных компонентов отражательной системы приводит в том числе к тому, что в каждом микроакте формопорождающего процесса складывается отношение

³⁰ Это объясняет хорошо известную из истории философии и психологии восприятия проблему относительности и вариативности чувственных данных и их неадекватности с позиции рациональных данных нашего познания. Особенно наглядно это видно на проблеме константности восприятия (см. Миракян, 1990, 1992, 1999).

между центральной и периферической частями рецепирующего поля отражательной системы. Наиболее наглядно это продемонстрировано А.И. Миракяном (1992) на примере эффекта уменьшения величины нефиксированного объекта. Его суть состоит в том, что в ситуации восприятия равновеликих и равноудаленных объектов величина того объекта, который вследствие фиксации взора на одном из них оказывается на периферии поля зрения, воспринимается уменьшенной относительно действительной величины объекта, на котором в данный момент (микроакт) фиксирован взор наблюдателя. Но в следующем микроакте фиксация взора переместится на другой объект, и тогда уменьшенной будет восприниматься величина первого объекта. Однако осуществление этого микроакта будет опосредоваться результатом первой фиксации взора как продуктом предшествующего микроакта.

Это позволяет говорить о том, что порождаемая пространственность оказывается изначально структурированной по направлению «центр — периферия». Причем роль «центра» в структурном или в процессуальном аспектах выполняет последующий микроакт, в то время как функцию неосознаваемой в данный момент «периферии» (поля зрения или сознания) выполняет предшествующий микроакт. Соответственно, по отношению к «центру» порождаемой пространственности «периферия» должна выполнять антиципирующую функцию.

Таким образом, вышеприведенный анализ понятия формопорождения на примере становления психики в «простейшей» ее форме — форме порождающего процесса восприятия движения и стабильности (или что то же самое в данном случае — порождения пространственности восприятия) позволяет говорить о том, что *принцип формопорождения* может быть использован в качестве предварительно принимаемого исходного основания:

1) для экспликации психики как особой формы бытия, проявляющейся в становящейся, в ставшей и в превращенной (опредмеченной) формах;

2) для экспликации системы «человек — окружающая среда» как системы, развивающейся в форме онтологического субъекта на основе субъект-порождающего взаимодействия между ее компонентами. При этом обретение психикой актуальной формы своего проявления происходит в три этапа и в трех формах своего самоосуществления:

- как становление системного качества системы «человек — окружающая среда» в виде формопорождающего процесса и потому не сводимого к изначальным свойствам и качествам составляющих ее компонентов, но осуществляемого на их основе — субъект-порождающий тип взаимодействия между компонентами данной системы;
- как обретение «человеком» как компонентом указанной системы таких онтологических свойств актуально осуществляющегося порождающего (формопорождающего) психического процесса (т. е. порождения психики в ставшей форме психического процесса), которые по отношению к последующему этапу начинают выполнять антиципирующую функцию, опосредствующую взаимодействие между «человеком» и «окружающей средой» в рамках указанной системы. При этом «человек» обретает статус субъекта психической реальности, расщепленного на «себя в настоящем» (актуального), на «себя в прошлом», обращение к которому создает рефлексивный компонент, и на «себя в будущем», обращение к которому на основе отрефлексированного «себя в прошлом» создает антиципирующий компонент. Тип взаимодействия с «окружающей средой» как компонентом данной системы становится в разных ситуациях (в зависимости от вида окружающей среды и типа взаимодействия с ней) субъект-объектным, субъект-субъектным и совместно-субъектным (Панов, 2006);
- как порождение актуальной психической реальности в превращенной форме, когда порожденная психическая

реальность опредмечивается в свойствах и отношениях «окружающей среды» и тем самым отчуждается от субъекта ее порождения. При этом «окружающая среда» обретает имплицитную самость объектных свойств и отношений, а также квазипсихологические и психологические свойства и качества;

3) для использования в качестве исходного основания, позволяющего рассматривать психические процессы, психические состояния как разные проявления психики, но единые по своей природе.

Таким образом, применительно к развитию психики в виде психических процессов формопорождение выступает в роли общеметодологического принципа, используемого нами в качестве трансцендентального исходного основания для определения психики (психического отражения) как объекта исследования. При этом психика рассматривается как *особая форма бытия, обретающая актуальные формы своего проявления в виде психических процессов, состояний и сознания и тому подобного во взаимодействии между компонентами системы «человек — окружающая среда»*. В свою очередь, принцип формопорождения принимается в качестве такого универсального (общего для различных форм бытия) принципа, который лежит в основе становления системы «человек — окружающая среда», выступающей при этом в качестве *онтологического субъекта обретения (самоосуществления) психикой актуальных форм своего проявления*, то есть перехода из потенциальной формы существования «бытия в возможности» в актуальную форму «бытия в действительности».

Исходя из этого, возникает главный вопрос, предопределяющий дальнейшие главы данной книги: возможно ли эти достаточно абстрактные рассуждения о психике как форме бытия наполнить конкретным психологическим содержанием? Какие условия и механизмы обеспечивают возможность превращения отношения «человек — окружающая среда» в системное отношение и, далее, в онтологического субъекта

екта порождения психической реальности? Действительно ли введенные в этом разделе концепты (психика как форма бытия, формопорождение, анизотропность, система «человек — окружающая среда») могут выступать в качестве методологических предпосылок, позволяющих изучать *разные, частные виды* психической реальности в *едином методологическом контексте*, освобожденном от отягощенности предметным содержанием этих частных видов психической реальности?

Поэтому последующие разделы книги будут посвящены теоретическому и эмпирическому анализу порождения разных видов психической реальности, опираясь на представление о психике как форме бытия, на принцип формопорождения, анизотропность и системное отношение «человек — окружающая среда», выступающее онтологическим субъектом порождения психической реальности.

Из списка литературы к разделу 1

Барабанщиков В.А. Объект восприятия: ситуационный подход / В.А. Барабанщиков // 2-я Российская конференция по экологической психологии: материалы (Москва, 12–14 апреля 2000 г.). — М.; Самара, 2001. — С. 110–117.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. — М.: Прогресс, 1988.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975.

Маланов С.В. Генезис теоретического содержания понятия «действие» в культурно-историческом и системно-деятельностном подходе к анализу и объяснению психических явлений / С.В. Маланов // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2006. — С. 100–117.

Миракян А.И. Психология пространственного восприятия / А.И. Миракян. — Ереван: Айастан, 1990.

Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия / А.И. Миракян. — М., 1992.

Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии. Кн. 1 / А.И. Миракян. — М.: Институт психологии РАН, 1999.

Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии. Кн. 2 / А.И. Миракян. — М.: Институт психологии РАН, 1999; 2004.

Найссер У. Познание и реальность / У. Найссер. — М.: Прогресс, 1981.

Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ: избранные психологические труды / Д.А. Ошанин. — М.: МПСИ \; Воронеж: МОДЭК, 1999.

Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов: дис. ... д-ра психол. наук / В.И. Панов. — М.: ФП МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов / В.И. Панов // Вопросы психологии. — 1998. — № 2. — С. 82–107.

Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов. — М.: Наука, 2004.

Притчард Р. Стабилизированные изображения на сетчатке / Р. Притчард // Восприятие. Механизмы и модели. — М.: Мир, 1974. — С. 194–203.

Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения / А.Л. Ярбус. — М.: Наука, 1965.

Трансцендентальная психология и проблемы исследования формопорождающих процессов³¹

С.Л. Артеменков

Введение

Психологические исследования, направленные на понимание сущности психических процессов, определяющих основу возможности существования самого этого понимания и соответствующих научных концепций, оказываются в особом положении, поскольку «человеческое мышление способно осмысливать психику только опосредованно – опять же через продукты психического процесса, а сам психический процесс, порождающий эти продукты, остается за пределами логико-понятийной структуры человеческого мышления» [32, с. 50]. В этой связи развитый проф. А.И. Миракяном подход к исследованию психики [21-23], получивший название трансцендентальная психология, представляет собой опыт построения новой аксиоматической методологии психологии на основе определения универсальных общеприродных принципов и условий возможности осуществления процессов психического отражения. Данная работа посвящена обзору исследований, проведенных автором в рамках парадигмы трансцендентальной психологии и рассмотрению проблем изучения формопорождающих процессов непосредственно-чувственного восприятия. На этой основе в работе обсуждаются важные системные свойства сложных процессов и формулируется общее понятие о структурно-порождающих процессах.

³¹ Психология восприятия: трансцендентальная перспектива. Сб. научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. – Ер.: НАИРИ, 2017. С. 27-52. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00574.

Трансцендентальная парадигма в психологии восприятия

Подход трансцендентальной психологии был развит А.И. Миракяном на основе углубленного изучения процессов непосредственно-чувственного восприятия и понимания того, что эти процессы носят порождающий характер, а средствами проникновения в эти процессы человек, по сути, не располагает [21-23]. Трансцендентальный подход предполагает отказ от традиционных форм «продуктного» осмысления процессов восприятия и «разработку свободной от результативных форм перцептивно-интеллектуальных процессов стратегии изучения восприятия» [35]. Эта стратегия связана с изучением условий возможности возникновения психического отражения, способности «материальных форм образовывать спонтанные анизотропные отношения, приводящие к саморазвитию и образованию нового» [28, с. 59]. Здесь объектом исследования выступают условия, обеспечивающие возможность порождения действительной формы существования формы психики в виде процессов психического отражения. Эти условия имеют трансцендентальный характер по отношению к психической реальности и сформулированы А.И. Миракяном при метафизическом осмыслении основ трансцендентальной психологии в виде фундаментальных афизикальных принципов [19; 21-23].

Поле для поиска этих принципов является не сам психический процесс, действие которого они так или иначе призваны объяснить, а вся область возможности возникновения и существования этих и подобных им процессов в материальной действительности. Такой обобщенный и по сути метафизический подход [28] невольно обуславливает высокую степень философской абстракции результирующих понятий и построений, с помощью которых можно описать обобщенный процесс создания «нового» посредством дискретизации

форм материи и образования отношений в некоторой материальной системе. Рассматривая «стремления» дискретных форм материи к дискретно-структурному саморазрушению и самосохранению, А.И. Миракян вводит понятие анизотропности, определяемой (точнее, постулируемой) в соотношении с гомогенностью, как форма различия в едином, как «объективная возможность формопорождения сущего и мера дискретности, порождающая единичное, противоположно объективной непрерывности материи» [23, с. 352]. Анизотропность здесь выступает как очень широкая характеристика, определяющая возможность создавать различие в едином и образовывать особенное. В частности, эта характеристика может включать пространственно-временную неоднородность или структурную симметричность и асимметричность. Соответствующие анизотропные системные образования могут обладать важной возможностью фиксации различия и сходства. В свою очередь это становится возможным на основе образования соответствующих анизотропных (симметрично-двуединых) отношений, что в результате обеспечивает возможности порождения различных форм объектов и их свойств.

Приложение этих и ряда других общих принципов трансцендентального подхода к практике экспериментального исследования и гипотетического моделирования процессов непосредственно-чувственного восприятия существенным образом меняет исходные основания исследования и приводит к новым общим представлениям, понятиям и моделям, которыми характеризуются порождающие процессы непосредственно-чувственного восприятия [1-3; 11; 12; 26; 27; 30-33; 35; и др.]. В табл. 1 приведена часть из тех понятий, которые отличают трансцендентальную парадигму от традиционной [1].

Таблица 1. Понятия традиционной и трансцендентальной парадигм

№	Описание	Парадигма	
		Традиционная	Трансцендентальная
1	Основание знаний	Свойства продуктов восприятия	Общие природные принципы
2	Методологический подход	Феноменально-систематизирующий	Аксиоматический
3	Объект изучения восприятия	Функциональное поведение и анализ событий	Трансцендентальные процессуальные механизмы
4	Позиция исследователя	Внешний наблюдатель	Внутренняя (внутри процесса)
5	Модель системы	Основана на свойствах продуктов (образов)	Формопорождающая система
6	Описание структуры системы	Функциональная гетерогенность	Анизотропная однородность
7	Внутренний процесс	Детекция свойств	Образование отношений
8	Описание процесса восприятия	Выделение и объединение свойств	Процесс формопорождения
9	Уровень свойств образов	Отдельные свойства	Сопредставленные свойства

В целом развитие А.И. Миракьяном новые понятийные основания приводят к принципиально новым объяснительным концепциям, имеющим предсказательную силу [3], и являются уникальными. Они при этом являются вполне обоснованными и могут найти подтверждение в других науках. Например, «возможность создавать различие в едином» и фиксировать эти различия можно так или иначе соотнести с представлениями Г. Бейтсона о психическом процессе, как

потоке преобразования различий. Компьютерное моделирование в этом случае позволяет продемонстрировать также и явления восприятия формы [48; 49]. Интересным также является то, что трансцендентальная парадигма и существенно отличная от нее концепция автопоэзиса [13; 16], являются родственными методологически, поскольку в обоих случаях образ мышления исследователя требует обеспечить динамичность своей точки зрения путем перенесения ее в исследуемый процесс для рассмотрения условий его действительности [3].

Общее представление процесса непосредственно-чувственного восприятия в виде формопорождающего процесса определяется гипотетическими условиями. «Первое – это дискретизация форм пространственности и непрерывности времени. Второе – это возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени. И третье – это возможность образования отношений между данными различных моментов времени» [23, с. 354]. При этих условиях непосредственно-чувственный процесс схематически определяется развертыванием актов формопорождения, состоящих из совокупности микроактов, которые основаны на процессах образовании анизотропных отношений. Степень завершенности или незавершенности всех этих процессов определяет те или иные особенности «чувственной ткани» восприятия, а их динамика, «обеспечивает возможность порождения движения и стабильности объектов на непосредственно-чувственном уровне восприятия» [30, с. 124].

Формопорождение, как особый многоактный системный процесс порождения (действующий на основе образования анизотропных отношений), представляет собой обобщенную модель непосредственно-чувственного процесса, которая поясняет появление в психической реальности форм объектов в виде комплекса их сопредставленных свойств. Понятие о сопредставленности, с одной стороны, указывает на полифункциональные возможности восприятия, а с дру-

гой – на то, что эти свойства являются результатами общего процесса, сосуществуют и взаимосвязаны [7; 8; 12]. Таким образом, формопорождающий процесс трансцендентальным образом определяет становление психической реальности и универсальный принцип «анизотропного формопорождения» можно использовать в качестве системообразующего принципа, объединяющего «человека» и «окружающую его среду» в единую становящуюся систему [32, с. 54], т.е. этот принцип важен, как для обособления и объяснения механизмов работы непосредственно-чувственного восприятия, так и для экспликации «психики как особой формы бытия» [31, с. 301]. Формопорождающий процесс имеет иерархическое строение и метафорически восприятие состоит из существенно разных функциональной «надводной» и трансцендентальной «подводной» частей [3, с. 335-336]. С психологической точки зрения восприятие определяет возможности удаленного взаимодействия с окружением, которое при этом постепенно становится формоопределенно и предметно близким. В то время как функциональный интерфейс взаимодействия с окружением перемещается в направлении из организма, трансцендентальный психический интерфейс образного восприятия движется вовнутрь. В то время как «психическое расстояние» до предмета становится короче, «психолого-физиологическое расстояние» становится структурно-процессуально более сложным и обособленным. То, что функционально означает движение «вовне», трансцендентально означает движение «вовнутрь» и наоборот. Характерно, что глубокое иерархическое строение зрительной системы с недавних пор было признано рядом исследователей, в отличие от представления о плоской архитектуре зрения, преимущественно используемой в современных компьютерных моделях зрения [47].

По А.И. Миракяну, работа «подводной» части по формопорождению основана на образовании симметрично-двуединых отношений, в которых элементы симметричным образом объединяются в единый третий с возможностью фиксации

сходства и различия. Это осуществляется в отражательной системе, которая характеризуется структурно-процессуальной анизотропностью своей организации [23]. Соответствующая схема отношений была реализована А.И. Миракяном в устройстве для кодирования форм объектов [20]. Это устройство можно назвать «перцептроном» Миракяна (подобно известному перцептрону Розенблатта, разработанному для изучения нейродинамических принципов, устройство демонстрирует работу предложенных А.И. Миракяном новых афизикальных принципов) [5; 6]. В содержательном смысле оно представляет собой реализованную конструктивно структуру симметрично-двуединых отношений между дискретными двухградационными элементами квадратного (или круглого) рецептивного поля и обеспечивает протекание дискретных во времени процессов «порождения» редуцированного кода формы изображений рецептивного поля. Современная компьютерная модель устройства представлена в работе [9].

Более полная реконструированная модель [5] включает также устройство центрации и слежения и другие части [24] и в первом приближении реализует (как минимум) двухступенчатый процесс: порождает 1) код формы и 2) идеи (имени) объектов восприятия, а также обеспечивает обратное порождение формы от идеи объекта. Объекты исходно представлены их двухградационными изображениями на дискретном поле рецептивных элементов, а форма и имя этих объектов имеют вид образованных в устройстве кодов. Функционально модель имеет возможности обучения (на основе безадресного запоминания кодов) и реализует процессы опознания и идентификации. При этом процессы в модели являются двунаправленными и получают новое иерархическое описание, отличное от традиционных представлений [5; 6]. В частности, «перцептрон» Миракяна может отвечать на вопросы относительно детекции (что это такое?) и идентификации (этот ли это предмет?) объектов. При ответе на первый вопрос процесс кодирования, построенный на

основе образования симметрично-двуединых отношений, определяет код формы объекта и затем путем послойной спиральной свертки полученного кода образует имя объекта. Это имя либо «встречается» с соответствующим именем, зафиксированным в памяти, либо запоминается как новое. Ответ на второй вопрос предполагает встречный процесс, идущий от имени (идеи) объекта, зафиксированного в памяти к объекту, находящемуся вовне, т.е. от идеи изнутри порождается форма объекта, «встреча» которой с порожденной извне формой объекта происходит на более низком (по сравнению с первым вопросом) уровне процессуальной иерархии и обеспечивает процесс идентификации.

Концепция «перцептрона» Миракяна в целом согласуется с современными представлениями о восприятии как совокупности восходящих и нисходящих процессов и с представленной еще Г. Гельмгольцем идеей образования перцептивного образа. Следует также отметить, что А.И. Миракян считал, что модельные исследования трансцендентальных принципов очень важны для разработки новой технологии конструирования порождающих процессов и создания на этой основе гибко-адаптивных полифункциональных искусственных перцептивных устройств. Вместе с тем его концепция пока не получила широкой известности, а принципы и модели трансцендентальной психологии требуют дальнейшего развития.

Вопросы развития трансцендентальной парадигмы

Дальнейшее развитие трансцендентальной психологии связано с уточнением и верификацией представленных выше теоретических положений, а также с разработкой новых принципов и экспериментальных методов. Возникающие при этом сложности связаны с тем, что от исследователя в этой области требуется как особый образ мышления, так и ревизия традиционных взглядов [1-3; 37; 41]. Трансцендентальный характер исследуемых процессов серьезно затруд-

няет их исследование поскольку речь идет о теоретических представлениях и моделях, содержание которых действительно трудно проверить в эксперименте. В результате возникает необходимость развития особой экспериментальной теории и практики [1; 3]. Рассмотренная выше общая модель формопорождения позволяет гипотетически выделить в процессах образования отношений несколько уровней временной дискретизации, каждый из которых определяется возможностью образования разных групп отношений на разных уровнях временной иерархии. Здесь можно сделать вывод о вложенной многоактности процессов образования отношений, когда каждый из отдельных актов на всех уровнях дискретизации времени периодически воссоздается и воспроизводится по мере завершения менее длительных процессов. В частности, саккадические движения глаз в зрительной системе восприятия могут служить примером временной дискретизации, обеспечивающей возможности общего изменения угла зрения, обновления потока данных и сохранения непрерывности восприятия.

Первый уровень временной дискретизации обеспечивается в рецепторах перцептивной системы. Образование отношений между ними соответствует второму более длительному уровню временной дискретности, что в модели А.И. Миракяна связано с осуществлением процесса кодопорождения. Образование отношений между уже образованными отношениями на третьем уровне обеспечивает возможность фиксации изменений во времени и тем самым определяет возможность актуального отражения пространственного перемещения (движения). Таким образом, в формопорождении действует принцип многоуровневой дискретизации времени [36]. Время выступает как важный фактор формопорождения и явления пространственного восприятия в зрении могут быть объяснены путем структурно-процессуальной организации отношений во времени [23]. В частности, отражение длительности процесса является определяющим фактором восприятия пространственной протяженности [1; 23; 34]. В отличие от этого

в широко известной гештальттеории закономерности процессов строятся на продуктном «основании отождествления характеристик процесса отражения со свойствами структурной организации отражаемой действительности» [19, с. 15].

Общий экспериментальный подход в трансцендентальной психологии может быть построен таким образом, чтобы теоретически на основе моделирования исследуемых процессов выявить и затем экспериментально подтвердить определенные качественные отличия процессов образования отношений для разных типов объектов и условий, для которых имеет место выход за пределы формопорождающего диапазона или диапазона адекватного функционирования воспринимательной системы [1; 3; 42]. Характерным показателем здесь, в частности, может выступать критическое время формопорождения [11]. Предложенный нами экспериментальный метод проверки модели образования центрально-симметричных отношений в процессах формопорождения в зрительном восприятии позволил экспериментально выявить гипотетически предсказанный тахистоскопический эффект обратного видения начального и конечного положений объектов, уменьшающихся в размере с разной скоростью [4; 38; 39]. Следует отметить, что аксиоматику афизикальных принципов А.И. Миракяна нельзя назвать полной. С одной стороны, эти принципы настолько общи, что их можно распространить на широкую область исследования психической действительности [23; 30; 31]. С другой стороны, методологический фундамент трансцендентальной теории предоставляет весьма ограниченные средства для моделирования формопорождающих процессов и возможности предложенной модели в плане структурно-процессуального порождения остаются «скромными» [9; 20]. В частности, разработанные принципы определяют (при этом только гипотетически) самые общие метафизические условия формопорождения вне связи с существованием и сущностью живых существ, процессы в которых обладают особыми возможностями структурно-процессуального порождения.

Известно, что поведению и состояниям живых существ свойственны особые качества и явления: реактивность, адаптивность, ситуативность, проявление новых системных эффектов, свойств и состояний (эмерджентность) и др. Живые системы и процессы представляют собой «примеры высокоорганизованных, холистических структур, в которых чрезвычайно важен некоторый весьма сложный иерархический порядок и организация» [25, с. 45]. Явления и механизмы появления новых системных качеств в настоящее время достаточно основательно исследуется в науке [14; 25]. В частности, синергетика, как наука о развитии и самоорганизации сложных систем произвольной природы, в частности, занимается нахождением общих закономерностей эмерджентных процессов, каким-либо образом проявляющих новые качества целостности, которых нет в составляющих эти процессы частях. Это предполагает возникновение или проявление интегральных системных качеств и свойств, специфичных именно для системы в целом и не выводимых из известных свойств ее элементов и способов их соединения. К этому относится и представление о том, что психические свойства возникают (проявляются) из сложных материальных образований, но не сводятся к совокупности всех их физических характеристик. Также показательным примером соответствующего подхода в психологии является гештальт-теория восприятия.

В целом известно, что возможность самоорганизации характерна не только для живых существ. Появление новых системных качеств возможно, например, в результате кооперативных явлений в неравновесных диссипативных системах, где во многих случаях проявляется самоорганизация и имеет место спонтанное рождение динамических структур. Согласно диссипативной структурной модели самоорганизация происходит в условиях далеких от равновесных, когда в результате увеличения энергетических потоков, проходящих через систему, могут внезапно появиться пространственно-временные образования глобального масштаба. Главным

условием этого является открытость системы внешним воздействиям. Хотя кооперативные синергетические явления связаны с достаточно сложным глобальным поведением физических или иного типа систем, эти явления достаточно просты. Частицы, которые образуют новые атрибуты структуры системного целого, сами не претерпевают изменений и не зависят от условий или контекста. Кооперативные явления в этом случае это сложное агрегирование простых (контекстно-независимых) «атомов». Основой для образования объединенного состояния являются свойства (состояний) этих простых «атомов». Добавление неравновесных зависимостей (градиентов) не добавляет каких-либо новых свойств к вектору их состояний.

В качестве примера самоорганизации информационного поля живых существ можно привести строительство гнезд насекомыми (термитами). Термиты практически слепы, поэтому они должны взаимодействовать с окружающим миром в основном с помощью ощущения прикосновения и запаха. Термиты едят частицы дерева и затем строят «дома» (похожие на холмы гнезда высотой более 3-х метров) с помощью «фекального цемента», который они производят из переработанной древесины. При строительстве гнезд насекомые движутся в соответствии имеющимся у них набором наблюдаемых состояний (положение, скорость, концентрация феромонов) в направлении наиболее сильного запаха и делают отложения в этом месте. Компьютерное моделирование этого процесса показывает, что в результате локальных взаимодействий большого количества термитов возникают впечатляющие структуры. Они принимают вид многоярусных сооружений с арочной архитектурой, которая хорошо соответствует реальным формам внутреннего строения их гнезд [46]. Хотя в приведенном примере живые существа осуществляют довольно сложное поведение и производят новые формы (в частности арки), вместе с тем в этой модели свойства термитов, как частиц системы, являются постоянными, а отличительные признаки окружения фиксированы.

Как и в случае физико-химических систем, все изменения происходят только на уровне соединения частей (организаций градиентов и др.), определенных над свойствами частиц, т.е. на агрегативном уровне описания.

В модели формопорождения А.И. Миракяна системные свойства в основном определяются изначальной структурой системы. Образование глобальных симметрично-двуединных отношений в перцептроне Миракяна [20] происходит в заранее определенной и неизменной структуре, которая обеспечивает соответствующую передачу сигналов и ответственна за образование отношений за счет существования «длинных связей» между удаленными друг от друга элементами рецептивного поля. Вместе с тем понятно, что формопорождение, по сути, является самоорганизующимся процессом и, в частности, самозавершающимся [11].

В самоорганизующейся системе удаленные связи и отношения могут образовываться посредством локальных отношений в однородной среде и для этого можно предложить использовать однородную сетчатую клеточную структуру, составленную из локальных симметрично-двуединных отношений с обратной связью [40]. Обратная связь активно используется в модели формопорождения и работает, как на уровне микроактов, так и в более крупных структурных образованиях. Например, в перцептроне Миракяна [20] фиксация вновь образованных отношений приводит к стиранию ранее образованных отношений на основе принципа «элиминирования гомогенных элементов» на основе отрицательной обратной связи [23, с. 361].

При кодообразовании в клеточной структуре можно обеспечить автоматическую симметризацию предъявляемых объектов. Это позволяет осуществлять затем симметрическую фиксацию объектов на рецептивном поле без использования центрации на основе отдельного процесса, работающего с изображением объекта [24]. Такой подход позволяет преобразовать перцептрон Миракяна в автономное устройство, обеспечивающее иерархическую автоцикличность ак-

тов образования отношений при кодировании в соответствии принципами многоуровневой дискретизации времени и обратной связи. Предлагаемая система в этом случае может обладать зачатками самоорганизации, но, конечно, остается только простым механизмом.

Особые принципы организации живого и сложность биологических систем

Моделирование более сложной системной организации требует привлечения современных знаний о мире живых существ, которые включают особые принципы живого, выводящие живые существа из класса простых механизмов. Например, это положение о закрытости системы для действующей причины и открытости для материальной причины, что соответствует сложной (невычислимой) модели системы, которую можно только пытаться симулировать [43]. Другая концепция, выраженная в вышеупомянутой теории автопоэзиса, связана с идеей структурно-процессуальной автономности и отграниченности живой системы [13; 16]. Во «всецелотелесной» тотально циклической модели взаимодействия живых существ с окружением восприятие связывается в единый цикл с действием на двух уровнях иерархии: в процессах внешнего взаимодействия и во внутренних автономных процессах [37]. В теории «постановления» [2] или задействия (enaction) утверждается (тоже трансцендентальное) представление о порождении в циклическом действии [16]. Это предполагает работу нервной системы организма, находящегося в постоянном взаимодействии с окружением, в самореферентном режиме замкнутых внутренних каузальных процессов, а структура системы состоит в поддержании автономной организации определенной сети этих процессов. В связи с работой этих двух иерархически связанных круговых циклических процессов, восприятие определяется не как чувственное отражение, а как «тренировка» циклических перцептивно-моторных процессов, которые воплоща-

ются в так называемой телесной восприимчивости и «схватываемости». Например, зрительное восприятие детальной сцены разворачивается во времени по принципу постоянной обратной связи и включает готовый и быстрый доступ к другим деталям через упражнение зрительно-моторных способностей [50].

Живые организмы в целом являются родовыми системами, которые в развитом виде образованы чрезвычайно богатыми и переплетенными причинными отношениями (с замкнутыми циклами действующих причин) и является семантическими и контекстно-чувствительными. Разложение такой системы на части невозможно без серьезного разрушения системной целостности. Анализ и синтез здесь являются необратимыми процессами. С точки зрения возможности формализации и моделирования у такой системы, фактически, нет наибольшей конструктивной модели, а ее вычислительное моделирование сопряжено с серьезными ограничениями. Настоящая сложность здесь появляется не в результате бифуркации динамики системы, а за счет бифуркации ее описания. В результате для более полного понимания сложные системы требуют создания более чем одной формальной системы.

В этом отношении, сложность можно определить, как качество систем реального мира, заключающееся в невозможности отображения всех их свойств в рамках любой формальной системы. Это качество предполагает наличие принципиально разных путей взаимодействия с этими системами. Принципиально разных в том смысле, что, «успешные» формальные модели реальности, необходимые для описания отдельных аспектов явлений реальности, оказываются не выводимыми одна из другой. Другой способ рассмотрения системных различий основывается на рассмотрении структурных особенностей строения системы и ее функционирования. Если система образована из простых частей, которые неизменны и не зависят от их функционирования, тогда все изменения в системе происходят на уровне образования свя-

зей между частями. В определенных внешних условиях эти простые части могут образовывать сложные комплексы связей, что может выражаться в образовании кооперативных явлений, подобных описанным выше. Система в целом тогда может получить новые системные свойства и состояния, но система остается простой на уровне ее элементов, как это имеет место в диссипативных физических системах.

В более сложном случае части системы сами могут изменяться в процессе функционирования в связи с их контекстным взаимодействием (с другими частями, системой или окружением). Части могут изменить их функционирование и структуру в соответствии с их окружением. Изоляция части от системы меняет ее функциональные свойства. Функциональность части как таковой имеется только потенциально, а реальная ее функциональность образуется в процессе развития отношений частей системы между собой и окружением, т.е. функциональность таких сложных частей является контекстно чувствительной. Например, в биологической системе таким качеством, по всей видимости, обладают стволовые клетки организмов. Это качество позволяет говорить о возможностях, которыми обладают семантические системы [47]. В пространственно-временном контексте окружение может влиять на сложные части системы не только локально, но могут быть возможны удаленные влияния и влияния, отсроченные во времени. При увеличении общей активности частей системы взаимодействие между частями системы может брать верх над внешними взаимодействиями. В этом случае система самоорганизуется и фильтрует соответствующее внешнее действие, делая его более надежным по отношению к выходному результату, что соответствует проявлению нового поведения, которое нельзя предвидеть на основе исследования компонентов или текущих связей системы [44].

Таким образом, биологические системы являются примером систем с более сложно организованными внутренними и внешними взаимодействиями, которые связаны с принципиально новыми качествами, как системы в целом, так и ее ча-

стей. Процессы, в результате которых это происходит, могут быть названы формопорождающими процессами. При этом по идее порождаться могут новые свойства, новые процессы и более сложные системные образования. Например, некоторый процесс может порождать другой процесс, обеспечивать его выполнение и уничтожение. В частности, в современных компьютерных системах такими возможностями обладают операционные системы, где одинаковые программные механизмы отвечают за разные по информационному содержанию процессы [10]. В порождающих процессах другого типа, механизмы их осуществления не связаны со свойствами исходных и конечных компонентов и продуктов этих процессов. Эти процессы можно назвать структурно-порождающими «адиафорами», поскольку они порождают новые структуры и формы особым образом, безразличным к этим продуктам. Примеры таких процессов не обязательно искать в особо сложных многокомпонентных системах, хотя особую сложность многокомпонентных иерархически организованных процессов нельзя и недооценивать [14; 43].

Структурно-порождающие процессы и проблема их исследования

В качестве примера относительно простого структурно-порождающего процесса рассмотрим процесс образования молекулы хлорида натрия (поваренной соли). Атомы натрия и хлора по отдельности имеют определенные химические свойства. Будучи объединены в молекулу хлорида натрия, они вместе приобретают новый набор химических свойств. Так в биологическом отношении свойства натрия и хлора являются опасными и могут быть смертельными для биологической системы. В отличие от этого, качества поваренной соли часто наоборот важны для сохранения ее жизнеспособности.

Химическая реакция соединения натрия с хлором, как известно, объясняется более низколежащим физическим

процессом атомарного взаимодействия - процессом перегруппировки внешних электронов и передачей одного электрона атома натрия атому хлора. Образующиеся разноименно заряженные ионы притягиваются вследствие электростатического взаимодействия и образуют новую форму химического соединения – хлористый натрий. При этом механизм процесса формообразования нового вещества не связан с химическими свойствами исходных и результирующих атомов и молекул. Аналогичным образом при формопорождении система осуществляет взаимодействия в двух «мирах», относящихся к иерархически разным типам процессов, обладающим разными не связанными друг с другом механизмами. В выше приведенном примере это физический и химический процессы. В биологии показательным примером является соединение фенотипических процессов с генотипическими. В когнитивной психологии функционирование соотносится с той или иной моделью внутренних процессов, которые обеспечивают понимание возможностей человека адекватно направлять поведение и открывать доступ к новой информации. Например, согласно теории Найссера перцептивный цикл восприятия направляется своеобразной генотипической когнитивной схемой, которая «модифицируется опытом и тем или иным образом специфична в отношении того, что воспринимается» [29, с. 73].

В целом структурно-порождающие процессы можно в принципе определить, как особого типа процессы, поддерживающие иерархическую структуру строения материальной вселенной и позволяющие переходить к моделированию и описанию все более сложных систем, рассматриваемым в химии, биологии и других науках. Например, в биологии иерархия структур состоит как минимум из четырех уровней: атом → молекулы → молекулярные комплексы → живые организмы. При этом в физикальной картине мира полагается, что происходящее на более высоких уровнях организации материи в принципе полностью может быть выведено из законов, определяемых на более низких

уровнях организации материи. Таким образом, согласно физикальному подходу все происходящее в мире по сути определяется фундаментальными законами физики. При этом принципиальной гипотезой, которая является сутью физикального подхода, является то, что этот выделенный специальный класс вещей, удовлетворяющий частным закономерностям [3], представляется на самом деле полным классом.

Вместе с тем, «в современном представлении о вселенной между представителями различных наук имеется противоречие. Оно серьезнейшим образом зависит от того, «глядя» из какой науки эти представления формулируются» [15]. В каждой их наук выявляются свои особые закономерности, определяющие специфические процессы. При этом ни один из законов генетики, энзимологии, физики мембран (а также многие другие в других областях) из фундаментальных законов физики не выведены и это «не может не озадачивать и не вызывать озабоченности» [15]. В связи с этим структурно-порождающие процессы и их особые закономерности, по всей видимости, можно соотнести с процессами типа формопорождения и переходами от одного уровня иерархий системообразующих материальных структур к другому. Поскольку структурно-порождающий процесс, фактически, не связан со свойствами, участвующих в нем продуктов, то его потенциально трудно исследовать. Еще сложнее это сделать тогда, когда системный процесс скрыт от непосредственного наблюдения. О таком процессе нельзя судить по свойствам его входных и выходных продуктов, т.е. здесь нельзя использовать «продуктный подход», при котором «изучение природных явлений и процессов проводится через отношение исходного состояния и конечного результата, продукта исследуемого процесса» [17, с. 186]. Поэтому понять механизм структурно-порождающего процесса на основе свойств исходных и результирующих частей и продуктов этого процесса по сути не представляется возможным.

В психологии, когда речь идет об изучении психических систем, которые образованы весьма сложной иерархией конституирующих их процессов, имеет место как раз такая агностическая ситуация [1; 3; 17]. Это, фактически, приводит к явным или неявным парадоксам изучения психики и вполне логичному выводу, что «эксплицировать психику в качестве предмета исследования и, соответственно, изучать ее в форме непосредственно данной психической реальности (образа, процесса, состояния и т.д.) невозможно, так как мы все время будем возобновлять картезианскую, вещную логику «продуктного» способа определения психики в качестве объекта и предмета исследования» [32, с. 54]. Такой вывод, конечно, не означает того, что наука психики не имеет возможностей дальнейшего развития. Направление трансцендентальной психологии, на наш взгляд, представляет собой одну из перспектив этого развития [1; 3; 21; 30; 35; 41].

Заключение

Трансцендентальная парадигма психологии, развитая А.И. Миракяном и его последователями, предлагает принципиально новый перспективный подход к исследованиям непосредственно-чувственного восприятия и психологии в целом. В частности, это направление характеризуется большим объяснительным потенциалом [23; 28; 30; 31]. Вместе с тем на основании проведенных исследований [1-9; 36-42] можно заключить, что данное направление исследований остается недостаточно известным и развитым. Оно требует дальнейшей теоретической и практической разработки, включающей вопросы развития и верификации фундаментальных трансцендентальных принципов и исследования закономерностей формопорождающих процессов. Показано, что изучение формопорождающих процессов сопряжено с принципиальными трудностями, преодоление которых требует развития методологии исследований и построения новых моделей

формопорождающих систем. При этом трансцендентальная психология предполагает особую методологию экспериментирования, не опирающуюся на принцип экологической валидности [1-4]. В плане развития структурно-процессуальных моделей, предлагаемых трансцендентальной психологией, представляется важным обратить внимание на принципы, характеризующие живых существ, организация которых существенно отличается от технических систем, создаваемых и используемых человеком в настоящее время. Теоретическая модель формопорождения указывает на то, что процессы восприятия являются глубоко иерархическими и самоорганизующимися, что следует учитывать при их моделировании [5; 6; 9; 45]. В частности, здесь действуют условия многоуровневой дискретизации времени и иерархического циклического взаимодействия, обеспечивающие возможности самоорганизации формопорождающих процессов. Упрощенная модель формопорождения, представленная в перцептроне Миракяна в виде процесса кодирования на основе образования анизотропных симметрично-двуединных отношений, нуждается в дальнейшей разработке в целях обеспечения возможностей самоорганизации протекающих в ней процессов образования анизотропных отношений. Для формирования удаленных отношений в этой модели можно использовать клеточную структуру, организованную на основе однородной сетчатой системы локальных симметрично-двуединных отношений.

В обобщение понятия формопорождающего процесса в общей системологии предлагается выделить в отдельный класс структурно-порождающие процессы, механизмы которых не зависят от свойств их частей или продуктов. На наш взгляд, это тот класс процессов, которыми характеризуются переходы от одного уровня иерархий системообразующих структур к другому, причем эти уровни могут быть связаны с процессами, изучаемыми разными науками [15].

Список литературы

1. Артеменков С.Л. Методология трансцендентальной психологии и проблемы моделирования и экспериментального исследования порождающих процессов // Труды ФИТ МГППУ (выпуск 2). М.: РУСАВИА, 2005. С. 37-57.

2. Артеменков С.Л. Психология восприятия: Учебно-методическое пособие. М.: Смысл, 2007. 170 с.

3. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции М.: ПИРАО, 2010. С. 324-358.

4. Артеменков С.Л. Метод экспериментальной проверки гипотетической модели образования симметрично-двуединных отношений в процессе зрительного восприятия // Экспериментальная психология в России: Традиции и перспективы. М.: «Институт психологии РАН», 2010. С. 205-210.

5. Артеменков С.Л. Иерархия процессов опознания в «перцептроне» Миракяна // Информационные технологии. 2013. № 3. С. 56-61.

6. Артеменков С.Л. Реконструкция модели «перцептрона» Миракяна // Моделирование и анализ данных. 2013. № 1. С. 49-60.

7. Артеменков С.Л. Научные нормы и эвристики в оценке вероятности сопредставленных событий // Естественнонаучный подход в современной психологии. М.: «Институт психологии РАН», 2014. С. 112-118.

8. Артеменков С.Л. Модель сопредставленности для оценки вероятности объединения событий // Моделирование и анализ данных. 2014. № 1. С. 43-54.

9. Афанасьев И.А. Артеменков С.Л. Компьютерное моделирование «перцептрона» Миракяна для кодопорождения форм объектов // Экспериментальный метод в структуре психологического знания. М.: «Институт психологии РАН», 2012. С. 157-161.

10. Вдовикина Н.В., Машечкин И.В., Терехин А.Н., Томилин А.Н. Операционные системы: взаимодействие процессов. М.: ВМиК МГУ, 2008. 215 с.

11. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 90-149.

12. Кочурова Э.И. Принцип сопредставленности и полифункциональность восприятия // Принципы порождающего процесса восприятия. М.: НИИ СО и УК АПН, 1992. С. 159-170.

13. Ласицкая Э.В. Концепция автопоэзиса: бытие, познание, деятельность // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 4. С. 14-16.

14. Лесков Л.В. Футуросинергетика: универсальная теория систем. Научно-методическое пособие. М.: «Экономика», 2005. 170 с.

15. Магаршак Ю. Структура эмпирической реальности // Независимая газета. 10.10.2007. URL: http://www.ng.ru/science/2007-10-10/14_structure.html. Дата обращения 10.10.2007.

16. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

17. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван: Айастан, 1990. 206 с.

18. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. М.: ВНИИ ПК ССК, 1992. 216 с.

19. Миракян А.И. Афизициальные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах // Принципы порождающего процесса восприятия. М.: НИИ СО и УК АПН, 1992. С. 9-46.

20. Миракян А.И. Устройство для кодирования форм объектов // Принципы порождающего процесса восприятия. М.: НИИ СО и УК АПН, 1992. С. 47-52.

21. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995. № 2. С. 77-94.

22. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 1. М.: ИП РАН, 1999. 208 с.
23. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 2. М.: ИП РАН, 2004. 84 с.
24. Миракян А.И., Артеменков С.Л. Устройство центрации и слежения динамического объекта // Принципы порождающего процесса восприятия. М.: НИИ СО и УК АПН, 1992. С. 53-61.
25. Моисеев В.И. Философия биологии и медицины. М.: Принтберри, 2007. 176 с.
26. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 150-217.
27. Нагдян Р.М. Принцип симметрии в концепции А.И. Миракяна // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 218-226.
28. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия // Вестник Ереванского гос. унив. Ереван: ЕГУ, 2013. С. 54-68.
29. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 230 с.
30. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 196 с.
31. Панов В.И. Онтологические и трансцендентальные предпосылки экопсихологии развития // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 293-323.
32. Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 50-54.
33. Погорельцева Т.С. Осязательное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 253-268.

34. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: ПИРАО, 2010. С. 269-292.

35. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности // Гуманитарный вектор. Серия: Психология и Педагогика, 2013, 1(33). С. 124-131.

36. Artemenkov S.L. Multilevel time discretization in human vision: origin of the sense of depth in an irradiation process during gaze fixation // Movements and moments in vision research. Eighth Applied Vision Association Christmas Meeting Aston University, Birmingham, UK, 17 December 2003 // Perception. 2004. Vol. 33(6). P. 753.

37. Artemenkov S.L. Embodied Cognition & Transcendental Psychology: Understanding the underlying processes of embodied cognition plasticity requires a new methodological paradigm / 2005 International Symposium on Body and Cognition: A Multidisciplinary Perspective. Taipei, Taiwan, NTU, 2005. P. 9-1 – 9-22.

38. Artemenkov S.L. The effect of reversing seeing of initial and final locations of shortly presented high speed contracting and dilating objects // Journal of Vision. 2007. Vol. 7. №. 9. Art. 753.

39. Artemenkov S.L. Experimental method for verification of formation of centre-symmetrical relations in human visual perception // Perception. 2009. Vol. 38. ECVF Abstract Supplement. P. 182.

40. Artemenkov S.L. Transcendental psychology approach to a problem of modeling of visual processes // Proceedings of the CogSys Workshop on Deep Hierarchies in Vision. 2012.

41. Artemenkov S.L., Harris M.G. From Constancy & Polyfunctionality in Perception to the Transcendental Psychology approach: historical overview of a novel psychological paradigm // Journal of Integrative Neuroscience. 2005. Vol. 4. №. 4. P. 523-536.

42. Artemenkov S.L., Harris M.G. Functional range of the human visual system and some of its spatial-temporal characteristics //

Images, Perception, and Psychophysics. Ninth Applied Vision Association Christmas Meeting Aston University, Birmingham, UK, 16 December 2004 // Perception. 2005. Vol. 34 (2). P.245.

43. Cornish-Bowden A., Piedrafita G., Morán F., Cárdenas M. L. & Montero F. Simulating a model of metabolic closure // Biol. Theory. 2013. Vol. 8. P. 383-390.

44. Cotsaftis M. What makes a system complex? An approach to self-organization and emergence // From system complexity to emergent properties. Berlin: Springer, 2009. P. 49-99.

45. Kruger N., Janssen P., Kalkan S., Lappe M., Leonardis A., Piater J., Rodriguez-Sanchez A. J., Wiskott L. Deep Hierarchies in the Primate Visual Cortex: What Can We Learn for Computer Vision? // IEEE Transactions on Pattern Analysis & Machine Intelligence. 2013. Vol. 35. № 8. P. 1847-1871.

46. Kugler P.N. Stationarity and nonstationarity in a self-organizing information system with primitive intentions // 1990 IJCNN International Joint Conference on Neural Networks. 1990. Vol. 3. P. 655.

47. Kugler P.N. Complex Systems, Self-Organization and Emergence through Measurement: A Study in Semantic Modeling // Arthur S. Iberall Distinguished Lecture on Life and the Sciences of Complexity / University of Connecticut, 2007. URL: http://www.trincoll.edu/depts/ecopsyc/homeokinetics/ASI_07_Kugler.pdf.

48. Malloy T.E., Jensen G. C., & Song, T. Mapping knowledge to Boolean dynamic systems in Bateson's epistemology // Non-linear Dynamics, Psychology, and Life Sciences. 2005. Vol. 9. P. 37-60.

49. Malloy T.E., Jensen G.C. Apparent motion, phase relations, and the perception of form // Journal of Vision. 2006. Vol. 6. № 6. Art. 21.

50. Noe A. Action in Perception. MIT Press, 2005. 277 p.

**Теоретико-методологическое
обоснование исследования элементарных
перцептивно-интеллектуальных актов
как порождающих процессов³²**

В.И. Козлов

Для обоснования заявленной темы исследования необходимо было, прежде всего, провести анализ исходных оснований изучения проблемы мышления в истории философии и психологии.

В результате методологического анализа восприятия, проведенного А.И. Миракяном, было показано, что главной особенностью существующего (традиционно сложившегося) подхода к его изучению является то, что в качестве исходных оснований для понимания и объяснения явлений восприятия берутся уже отраженные свойства и отношения объектов, т.е. продукты уже свершившегося процесса восприятия. Ту же самую особенность выявил анализ, проведенный нами и в отношении к проблеме мышления: на протяжении всей истории – от античности до нашего времени, – независимо от различия школ и предлагаемых ими теорий и концепций, осмысление и изучение проблемы мышления проводилось на продуктно-феноменологическом уровне [Миракян, 1990].

Из дошедших до нас источников известно, что проблема мышления ставилась и рассматривалась еще древнегреческими философами в контексте гносеологических вопросов познания. В истории философии Парменид впервые приходит к выводу о принципиальных различиях между чувственно познаваемым миром и миром умопостигаемым. Первый отличается текучестью, зыбкостью, вечной изменчивостью. Второй – неподвижностью, однородностью, законченно-

³² Психология восприятия: трансцендентальная перспектива. Сб. научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. – Ер.: НАИРИ, 2017. С. 76-98. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00574.

стью. По мнению Эмпидокла, главным познавательным органом (точнее, субъектом познания) является кровь, хотя все без исключения части нашего тела ощущают и познают. Гераклит впервые в истории психологической мысли разделяет психические и допсихические состояния в организме, переходящие одно в другое. Он рассматривал мышление как такую познавательную функцию, которая не отделена от чувств, а завершает их деятельность, способную приводить людей к истинному знанию. Алкмеон, менее известный греческий философ, проводит различие между чувственным восприятием, памятью, представлением и умом, но при этом придерживается мнения, что все основные виды познавательных процессов основываются на чувственном восприятии. Согласно учению Анаксагора, хотя чувства и составляют необходимую основу познания, но одними чувствами познание не ограничивается: элементарные материальные частицы мы постигаем не непосредственно, а догадываемся об их существовании только посредством ума. Левкиппи и Демокрит, также как и Анаксагор, различают знание чувственное и умозрительное. Они утверждают, что чувствам недоступно непосредственное постижение истинно сущих элементов бытия: т.е. атомов. К убеждению в существовании атомов и к определению присущих им свойств приводит ум. Но достоверность интеллектуальное познание имеет свой источник в том же чувственном восприятии [Досократики, 1999].

В своем учении Платон развивает детальную классификацию видов знания, в основу которой положено его разделение на интеллектуальное и чувственное. В свою очередь интеллектуальное знание делится на «мышление» и «рассудок». Под мышлением Платон понимает деятельность одного лишь ума, свободную от примеси чувственности, непосредственно созерцающую интеллектуальные предметы. Находясь в этой сфере, познающий пользуется умом ради него же самого. Рассудок – это такой вид интеллектуального знания, при котором познающий так же пользуется умом, но уже не

ради самого ума и не ради его созерцания, а для того, чтобы с помощью ума понимать или чувственные вещи, или образы. В сфере рассудка познающий применяет интеллектуальные «эйдосы» только в качестве «гипотез» или предположений. Рассудок, по Платону, действует между сферами мнения и ума, и есть, собственно, не ум, а способность, отличающаяся от ума и от ощущения – ниже ума и выше ощущения [Платон, 1994].

Аристотелю принадлежит открытие области представлений (по его терминологии, «фантазий») как объектов научного исследования. Если до него в познавательном процессе различались две формы – ощущение и мышление, то Аристотель показал, что этими формами не исчерпывается работа познавательного механизма, в котором важная роль принадлежит связывающему их звену – представлениям.

Осмысливая в общих категориях потенциального и осуществленного мышление как специфически человеческий уровень душевной активности, Аристотель разграничивает разум страдательный, испытывающий действие умопостигаемых предметов и разум деятельный, уподобляющийся им. Мыслительная деятельность, таким образом, определялась по своей объективной форме. Но в этом пункте детерминистические возможности аристотелевской концепции исчерпываются. Если при уподоблении ощущающего органа ощущаемому объекту последний не терял независимого бытия (ведь не отождествлялись камень и его отпечаток, то неизменным условием уподобления мысли своему предмету ставилась их идентификация. За пределами взаимодействия одушевленного тела с внешним миром ум обретал собственные надприродные объекты – вечные категории и истины, постигаемые в деятельном состоянии («деятельным разумом»). Иерархия форм познавательной деятельности завершается, по Аристотелю, «верховным разумом», который «мыслит самое божественное и самое ценное и не подвергается изменениям». Это чистая форма и вместе с тем цель всего развития. Так возник догмат о «божественном разуме»,

извне входящем в психофизиологическую организацию человека. Причиной этого являлись определенные методолого-гносеологические обстоятельства – невозможность объяснить возникновение абстрактных понятий и категорий теми же естественнонаучными принципами, опираясь на которые Аристотелю удалось раскрыть детерминацию чувственных восприятий и представлений [Аристотель, 2002].

Последователи Аристотеля – парипатетики – рассматривали восприятие и мышление как неотделимые способности, так как нельзя, полагали они, рассуждать без чувственных образов, а ощущающий предмет, не только его замечает, но и обязательно при этом мыслит [Ярошевский, Анцыферова, 1974].

Стоики выделили и детально проанализировали способы и формы переработки чувственных образов в абстрактные понятия. В предшествующий период, начиная с Сократа, предметом изучения являлись логические формы и категории, как всеобщее и необходимое, постигаемое путем очищения мысли от спутанных и недостоверных чувственных впечатлений. У стоиков же чувственные впечатления приобрели необходимый характер, а приемы их соединения – силу всеобщности логических операций [Асмус, 1998].

В эпоху средневековья (VIII–XII вв.) традиции исследования мышления, заложенные древнегреческими мыслителями, получили свое продолжение и развитие в трудах ученых и философов арабской культуры. Так среднеазиатский ученый Ибн-Сина (Авиценна) дал описание связи процессов ощущения и мышления с мозгом, наблюдая за нарушениями при ранениях мозга. Он полагал, что духовные силы не существуют сами по себе, а нуждаются в органе, телесном субстрате. Им является мозг. Ибн-Сина придерживался идеи зависимости психики от мозга (а не от первоначал). Это выражено, в частности, и в его классификации сил души, которые разделяются на: а) общее чувство, или воображение, б) силу мыслящую, в) силу, сохраняющую и воспроизводящую сущность ощущаемых вещей, а не их образов [Ибн-Сина,

1954]. Другой арабский ученый, Ибн аль-Хайсам, занимался исследованием возникающих в организме психических феноменов, а именно продуктов деятельности глаза (зрительных ощущений). В каждом зрительном акте им различались, с одной стороны, собственно непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия; с другой – присоединяющаяся к этому эффекту работа ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов. «Способность (зрительного) различения порождается суждением». Ибн аль-Хайсам полагал, что такая переработка происходит бессознательно, предвосхитив, таким образом, учение Гельмгольца о «бессознательных умозаклучениях» [Ярошевский, Анцыферова, 1974].

В духовной жизни европейского средневековья развитие философской мысли связано с именем крупнейшего служителя церкви Фомой Аквинским. Согласно его учению, различаются человеческое «естественное» познание (естественный разум) и «сверхъестественное», основа для религиозной веры, откровение. Естественное познание – это познание истины посредством чувств и интеллекта. Как полагал Фома Аквинский, интеллект не является актом какого-либо телесного органа. Через интеллект познаются сущности, которые хотя и существуют в материи, но познаются не постольку, поскольку они даны в материи, а как абстрагированные от материи через интеллектуальное созерцание. Интеллект расширяет человеческое познание, превышает ощущение, поскольку может воспринимать вещь обобщенно, в ее родовом естестве. В самом интеллекте различается ряд ступеней. На каждой из них происходит все большее отвлечение от материального объекта, пока, наконец, не обнаруживается область имматериальных субстанций, т.е. таких «сущностей, которые существуют» без всякой материи (и отражают ее в виде понятий бытия, единого, потенции, акта), иными словами – Бог. Бог есть высшая и конечная цель познания – познается путем откровения [Фома Аквинский, 2002].

Главным противником учения томизма, которое развивал Фома Аквинский, выступал номинализм (Д. Скот, В. Оккам и др.). Номиналисты отвергали восходящее к Платону учение реализма, согласно которому универсалии, т.е. общие понятия любого порядка, суть реалии, существующие независимо от индивидуальных явлений и до них. Отвергая этот взгляд, номиналисты отказывали общим понятиям в независимом от индивидуальных явлений бытие. Эти понятия, считали они, относятся к области названия, имен, а не реалии. Отрицая общие понятия, как независимые от ума сущности, они полагали, что реально существуют только знаки (имена) [Оккам, 2002].

Анализ рассмотренных выше философских учений позволяет увидеть их умозрительный характер, основанный на эмпирических представлениях самих исследователей, т.е. данных нашему сознанию продуктов уже свершившихся процессов восприятия и мышления.

В Новое время с именем Декарта связан важнейший этап в развитии психологических знаний. Своим учением о сознании, развитым в контексте им же поставленной психофизиологической проблемы, он ввел критерий для выделения психики из существовавшего до него аристотелевского учения о душе. Психика стала пониматься как внутренний мир человека, открытый самонаблюдению, имеющий особое – духовное бытие, в противопоставление телу и всему внешнему материальному миру. Декарт избирает новый способ исследования: отказывается от объективного описания «Я» и обращается к рассмотрению своих мыслей (сомнений), т.е. субъективных состояний. Под словом «мышление» Декарт подразумевает все, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно само собой; и потому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает то же самое, что мыслить [Декарт, 1989].

Согласно учению Гоббса, все психическое сводится к образам. Началом всех представлений являются ощущения. Представления воображения – это ослабленные ощущения.

Память – тоже представление, когда мы хотим обозначить, что отошло в прошлое. Понимание, по мнению Гоббса, это образ, который возникает под влиянием слова. Мышление понималось Гоббсом как течение образов, связь представлений в соответствии с правилами ассоциаций. Мышление – это не особый, не сенсорный процесс: человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения, представления и связи представлений. Как считал Гоббс, идеи, которые не могут быть выражены в образах, пустые звуки [Гоббс, 1989].

По представлению Дж. Локка, источником знаний является опыт как индивидуальная история жизни человека. Опыт имеет два источника: первый – ощущения, объектом которых являются внешние материальные вещи, а органом – внешние чувства (зрение, слух, осязание и др.), продуктом – идеи; второй – рефлексия, внутреннее восприятие, деятельность нашего ума; его объектом выступают ранее приобретенные идеи, а органом (или орудием) – деятельности (способности, по терминологии Локка) нашего ума (восприятие, мышление, сомнение, рассуждение, желание и вся многообразная деятельность нашего ума); продуктом – идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Идеи, по Локку, бывают простые и сложные. Простая идея содержит в себе только одно представление или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи. Это элементы знания. Они составляют материал всего знания и доставляются душе двумя указанными путями – через ощущение и рефлексию. Сложные идеи, в отличие от простых есть их сочетание, соединение вместе под общим именем. Сложные идеи образуются умом произвольно в результате следующих действий: соединение, суммирование простых идей, сопоставление, сравнение, обобщение через предшествующую абстракцию [Локк, 1985].

В отличие от Локка, который полагал, что в познании простых идей разум пассивен и целиком определяется предметным миром, Лейбниц считал, что активность имеется

также и в ощущении, поскольку они дают нам более отчетливое восприятие, а, стало быть, повод кое-что заметить, и, так сказать, развиваться. Это – апперцепция, особая сила духа, которая вместе с воздействиями извне определяет наше познание и поведение. Апперцепция, по мнению Лейбница, это условие собственно человеческого познания, но и у него она действует непостоянно: невозможно рефлексировать постоянно. Апперцепцию как активность, которая присоединяется к перцепции, Лейбниц трактует абстрактно, лишь констатируя, но не раскрывая ее природу [Лейбниц, 1983].

Д. Юм развил понятие ассоциации и пытался представить все человеческое познание как ассоциацию идей. Он делит все состояния психики на «впечатления» и «идеи», их отражение. Идеи – это более слабые впечатления, которые мы используем в мышлении и рассуждении. Идеи могут быть простыми и сложными. Сложные идеи образуются путем ассоциации. Вместо действия ума по образованию сложных идей, как учил Локк, Юм объясняет всю работу познания механизмом ассоциаций. Он дает следующую их классификацию. Ассоциации случайные и неправильные – это ассоциации по закону сходства и причинности. Все эти ассоциации встречаются в повседневной жизни. Они же лежат и в основе научного познания. Причинно-следственные отношения сводятся к привычной последовательности явлений. Знание отношений причинности не является априорным, но устанавливается в опыте [Юм, 1996].

Французский врач и философ Ламетри разделяет позиции локковского эмпиризма: только опыт и наблюдения являются источником познания, которое он сводит к двум функциям – воображению и вниманию. Воображение понимается очень широко и включает не только воображение в собственном смысле этого слова как способность фантазировать, но и суждение, размышление и память представляют собой настоящие модификации своеобразного «мозгового экрана, на котором, как от волшебного фонаря, отражаются запечатлевшиеся в глазу предметы. Ламетри не производит

различия между чувственным и мысленном началом в человеке. Познание, начинаясь с ощущений, сводится к построению образов с помощью воображения. Порядок в эту деятельность вносит внимание, сообщая познанию активность [Ламетри, 1976].

Согласно учению Канта, познание начинается с воздействия предметов на нас, т.е. носит эмпирический характер. Из воздействия внешних вещей складывается содержание познания. Необходимой предпосылкой познания – условием, на котором строится наше опытное знание, являются априорные формы, которые происходят из самой познавательной способности. Различаются априорные формы созерцания (восприятия) и априорные формы мышления. Априорными формами восприятия являются пространство и время. Априорные формы мышления присоединяются к содержанию, полученному эмпирическим путем, и устанавливают отношения, связи между многообразными содержаниями для получения о них знания. Они составляют две группы: категории рассудка (их 12) и идеи чистого разума (их 3). В связи с исследованием априорных форм рассудка Кант развивает учение об апперцепции. Апперцепция – это активная сила, которая осуществляет синтез первоначально хаотических представлений. Она имеет две формы: первоначальное синтетическое единство апперцепции, или трансцендентальное единство сознания; и трансцендентальное единство апперцепции, или объективная апперцепция, т.е. направленная на объект, она синтезирует отдельные впечатления от объекта в целостное знание, вносит единство в хаотическое многообразие чувственности и создает объект. Психологически важные положения содержатся в учении Канта о трансцендентальных схемах, в котором рассматривается вопрос о применении категорий к эмпирической действительности, данной человеку в созерцании (восприятии). Схемы – новый элемент сознания, соединяющий в себе разнородные познавательные способности. В силу этого Кант называет схемы также чувственными понятиями. Они являются продуктами воображения [Кант, 1994].

В философии Нового времени традиция представления и описания мышления на продуктно-феноменальном уровне остается без изменений. Все постулаты философов основываются на данных самонаблюдения, основным содержанием которых являются все те же продукты процессов восприятия и мышления. Определяя мышление как априорную форму чистого разума, Кант отошел от эмпирических представлений об этом процессе. Однако, и априорная форма – это результат данности, открывающейся нашему сознанию на более глубинном уровне психики.

Т. Браун развил теорию об ассоциациях: ввел вторичные законы ассоциаций, т.е. учение о дополнительных факторах, объясняющих возникновение в данный момент той или иной ассоциации из многих других. Мышление, по Брауну, является процессом решения задач, основанных на течении ассоциаций: задача вызывает беспорядочные ассоциации, одна из которых соответствует решению [Троицкий, 1883].

Согласно Дж. Миллю, вся психическая жизнь сводится к ощущениям, представлениям и ассоциации идей: в психическом мире есть только одно явление – ощущение и только один закон – ассоциации. Ощущения, идеи, ассоциации, изменяясь бесконечными способами, группируясь, составляют механизм человеческого духа. Дж. Милль выделяет две причины закрепления ассоциаций: живость ассоциируемых ощущений и частоту их повторений. Он сформулировал общий закон ассоциаций: идеи зарождаются и существуют в том порядке, в котором существовали ощущения как их оригиналы. Поэтому ассоциации, по Дж. Миллю, могут быть только одновременные и последовательные. Восприятия объектов построены на одновременных ассоциациях. Последовательные ассоциации еще более бесчисленны, и их природа лучше всего видна в обычной последовательности слов и мыслей [Ждан, 1999].

Защищая ассоциативную психологию, Дж. Ст. Милль пришел к выводу о ее теоретической несостоятельности. Он проводит мысль о том, что не у механики, а у химии психо-

логии следует заимствовать способ изображения явлений сознания («ментальная химия»). Как в химии, полагал Милль, по продукту нельзя судить об исходных элементах, а знание свойств элементов не избавляет от необходимости изучать свойства целого, анализ явлений сознания как продуктов психического синтеза не может дать нам представления об исходных компонентах. Милль приводит пример: семь цветов спектра, быстро следуя друг за другом, производят белый цвет, а не то, что они действительно суть белый цвет. Точно также и относительно сложной идеи, образующейся путем соединения нескольких идей, надо сказать, что она есть результат или порождение этих простых идей, а не то, что она состоит из них. Таким образом, заключает Милль, здесь мы имеем случаи психической химии: в них простые идеи порождают, а не составляют своей совокупностью идеи сложные. Но для Милля возникает вопрос, как же открыть эти элементы? Ведь выяснение происхождения одного класса психических явлений из другого («психическая химия») не устраняют необходимость изучения позже возникшего явления, подобно тому, как знание кислорода и серы не позволяет нам без специального наблюдения и опыта вывести свойства серной кислоты [Милль, 1914].

А. Бэн приписывал духу некоторые прирожденные функции, которые называл первичными свойствами (актами) ума: различение, нахождение сходства, удерживание впечатлений и способность вызывать их посредством чисто душевных сил. С их помощью, считал Бэн, вырастает вся интеллектуальная активность. Без них невозможны ассоциации [Рибо, 1875].

В отличие от всей предшествующей ассоциативной психологии, которая замыкалась внутри организма, согласно учению Г. Спенсера, психика берется в ее отношении к внешней среде и получает реальную функцию в осуществлении связи организма со средой. В процессе приспособления внутренних отношений к внешним образуется рефлекс, инстинкт, память, разум, воля. Они – суть фазы психического

развития, стадии приспособления. Инстинкт – высшая фаза душевного развития, с его помощью приспособление расширяется в пространстве и во времени, возрастает его специализация, точность и сложность. По мнению Спенсера, на вопрос о происхождении приспособления внутренних отношений к внешним, отвечает теория ассоциаций идей. Принцип ассоциаций Спенсер рассматривает как закон, лежащий в основе психического развития. Внешние отношения и связи производят связи внутренние, которые образуются в индивидуальном опыте [Спенсер, 1876].

Теория бессознательных умозаключений, сформулированная Г. Гельмгольцем, утверждает, что перцептивный образ не ограничивается тем, что идет от стимула в данный момент. Восприятие, которое для человека выступает как непосредственно данное, является на самом деле продуктом опыта. Процесс соединения данных ощущений с прошлым опытом является бессознательным и напоминает ту работу, которую мы производим в процессе, когда делаем умозаключение: мы как бы сопоставляем наше впечатление (меньшая посылка) с какой-то частью прошлого опыта (большая посылка), а затем делаем вывод о том, что же имеет место в данный момент. Гельмгольц указывал на условность термина «бессознательное умозаключение»: оно является результатом не сознательного рассуждения, а какой-то игры нервных процессов, неизвестной нам, но которую можно назвать по аналогии с умозаключением [Helmholtz, 1910].

Психологическая система В. Вундта, кроме ассоциативных, различает апперцептивные связи. Они складываются при активном участии сознания. Апперцепция, по Вундту, это особая функция сознания, которая проявляется в активности и внешне выражается во внимании. Из всей совокупности содержаний, находящихся в сознании, т.е. просто перцептируемых, апперцепция, или внимание, выделяет объект, вследствие чего его восприятие становится более ясным и отчетливым; оно входит в ясную точку сознания – апперцепируется. Вундт сближает понятия апперцепции, внимания

и воли и даже отождествляет их. Продуктом апперцепции являются апперцептивные сочетания представлений. Мышление и воображение выступают функциями апперцепции. Выступая объяснением сложных явлений душевной жизни, сама апперцепция не объясняется: ее источник в самом сознании [Вундт, 2002].

Согласно предложенной концепции структурной психологии, Э. Титченер в качестве первичных элементов сознания выделяет ощущения, образы, чувства. Задача психологии, по его мнению, заключается в том, чтобы описать эти элементы с использованием эксперимента, который уточняет данные самонаблюдения, объяснить их, главным образом с помощью физиологии, и показать, что, будучи сгруппированными и распределенными известным образом, они образуют различные сложные процессы, из которых состоит наше сознание. Внимание, мышление имеют сенсорную природу и не содержат нового элементарного процесса, подобно указанным трем. Титченер спорит с вюрцбургскими психологами по вопросу безобразного мышления и выдвигает контекстную теорию значения. Как можно видеть, система Титченера представляет собой концентрированное выражение интроспективной трактовки психики. Психическое ограничивается здесь сферой осознанного и исследуется как замкнутое в себе сознание. Показания самонаблюдения принимаются за то, за что сами себя выдают, т.е. проводится тезис о непосредственном познании психического, о совпадении явления и сущности в психологии [Титченер, 1898].

В своем учении Ф. Brentano противопоставляет экспериментальному методу Вундта внутреннее восприятие психических феноменов. Выступая против психологии как науки о содержании сознания, Brentano считал, что подлинной психической реальностью являются не они, а акты нашего сознания. Предметом психологии должны быть феномены как акты – видения, слышания, суждения и т.п. Но акт не имеет смысла, если он не направлен на объект. Соответственно по способу отношения к объекту Brentano производит класси-

фикацию духовных актов на три вида актов: представления, суждения, чувства. В представлении объект является – презентуется сознанию. Модификациями этого акта являются восприятие, воображение, понятие. Среди всех психических актов представлению принадлежит ведущая роль. Ни о чем нельзя судить, ничего нельзя желать, ни на что нельзя надеяться, – если нечто не представлено. Суждение – другой вид отношения к объекту. В отличие от традиционного ассоцианизма, в котором суждение понимается как объединение и разъединение представлений, по Brentano, в суждении объект мнится как истинный или ложный. Выделяя три вида актов, Brentano подчеркивает их единство в целостной душевной жизни в противоположность физическому миру, в котором объекты могут существовать как отдельные вещи [Brentano, 1874].

Экспериментальная разработка проблемы мышления составила предмет и задачу исследований Вюрцбургской школы психологии. В отличие от прежней психологии, которая хотя и основывалась на самонаблюдении, но не разрабатывала его как метод, вюрцбургцы сделали самонаблюдение методом исследования, который И. Ах назвал «методом систематического самонаблюдения». Испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности, иногда его прерывали на каком-то этапе решения; использовались также сообщения испытуемых непосредственно после окончания опыта. Полученные данные рассматривались как достоверное и адекватное описание хода мышления в процессе решения задач.

Исследования А. Мессера, проведенные на материале отдельных слов и предложений, привели к выводу о том, что процесс протекает в форме мыслей, главной характеристикой которых является отсутствие чувственно-наглядного содержания, а также связи с речью. К. Бюлер развивает положения Мессера о мыслях как основных носителях мышления и производит их классификацию: мысли как сознание правил, как сознание отношений и мысли-интенции. Так, исследова-

ния вюрцбергской школы привели к опровержению известного из прежней психологии положения о том, что в состав мышления (и слова как его носителя) входят представления, образы и т.п.

Другой проблемой этой школы был анализ деятельной стороны мышления. В экспериментах испытуемому давалось задание на направленные ассоциации – эта инструкция превращалась испытуемым в самоинструкцию, которая получила название «задачи». Тем самым мышление описывалось как процесс решения задачи. По определению Аха, решение задачи – это активный процесс, в основе которого лежит особый психологический механизм: установка и «детерминирующая тенденция», которые придают мышлению целенаправленный характер [Messer, 1931].

В гештальттеории (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер, К. Левин и др.) центральной являлась проблема целостности и целостного подхода в противоположность элементаризму и механицизму ассоциативной психологии. Гештальтпсихология выступила с новым пониманием предмета и метода психологии: важно начинать с наивной картины мира, изучать переживания, феномены так, как они есть, изучать опыт, не подвергшийся анализу, сохраняющий свою целостность. Гештальтисты критически относились к методу аналитической интроспекции, полагая, что анализ является продолжением, а первоначально восприятие дает целостную картину. Аналитической интроспекции был противопоставлен «феноменологический метод», направленный на непосредственное и естественное описание наблюдателем содержания своего восприятия, своего переживания. Первые эксперименты гештальтпсихологи провели на восприятии, в которых были выявлены основные структурные и динамические закономерности феномена целостности.

Начав с восприятия, гештальтпсихологи приступили к экспериментальному изучению и других психических процессов, в частности, мышления (В. Келер, М. Вертгеймер, К. Дункер, А. Майер). В экспериментах с животными Келе-

ром было установлено: интеллектуальное решение состоит в том, что элементы поля, прежде не связываемые, начинают объединяться в некоторую структуру, соответствующую проблемной ситуации. Это структурирование происходит внезапно в результате усмотрения («инсайт») при условии, если все элементы, необходимые для решения, находятся в поле восприятия животного. Вертгаймер распространяет этот принцип на решение задач человеком. Он приходит к выводу, что мышление заключается в усмотрении, осознании структурных особенностей и структурных требований, в действиях, которые соответствуют этим требованиям и определяются ими, и, тем самым, в изменении ситуации в направлении улучшения ее структуры. В исследованиях Дункера экспериментально изучался факт использования при решении задачи элементов ситуации в новом функциональном значении, способность отойти от привычного понимания вещей, сложившегося в жизненном опыте, так как в реальном мышлении изменение функционального значения какого-нибудь элемента суждения в процессе мышления имеет первостепенное значение [Вертгеймер, 1987].

Как можно видеть из рассмотренных выше учений, психология, возникшая в недрах философии, независимо от предлагаемых теорий и концепций, как в теоретическом, так и в экспериментально-методическом отношении принимает без изменения сложившуюся традицию изучения и описания процессов мышления на продуктно-феноменальном уровне.

Как полагает Ж. Пиаже, при изучении и объяснении процессов мышления необходимо прежде всего исходить из двойственной природы интеллекта: одновременно и логической, и биологической. Интеллект рассматривается Пиаже как важнейшее проявление жизни, взаимодействие со средой, направленное на приспособление – адаптацию – к среде. Адаптация состоит из равновесия процессов ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это процесс включения нового объекта, новой проблемной ситуации в уже существующие у него схемы действия. Аккомодация – это изменение таких

схем в соответствии с требованиями, предъявляемыми новыми задачами. Единство этих процессов приводит к установлению равновесия между ними и в отношениях организма со средой, нарушение которого каждый раз в силу биологического закона стремления системы к равновесию – вызывает тенденцию к восстановлению равновесия. Критикуя теории мышления, в частности, необихевиористическую, за то, что они пренебрегают внутренними регуляциями в пользу только приобретенных ассоциаций, Пиаже подчеркивает, что объект воздействует не сам по себе: у субъекта существуют умственные структуры, которые вместе с действиями субъекта и последующей интериоризацией действий в интеллектуальные операции являются важным условием интеллектуального развития. Интеллектуальное развитие рассматривается Пиаже как смена господствующих умственных структур. Им выделены три фундаментальные структуры интеллекта: сенсомоторные координации, конкретные и формальные операции. Порядок стадий развития интеллекта соответствует определенным возрастам. Он неизменен, но их возраст может варьировать в зависимости от условий жизни ребенка [Пиаже, 2002].

Хотя концепция Пиаже отличается от других психологических теорий о мышлении, но понимание и описание интеллекта как стадий развития имеют те же продуктивные основания, только базируются на другом уровне отраженных результатов процессов восприятия и мышления.

Основы исследования мышления в отечественной психологии были заложены рефлексорной теорией И.М. Сеченова. Преобразованная и принципиально измененная Сеченовым схема рефлексорной деятельности включала психические компоненты, начиная от элементарных уровней чувствования и кончая высшими формами психической деятельности – мышлением. Для него особую важность представляла характеристика мышления со стороны «способа происхождения», как рефлексорной деятельности мозга. Определяя мышление как высшую ступень единого познавательного

процесса и признавая его рефлекторный характер, Сеченов стремился выяснить, какие новые свойства приобретают при этом рефлекторные процессы. Особенность рефлекторных процессов, в которых осуществляется мышление, состоит в том, что на высшей ступени их аналитико-синтетическая деятельность совершается на основе речи – речевых рефлексов. По характеристике Сеченова, мышление – продолженный анализ, продолженный синтез, продолженное обобщение «чувственных конкретов», но анализ, синтез и обобщение переходят на абстракты, воплощенные в словесные образы. Таким образом, слово включается в рефлекторный процесс подобно всем внешним чувственным воздействиям. Речевые рефлексы подчиняются общим закономерностям рефлекторной деятельности. Значение слова в рефлекторном процессе, по представлению Сеченова, состоит в том, что оно придает «образ и форму» отвлеченному мышлению. При помощи «словесных форм» человек получает возможность мыслить не только «чувственными конкретами», но и производными от них формами, так называемыми отвлечениями или абстрактами [Сеченов, 1953].

Исследованию взаимоотношений между мышлением и памятью были посвящены работы П.П. Блонского. Как им было установлено в экспериментах со школьниками, первоначально память способствует развитию мышления, но затем соотношения изменяются и мышление, достигнув известной ступени развития, начинает влиять на память. Рассматривая отношения между знаниями и мышлением, Блонский отмечал, что знания составляют необходимое условие мышления, но мышление не сводится к воспроизведению знаний: испытуемый начинает думать там, где привычка или прежнее знание оказываются недостаточными. При определенных уровнях развития памяти возникают разные виды суждений. Наиболее ранний вид суждений – положительные суждения. Они представляют собой скорее мысленное сопровождение восприятия, чем подлинное мышление. Постепенно из суждений, сопровождающих восприятие, они превращаются в

суждения, до известной степени определяющие результаты восприятия. Но в них основную роль играет память. Это объяснения по памяти, а не рассуждения. Собственно мышление развивается лишь на высшем уровне памяти. Одним из первых шагов мышления является постановка проблемы и вытекающее отсюда действие, действительное или только мысленное, которое постепенно заменяет настоящее действие [Блонский, 1979].

Л.С. Выготский подходил к проблемам мышления в историческом и онтогенетическом аспектах, решая их с позиции теории культурно-исторического развития (или теории развития высших психических функций). Выготский стремился объяснить специфику развития высших психических функций человека, исходя из социального происхождения и опосредствованной структуры этих функций. У человека психические процессы опосредствуются особыми явлениями, возникающими на основе труда, - явлениями человеческой культуры (язык, числовые знаки и т.п.). В процессе мышления эти явления выполняют роль стимулов-знаков, включаясь в психическую деятельность они в корне меняют ее структуру. Социальные по своей природе, созданные в ходе общественно-исторического развития – стимул-знаки, или стимулы-средства (язык, различные формы нумерации и счисления, алгебраическая символика, письмо, схемы, карты, чертежи и другие условные знаки), – представляют собой, по мнению Выготского, основное условие детерминации поведения. Поэтому изучение мышления как процесса освоения и применения стимулов-знаков становится центром психологических исследований. Изучая мышление, Выготский выделяет идею происхождения умственных процессов из деятельности внешней. Согласно этой идеи, опосредствованная структура психического процесса первоначально формируется в условиях, когда опосредствующее звено имеет форму внешнего стимула. При овладении им оно переходит во внутренний план, происходит интериоризация [Выготский, 1982].

В соответствии с исходными методологическими основаниями, для С.Л. Рубинштейна предметом психологического исследования является мышление как процесс, как деятельность. Согласно Рубинштейну, правильное понимание положения о мышлении как процессе предполагает, что мышление понимается как деятельность субъекта, взаимодействующего с объективным миром. Мышление потому и является процессом, что оно – непрерывное взаимодействие человека с объектом. Каждый акт мысли меняет соотношение субъекта и объекта; каждый акт мысли вызывает изменение проблемной ситуации, а всякое изменение проблемной ситуации вызывает дальнейшее движение мысли. Как считает Рубинштейн, изучение процесса мышления – это собственно изучение процессуального хода и состава мыслительной деятельности человека как ее субъекта. В чем же этот процесс заключается? Это, прежде всего, анализирование и синтезирование того, что выделяется анализом; это затем абстракция и обобщение, являющимися производными от них. Закономерности этих процессов в их взаимоотношениях друг с другом – основные внутренние закономерности мышления [С.Л. Рубинштейн, 1958].

Исходя из теории установки, Д.Н. Узнадзе полагает, что мышление возникает в ситуациях затруднения актов поведения, вызванных определенной установкой, когда усложнение ситуации вызывает необходимость сделать специальным объектом исследования это затруднение. Этот специфический акт, обращающий включенный в цепь деятельности человека предмет или явление в специальный самостоятельный объект его наблюдения был назван Узнадзе актом объективации. Выделение объективации приводит Узнадзе к выводу о существовании двух уровней психической жизни – уровня установки, свойственного для всякого живого существа (и лишь в частности для человека), и уровня объективации, который представляет собой специальное достояние лишь человека как существа мыслящего, строящего основы культурной жизни, как творца культурных ценностей [Узнадзе, 1966].

Согласно П.Я. Гальперину, исследования поэтапного формирования умственных действий вышли из экспериментальной психологии мышления и, в свою очередь, привели к освещению ряда вопросов психологии мышления. Один из результатов этих исследований заключается в том, что отдельная мысль, как психологическое явление, представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, умственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь. Поэтому в умственном плане предметное содержание действия представлено не чувственными образами, а лексическими значениями речи, которая тоже сокращена до формулы. Вследствие этого мыслимое содержание выступает в самонаблюдении не в виде чувственной картины (предметов, звуков речи или звуковой артикуляции), а в виде речевых значений без звукового облачения и речевой членораздельности, в виде ближе неопределенных «положений сознания» или «безобразного мышления». Таким образом, полагает Гальперин, «секрет» этого мышления, вызывающего столько споров, заключается в том, что оно представляет собой остаточное явление речевой формы сокращенного и автоматизированного предметного действия [Гальперин, 1966].

Анализ представленных выше исследований мышления в отечественной психологии показывает, что они как в теоретико-методологическом, так и экспериментальном аспектах имеют в своей основе продуктную парадигму.

Подводя общий итог анализа изучения проблемы мышления в философии и психологии, можно сделать заключение, что исследования мышления традиционно проводились на продуктно-феноменальном уровне, как это уже было показано А.И. Миракяном по отношению к восприятию. Закономерности же самого механизма порождения продуктов мышления и, в частности, перцептивно-интеллектуальных процессов, не были предметом изучения.

Исходя из концепции А.И. Миракяна, предполагается, что в основе перцептивно-интеллектуальных актов как по-

рождающих процессов лежат принципы структурно-процессуальной организации и функционирования отражающей системы (образования симметрично-двуединных отношений, пространственно-временной дискретизации, сопредставленности). Определены и разработаны методические подходы к экспериментальному исследованию особенностей реализации этих принципов в элементарных перцептивно-интеллектуальных актах как порождающих процессах.

Список литературы

1. Аквинский Фома. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. Аристотель. О душе. СПб.: Питер, 2002.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1998.
4. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1979.
5. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
6. Вундт В. Введение в психологию. СПб.: Питер, 2002.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М., 1982.
8. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 236-277.
9. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989.
10. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
11. Досократики. Мн.: Харвест, 1999.
12. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М.: Педагогическое общество России, 1999.
13. Ибн-Сина. Канон врачебной науки, кн. 1. Ташкент, 1954.
14. Исследования мышления в советской психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1966.
15. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
16. Ламетри Ж.О. Сочинения. М.: Мысль, 1976.
17. Лейбниц Г. Сочинения в 3 т. Т. 2. М., 1983.

18. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
19. Милль Д.Ст. Система логики. М., 1914.
20. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия (историко-методологический анализ). Ереван, 1990.
21. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. М., 1992.
22. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995. № 2.
23. Миракян А.И. Контурь трансцендентальной психологии (книга 1). М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
24. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
25. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
26. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
27. Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
28. Рибо Т. Современная английская психология. М., 1875.
29. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: АНСССР, 1958.
30. Сеченов И.М. Избранные произведения. М.: Гос. учеб.-педагог. изд. Министерства просвещения РСФСР, 1953.
31. Спенсер Г. Основания психологии. СПб., 1876.
32. Титченер Э. Очерки психологии. СПб., 1898.
33. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
34. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996.
35. Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974.
36. Brentano Fr. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. 1. Leipzig, 1874.
37. Н. von Helmholtz Handbuch der Physiologischen Optik. Bd. 3. Hamburg und Leipzig. Verlag von Leopold Voss, 1910, S. 3-33.
38. Messer A. Die Wurzbürger Schule // Einführung in neuere Psychologie / E. Saube. Osterwieck-Harz, 1931.

Р.М. Нагдян

Во второй половине XX в. исследователями в области философии науки было показано, что наука основывается на определенных метафизических предпосылках [1, 2, 3]. Поэтому психология, как наука, так же не может избежать метафизики — такова особенность становления науки в мышлении ученых, которая всегда в научном исследовании актуализируется в пределах и понятиях определенной парадигмы. А научная парадигма, как показал Т. Кун, всегда предполагает наличие определенных метафизических предпосылок, лежащих в основании науки. Вопрос лишь в том, происходит ли обращение к метафизике осознанно или неосознанно. Отрицание метафизики и эксплицирует тот случай, когда метафизические основания принимаются неосознанно. Но это приводит к тому, что становится невозможным анализ и отбор метафизических представлений и, следовательно, преобразование и развитие «вырастающей» из них науки.

Современная психология находится именно в таком состоянии: отказавшись от осознанного использования метафизики (метафизических идей), как способа философского подхода к исследованию первопричин возникновения психических явлений, психологи «не замечают», что психология полна проблем, требующих для своего решения применения метафизического подхода.

Однако в начале XIX в. отношение к метафизике среди психологов было другим. Так, в 1824 г. И. Герbart публикует работу «Психология, как наука, вновь основанная на опыте, метафизике и математике» [4], из которой становится ясным, что необходимость применения метафизики в психологии для И. Гербарта обусловлено тем, что «Данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она

³³ Статья опубликована в -Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2014. Вып. 3. С. 29-41.
288

должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью» [4, с. 67]. «Познать все то, что за занавесью» и есть задача метафизики, поэтому из приведенной цитаты видно, что для И. Гербарта метафизика является необходимой частью психологии. Даже В. Вундт, основоположник научной психологии, пишет философскую работу «Метафизика» [5], в которой показывает неизбежность применения в науке метафизических идей даже в том случае, если ученые считают себя убежденными антиметафизиками, как, например, физик и философ Э. Мах.

На необходимость применения в психологии метафизики указывал также У. Джеймс в конце XIX в. В эпилоге своего знаменитого учебника по психологии Джеймс специально поднимает вопрос о значении метафизики для психологии, осознавая, что многие психические явления не могут быть изучены экспериментально, основываясь на принципе детерминизма, и должны быть включены в область метафизики [6]. Окончательное решение на чисто психологической почве, например, такого вопроса как человеческая воля и ее свобода, Джеймс считал преждевременным. Для Джеймса, метафизика это «упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении» [6, с. 356]. Исходя из всего контекста эпилога, можно допустить, что Джеймс имеет в виду «упорное стремление» к первопричинам психических явлений, к исключению всех неясностей, перед которыми бессильны эмпирические методы, направленные на их исследование.

Кроме того, для Джеймса метафизика эта та область знания, где производится взаимная проверка принципов, принимаемых на веру, отдельными науками. Эти основополагающие принципы (метафизики), часто неясные и полные противоречий, обычно не имеют практического значения и могут быть оставлены без внимания для специальных исследований. «Этим, — пишет Джеймс, — определяется то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать» [6, с. 357]. Так, например, для геолога не имеет никакого значения вопрос о том, что такое время?

Какова его сущность? А «психологу нет времени задаваться вопросом, каким образом он и дух, объект его исследования, познают тот же внешний мир» [там же].

Кроме свободы воли человека, и того, как человек и его дух познают внешний мир, Джеймс особо выделяет и анализирует четыре проблемы, попытка решения которых приводит к противоречиям, это: 1) отношение сознания к мозгу, 2) отношение состояний сознания к объектам, 3) выяснение изменчивого характера нашего сознания и 4) проблема существования состояний сознания. Анализ этих проблем подводит Джеймса к мысли, что их невозможно разрешить на основе существующих психологических теорий, потому что анализ, основанный на фундаментальных категориях этих теорий, приводит к противоречиям. Напомним, что фундаментальные категории существующих психологических теорий обозначают собой эмпирически выявленные, элементарные единицы или события психической реальности. Все подобные проблемы, согласно Джеймсу, требуют для своего решения «тонкого метафизического анализа» [6, с. 358].

Вслед за У. Джеймсом, феноменом свободной воли заинтересовался Карл Ясперс [7], который считал, что именно этот феномен придает психике характер рационально непостижимой загадки. Осознав невозможность решения проблемы свободы воли на уровне эмпирических знаний из психологии и психопатологии, Ясперс обращается к философии и стремится «выйти на более высокий, метанаучный уровень исследования и тем самым получить доступ к ресурсам метафизики, скрытых от позитивистски ориентированных психологов и психиатров» [8, с. 140].

В своей работе Ясперс [7], не соглашаясь с представлениями Декарта о душе, как вещи мыслящей, так характеризует психику: «...Психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте — значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но, в той же мере, она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свой-

ствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа — это становление, развертывание различие; в ней нет ничего окончательного, завершенного» [7, с. 34]. Как видим, Ясперс отходит от традиционной психологической трактовки психического, как совокупности психических явлений, отражающих действительность. Наоборот, душа (или психика — в данном контексте их смыслы совпадают) как становящееся и различающее, само должно привести к множественности психических явлений и их свойств. Сама она безобъектна и внеобъектна, лишена каких-либо свойств, поэтому о ней можно говорить лишь как о метафизическом «объекте», существующем как «бытие в собственном мире», а не в мире воспринимаемых объектов. Если теперь сопоставить приведенное определение психического К. Ясперса с представлениями о порождающем процессе восприятия в афизикальном подходе А.И. Миракяна, сформировавшемся к концу XX в. [9], то в них можно заметить много общего, и, надо полагать, что это совпадение не случайное.

В конце XIX в. интерес к метафизике возрастает и в России. В первую очередь, это было связано с работами В.С. Соловьева, среди которых особое место занимает «Кризис европейской философии», направленная против позитивизма западной философии [10].

Основным вопросом метафизики В.С. Соловьев считает вопрос о том, что такое сущность мира, если непосредственное его представление ничего о нем нам не говорит? Этот же вопрос переносится в область метафизической психологии, но с целью исследования сущности психических явлений и феноменов, которые и определяются как представления о мире. Соловьев отмечает также те ограничения, которые возможны на пути метафизического познания мира: «Этот вопрос не может быть разрешен путем отвлеченно-логическим, познание метафизической сущности не может быть выведено из общих понятий, ибо эти последние не имеют в природе своей никакого самостоятельного, первичного

значения, будучи лишь отвлечениями от данных непосредственного воззрения, внешнего или внутреннего» [10, с. 56]. Кроме того, В.С. Соловьев считал, что чем выше ступень развития, на которой находится явление, тем больше в нем метафизического. Поэтому в психике человека больше метафизического содержания, чем в любом другом эмпирически наблюдаемом явлении природы.

В это же время разные аспекты метафизики исследуются знаменитыми философами и психологами, образуя плеяду русских метафизиков в лице Н. Бердяева, С. Франка, С. Трубецкого, Н. Грота, П. Флоренского, Г. Шпета, Г. Челпанова и др., которые разрабатывали вопросы о значении метафизики не только для философии, но и для психологии. Их общее мнение о взаимосвязи психологии и метафизики можно обобщить словами П. Флоренского: «В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику» [11, с. 20]. Другими словами: психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, но сами эти первоначала определяются, как метафизическое знание, психологом.

Г. Челпанов, как сторонник метафизической психологии, считал себя идейным последователем С.Н. Трубецкого и вслед за ним осознавал необходимость применения метафизики для решения проблем психологии [12]. Эту необходимость Челпанов показывает на примере работ Гербарта, из которых следовало, что «Без философского (метафизического в том числе — Р.Н.) учения о душе нельзя было приступать к объяснению законов душевных явлений. Законы же душевных явлений выводились дедуктивно из принципов, которые лежали в основе учений о душе» [12, с. 309]. Анализируя связь между психологией и философией, Г. Челпанов выделяет три типа отношений, в зависимости от способа определения филосо-

фии: философия как метафизика, теория познания и как метод обобщения данных психологии, результаты которых «могут быть положены в основу науки о духе». Если под философией «понимать прежде всего метафизику», тогда для понимания закономерностей душевной жизни необходимо построение метафизической теории о природе души, для ответа на вопросы «существует ли душа, есть ли она что-либо материальное, есть ли она субстанция и т.п.» [12, с. 313]. Необходимость изучения души (или психики) при помощи метафизики Челпанов аргументирует следующим образом: «Всякое описание необходимо предполагает объяснение. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, то есть при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы непосредственно воспринимаемых психических процессов, а это, как мы увидим ниже, предполагает употребление каких-либо понятий философски обработанных» [12, с. 314]. Очевидно, что здесь Челпанов имеет в виду выход в метафизическую область исследований. Как видно из приведенной цитаты, Челпанов уже тогда говорил, выражаясь языком современной психологии, об ограниченности «продуктного» подхода для изучения принципов и закономерностей психического.

Таким образом, российская психология вступала в XX в. с ясным пониманием необходимости применения метафизического подхода для исследования психики или души, готовая к его последовательному развитию.

Однако судьба метафизики в российской психологии, как одного из средств познания психического, окончательно была решена Л.С. Выготским при проведении им кардинальной перестройки методологических основ психологии для вывода ее из состояния кризиса [13]. Не приняв анализа причин кризиса таких психологов как Ф. Brentano, Н.Н. Ланге, К. Бюлер и, предложенных ими частных путей выхода из кризиса, Л.С. Выготский высказывает идею о возможности построения общепсихологической теории на основе принципиально новой методологии — марксистской. Этим и было предрешено от-

рицательное отношение к метафизике потому что марксизм, присвоивший многое из философии Гегеля, так же изменил истинное значение метафизики и пренебрежительно относился к ней, как к примитивной, однобокой форме мышления, не имеющей ничего общего с научным диалектическим методом и, более того, относящейся к идеалистической философии. В то же время Выготский критикует эмпиризм за непоследовательность в своем стремлении построить психологию без души (Ланге [14]), психологию без всякой метафизики (Введенский [15]), психологию, основанную на опыте (Гефдинг [16]) [13, с. 377–378]. «На деле, — обобщает далее Выготский, — нет ни одной эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Все системы на деле переплескивали в своих выводах и уходили корнями в метафизику...» [13, с. 378–379]. Основную причину методологической «слабости» эмпиризма Выготский видит в отсутствии философского принципа, в отказе «выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу» [13, с. 378]. Рассуждения Выготского поднимают вопросы, им не затронутые: что заставило, казалось бы, эмпириков Ланге, Введенского и Гефдинга при обобщении результатов своих исследований обратиться к метафизике? Что они искали в метафизике? Логика обоснования и обобщения научного исследования подсказывает, что это могли быть поиск объяснительных философских принципов, выяснение своих конечных посылок и желание осознать собственную научную природу. Метафизика так же имеет свои философские принципы. Но в данном случае мы сталкиваемся с разными способами понимания сути и назначения метафизики Выготским — с одной стороны и Ланге, Введенским, Гефдингом, Челпановым и др. — с другой. Выготский отрицает связь метафизики с эмпирией, а другая сторона не только признает эту связь, но, к тому же, видит в ней определенную логику. О Челпанове Выготский пишет: «Челпанов находит, что она (психология — Р. Н.) должна иметь «надстройку» и «подстройку». Оказывается, есть философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии, и исследование, предваряющее психологию,

он называет подстройкой: только с ней можно построить эмпирическую психологию» [13, с. 379]. Подстройка, предваряющая психологию, и есть метафизика, сторонником которой всегда и был Челпанов. А «философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии» (критика Выготского) для Челпанова означали невозможность объяснить психическое, используя понятия, относящиеся к области непосредственно данных психических явлений (в противном случае, согласно современным представлениям, психолог оказывается в пределах «продуктной» парадигмы) и использование для этой цели «понятий, философски обработанных» (Челпанов), то есть метафизических, лишенных собственно психологического содержания (аналог афизиальных взглядов А. И. Миракяна [9]).

Обсуждая научные приоритеты Челпанова, Выготский ссылается на его работу 1924 г. [17], в которой Челпанов пробует синтезировать противоречивые методологические позиции — марксизм и метафизику, что делало эту работу уязвимой для критики. Поэтому гораздо интереснее было узнать мнение Выготского о работе Челпанова 1907 г. [12], которая была результатом его программного выступления, посвященного анализу места философии и метафизики в психологии, когда Челпанов, независимый от норм и стереотипов какой-либо идеологии, полностью, без искажений, изложил свои философско-психологические взгляды. Но, к сожалению, Выготский этого не сделал.

В чем же состоит коренное отличие подходов (или образа мышления) Челпанова и Выготского к изучению психического? Принятие Челпановым метафизической парадигмы позволяет предположить, что он рассматривает психическое как порождающий процесс, а Выготский, сторонник историзма — как развивающийся процесс. Поэтому Челпанов ищет причину порождения, а Выготский — причины развития. Поэтому у Челпанова философия (метафизика, природа), предшествует психологии, а для Выготского за психологией низшего уровня развития психического следует психология высшего уровня развития. Следовательно, Челпанов рассма-

тривает онтологию психического, как «бытие в возможности», а Выготский — как «бытие в действительности» (по Аристотелю). А если продолжить логику рассуждений Аристотеля, то следует дополнить, что «бытие в возможности» предшествует «бытию в действительности». Поэтому Челпанов видел возможность продолжения или перехода метафизики в эмпирию, а для Выготского они были разобщенными и независимыми друг от друга областями знания.

Из контекста рассматриваемого нами сравнения следует также, что душа в метафизике русских психологов на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась не как что-то данное Богом (мы не рассматриваем религиозный аспект души), а как метафора или символ причины порождения психического. Поэтому вполне понятно сожаление С. Франка, который писал: «Прекрасное обозначение «психология» — учение о душе — было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [18, с. 3]. Под «иной научной областью» С. Франк, безусловно, имел в виду современную ему и нам психологию.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Выготский придерживался продуктного подхода и считал ненаучным обращение к гипотетическим и эмпирически недоказуемым природным тенденциям и принципам возможностей порождения психического, чем и занимается метафизика и, более того, отрицал возможность «перерастания» метафизики в науку. Л.С. Выготский еще больше отдаляется от изучения психического, как природного явления, отказавшись в разработке научной методологии психологии от диалектического материализма. «Диалектический материализм, — пишет Л.С. Выготский, — есть наука самая абстрактная. Непосредственное приложение диалектического материализма к биологическим наукам и психологии, как это сейчас делается, не идет дальше формально-логических, словесных подведений под общие, абстракт-

ные, универсальные категории частных явлений, внутренний смысл и соотношение которых неизвестны. В лучшем случае это может привести к накоплению примеров, иллюстраций. Но не больше» [13, с. 420–421]. Вывод Л.С. Выготского однозначен: брать из марксизма «не диалектический материализм, а исторический материализм» [там же]. То есть изначально перед новой научной психологией ставится задача изучать психику не как природное, а как историческое, общественное явление, в контексте человеческой истории, как продукт культурно-исторического развития. А это означает, что всегда будут изучаться развитие или изменение психических функций, как определенных данностей, во всем многообразии их проявлений, совершенно игнорируя скрытые за этими данностями, порождающие их процессы, не зависящие от культурно-исторических условий, — единственное, что может быть общим для всех психических функций и феноменов и многообразия их проявлений.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, несмотря на ее огромное значение не только для российской, но и для мировой психологии, была и остается теорией, исследующей лишь психические феномены и отношения между ними в своем специфическом культурно-историческом аспекте. Следовательно, исследование естественно-природной составляющей психического ограничивается не мыслительными возможностями психолога, а самой методологией концепции. Поэтому фундаментальная попытка А.Н. Леонтьева по исследованию эволюции психики [19] есть одновременно попытка выхода за пределы культурно-исторической парадигмы. Точкой отсчета для А.Н. Леонтьева в этом исследовании является предпсихическое свойство раздражимости живых организмов. Однако и в этом случае возникают вопросы: какой процесс приводит к возникновению самой раздражимости? Какие процессы приводят к переходу от одной фиксируемой стадии развития психического к другой фиксируемой стадии развития? Что помешало А.Н. Леонтьеву идти дальше вглубь материи или исследо-

вать то, что происходит в «зазоре» (наименьшем промежутке) между двумя фиксированными стадиями развития?

Анализ отношения Д.Н. Узнадзе [20] к проблеме души, как предполагаемого предмета научно-психологического исследования, позволяет пролить свет на эти вопросы. Наиболее характерной чертой современной науки Узнадзе считает то, что «каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности» [20, с. 26]. Отсюда естественный вывод: чтобы признать душу предметом научного исследования, ее действительность должна быть дана непосредственно. Другими словами, так как душа не может быть подвергнута эмпирическому исследованию, то она не может быть предметом научного исследования. Очевидно, что психолог непосредственно может иметь дело лишь с проявлениями души, но не с самой душой. Поэтому вполне логично заключение Узнадзе: «Отсюда бесспорно, что душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в метафизическую сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой «метафизической», а не научной психологии» [20, с. 27]. Таким образом, Узнадзе не только четко разделяет метафизическую и научную психологию, но и указывает на их несовместимость. Как видим, такой подход эксплицирует в качестве предмета научно-психологического исследования феноменологию психической реальности, а то, что порождает эти феномены (душа или еще что-то другое) — причины, непосредственно не данные в эмпирическом опыте психолога, — остается запретным «плодом» научно-психологического познания.

Из сказанного можно сделать вывод, что исследовательские возможности А.Н. Леонтьева ограничивала не методология, как в случае с Л.С. Выготским, а определение науки, как средства познания того, что непосредственно дано в действительности. А если это условие нарушается, объект исследования оказывается «невидимым» для исследова-

теля, тогда проблема становится ненаучной, потому что ее решение потребует создания гипотетических определений предмета и объекта исследования. Но от этого «невидимый объект» или соответствующая проблема не перестают существовать. Однако, если метафизику включить в науку, как ее необходимую часть, что и сделала современная философия науки, то границы научного психологического познания намного расширятся и психолог будет иметь право исследовать и то, что находится «за занавесью» психических феноменов или предпсихических свойств живых организмов. Но в этом случае фактором ограничения может оказаться глубоко эмпирическое мышление человека, именуемое в современной психологии «продуктным» подходом, не приспособленное для исследования того, что находится за пределами непосредственных данностей чувственного эмпирического опыта. Все эти ограничения (идеологическое, методологическое, научное и эмпиричность мышления) способствовали утрате культуры метафизического образа мышления и, тем самым, ослаблению философской составляющей психологии.

Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтоб вывести психологию из кризиса, была предпринята В.П. Зинченко (заметим, однако, что даже в этом случае им не было произнесено слово «метафизика!»). В своем выступлении на «Круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 г. В.П. Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое [21]. Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видит в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX в., для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание» [21].

Чтобы пояснить свою мысль, В.П. Зинченко приводит пример того, как идеи В.С. Соловьева о всеединстве челове-

ческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П.А. Флоренского, В.И. Вернадского, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Северцева и А.Г. Гуревича (о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле — соответственно). Кроме того, В.П. Зинченко указывает на влияние идей П.А. Флоренского о органопроециях на представления А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна и А.Н. Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний В. П. Зинченко и характеризует как гармонию многоголосного звучания и отмечает это как особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к сказанному В.П. Зинченко то, что эти идеи В.С. Соловьева и П.А. Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроециях — метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, не научные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое влияние на формирование некоторых сторон научного мышления авторитетов российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX в. и настоящего времени объясняется просто: в настоящее время в психологии, по известным причинам, указанным В.П. Зинченко, полностью утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, тем не менее, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней все начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за которыми следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип» — «от эксперимента — до эксперимента», и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых, гипотез не положено.

Другая попытка изменения методологической «ситуации» относительно отношения психологии к метафизике была предпринята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [22]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, - пишут Петровский и Ярошевский, - открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» [22, с. 31]. То есть Петровский и Ярошевский считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем этот плоский подход к пониманию метафизики (проникший в марксизм через философию Гегеля — Р. Н.), игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» [там же]. Таким образом, после почти векового игнорирования, вновь, при решении фундаментальных проблем психологии, зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева, согласно авторам цитируемой работы, обусловлена их важнейшим значением «для осмысления объ-

яснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» [22, с. 31]. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский безусловно правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений (как было показано выше, так же рассуждал и Г. Челпанов), однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые так же являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии, и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В. С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплине, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии.

В качестве примера необходимости обращения к метафизике можно привести также замечание И.В. Имедадзе [23], сделанное им по поводу возможностей интерпретации биосферной концепции Д.Н. Узнадзе. Рассуждая о путях преодоления постулата непосредственности Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и Д.Н. Узнадзе, И.В. Имедадзе приходит к выводу, что ни знак, ни деятельность не могут служить в качестве опосредствующего звена в дихотомии среда–психика, так как знак можно включить в первый член этого соотношения,

а деятельность — во второй. «Наиболее логичным решением — пишет далее И.В. Имедадзе, — представляется биосферная концепция. Вместе с тем, имея в виду ее некоторую метафизичность, последняя, по-видимому, нуждается в большей обоснованности. Тут можно обратиться и к новым квантовым, и к старым восточным представлениям» [23, с. 271]. Интересно отметить, что одновременно с констатацией факта существования в психологии метафизического «объекта» исследования, И.В. Имедадзе не исключает возможности использования представлений о квантовых явлениях для объяснения метафизического характера биосферы в понимании Д.Н. Узнадзе (можно предположить, что И.В. Имедадзе имеет в виду философию квантовой физики, с неклассических позиций создающую новые представления об устройстве мира).

Однако, в связи с вышесказанным, следует отметить три факта, вызывающих чувство сожаления. Во-первых, ни В.П. Зинченко, ни А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский не взялись за разработку метафизического подхода в психологии, которая как региональная наука, должна обладать региональной (специфической) метафизикой. Во-вторых, ими остались незамеченными исследования А.И. Миракяна [9] и В.М. Аллахвердова [24], применивших метафизический подход для экспликации онтологического статуса непосредственно-чувственного отражения и сознания соответственно. И, в-третьих, ни после выступления В.П. Зинченко, ни после выхода в свет обсуждаемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского отношение психологов к метафизике не изменилось, осталось отрицательным, и эта тема, разработка которой во многом могла бы способствовать построению общепсихологической теории, осталась не исследованной. Исключение составляют лишь исследования А.И. Миракяна, последовательно, но имплицитно, применившего метафизический подход для решения проблем непосредственно-чувственного отражения, а также работы его последователей, продолжающих разрабатывать этот подход (С.Л. Артеменков [25], В.И. Козлов [26], Н.Л. Морина [27], Р.М. Нагдян [28], В.И. Панов [29, 30], Г.В. Шукова [31] и др.).

Таким образом, анализ современного состояния отношения психологии к метафизике показал, что, несмотря на позитивное отношение к ней некоторых ведущих методологов, в целом, это отношение остается отрицательным. Об этом свидетельствует хотя бы недавно изданная книга Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова «Методологические основы психологии» [32]. В этой работе, насыщенной анализом многих философских концепций, о метафизике упоминается лишь в связи с обзором методологических нововведений Л.С. Выготского, который иначе (ограниченно) воспринимал метафизику и отрицательно относился к ней. Несмотря на то, что Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов неоднократно обращались к тексту цитируемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, в том аспекте, который ими был предложен, метафизика не обсуждалась и оказалась вне поля внимания авторов «Методологических основ психологии». С другой стороны, данные философии науки и философский анализ самими естественниками (особенно физиками и математиками) корней возникновения своих наук, указывают на необходимость наличия метафизических предпосылок для построения основ здания науки. Это означает, что актуальность проблемы отношения психологии к метафизике давно созрела (исходя из специфики своего предмета, психологи должны были решить эту проблему раньше, чем это сделали физики) и требует поиска путей для своего положительного решения, и при этом выбор способа анализа и образа мышления являются главными факторами достижения успеха в этом направлении развития теоретической психологии.

Однако, несмотря на тотальную, само собой разумеющуюся правильной, антиметафизичность психологов (за исключением вышеназванных), как выше уже было отмечено, А.И. Миракяном и В.М. Аллахвердовым были проведены теоретические исследования фундаментальных проблем психологии с использованием метафизического подхода, оставшиеся вне поля научно-психологической рефлексии. Анализ и обсуждение этих исследований проведены нами в более ранних публикациях [33, 34].

Таким образом, в статье сделана попытка показать необходимость метафизического подхода для выявления природных предпосылок, порождающих психическое и формулирования базовых понятий, дополняющих категориальный строй теоретической психологии.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что этим не умаляется значение эксперимента в определении научного статуса психологии. Более того именно экспериментом проверяется истинность (в философском смысле) и эффективность (в практическом смысле) выбранных метафизических предпосылок. Меняются лишь акценты: метафизика направляет и координирует экспериментальные исследования психических явлений, чем и создается возможность принятия или опровержения выбранных метафизических предположений. Этим мы еще раз хотим подчеркнуть связь между метафизикой и эмпирией, которая была столь естественна для психологов-метафизиков Серебряного века России.

Список литературы

1. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 43–110.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.
3. Agassi J. The Nature of Scientific Problems their Rools in Metaphysics. Critical Approach, №1, 1964, p. 189–211.
4. Гербарт И.Ф. Психология. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 288 с.
5. Вундт В. Метафизика // Философия в системном изложении. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 117–150.
6. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
7. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Изд. «Практика», 1997. 1056 с.
8. Водолагин А.В. Психопатология и метафизика воли. К 125-летию Карла Ясперса // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 140–148.

9. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // *Философские исследования*. 1995. № 2. С. 77–94.
10. Соловьев В.С. Кризис западной философии // *Соч.*: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 480 с.
11. Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 346 с.
12. Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // *Вопросы философии и психологии*. кн. 89. М.: Издание А.А. Абрикосова, 1907. С. 309–323.
13. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собр. сочинений в 6 т., М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 489 с.
14. Ланге Н.Н. Психология // *Психический мир*. Ч.1 (теоретическая). – М.: Мир, 1914, с.128.
15. Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 394 с.
16. Геффдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. М.: Изд. Либроком, 2010. 354 с.
17. Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М., 1924. 24 с.
18. Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.М. Сахарова, 1917. 253 с.
19. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. АПН РСФСР, 1959. 450 с.
20. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе / Под ред. И.В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. 413 с.
21. Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? // *Вопросы философии*. 1993. № 5, С.3-43.
22. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии, М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
23. Имедадзе И.В. Постулат непосредственности и пути его преодоления // *Современные проблемы теоретической и прикладной психологии*. Материалы международной научной конференции. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 274–276.
24. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Лабиринт, 2003. 368 с.

25. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А. И. Миракян и современная психология восприятия: сб. мат-в научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт», 2010. 580 с. С. 324-358.

26. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. мат-в научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт», 2010. 580 с. С. 90-149.

27. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. мат-в научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 150-217.

28. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. Ереван: изд. «Айастан», 2009. 104 с.

29. Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М.: Психологический институт РАО, 1993. 140 с.

30. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.

31. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности. Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. 127 с.

32. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Издательство Юрайт, 2011. 483 с.

33. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия // Вестник ЕГУ, 140.4, изд-во ЕГУ, Ер., 2013. С. 54–68.

34. Нагдян Р.М. Сравнительный анализ метафизических подходов к проблеме сознания // Вестник ЕГУ, 142.1, изд-во ЕГУ, Ер., 2014. С. 43-54.

Научное наследие А.И. Миракяна: инструмент познания или факт истории науки?³⁴

Г.В. Шукова

Парадоксальный взгляд на, казалось бы, общепринятые, устоявшиеся, не вызывающие сомнений вещи – на такое способны очень немногие. К их числу, конечно же, принадлежит и Аршак Исраелович Миракян – выдающийся ученый, сумевший увидеть в психике область, недоступную для познания сложившимися в психологической науке средствами и нуждающуюся в совершенно особой методологии, в совершенно отдельном теоретизировании, нежели это общепринято в традиционной «субъект-объектной» исследовательской практике. Область психической реальности, о которой идет речь, – это уровень порождения психики; особая методология его исследования – это непродуктивная (трансцендентальная) методология исследования психики; теоретическое осмысление выразилось в разработке принципов порождения психики, а все это вместе оформилось в трансцендентальный подход к исследованию психики [8-12], что и является выдающимся достижением А.И. Миракяна, его вкладом в развитие психологической науки.

Два кита, на которых стоит концепция порождающего восприятия А.И. Миракяна:

1. «открытие» продуктивности психологического познания с целью его преодоления при выделении предмета исследования. А именно освобождение схемы исследования *порождения* психической реальности – т.е. образования психического феномена – от использования каких бы то ни было характеристик этих феноменов в качестве характеристик процесса их же порождения;

³⁴ Психология восприятия: трансцендентальная перспектива. Сб. научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. – Ер.: НАИРИ, 2017. С. 322-341. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00574.

2. представление об организации процесса порождения психической реальности как об осуществлении на уровне психики (в ее структуре и способе функционирования) универсальных принципов организации материи. Иными словами, реальность и психика организованы по единым принципам. Объективная действительность и психика, как ее часть, устроены так, что первая запускает и детерминирует во второй процессы, приводящие к появлению (порождению) еще одной - особой – действительности: психической. Последняя не копирует объективный мир, а, можно сказать, реагирует на объективные реалии созданием его (мира) модели под запросы носителя психики. Чтобы такое взаимодействие могло осуществиться, логично предположить, что оба его «участника» - объективная действительность и психика – организованы принципиально конгруэнтно в своих базовых основаниях.

Данные условия требуют радикальной перестройки исследовательской схемы, но такая перестройка окупается сторицей, поскольку позволяет приблизиться к пониманию природных (сущностных) закономерностей психического процесса. Так, впервые появляется возможность выделить процесс порождения непосредственно-чувственного восприятия в качестве действительного, а не номинального, объекта психологии. При традиционно практикуемом в психологической науке моделировании непосредственно-чувственного перцептивного процесса в соответствии с параметрами якобы «непосредственно» воспринимаемого объекта («якобы» - потому, что, если уже есть «параметры» - значит, когда-то воспринятого, описанного, «интеллектуально обработанного»). А где же искомый «непосредственно-чувственный» процесс?) исследователь приписывает реальности свое представление о своих же перцептивно-интеллектуальных формах взаимодействия с нею. Концепция порождающего восприятия А.И. Миракяна (трансцендентальная парадигма) предлагает средства для выделения собственно непосредственно-чувственного восприятия - как процесса порожде-

ния восприятия. Подмена объективного субъективным, отождествление процесса психического отражения с его результатом, недоступность познанию природных механизмов порождения психики – вот что преодолевается беспродуктивными способами познания. Понятие «порождение» призвано подчеркнуть независимость, автономность чувственного отражения относительно каких бы то ни было результативных данностей познавательных процессов, его изначальную непосредственность, его апродуктность. В непродуктном подходе предметом исследования становится не отраженное свойство (форма, величина, цвет, движение и т.п.) как результативное проявление психического процесса; не принципы его строения и функционирования, обеспечивающие возможность порождения разнообразных свойств и отношений объектов, а условия, позволяющие осуществиться самой возможности этого порождающего процесса восприятия. Целью исследования становится выявление характеристик процесса, порождающего восприятие и шире – психическую реальность. А.И. Миракян часто повторял, что «мы изучаем не психические процессы и уж тем более не психические феномены, а принципы организации психики», именно они являются и объектом, и предметом исследования, и категориями анализа. Они, таким образом, несут в себе как гносеологическую и онтологическую функции, так и трансцендентальную, являясь «исходным основанием для разработки априорной и апостериорной моделей порождающего процесса» [16].

Все это с полным основанием позволяет позиционировать трансцендентальную психологию А.И. Миракяна как мощный ресурс исследования принципов и механизмов порождающего уровня психики. Природа психики как формы материальности, природные возможности становления психической реальности, механизмы психического «до-отражения» – т.е. порождения как взаимодействия психики с объективной действительностью – все эти вопросы впервые в научной психологии представлены в

трансцендентальной парадигме с завидной глубиной и последовательностью, причем не только теоретически, но и экспериментально [1; 19].

Словом, трансцендентальный подход предлагает альтернативу традиционной методологии психологического исследования психического отражения, его природы и механизмов.

Востребовано ли это предложение?

Следует признать, что совсем не в той степени, в какой этого можно было бы ожидать, исходя из эвристических ресурсов концепции А.И. Миракяна. Даже осознание современными исследователями того, что ключевой вопрос – о первоосновах психики – не только остается без ответа, но и как искать этот ответ – не очень понятно, не стимулирует их к рассмотрению трансцендентального подхода в качестве средства такого поиска. Так, когда сторонники активно развивающейся сегодня в российской психологической науке дифференционно-интеграционной теории развития задаются вопросами о том, «как именно происходит процесс развития, каковы закономерности преобразования гомогенной целостности в систему своих частей, какие факторы движут этим процессом» [20, с. 9] – по сути, они задают вопросы Миракяну об открытых им принципах организации психики. Но это только по сути, а на деле миракяновское наследие в качестве ресурса для ответа даже не рассматривается – иначе процитированным авторам не пришлось бы удрученно констатировать, что, если и понятно, что «дифференциация гомогенной целостности на части не произвольна и подчиняется какому-то общему закону», то «в чем суть этого закона и как он проявляется – сколько-нибудь общих ответов на эти вопросы пока нет [там же]. Вот так! Концепция порождения психического отражения не удостоивается даже роль «сколько-нибудь общего ответа»!

Почему же это происходит? Может быть, причина в том, что «агитаторы» (ученики и последователи А.И. Миракяна) плохо «агитируют»? «Агитация», действительно, могла бы

вестись более активно, но дело скорее не в этом. Может, трансцендентальная психология не выдерживает конкуренции с другими объяснительными позициям? Ее нельзя назвать принципиально новым и эффективным ресурсом познания?

Для поиска ответов обратимся к психологии восприятия как наиболее релевантной задачам «трансцендентального анализа» области психологической науки и посмотрим, какие теоретико-методологические ресурсы можно увидеть в ней сегодня.

В современной психологии восприятия на сегодняшний день одновременно сосуществуют (подробнее об этом: [4; 5; 14; 17; 18; 22; 23]) три парадигмы, а точнее – три парадигмальные области, поскольку каждая из них объединяет в себе большее или меньшее множество конкретных научно-исследовательских подходов. А именно:

- гносеологическая парадигма;
- онтологическая парадигма;
- трансцендентальная парадигма.

Первая из них – традиционная – до совсем недавнего времени (конец прошлого века) являла собой единственно возможный безальтернативный вариант организации познания в психологической науке. Она и сейчас занимает господствующее положение в области исследования перцептивных процессов. Название «гносеологическая» призвано акцентировать внимание на ее родстве с философской традицией познания. А именно, данной исследовательской практикой унаследован от философии принцип полагания предмета исследования: психический процесс полагается как процесс отражения объективной действительности и представляется как соотношение отражаемого объекта и отражающего субъекта, воспринимающего объектные свойства посредством органов чувств; как гносеологическое противопоставление реальных характеристик объекта и перцептивных возможностей субъекта восприятия. А это и есть та самая продуктивность, о которой говорилось выше.

Каковы же достижения гносеологического подхода в исследовании психики (восприятия), понимаемой как отражение объективной реальности? Огромный каталог феноменов восприятия, ряд теоретических построений и... неудовлетворенность результатами научного поиска. «Без учета оснований порождения, организации, развития и преобразования чувственных впечатлений, специфики их взаимосвязей наши знания о восприятии остаются принципиально неполными, а в практическом отношении – весьма ограниченными» [4, с. 83].

Очевидная, казалось бы, в данном контексте необходимость ревизии методологических оснований психологии зачастую находит свое воплощение лишь в трендовых сегодня для самых разных областей психологической науки требованиях повышения степени изоэтрности методов и тщательности разложения анализируемого процесса на все более и более элементарные составляющие, отчего процесс, например, восприятия из живой реальности становится лабораторным препаратом и что не делает, конечно, его природные закономерности очевиднее. Использование продуктивных схем анализа в исследовании психики приводит к отождествлению объекта восприятия и результатов отражения и выводит за рамки исследования процесс спонтанного восприятия, содержание которого свободно от эмпирических данностей отраженных объектных свойств и отношений, – процесс порождения восприятия.

Онтологическая парадигма – это альтернатива гносеологическому подходу, активно расширяющая сегодня сферы своего влияния за счет принципиально иной направленности исследовательского вектора: с отражения субъектом статичных свойств объекта восприятия он перемещается на «живой» процесс восприятия «живой» действительности, ход которого задает (т.е. порождает) «здесь и сейчас» свойства как объекта, так и субъекта восприятия.

Как в рамках этой парадигмы снимается гносеологическое противопоставление перцептивных характеристик

объекта и субъекта восприятия? Акцент здесь делается на бытийность, «осуществляемость» перцептивных явлений, понимаемых как активность субъекта, а отнюдь не типичное для психологической науки конструирование отображенного содержания в так называемый образ восприятия. Позиционирование психики как процесса отражения субъект-объектных отношений и обусловленное этим использование продуктивных схем анализа с неизбежностью задает агенетический характер традиционных, т.е. ставших «общепринятыми», представлений о процессе восприятия. Реальный, «живой», процесс восприятия деформируется до уровня формально-динамической схемы – вот с чем никак не могут согласиться адепты онтологической парадигмы.

Онтологический смысл процесса восприятия заключается в том, что в нем порождается не гносеологически заданная пространственно-предметная форма воспринимаемого объекта, а форма осуществления самого процесса восприятия как феномена активности системы «субъект восприятия – среда восприятия»: объектом восприятия становится ситуация восприятия, включающая и свойства окружающего мира, и особенности самого субъекта восприятия [6], «в центре внимания оказываются взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант» [там же с. 431], а «исходным пунктом анализа восприятия оказывается не отображение объекта, а взаимоотношение человека с миром, субъекта с объектом» [там же, с. 433], и все это, как считают «онтологи», позволяет приблизиться к пониманию «действительной природы восприятия» [там же, с. 454].

Предметом исследования в онтологической парадигме «становится целостное событие жизни, вызванное потребностью коммуникантов в информации и функционально необходимых свойствах и отношениях действительности. Речь идет о локальном структурировании бытия в сжатые промежутки времени: в данный момент, здесь и сейчас. Перцептив-

ное событие означает встречу или столкновение различных начал, когда рождаются новые структуры, отношения или порядок вещей. Объект и его данность воспринимающему субъекту оказываются разными полюсами одного и того же события» [7, с. 9].

В онтологизации («оживлении») восприятия видит онтологическая парадигма свою основную цель, которую можно проследить во многих современных публикациях. Так, иллюстрацией совершенно однозначного «онтологического крена» являются выводы авторов исследования влияния предварительной фильтрации изображения на пороги различения длины отрезков в условиях иллюзии Мюллера-Лайера: «интерпретация экспериментальных данных приводит к одному простому утверждению: поскольку зрительная система человека всегда или в большинстве случаев воспринимает стимул как целостный объект, то и описывать этот стимул исследователи должны как целостный объект без произвольного выбора тех или иных параметров. Глаз не видит сравниваемые отрезки (в иллюзии Мюллера-Лайера) сами по себе без добавочных линий, обеспечивающих возникновение иллюзии» [21, с. 23]. Как образец онтологического решения вопросов природы перцепции уместно упомянуть вариант современного теоретического осмысления процессов зрительного восприятия [26], когда в принципе исключается познавательная возможность одномоментного взгляда на процесс зрительного восприятия: зрительная процессуальность уравнивается с другими модальностями восприятия, последовательно развертывающимися во времени. Интерес к факторам восприятия в реальной жизни в сравнении с восприятием в лабораторных условиях позволил выявить, что в «живых условиях» когнитивные процессы оказывают влияние на перцептивные [25]. В исследовании перцептивных моментов и электроэнцефалографической активности в процессе чтения [24] онтологичен уже сам объект исследования: естественный процесс чтения (naturalreading).

Следует все-таки особо отметить, что озабоченность вопросами повышения экологической валидности исследования («оживления» исследуемой реальности) не является достаточным условием для придания ему статуса онтологического. В современной литературе встречается множество работ, авторы которых как свое значимое (и вполне заслуженное) достижение выделяют перенос исследования из лаборатории в полевые условия. Но делают ли они следующий шаг в приближении к позициям онтологического подхода к исследованию психики – снимают ли гносеологическое противопоставление субъекта и объекта и создают ли особые методические условия для выявления процессуальности восприятия?

Итак, онтологический подход к восприятию открывает новые возможности в понимании психической реальности, недоступные в рамках гносеологической парадигмы: «существенно видоизменяет проблемное поле и стратегию исследования чувственного восприятия» [6, с. 454]. На смену «лабораторной» феноменологии «отражения» приходит экологически и социально валидная феноменология перцептивной активности: чувственные образы в единстве и полноте их связей и отношений, детерминированные, прежде всего, опытом, свойствами и состояниями воспринимающего индивида. Введение исследовательского конструкта «объект-ситуация», заменившего традиционный «объект восприятия», позволяет увидеть новые грани перцептивной активности в их динамическом соотношении. Удастся выявить личностную окраску восприятия, индивидуализировать перцептивную процессуальность. И так далее – список преимуществ онтологического подхода можно продолжить (см. [6]), признавая его несомненные преимущества в онтологизации перцепции как объекта научного анализа – в повышении на несколько порядков степени реалистичного представления о ней по сравнению с абстрактно-логическим объектом восприятия традиционной (гносеологической) исследовательской схемы.

Но открывает ли онтологическая парадигма принципиально новые возможности для анализа перцепции? На наш взгляд, нет.

Обращение к бытийности восприятия, а именно включение его в широкий психический контекст и объединение перцептивного акта со всем спектром реальных событий действительности происходит, как и в гносеологической модели восприятия, в контексте продуктивной схемы анализа – путем сопоставления результата перцепции с параметрами объекта-ситуации. Если гносеологическая парадигма предписывает своему адепту осуществлять сопоставление фиксируемого в исследовании перцептивного содержания с абстрактно-логически выделенными характеристиками объекта восприятия, то в онтологической парадигме они стали «реально-логическими», что, еще раз подчеркнем, дало замечательные результаты в плане «оживления» психологической исследовательской эмпирики (т.е. повышения степени ее соответствия реальной психологической действительности, а, значит, и практической востребованности), но не позволило приблизиться к пониманию механизмов порождения психической реальности. Онтологический подход дает новую феноменологию: «старая» феноменология образа восприятия заменена феноменологией осуществления (существования) процесса восприятия; но существенные, природные закономерности организации психики в онтологическую методологическую схему не включены по причине указанных выше ограничений продуктивности.

Варианты преодоления указанных ограничений разрабатываются в трансцендентальной парадигме – это еще один шаг в развитии психологии восприятия. Ее появление стало результатом осознания ограниченности средств, традиционно предлагаемых психологией для осмысления явления психического отражения, и необходимости разработки радикально иных оснований исследовательской деятельности с целью преодоления бытующего в психологической науке определенного методологического ограничения, выражающегося в подмене объективного субъективным (отражаемо-

го – результатами психического отражения). В отличие от онтологической парадигмы, предметом исследования здесь выступает уже не столько сам процесс восприятия, сколько условия, обеспечивающие возможность порождения этого процесса, которые, в свою очередь, выводятся из более общих реалий, чем свойства субъекта и объекта восприятия или происходящего между ними перцептивного процесса.

Не будем повторяться – базовые положения трансцендентального подхода были представлены выше. Лишь акцентируем еще раз, что трансцендентальный уровень познания психики позволяет обратиться к проблематике ее природных оснований. Процесс порождения психической реальности доступен познанию исключительно при условии позиционирования предмета исследования вне области психических явлений (феноменов, понятий, представлений, отношений и т.п.) и обращения к фундаментальным принципам организации материи – таково предельно концентрированное выражение сути трансцендентального подхода к исследованию психики. Это единственный в своем роде ресурс обсуждения вопросов порождения психики как формы материальности, генетически стоящей в ряду всех других возможностей материи, но – в то же время – независимой от них в своих итоговых формах.

Итак, в современной психологии восприятия мы видим три парадигмальные области, которые охватывают разные уровни психики и которые поэтому можно организовать в вертикальную иерархию: от исследования феноменов к исследованию механизмов. Если попытаться предельно кратко охарактеризовать указанные подходы с точки зрения содержания их познавательной позиции по отношению к психике, то выйдет следующая картина:

<i>Гносеологическая парадигма:</i>	ПСИХИКА ОТРАЖАЕТ
<i>Онтологическая парадигма:</i>	ПСИХИКА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
<i>Трансцендентальная парадигма:</i>	ПСИХИКА ПОРОЖДАЕТСЯ и ПОРОЖДАЕТ

Получается, что в современной психологии восприятия разработаны и обоснованы методологические средства для решения абсолютно любых (конечно, с оговоркой на сегодняшнее понимание границ познания) познавательных задач, для удовлетворения самых разных познавательных запросов. Какая еще предметная область современной психологии может похвастаться такой же уникальной ситуацией? Вряд ли на этот вопрос удастся ответить положительно. Но вряд ли и удастся признать, что психология восприятия сполна использует свои уникальные возможности.

Три парадигмы отличаются друг от друга не только целями, задачами и средствами, но и «весом». Гносеологический подход, основания которого заложены в античности, по-прежнему доминирует. Онтологический подход - «передний край» современной психологической науки в области перцепции – активно «наращивает мускулы» и расширяет ряды своих адептов. И – если продолжать метафоры – «спящая трансцендентальная красавица». И здесь мы возвращаемся к поставленному выше вопросу о причинах различий в степени востребованности обсуждаемых исследовательских позиций.

Почему появление альтернативных гносеологическому исследовательских подходов не прервало многовековую познавательную традицию? Существует красивая метафора о «магии гносеологической парадигмы» [3, с. 113], которая словно бы заколдовывает «рыцарей», посвятивших себя познанию психики, не позволяя им критично отнестись к усвоенным ими канонам научного мышления; изменить его ракурс; обратиться к радикально альтернативным традиции областям научного поиска; принять, казалось бы, очевидные постулаты об «особости» познания психической реальности, когда познаваемое (психика) изучается самим же познаваемым (психикой).

На наш взгляд, объяснения этим феноменам следует искать не в «магичности» гносеологической парадигмы, а в ее абсолютной «нормальности», обыденности, привыч-

ности познающему человеку. Традиционное гносеологическое соотношение «объект – субъект» присутствовало и в каменном веке в ситуации выбора человеком материала для наконечника стрелы; присутствует и в XXI веке – и при выборе в магазине сорта покупаемого сыра, и при определении предмета психологического исследования. Привычный, типичный, накрепко утвержденный жизнью образ мышления, логичный в силу его практической адекватности и эффективности – вот почему в научном сообществе возникают огромные трудности не только с пониманием содержания альтернативных познавательных позиций, но и даже с осознанием гипотетической возможности/необходимости их существования.

Именно такой – адекватный задачам адаптации к действительности - образ мышления и в научном познании приводит к «членению» объектов этой действительности на различные физические характеристики стимулов (яркость, громкость, длительность и т.п.). Без их выделения невозможно осуществление субъект-объектной гносеологической познавательной позиции, которая предполагает сопоставление результатов субъективного отражения с объективно предъявляемыми и регистрируемыми физическими параметрами воздействия для того, чтобы установить степень адекватности отражения: соответствие/несоответствие образа отражаемому объекту.

Сложности понимания и принятия психологическим сообществом концепции А.И. Миракяна в качестве одного из вариантов исследовательской практики объясняются ее радикальностью: трансцендентальная парадигма являет собой такое глобальное переосмысление стереотипов познания психики, что понимание этого требует не только определенного интеллектуального усилия, но и определенного склада мышления исследователя порождающего психического процесса, способного к осмыслению приоритета процессуальности над предметностью воспринимаемой действительности. А этого весьма и весьма трудно добиться не только на

уровне научного познания, но и в ходе обыденного – казалось бы, в большей степени контролируемого в силу его конкретности – мышления. Позиция исследователя порождения должна быть внутри процесса, но с постоянной возможностью/способностью учета и контроля гносеологических и онтологических реалий его теоретического и эмпирического позиционирования. Кстати, как показано в [2], предполагаемая трансцендентальным подходом гибкость исследовательской позиции не уникальна для науки: она прослеживается, в частности, в некоторых современных кибернетических теориях с их критичным отношением к принципу субъект-объектного взаимодействия и требованием динамической точки зрения исследователя

«Для того чтобы понять, что подлежащая восприятию реальность является исходно однородной для системы отражения, а сама эта система, напротив, имеет анизотропное строение, необходим перенос точки зрения исследователя (наблюдателя) из внешней статичной точки «третьего судьи» субъектно-объектного взаимодействия в рассматриваемый процесс. Таким образом, точка зрения исследователя становится процессуально центрированной и, совмещаясь с течением процесса, динамической, «движется» вместе с процессом. Такая динамическая точка зрения и позиция наблюдателя открывают возможности нового видения системной организации и проблематики исследования психических процессов» [2, с. 335].

Функциональность и естественность продуктного мышления, его абсолютная адекватность задачам жизнедеятельности приводят к его экстраполяции в область научного познания в таких же естественных, как и в обычных условиях, формах. А беспroduктивное мышление совсем не естественно, оно требует осознанных интеллектуальных и волевых усилий. Может быть, дело в том, что трансцендентальный уровень познания человечеству не нужен? Может быть, он избыточен, даже опасен, потому что позволяет человеку проникнуть в те области, вмешательство в которые чревато

слишком опасными, слишком необратимыми последствиями? Ведь тезис о том, что все научные открытия человек превращает в оружие, имеет под собой, к сожалению, весьма очевидные основания.

Для развития материальной стороны жизни и для удовлетворения познавательных запросов укорененного в продуктивности мышления ресурсов гносеологической парадигмы вполне достаточно, а трансцендентальный подход в этом смысле мало что может предложить. Он как интеллектуальный изыск – очень красиво, но без этой красоты вполне можно обойтись.

Нельзя не отметить, что на этот счет существует и противоположная точка зрения. Концепция порождения психической реальности, являясь единственным в своем роде ресурсом исследования психического отражения, «вместе с тем выходит за пределы психологии и, имея отношение к глубинным общеприродным «явлениям», претендует на роль метанаучной теории. И в связи с этим вспоминается прогноз, сделанный В.И. Пановым еще несколько лет назад, относительно перспектив развития психологии: «Проникновение в собственную природу психики как одной из форм бытия позволит...произвести методологическую революцию в способах естественнонаучного познания в физике и других точных науках», «должен будет произойти методологический перенос принципов изучения формопорождения психической реальности на изучение других видов реальностей природного бытия, например, реальностей микромира и мегамира (физика)...» [15, с. 12]. Слова В.И. Панова имеют реальную возможность осуществления (можно сказать, уже в какой-то мере осуществились), и решающее значение для реализации этой возможности будет иметь дальнейшее развитие и разработка идей А.И. Миракяна» [13, с. 75-76].

В контексте разговора о востребованности познавательных средств «нужность» онтологического подхода к исследованию психики никаких сомнений не вызывает, о

чем свидетельствует стремительный рост приверженцев этой парадигмы в научном сообществе. Хотя бы по той причине, что она попадает в невероятно популярный современный тренд на всеобщую экологичность – в том числе и на экологичность психологических исследований. Но главное, конечно, не в этом – онтологическая парадигма позволяет радикально повысить качество научного поиска в аспекте востребованности его результатов практикой, она уменьшает степень умозрительности научного знания, причем не в смысле снижения его фундаментальности, а в смысле повышения его соответствия научным стандартам репрезентативности, надежности и валидности – как же такой парадигме познания не «расцветать» у нас на глазах?

Критикуя возможности «гносеологического разума» в познании психики, мы рискуем навлечь на себя обвинения в радикализме и некоем «парадигмальном эгоцентризме». Хотелось бы подчеркнуть, что ничего подобного нет и в помине, и мы («мы» в данном случае – это совсем небольшой, но сплоченный круг адептов трансцендентальной парадигмы) с большим уважением относимся к трудам своих коллег по исследованию психического отражения. А с другой стороны, вне полемической формы обсуждения невозможно изложить содержание новой познавательной позиции. Более того, необходимость постоянного педалирования «превосходства» концепции порождающего восприятия вызвана стремлением донести ее ключевой тезис: психическое отражение можно исследовать в рамках всевозможных методологических подходов, но не стоит надеяться на понимание процессов его порождения, оставаясь в гносеологических рамках продуктивности.

Итак, в современной психологии восприятия происходят существенные парадигмальные сдвиги, влекущие за собой принципиальные изменения в психологических представлениях. Безусловно, данные процессы имеют фундаментальное значение для всей психологической науки.

Изменение парадигмы научного мышления, происходящее на наших глазах, инициировано не только логикой научного познания, выдвинувшей на первый план задачу повышения экологической валидности результатов научного поиска, но и тем, что можно назвать «ролью личности в науке» – прозрениями отдельных выдающихся творцов, открывающих далеко не очевидные большинству пути познания. И если в первом случае (а это случай онтологической парадигмы) востребованность и «приживаемость» новых исследовательских решений не вызывает опасений, то во втором (в случае трансцендентальной парадигмы) прогноз, вероятно, не столь оптимистичен. Тем не менее, развитие трансцендентального подхода А.И. Миракяна к исследованию психики продолжается и происходит сейчас по двум основным направлениям: 1) расширение поля эмпирической верификации принципов порождения психики (создание моделей порождения различных психических процессов); 2) теоретико-методологическая разработка концептуальных положений трансцендентальной психологии в целях детализации онтологического статуса психики как одной из форм материальности.

Трансцендентальная парадигма ни в коем случае не претендует на «отмену» сложившейся системы научности в психологии, на «замену» собой традиционных для психологии форм познания. Но разве это не достойная познавательная задача: дополнить исследование собственно психических явлений анализом фундаментальных закономерностей материи, обеспечивающих принципиальную возможность появления психики?

Список литературы

1. А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 563 с.

2. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. С. 324-358.

3. Барабанщиков В.А. Элементарный акт зрительного восприятия // Образ в регуляции деятельности: сб. научн. ст. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 113-121.

4. Барабанщиков А.В. Онтологическая парадигма исследований восприятия // Психологический журнал. 2009. № 5. С. 81-95.

5. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследованиях восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / под ред. К.А. Абульхановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. Т. 2. С. 81-101.

6. Барабанщиков А.В. Теоретико-методологические предпосылки онтологического подхода к исследованию перцептивных явлений // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. С. 427-458.

7. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 341 с.

8. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван: Айастан, 1990. 332 с.

9. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. М.: б/изд., 1992. 216 с.

10. Миракян А.И. Афизикальные принципы порождающего процесса восприятия и их моделирование // Принципы порож-

дающего процесса восприятия: коллективная монография / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992а. С. 9-46.

11. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. М., 1995, № 2. С. 77-94.

12. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. В 2-х кн. М.: ИП РАН, 1999, 2004. 299 с. 384 с.

13. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности: Психология философии. Издание второе, переработанное и дополненное. Ереван: Айастан, 2009. 173 с.

14. Нагдян Р.М. Некоторые проблемы современной физики в контексте афизикального подхода А.И. Миракяна // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. С. 368-384.

15. Панов В.И. О предмете психологии экологического сознания // Прикладная психология. 2000. № 6. С. 1-15.

16. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.

17. Панов В.И. Восприятие движения и стабильности окружающего мира: гносеологическая и трансцендентальная парадигмы // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. С. 227-252.

18. Панов В.И. Онтологические и трансцендентальные предпосылки экопсихологии развития // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010а. С. 293-323.

19. Принципы порождающего процесса восприятия: коллективная монография / под ред. А.И. Миракяна. М.: б/изд., 1992. 223 с.

20. Чуприкова Н.И., Кошелев А.Д. От составителей // Дифференционно-интеграционная теория развития / сост. Н.И. Чу-

прикова, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 7-10.

21. Шошина И.И., Пронин С.В., Шелепин Ю.Е. Влияние предварительной фильтрации изображения на пороги различения длины отрезков в условиях иллюзии Мюллера-Лайера // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 4. С. 16-24.

22. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия // Гуманитарный вектор. 2012. № 1 (33). С. 124-131.

23. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. 129 с.

24. Dimigen, O., Sommer, W., Hohlfeld, A., Jacobs, A., & Kliegl, R. (2011). Coregistration of eye movements and EEG in natural reading: Analyses and review // Journal of Experimental Psychology: General. Vol. 140. № 4. Pp. 552-572.

25. Zdravkovic S. (2012). Cognitive functions influence lightness perception // Perception. Vol. 3. № 2. P. 706.

ГЛАВА 3. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РАЦИОНАЛЬНОСТИ³⁵

Трансцендентальная психология как изменение образа мышления

С.Л. Артеменков

Введение

Научное направление и концепция трансцендентальной психологии, предложенная и разработанная Аршаком Исраеловичем Миракяном его школой является примером радикально нового подхода к исследованию психических процессов, и в частности процессов непосредственно-чувственного восприятия (Козлов, 1985; Миракян, 1990, 1992, 1995, 1999, 2004; Кочурова, 1992; Морина, 1995; Панов, 1998, 2004; Артеменков, 2004, 2005; Artemenkov, 2005; Artemenkov & Hargis, 2005 и др.). Плодотворная научно-исследовательская деятельность А.И. Миракяна, которая была связана с исследованием проблем оперативной деятельности и психологии восприятия и завершилась разработкой нового направления трансцендентальной психологии, в значительной мере была направлена на изменение господствующей в психологии восприятия концептуальной парадигмы: разрушение принятых в это время научных стереотипов и существенное изменение образа мышления исследователя.

Нам представляется, что идеи, развитые А.И. Миракяном в критике (физикального) продуктного подхода и при разработке трансцендентальной психологии, имеют боль-

³⁵ А.И. Миракян и современная психология восприятия: сб. научн. ст. / под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной, Г.В. Шуковой. М.: ПИ РАО, Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. С. 324-358.

шое научно-практическое значение. К сожалению, можно сказать, что они во многом остались не известны широкой научной общественности и в значительной мере недооценены современными учеными. С одной стороны, это происходит в силу достаточно узкой специфики первичных исследований (психологии восприятия), с другой стороны, из-за достаточно сложного языка и философской терминологии автора, с третьей – в силу явно недостаточной степени популяризации и распространения этих идей. Кроме того, как показал опыт работы лаборатории А.И. Миракяна, с трансцендентальной (сложной и скрытой) реальностью трудно работать как теоретически, так экспериментально, а индивидуально-психологическое изменение (продуктного) образа мышления часто дается с трудом (в особенности людям с уже сформировавшимися научными представлениями).

В данной работе сделана попытка рассказать о важных вопросах сущности того изменения образа мышления, которое предусматривает трансцендентальная психология в ее взаимосвязи с некоторыми близкими современными взглядами и теориями.

Продуктивный подход

Известно, что науки развиваются в рамках определенных парадигм и на основаниях определенных концепций, включающих набор тех или иных теоретических и методологических принципов, которые, определяя научный подход, только частично связаны с собственно научными явлениями, но намного больше социологией и социальной психологией науки и практики. При этом различные концепции первично обычно являются несопоставимыми, т.к. при начальном отсутствии более широкого подхода нет общих оснований для их сравнения. Более того, в рамках двух разных концепций одинаковый набор данных (явлений) содержит разные факты (Полани, 1985).

Основание концептуальной парадигмы составляют фундаментальные теоретические представления и верования, которые передаются посредством обучения на основе непосредственного влияния, общения и часто миссионерского следования и окончательно оформляются в учебниках. Эти представления и верования способствуют формированию определенного образа мышления исследователя, который включает имплицитное использование заданных исходных оснований или точки зрения, определенные модельные предпосылки и тот или иной образ или тип мышления.

Исследования советской психологии и философии второй половины двадцатого века по большей части основывались на исторически принятой в европейской философии субъектно-объектной парадигме, которой психология человека и сущность его жизнедеятельности рассматриваются с некоторой объективно отстраненной позиции через призму общей модели взаимоотношения субъекта и объекта. При этом восприятие субъектом реальности трактуется как процесс психического отражения, в основном обусловливаемый функциональным содержанием практической деятельности. Характерным здесь является и известное определение восприятия, как отражения предметов и явлений в совокупности их свойств и частей при непосредственном воздействии их на органы чувств. Модель отражения естественно предполагает, что процесс восприятия – это процесс формирования чувственного или перцептивного образа (Любимов, 2007). В психологии восприятия обычно рассматриваются основные свойства этих образов: предметность, константность, структурность, неоднородность, историчность, биполярность и др.

Изучая пространственное восприятие А.И. Миракян, с одной стороны, обратил внимание на функциональную гибкость процессов восприятия, которые обеспечивают полифункциональность жизнедеятельности и сопредставленность множественных свойств объектов (Кочурова, 1992). С другой стороны, он обнаружил, что рассмотрение свойств перцептивных образов не дает возможность понять законо-

мерности процесса восприятия, т.е. то, как такая функциональная гибкость становится возможной в непосредственно-чувственном процессе. Более того, одной из самых важных причин этого является тот физикальный подход, который исповедуют исследователи – подход отождествления характеристик процесса психического отражения с его предметно-содержательным результатом (Миракян, 1990).

Фактически, по А.И. Миракяну, субъектно-объектная модель рассмотрения процессов непосредственно-чувственного отражения строится на основе соотнесения результатов физических и психических событий и основана на изучении природных явлений и процессов через отношение исходного состояния и конечного результата (или продукта) исследуемого процесса. При этом непосредственно сам процесс восприятия как процесс порождения этих продуктов и закономерности этого процесса остаются скрытыми от понимания.

Такой подход к исследованию процессов восприятия был назван А.И. Миракяном продуктным подходом. Он, соответственно, сопряжен с продуктным образом мышления, который естественно сформировался в истории европейской философской и психологической традиции как доминирующий и практически не был подвержен пересмотру. В частности, как показал А.И. Миракян, представления о константности зрительного восприятия величин остались практически неизменными с того времени, как их основы были сформулированы Декартом (Миракян, 1992а).

А.И. Миракян также показал, что естественность такого постоянства вполне объяснима и связана с большим функционально-практическим значением для успешной деятельности человека адекватности соотношения между объектом и продуктом отражения и, напротив, отсутствием значения непосредственно процессуальной стороны отражения для обычной деятельности. Естественно-научный (физикальный) продуктный образ мышления тем самым сложился в результате того, что когнитивный процесс был более открыт для сознания практически действующего человека, чем тран-

сцендентальный, в основном бессознательно протекающий процесс непосредственно-чувственного восприятия.

В качестве аналогии ситуации здесь можно привести попытку проверить геометрию арифметикой, которую в древнее время предпринял Пифагор. Основными числами обычного опыта являются рациональные числа – отношения целых чисел. Иррациональные числа, которые появились в связи с несоизмеримостью геометрически упорядоченных отрезков линий (например, гипотенузы и катетов прямоугольного треугольника), являются в контексте рациональных чисел сначала как относительно редкие. Однако редкость иррациональных чисел есть всего лишь результат ограниченной выборки, а мощность множества действительных чисел, включающих рациональные числа, оказывается существенно больше.

Преодоление продуктного подхода

Продуктный подход в психологии восприятия тем самым связан с отождествлением свойств рассматриваемых психических процессов со свойствами их продуктов в форме ставших уже образов или понятий. Характерным результатом имплицитного использования продуктного подхода является отождествление исследователями процессов непосредственного и опосредованного отражения. Это «обусловлено тем, что оба эти процесса представлены сознанию только через свои результаты, продукты в форме ставших уже образов или понятий, что делает возможным их логическое сопоставление в мыслительном акте познания» (Миракян, 1990).

Дальнейшие исследования А.И. Миракяна были направлены на преодоление продуктного (физикального) образа мышления и создание нового подхода к исследованию закономерностей психических процессов на «непродуктном» уровне, т.е. задача изучения непосредственно-чувственного процесса отражения состояла в том, чтобы найти те принципы и механизмы, которые не используют

заранее постулированные, уже отраженные свойства объектов и поэтому обеспечивают возможность порождения образа любой фигуры в различных условиях восприятия (Миракян, 1990). По большому счету это представляло собой трудно выполнимую задачу, поскольку ясно, что так или иначе продуктами восприятия являются практически все представления и понятия, используемые для осмысления явлений восприятия.

Например, при рассмотрении элементарных механизмов зрительных процессов вполне естественным представляется начать экспериментальное исследование нейрофизиологических закономерностей этих процессов с вопроса о том, какие механизмы (детекторы, нейронные ансамбли и т.п.) отвечают за отражение простейших геометрических свойств объектов (отрезков линий и углов), которые могут выступать в качестве основных свойств, позволяющих затем воспроизводить более сложные формы объектов. Классический эксперимент, проведенный Д. Хьюбелем и Т. Визелем (Хьюбел, 1990), как раз был направлен на поиск детекторов этих простых геометрических свойств.

С методологической точки зрения это также классический образец продуктного подхода, поскольку поиск механизмов непосредственно-чувственного отражения данной фигуры или класса фигур осуществляется с использованием ряда заранее выделенных геометрических признаков. Они являются результатами ранее законченных процессов восприятия и представлены на уровне образованных ранее понятий, непосредственно относящихся к свойствам перцептивных образов.

По А.И. Миракяну, представление о некоторой фигуре (например, о квадрате), как форме, обладающей рядом признаков, является результатом (продуктом) геометрического описания объективных пространственных отношений на когнитивном уровне, который образовался на протяжении долгой истории жизнедеятельности человека в процессе понятийного упорядочивания продуктов про-

цесса непосредственно-чувственного отражения различного типа фигур.

Предложенный А.И. Миракяном выход из ситуации, связанной с «неизбежной» опорой на продукты восприятия, представлял собой построение новой философской модели рассматриваемого явления и поиск наиболее общих фундаментальных природных оснований и принципов структурно-процессуальной организации живых существ, обуславливающих возможность появления такого явления, как живое отражение. Вместо того чтобы искать сущность процессов восприятия в частности и особенностях их функционирования, А.И. Миракян обратился к тем процессам и явлениям, которые обуславливают и конституируют эти процессы, т.е., по сути, к процессам существования и порождения.

Согласно А.И. Миракяну, при поиске новых оснований и принципов можно основываться на следующих положениях: понимание процесса отражения как закономерного явления процесса развития различных форм живого мира, включая общие процессы роста и развития, процессы создания и фиксации форм живых существ в процессе эволюции; рассмотрение функциональной природы процессов взаимодействия, вытекающей из психологического факта об универсальности и хорошо известной полифункциональности отражения у живых существ; выражение этой функциональной природы в общих закономерностях структурно-процессуальной организации и развития форм отражения живых существ, например, таких, как образование анизотропных пространственно-временных отношений.

Такой подход – это не просто использование в качестве оснований продуктов более высокого уровня абстракции, не являющихся результатами непосредственно-чувственного восприятия. В сущности, это серьезный поворот мировоззрения, направленный на преодоление физикального подхода. Чтобы показать это, рассмотрим этот вопрос более подробно.

Редукционизм и физикализм

К середине двадцатого века окончательно сформировалось представление о том, что физика заключает в себя всю материальную реальность (все от фундаментальных частиц до вселенной), что всякая материальная система представляет собой набор аналитических видов и применимых к ним универсальных законов, а полное объяснение и понимание любой материальной системы состоит из этого и только из этого. В частности, организмы и машины составляют определенные классы таких материальных систем.

До Ньютона наука была частью философии – натуральной философии, которая в силу многих причин не могла быть очень успешной в открытии природных законов и закономерностей. Однако интересно, что в определенном смысле натуральная философия была намного более богатой, чем физика, которая ее заменила (аналогично древние языки часто бывают более сложными, чем те, которые их заменяют, например, в древнегреческом языке для выражения любви использовались четыре разных слова, в современном русском языке – всего одно слово).

Физика Нового времени осуществила радикальное упрощение (редукцию) научной философии и одновременно провозгласила, что это осуществляется без потери общности (универсальности). Но на самом деле открытие мира простых закономерностей было связано с потерей этой универсальности. Конкретную вещь (систему) с точки зрения натуральной философии можно представить в двух разных ипостасях: ее существования и ее сущности.

Существование имеет отношение к онтологии и связано с тем, каким образом конкретная система стала такой, какая она есть. Речь идет об эволюции и развитии – создании. В этом отношении существование системы является существенной и независимой частью понимания этой системы.

Сущность, напротив, имеет отношение к эпистемологии, т.е. это часть, которая объясняет то, как система себя ведет

или функционирует. Для живого отражения речь при этом идет скорее о физиологии и психологии, нежели об эволюции и развитии.

Сущность можно анализировать далее. Этот анализ восходит к Платону, понятия – не только гносеологические или логические образы, а прежде всего «бытийные» (онтологические) сущности; как сущности они не зависимы от колеблющегося чувственного существования вещей; они – понятия, существующие сами по себе, самобытно и безусловно. Это дает основание для сравнения и классификации различных систем: две системы соотносятся через то общее, что они разделяют, и отличаются друг от друга их особенностями. Аналогия с языком: общее – подобно существительному, частные особенности соответствуют определяющим их прилагательным.

Идея сущности была связана с известными видами или категориями причинности, берущими начало от Аристотеля: материальная, формальная, действующая и конечная. Понятие «существование» «вращается» вокруг другого типа каузальности, внутренней (имманентной) причинности и наследования.

В натурфилософии все эти выделенные аналитические категории независимы: существование, в принципе, не обязательно влечет за собой что-либо в сущности и наоборот; общности не обязательно определяют что-либо в особенностях и наоборот.

Наука Нового времени внесла свой важный вклад в отрицание независимости этих модусов анализа и существенно упростила общую картину их взаимоотношений. Две гипотезы упрощения Галилея– Ньютона фактически заключались в утверждениях, что эпистемология определяет онтологию (очень сильная гипотеза, которая утверждает, что происхождение создания систем относится к более общей группе изучения действия этих систем), а частности определяют общности.

Вместе эти гипотезы означают, что «частности определяют все». Это есть упрощение, поскольку утверждаются определенные зависимости между вещами, которые ранее могли быть независимы. Результатом упрощения является

выделение определенного класса вещей (механизмов), которые удовлетворяют этому закономерному «принуждению».

Фактически частности есть особенные качества и свойства, которые сами обладают той общностью, по отношению к которой системы можно анализировать, классифицировать и воссоздавать, если становятся известны законы их структурирования, сопряжения и соотнесения.

В результате сделанного физикой упрощения из более широкой реальности выделяется определенный класс вещей, которые удовлетворяют закономерному «принуждению». Если для Аристотеля индивидуальное проявление сути вещей, например, движение, случайно, то для Галилея оно закономерно в силу наличия этого закономерного «принуждения». Переход психологии на галилеевский способ мышления поэтому обуславливает аналогичные возможности нахождения новых закономерностей в динамической психологии (Левин, 2001).

Но принципиальной гипотезой, на которой в конечном счете основывается современная физика и которая является сутью физикализма, является то, что этот выделенный специальный класс вещей (в котором «частности определяют все») представляется на самом деле полным классом. В классе таких систем эпистемология равна онтологии, а формализация, вычисление и конструирование совпадают. Конструирование в целом сводится к манипуляции символами и является приложением механических синтаксических операций (правил вывода) в заданной последовательности (в единственной фиксированной временной рамке). Это собственно и есть относительно простые алгоритмические системы, которые вместе с тем обеспечивают множество новых ранее недоступных возможностей научного исследования и технологического конструирования.

Формулируя положения трансцендентальной психологии, А.И. Миракян фактически выступил против рассмотрения психического отражения в классе столь упрощенных систем и процессов. Он попытался понять, как могут быть

построены процессы, которые устроены более сложным образом. Существуют ли системы, которые устроены по-другому и могут вывести из специального мира продуктно-ориентированных систем, основанных на информационных преобразованиях (например, если рассмотреть организм и различные природные системы отражения)?

Организмы и человек выводят нас из специального физикалистского мира в реальность, где особенности не обязательно определяют общности; знание о том, как система работает, не определяет то, как она создана. Если проблема заключается в понимании устройства и его воссоздании (т.е. в онтологии), то мы не можем ее решить с использованием только эпистемологических средств в (экологическом) мире, в котором онтология и эпистемология не только отличаются, но и существует реляционная иерархия (взаимное вложение) разных уровней существования и сущности (организм, личность, социум и др.).

Рассмотрев конкретные вопросы применения физических идей в биологии, основатель квантовой механики австрийский физик Эрвин Шредингер осознал, что организмы являются более общим классом, чем неживые системы, рассматриваемые в традиционной физике (Шредингер, 1972). В минимальном виде здесь происходит переход от закрытых систем к открытым. При этом закрытые системы являются очень узким ригидным подклассом открытых систем, а результирующее поведение системы зависит от того, как она была «открыта» намного более, чем от того, что представляла собой закрытая система (в этом смысле бихевиористские исследования вполне имеют право на существование, поскольку для понимания поведения – отношения, в которые вступает живое существо, часто значат много больше, чем то, что являет собой само это существо). При этом развитие физики открытых систем связано с большими проблемами, которые существуют еще и потому, что формализм, наследуемый от традиционной физики, является слишком специальным, чтобы охватить их.

Трансцендентальный подход

По А.И. Миракяну, будучи трансцендентальными, процессы непосредственно-чувственного восприятия формы и движения объектов имеют порождающий характер (Миракян, 1990). Свойства процесса восприятия поэтому не совпадают со свойствами продуктов восприятия (примерно так же, как свойства натрия и хлора не совпадают со свойствами продукта их химической реакции – поваренной соли), а закономерности и особенности порождающего процесса не могут быть адекватно поняты на основе уже порожденных свойств или признаков образов объектов (Миракян, 1999).

Путь построения нового подхода состоит в выполнении следующих трех предпосылок (Миракян, 1999).

1. Используя введенную ранее терминологию, сущность исследуемых процессов надо попытаться найти в их существовании. «Вместо исходного представления о процессе отражения, как о процессе, происходящем между объектом и субъектом в форме их наличного взаимодействия... чувственное отражение рассматривается как явление, порожденное в процессе образования материей природных и живых форм и имеющее качественно новые проявления тех же закономерностей, которые свойственны процессу развития материи...».

2. Вместо свойств продуктов восприятия для постижения возможности реализации процесса отражения следует опереться на гипотетические общие принципы (т.е. понять, как сущность определяет частности, используя для этого в методологии соответствующий аксиоматический подход). «Чтобы понять содержание процесса чувственного отражения и те фундаментальные принципы, действие которых приводит к осознаваемым человеком продуктам отражения, необходимо отвлечься от наличной формы взаимодействия между объектом и субъектом и рассмотреть эту форму взаимодействия посредством гипотетически предполагаемых возможных принципов ... с учетом того, что форма взаимодействия, приводящая к субъективному отражению, функци-

ональна по своей природе и, что главное, в этом взаимодействии объект выступает как носитель всевозможных свойств и отношений с другими объектами и с самим субъектом, а субъект выступает как носитель возможности преодоления универсальности объекта».

3. Основопологающим свойством, характеризующим процессы порождения (в отличие от процессов преобразования информации), является возможность образования анизотропных отношений. «С этой точки зрения первым необходимым условием совершения акта отражения ... полагается возможность образования отражательной системой отношений между различными свойствами объектов посредством собственных анизотропно-асимметричных анатомо-физиологических структур».

В результате А.И. Миракян представляет непосредственно-чувственное восприятие как единый формопорождающий процесс, основанный на новых постулируемых принципах и гипотетической структурно-процессуальной организации перцептивной (отражательной) системы. Таким образом, свойства процесса восприятия определяются его принадлежностью к системе отражения, имеющей сложную иерархичную структурно-процессуальную организацию, которая в минимальной модели путем образования анизотропных пространственно-временных отношений, обеспечивает формопорождение, полифункциональность и функциональную гибкость восприятия. Задачей науки, изучающей формопорождение, при этом является верификация представленных таким образом принципов и построение и уточнение моделей исследуемых психических процессов (Миракян, 2004; Артеменков, 2005; Artemenkov & Harris, 2005a).

Таким образом, подход, предложенный А.И. Миракяном для решения трансцендентальной проблемы по сути противоположен физикальному и утверждает, что «общие принципы решают все». Они выполняют как гносеологическую и онтологическую роли, так и трансцендентальную – в качестве «исходного основания для разработки априорной и апостериор-

ной моделей порождающего процесса» (Панов, 2004). Принципы порождающих процессов, включая общий принцип или идею формопорождения (Панов, 2004), представляют собой ряд фундаментальных положений, которые обуславливают необходимую возможность структурно-процессуальной реализации формопорождения (Миракян, 1995; Панов, 2004; Артеменков, 2005; Artemenkov & Harris, 2005a). Так, например, принципы анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы и образования анизотропных (симметрично-двуединых) отношений обеспечивают возможности дискретизации форм пространственности и непрерывности времени, образования и фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени и образования отношений между зафиксированными данными различных моментов времени.

Таким образом, если традиционный когнитивный подход рассматривает психологические процессы, например, восприятие, на основе свойств, сформированных образов, то трансцендентальное рассмотрение опирается на общие природные принципы развития соответствующих перцептивных систем. Феноменально-систематизирующий методологический подход заменяется на аксиоматический подход с использованием трансцендентальных общих принципов. В результате изменения образа мышления структурно-процессуальное описание перцептивной системы меняется с функционально-гетерогенного на анизотропно-гомогенное, отдельные свойства образов становятся сопредставленными свойствами и т.п. (Артеменков, 2005). Возвращаясь к упомянутым ранее экспериментам Д. Хьюбела и Т. Визеля, можно сказать, что обнаружить нейроны-детекторы можно исходя из идеи (принципа) детектирования геометрических свойств. Вместе с тем выполняемые нейронами операции могут носить и другой характер (связанный с образованием отношений), понять который можно на основании другой принципиальной или концептуальной системы. Требование смены концепции возвращает нас к вопросу об изменении образа мышления.

Изменение образа мышления

Изменение образа мышления, связанное с отказом от определения процессов отражения через свойства чувственных образов как продуктов восприятия, сопряжено не только с новым аксиоматическим подходом к рассмотрению исследуемых процессов. Существенную роль здесь играет и имплицитное изменение научно-исследовательской модели. Обычное представление о восприятии естественным образом наполняет мир разнообразными объектами и их свойствами, т.е. подлежащая восприятию реальность заведомо неоднородна. В то же время представление о внутреннем строении процесса восприятия может быть вполне изотропным – однородно отображающим эту внешнюю неоднородность. Для того чтобы понять, что подлежащая восприятию реальность является исходно однородной для системы отражения, а сама эта система, напротив, имеет анизотропное строение, необходим перенос точки зрения исследователя (наблюдателя) из внешней статичной точки «третьего судьи» субъектно-объектного взаимодействия в рассматриваемый процесс. Таким образом, точка зрения исследователя становится процессуально центрированной и совмещается с течением процесса, становится динамической, «движется» вместе с процессом. Такая динамическая точка зрения и позиция наблюдателя открывает возможности нового видения системной организации и проблематики исследования психических процессов.

В упрощенном наглядном виде можно предложить следующую метафору природной анизотропной системы, состоящей из двух сред. Например, это может быть надводная и подводная части некоторого водоема с водяными растениями (цветами). Традиционный для психологии функциональный когнитивный подход при этом можно сравнить с изучением жизни и отношений надводной части этих растений, включая различные свойства листьев, цветов и т.п. Задачу, связанную с раскрытием закономерностей строения и организации

этих растений, можно сравнить с изучением того, как происходит рост этих растений под поверхностью воды. При этом то, что при (функциональном) взгляде снаружи выступает на поверхности как разнообразная водяная растительность с ее включенностью в функциональную событийную жизнь поверхности водоема, при (трансцендентальном) взгляде изнутри может иметь совершенно иную реальность и представит, например, в виде относительно однообразной структуры разветвления стеблей с одинаковой системой розеток.

Переходя от этой метафоры обратно к рассмотрению процесса восприятия, можно констатировать, что процесс, который с функционально-продуктивной точки зрения предстает в виде отдельных свойств образов и многообразных изменений событий ощущений и восприятия, внутренне может иметь совершенно иным образом организованную единообразную и в то же время анизотропную реальность, которая при этом никак не проявлена в продуктах восприятия. Если это предположение верно, то экспериментально изучать закономерности порождающего процесса восприятия, основываясь на проявляемых свойствах образов и идеи экологической валидности восприятия (Найссер, 1981), оказывается неправильно в принципе. Ясно, что такой далеко идущий вывод существенным образом нарушает общую теоретическую и методологическую картину исследования процессов восприятия.

Известно, что предложенный Брунsvиком (1956) термин экологической валидности напоминает о том, что искусственная ситуация, создаваемая в эксперименте, может в решающих отношениях отличаться от реального мира. В этом случае результат может оказаться иррелевантным по отношению к тем феноменам, которые хотел бы объяснить исследователь. Так, например, в ходе лабораторных исследований того, как крысы научаются проходить лабиринт, долгое время не удавалось выявить те способности к научению, которые обнаруживают эти животные в естественной среде. Точно так же исследование памяти у человека путем предъ-

явления списков бессмысленных слогов немногим способствовало объяснению того, как происходит обучение школе или осуществляется запоминание в повседневных условиях.

Требование экологической валидности таким образом вполне обосновано при исследованиях, связанных с поведением и функциональными отношениями. Вместе с тем в исследованиях, направленных на объяснение внутренних механизмов порождения психических процессов, экологическая валидность, как нам представляется, напротив, оказывается неподходящим требованием. Интересно, что отказ от требования экологической валидности созвучен и перекликается с экспериментальными условиями и требованиями, определенными Я.А. Пономаревым при исследовании творческих процессов (которые не доступны преднамеренному самонаблюдению) и мышления (Пономарев, 1976).

Изменение образа мышления естественно сопряжено не только с тем, что вроде бы заведомо простая ситуация использования для анализа продуктов восприятия вдруг становится более сложной и требует для своего рассмотрения более сложной модели. Вполне естественно, что заведомо неясная и ранее теоретически сложная экспериментальная ситуация может быть существенно упрощена и стать более простой и ясной, что таким образом определяет практичность соответствующей новой модели и образа мышления. Например, в настоящее время ясно, что можно, в принципе, составить уравнения и изучать движения планет как в геоцентрической, так и гелиоцентрической системе. Однако в гелиоцентрической системе эти уравнения будут намного проще.

Аналогичная ситуация возникает и при исследовании восприятия. Хорошим примером в этой связи являются эксперименты П. Колерса, связанные с восприятием известного явления видимого движения. Оно представляется исследователю интересным для постановки дальнейших экспериментов, поскольку в наглядном виде можно представить зрительный переход (трансформацию) от одних фигур или форм объектов к другим. Этот переход имеет место в том случае,

когда цветное пятно, появляющееся на контрастирующем фоне в течение очень короткого времени, сопровождается после интервала от 10 до 45 миллисекунд появлением подобного цветного пятна на коротком расстоянии от первого. При этом задача, которую ставит исследователь, состоит в том, чтобы отыскать эмпирически обоснованную меру или, по крайней мере, общий сравнительный тест для психологического подобия по какому-либо важному признаку. Описывая эти эксперименты в своей книге «Способы создания миров», известный представитель аналитической философии (тоже опирающийся на аксиоматический подход, но трактующей его более в духе отмеченного выше физикализма) Н. Гудмен рассуждает о том, что если некоторые из форм имеют специальные условия такой трансформации, то можно сделать вывод о том, какие из форм или свойств находятся в основе процесса восприятия (Гудмен, 2001). Можно видеть, что в этой постановке задачи используется продуктный образ мышления и изначально принимается, что некоторые из форм или свойств объектов могут стать адекватной мерой и послужить для создания объяснения процесса восприятия. При этом отрицательный результат поставленных экспериментов становится в известной мере неожиданным для исследователей.

Между тем при смене образа мышления на представление о порождающем процессе восприятия становится изначально ясно, что перцептивные свойства объекта не могут находиться в основе процесса восприятия и тем самым не могут быть и мерой подобия форм или свойств объектов. Поэтому в рамках трансцендентального подхода постановка представленной выше экспериментальной задачи не имеет смысла, а отрицательный результат эксперимента можно заранее предсказать. Приведенный пример показывает, что принимаемый, как правило, неосознанно продуктный образ мышления имеет критическое значение как в отношении постановки задачи, так и в отношении получаемых экспериментальных результатов и их интерпретации.

Таким образом, в представленной области исследований методологические вопросы имеют особую важность, поскольку существенным образом влияют на то, какие исследовательские результаты можно ожидать. Вместе с тем конкретные основополагающие составляющие образа мышления часто четко не эксплицированы на уровне осознания, а опыт разработки трансцендентального подхода показывает, что смена образа мышления для многих людей сопряжена с рядом непростых представлений и трудностей внутреннего психологического порядка, которые могут быть отнесены к разряду когнитивных иллюзий.

Когнитивные иллюзии

Под когнитивными иллюзиями обычно понимаются нарушения в оценке явлений и принятии решений при выходе за функциональные пределы восприятия и пределы возможностей по переработке информации (Piatelli-Palmarini, 1994). Это связывают как с ограниченностью функционального диапазона возможностей человека, с отсутствием обучения и неразвитостью соответствующих способностей, так и с сущностными свойствами центральной нервной системы: собственно мозг, по всей видимости, призван искать вознаграждение в явных (согласованных) решениях, которые не одно и то же с просто решениями. Эта особенность, на которую указывали некоторые исследователи (Damasio, Cytowic, Bernard, Wittgenstein & Peirce), собственно, хорошо согласуется с положениями трансцендентального подхода.

В частности, были выявлены следующие когнитивные иллюзии (Piatelli-Palmarini, 1994).

1. Сверхуверенность. Мы не слишком хороши в оценке нашего собственного уровня уверенности. У нас есть тенденция систематически ошибаться в большую сторону и сопротивляться попыткам коррекции. Ошибка увеличивается с увеличением нашей уверенности.

2. Магическое мышление. Мы очень доверяем знакам, происходящим из народных верований: суеверия – вера во взаимосвязь несвязанного или в несуществующую, или еще непознанную, связь, что может быть обусловлено отсутствием знания. Более того, мы ищем свидетельства для поддержки и подтверждения априорных верований в этих взаимосвязях. Мы легко научаемся делать что-либо даже в условиях отсутствия свидетельства или присутствии противоположного свидетельства.

3. Оценка прошедших событий. Факт, что что-либо действительно произошло, принимается означаящим следующее: он имел высокую вероятность произойти; мы должны были знать о нем заранее.

4. Доступность – принятие простого выхода. Мы будем использовать более простое представление скорее, чем более сложное. Чем проще представить событие в уме, тем более вероятно мы оцениваем его как более частое. Например: эффект обыденности нормальности при обращении к подобному (возможно, столь же невероятному) событию, имевшему место на практике. Это ведет к недооценке того, что является частым, и переоценке того, что не часто, и поэтому ошибочной оценке случайного стечения обстоятельств (совпадения).

5. Вероятностная слепота. Мы не устанавливаем равенство равных вероятностей (хотя это делает судьба), особенно на верхнем пределе интервала вероятности. Мы предпочитаем увеличение от 0,94 до 0,99 больше, чем от 0,38 до 0,42, или что-либо, что уменьшает риск от 0,001 до 0 чему-либо, что уменьшает его от 0,002 до 0,001. Мы уменьшаем вероятности до определенностей и отрицаем, что популяционные вероятности применимы для индивидуальных случаев. Мы неверно оцениваем ковариацию.

6. Сказочность – мифологичность связей. Мы переоцениваем вероятность связанных вымыслов со многими частями (иллюзия совпадения). Заметьте, что цепь событий должна быть менее вероятной, чем наислабейшее звено (предполагая, что у нас нет полной определенности, которой никогда

нет). Как исследования, так и реальная жизнь говорят нам, что люди находят аргументы более неотразимыми, когда последние поддерживают то, во что они уже и так верят. Это соотносится с оценкой прошедших событий: мы можем построить их путем представления полусвязных рассказов.

7. Привязка – принятие очевидного основания. Мы используем первоначальные ориентиры для привязки будущих предположений. Мы делаем это даже тогда, когда известно, что эти ориентиры случайны. Мы часто принимаем очевидные данности за надежные основания и намечаем цели без должного анализа выбранных оснований.

Принятие очевидных данных в качестве удовлетворительных оснований для проведения дальнейших рассуждений без надлежащего анализа адекватности выбранных оснований, собственно, способствует и распространению продуктного подхода. Вместе с тем проблема здесь более сложная.

Редуцируя реальность до достаточно простых действенных моделей, наука сама создает представления и ориентиры, с помощью и относительно которых препарируются новые или другие явления. Если теоретическая модель оказывается во многих случаях эффективной, то она сама начинает служить тем мерилom истины, относительно которого затем рассматриваются новые опытные данные.

В этом отношении интересным психологическим примером является так называемая ошибка объединения, под которой понимают «ложную» веру людей в то, что два (по всей видимости, независимых) события имеют большую вероятность взаимного осуществления, чем каждое из них в отдельности. Это явление обычно рассматривается, как определенная когнитивная иллюзия, и было продемонстрировано в большом наборе разных контекстов, включая оценку частоты встречаемости слов, личностные суждения, медицинские прогнозы, принятие решений в условиях рисков, подозрения в совершении преступлений и политические прогнозы (Gilovich etc, 2002).

Причины, почему столь неадекватное поведение имеет место и столь часто встречается, оказываются в целом неясными и слабо объяснимыми. В соответствии с общепризнанными нормативными взглядами это поднимает ряд вполне обоснованных вопросов. Например, почему люди столь часто не принимают во внимание логическую форму утверждений при оценке вероятностей? Почему они столь не расположены координировать оценку вероятности с общепринятой логической структурой? При исследовании этих вопросов многие из работ проводились с тем, чтобы сравнить интуитивные выводы и оценки вероятности со специфическими фиксированными научными результатами – правилами статистики и законами вероятности.

В частности, Тверски и Каннеман объясняли такое иллюзорное поведение с помощью эвристик репрезентативности и доступности и в целом с помощью так называемых «поверхностных» эвристик (Tversky & Kahneman, 1983). Эти эвристики много критиковали за то, что они слишком неясны для того, чтобы считаться объяснениями. Исследования отмечали многозначность понятия «вероятность» и были озабочены обманчивыми прагматическими влияниями и неопределенностью в отношении понимания объединения категорий.

В соответствии с эвристическим правилом объединения само объединение может быть более репрезентативным, чем одна из его составляющих, и случаи более специфической категории можно легче вообразить, чем случаи более широкой категории. Поэтому эвристики репрезентативности и доступности могут сделать объединение более вероятным, чем одна из его составляющих. Это, как было отмечено, нарушает один из основных качественных законов вероятности – правило объединения вероятностей (независимых) событий. Вероятность объединения $P(A \& B)$ не может превысить вероятность составных частей этого объединения $P(A)$ и $P(B)$, поскольку множество возможных событий объединения включено в состав множества всех составляющих.

Вместе с тем исследования дают основания считать, что представления классической теории вероятностей ошибочно использовать в качестве объективных мер перцептивных и когнитивных процессов (Artemenkov, 2006b). Теория вероятностей основана на относительно простой модели множества отдельных случайных событий и практически не имеет отношения к причинно-взаимосвязанным событиям, для которых, по идее, надо расширять модель теории вероятности.

Таким образом, можно предположить, что наблюдаемая ошибка объединения может быть представлена как научная иллюзия, которая основана на неверном изначальном предположении. Основная концепция иллюзии предполагает, что она возникает при наличии существенного различия и разделения между реальным поведением и нормативной способностью (рациональным вычислением). В частности, исследователи рассматривают классические модели рационального поведения в качестве норм, по отношению к которым может быть оценено мышление человека. Если они не соответствуют друг другу, то, как правило, делается заключение, что какое-то нарушение есть в мышлении, а не в нормах.

Этот тип понимания иллюзорных явлений обычен для многих наук, связанных с оценкой психической активности и фактически тоже основан на использовании продуктного подхода.

Динамическая позиция наблюдателя

Перенесение точки зрения исследователя в исследуемый процесс естественно приводит к тому, что из статической наблюдательной точки «третьейского судьи» эта точка зрения становится динамической. Как было отмечено ранее, в подходе трансцендентальной психологии это выражается в возможностях осуществления переходов из среды в среду и изменения направления наблюдения в том или ином направлении (функциональный или трансцендентальный взгляды). Такая гибкая точка зрения вместе с тем не является чем-то

уникальным в науке. Если не брать в расчет исторически древние примеры, то следует отметить, что некоторые современные кибернетические теории также связаны с изменением позиции наблюдателя (исследователя).

В частности, такое современное направление, как автопоэзис, которое было параллельно развито в западной науке, также основано на критике модели субъектно-объектного взаимодействия (правда, без понимания серьезности проблем, связанных с продуктивным подходом) и на введении динамической точки зрения (Матурана, 1996; Матурана и Варела, 2001).

При этом, если новые понятия и представления А.И. Миракьяна первично так или иначе были ограничены общей концепцией отражения, то базирующийся на кибернетических идеях автопоэзис утверждает идею «тотальной циркулярности» и вводит далее понятие «постановления» (enaction) – как порождения в циклическом действии.

Понятие «постановления», употребляемое Варелой и его соавторами, акцентирует антирепрезентационный и антиредукционистский взгляд на познание (Varela etc., 1991). Процесс порождения в действии (задействования или постановления) может быть понят только в его циклическом, самопорождающем представлении. Постановляющая (всецелотелесная) когнитивная наука включает три тезиса: разум воплощен во всем организме, включенном в окружение (всецело-телесность); всецелотелесная когниция образуется проявляющимися и самоорганизующимися процессами, взаимосвязывающими мозг, тело и окружение (эмерджентность); в социальных существах телесная когниция возникает из динамики взаимной детерминации личности и других (взаимоопределение личность – другие).

В циклической динамике отношения между разумом и телом оказываются неразделимы. При этом важное открытие такого кибернетического подхода состоит в том, что внешние циклы (экологических) отношений на самом деле «дублируются» и поддерживаются соответствующими циклами

внутренних процессов закрытых нервных систем организма (поскольку структурные возмущения закрытых нервных систем не связаны созданием входных воздействий на синапсах сенсорных окончаний).

Постановляющий подход к восприятию в результате подчеркивает центральную роль нашего обладания сенсорно-моторными способностями и объясняет, как это может быть, что мы радуемся переживанию житейской подробности, которая не репрезентирована в нашей голове. Эта подробность представлена в ней в том смысле, что мы имеем особый способ доступа к ней, где доступ контролируется моделями сенсорно-моторных зависимостей, которые нам знакомы. Восприятие как чувство, связанное с формированием образов (в частности, якобы одномоментное зрительное восприятие), заменяется здесь представлением о восприятии как действии и о действии в восприятии (Noe & Thompson, 2002; Noe, 2005).

Известно, что, в отличие от других сенсорных анализаторов, зрительные рецепторы формируются из мозговой ткани и в результате представляют собой видоизмененные клетки мозга, т.е. глаза представляют собой своеобразный прямой интерфейс мозга. Однако современная психология восприятия говорит о том, что представление о зрении как одномоментном процессе, обеспечивающем целостное видение мира объектов, является «грандиозной иллюзией» и не соответствует реальной действительности организации зрительных процессов. В частности, люди видят и осознают намного меньше визуальной информации, чем принято думать. Например, анализ микродинамики зрительного поведения человека в процессе рассматривания глазами картины реально «высвечивает» только малые значимые места, оставляя основную часть картины практически без всякого «видения» (Величковский, 2003).

Другим важным примером является феномен «слепоты к изменениям», при которой человек не может заметить значительные визуальные изменения даже тогда, когда изменя-

емый объект находится в фокусе его внимания (известные эксперименты У. Найссера и Д. Саймонса по селективному вниманию). В этой связи современное теоретическое осмысление процессов зрительного восприятия (Noe, 2005), в принципе, выступает против одномоментного взгляда на зрительное восприятие и в процессуальном плане уравнивает его с другими модальностями восприятия (ощущение, слух и др.), которые последовательно развертываются во времени.

Несмотря на очень большое значение зрения для человека, потеря зрения в настоящее время, как правило, не является фатальной психологической и социальной проблемой, качественно уменьшающей возможности научения и развития психических способностей человека. В этом нас убеждает реальный жизненный опыт многих людей с нарушениями зрения, которые, несмотря на слепоту, не только освоили основы многих профессий, но и добиваются выдающихся результатов в тех областях деятельности, которые, казалось бы, открыты только для зрячих.

С научной точки зрения это является свидетельством того, что зрительная сенсорная модальность, видимо, может считаться всего лишь одним из многих интерфейсов к общей когнитивной системе, функции и возможности которой (при ухудшении зрения) вполне могут быть развиты с помощью других сенсорных модальностей. Это предполагает, что за разными траекториями развития лежат одни и те же механизмы/ткани мозга. Свидетельств в пользу возможности таких универсальных когнитивных возможностей накоплено уже довольно много.

Например, изобразительное поведение слепых и зрячих очень похоже. Турецкий художник Эсреф Армаган (Esref Armağan), картины которого поражают своей динамической живостью и наличием пространственной перспективы, родился слепым в неимущей семье в Турции, не получил никакого формального образования и начал рисовать с семи лет. Он фактически обучился рисованию самостоятельно (ему только сообщили цвета объектов и то, что тени явля-

ются черными) и может изображать объекты с использованием трехточечной перспективы, которая в истории живописи была открыта только однажды в эпоху Возрождения (Филиппо Брунеллески) (Kennedy & Juricevic, 2006). Что является основой саморазвития таких способностей человека, который в целом не обладает особой одаренностью (не слепой Моцарт и не умственно неполноценный человек, проявляющий незаурядные способности в какой-либо области).

Эксперименты по сенсорному замещению и возвращению зрения слепым людям дают весьма интересный ответ на этот вопрос, который заставляет по-другому взглянуть на уникальные пластические возможности мозговых систем и функций. В работах Пауля Бах-и-Рита и его коллег (Bach-y-Rita, 1972), начавшихся еще в 70-х годах прошлого века, зрительные изображения предъявлялись через осязание с использованием пространственной матрицы вибрационных или электрических стимуляторов. Было показано, что испытуемые сообщают об ощущении образов в пространстве и могут обучиться перцептивным оценкам, основанным на зрительных интерпретациях.

Далее экспериментально было показано, что при обеспечении замкнутой сигнальной системы, когда двигательные команды изменяют сенсорное воздействие (что в свою очередь дает возможность управлять движениями), мозг человека может выступать в качестве прямого интерфейса для взаимодействия с миром и слепым может быть постепенно возвращено почти полноценное зрение (Bach-y-Rita, Kercel S.W., 2003). При этом поначалу человек воспринимает лишь легкое покалывание, а спустя некоторое время это сменяется ощущением конфигураций, задаваемых матрицей, и он отличает, например, вертикальную линию от горизонтальной и т.п. После периода адаптации эти ощущения перестают быть тактильно локализованы на теле. Ощущения объективируются и выносятся вовне, т.е. происходит перцептивное научение.

Следующей задачей является симультанное распознавание объекта: название объекта, экспонирование его, изучение руками. Введение телекамеры с переменными фокусным расстоянием и оптической силой дает субъекту возможность увеличивать и уменьшать изображение предмета и его частей по своему желанию. По изменению величины образа он научается судить об истинной величине объекта, воспринимать относительное расстояние и затем сохранять целостность образа (например, если ранее лошадь экспонировалась в профиль, то целью может быть обучение восприятию ее в фас). Формирование координации «камера–глаз» – аналог связи «рука–глаз» – лежит в этом случае в основе генерации точностных движений. Вначале испытуемый учится осознавать и константно воспринимать части своего тела, а затем происходит обучение сложным движениям (например, попадание рукой в цель).

Электрофизиологические, нейропсихологические и нейрофункциональные исследования (в том числе проведенные с помощью изучения соответствующих повреждений коры головного мозга) показали, что зрительная система человека, кроме вентральной части, ответственной за устойчивые характеристики объектов и их отношений, имеет дорсальную часть, которая имеет дело с меняющейся информацией о местоположении и расположении объектов по отношению к исполнителю и тем самым опосредуют зрительный контроль умелых движений, направленных на эти объекты (Ungerleider & Mishkin, 1982; Milner & Goodale, 1995). Зрение в дорсальном тракте может направлять движения без идентификации и распознавания, которые осуществляются в вентральной части головного мозга.

В этой связи поднимаемый постановляющим подходом вопрос о реальности существования и внутренних представлений может быть вполне обоснованным. «Постановление» предполагает, что использование в перцептивной ситуации не выраженного явно знания сенсорно-моторной цикличности может заменить внутренние представления, используе-

мые в качестве объяснения нашего зрительного опыта, богатого деталями визуально схваченного мира. Эти способности и знания могут не работать в определенных условиях, включая эффекты типа избирательного внимания и слепоты к изменениям.

Различные ощущения различных перцептивных модальностей могут быть объяснены в терминах нашего мастерства различения дополнительных сенсорно-моторных обстоятельств. Различные виды сознательных состояний (например, восприятия и памяти) объясняются на основании различных моделей телесной восприимчивости (эффекты телесных изменений в зависимости от того, что воспринято) и «схватываемости» (в зависимости от того, как внешние свойства возбуждают внимание наблюдателя).

Личностная феноменология в этом случае больше не видится как последовательность внутренних опытных событий, надстроенных над нейронными событиями, но скорее возникает (порождается) из динамики взаимодействий между человеком и окружением. Мир наблюдателя, который его «постановляет», перестает быть объективным и независимым от процесса его порождения.

Порождение и эмерджентность

Как было отмечено ранее, понятие порождения является важной особенностью предложенного А.И. Миракьяном подхода к исследованию психических процессов. Предполагается, что, будучи трансцендентальными, процессы непосредственно-чувственного восприятия формы и движения объектов имеют порождающий характер (Миракьян, 1992, 1999, 2004). В этой связи следует отметить, что идея порождения в настоящее время достаточно основательно исследуется в науке.

В частности, синергетика, как наука о развитии и самоорганизации сложных систем произвольной природы, занимается нахождением общих закономерностей эмерджентных

процессов, которые каким-либо образом проявляют новые качества целостности, которых нет в составляющих эти процессы частях (Хакен, 1980; Аршинов и Буданов, 2004).

Эмерджентность означает наличие порождаемых свойств, специфичных именно для системы и не выводимых из известных свойств ее элементов и способов их соединения. В этом смысле можно говорить о том, что психические свойства возникают (проявляются) из сложных материальных образований, но не сводятся к совокупности всех их физических характеристик. Примерами являются приспособительный успех, который выступает из сложных взаимодействий между телом, миром и мозгом; поведение, которое не централизованно контролируется (или создается) и является результатом взаимодействия множества простых компонентов; неожиданные, непредсказуемые, поразительные ситуации или поведение, возникающее в результате взаимодействия «агента» с окружением, которое эксплицитно не запрограммировано.

Рассмотрение поведения многих открытых физических систем показало, что так называемые эмерджентные явления, связанные с возникновением новых свойств (которые не содержатся ни в одной ее части), паттернов и других существуют не только в живой природе. В частности, самоорганизация простых частиц и процессов происходит в открытых системах в условиях, далеких от равновесных, и может явиться результатом увеличения энергетических потоков, проходящих через систему. Это может приводить к внезапному появлению пространственно-временных образований глобального масштаба (спонтанное образование структур, совокупное глобальное поведение, которое подчинено определенной кооперативности).

Соответствующие явления имеют место и в теории сложных систем, которые обладают особыми характеристиками: открытость, автономность, эндогенность, неразложимость, импредикативность, неимитируемость, невычислимость и др. Процессы в такого рода системах обладают реальной

сложностью, связанной с возможностями самоизменения собственной действующей причины, что означает множественную возможность качественной смены механизмов (закономерностей) процессов в зависимости от рабочих параметров системы.

В силу циклической иерархии процессов в сложной системе оказываются возможны причинные связи между уровнями системной иерархии и переходы через уровень. Это предполагает наличие гибкого управления качественным изменением материального субстрата материальных носителей этих механизмов. Известно, что замена материала - процесс много более консервативный, чем изменение отдельных свойств, параметров или условий. Примером являются биологические процессы, которые имеют дело с управлением скоростями химических реакций (пример нереализованной технологии: замена химического состава и структуры полупроводников микросхем компьютера в зависимости от результатов вычислений). В механической системе для того, чтобы управлять скоростями, нужно уметь развивать большие ускорения. Для этого нужно иметь большие мощности и гибкие быстродействующие системы управления ими.

Независимо от количественного порога система является простой или только усложненной, если все ее модели являются воспроизводимыми. Соответственно, непростая система, которая должна иметь невозпроизводимую модель, является по-настоящему сложной. С информационной точки зрения ее нельзя построить с использованием чисто синтаксических средств. Необходимо включать семантические элементы, трансцендентные по отношению к синтаксису (как, например, взятие предела в математике) или использовать два или более несоизмеримых временных процесса.

Если эпистемология равна онтологии – формализация, вычисление и конструирование совпадают, то все, что производится таким образом, можно назвать предикативным. Соответственно, то, что нельзя сконструировать путем при-

ложения правил из конечного набора синтаксических продуктов, прилагаемых в определенном порядке к символам, взятым из фиксированного набора, является импредикативным и может быть определено только через общность, которой оно само должно принадлежать. В этой связи не существует алгоритма построения того, что является импредикативным. Импредикативность и неразложимость на части тесно связаны друг с другом. Неразложимость является онтологической характеристикой импредикативности. У птицы нельзя, например, отделить аэродинамическую поверхность от крыла – она определяется через крыло и наоборот.

Время как фактор восприятия пространства

Отдельно следует остановиться на проблеме, которая в существенной мере интересовала А.И. Миракяна и на которую он в результате дал определенный ответ, – это проблема восприятия пространства и пространственности.

Эта проблема имеет большую историю своего изучения. Например, в XVII веке философ Уильям Молинэ, чья жена была слепа, спросил своего друга Джона Локка: если слепому от рождения будет возвращено зрение, то сможет ли он зрительно определить куб и сферу? Предположите слепорожденного, ставшего уже взрослым, которого научили отличать с помощью осязания куб от шара из того же металла и приблизительно той же самой величины так, что, когда он прикасается к обоим этим предметам, он может сказать, какой из них куб и какой – шар. Предположите далее, что куб и шар поставлены на стол и что наш слепой вдруг обрел зрение. Спрашивается, мог ли бы он, видя их, но не прикасаясь к ним, различить их и сказать, какой из объектов куб и какой – шар? Если слепому от рождения будет возвращено зрение, то сможет ли он зрительно определить куб и сферу? Ответ Молинэ был отрицательный. В самом деле, хотя этот слепой научился из опыта, каким образом шар и куб действуют на

его осязание, однако у него еще нет знания о том, что нечто, воздействующее на его осязание данным образом, должно казаться его зрению именно таким, а не иным; он не знает, что выдающийся вперед угол куба, неравномерно давивший на его руку, должен казаться его глазам именно таким, каким он является у куба. Сам Локк заявляет, что он целиком придерживается этого взгляда.

Современные средства возвращения зрения слепым людям показывают, что проблема Молинэ имеет положительное решение. С помощью современных компьютеризированных устройств и программных средств слепой человек может научиться воспринимать пространственное расположение посредством звукового воздействия и в результате «видеть» пространственные образы с использованием слухового восприятия. Современная программа VOICe, доступная в исполнении для сотового телефона, преобразует изображение видеокамеры в звук (Motluk, 2005). Слуховая модель получается с использованием произвольных правил кодирования пространства в звук (лево и право – изменение стерео, верх и низ – высота тона, темнота и свет – громкость). При этом оказывается, что без использования осязания можно довольно просто отличить шар от куба.

Современный электротактильный интерфейс Бах-и-Рита (например, для размещения на языке) приоткрывает замечательную пластичность и универсальность мозговых процессов, которые могут иметь дело с очень разными и необычными сенсорными данными, представленными незнакомым образом, и обеспечивает возможность создания искусственных органов чувств, формирующих у слепых пространственное «кожное зрение» (Bach-y-Rita & Kercel S.W., 2003). Из экспериментов по сенсорному замещению, а также по включению человека в петлю непосредственного взаимодействия и управления сложными динамическими процессами (например, атомная станция) (Bach-y-Rita & Kercel S.W., 2004) фактически следует представление об ощущениях как условных модальностях, играющих подчиненную роль в общей

деятельности перцептивной системы. Замкнутые системы с включением человека в циклические взаимодействия и контроль, обеспечивают проявление новых системных качеств восприятия.

В целом получается, что пространственное восприятие имеет общую кроссmodalную психофизиологическую основу. На основе современных теоретических исследований (Миракян, 2004) можно объяснить это положение указанием на возможность иерархического строения процессов восприятия, имеющих, помимо обычного психологического (функционального) уровня, так называемый трансцендентальный уровень процессов порождения формы и пространственности в структурах, которые в основе, по А.И. Миракяну, имеют временной способ организации.

В концепции формопорождения предполагается, что объектные свойства, как продукты отражения, воспринимаются в определенном пространстве, а сам процесс формопорождения происходит в определенном времени. Однако, как было отмечено А.И. Миракяном, пространство само является продуктом некоторых общих процессов восприятия и возможность порождения пространственности, по идее, не должна быть основана на пространстве как условия восприятия.

В результате А.И. Миракян поставил вопрос о возможности порождения пространственной протяженности как таковой не на основе пространственных свойств. Основываясь на принципах трансцендентальной психологии и концепции порождающих процессов, А.И. Миракян обратил внимание на очевидный факт, что каждому объекту соответствует огромный диапазон изменения его величины, полное запоминание которых должно было бы привести к переполнению памяти. В результате он предположил, что в каких-то структурах зрительной системы должен существовать гипотетический механизм стандартизации – увеличения размера сетчаточного изображения объектов до максимально возможного. Нетрудно понять, что длительность протекания такого

процесса в дискретной формопорождающей системе будет зависеть от первоначального размера объекта и тем самым время может выступать в качестве своеобразной меры размера или протяженности объектов (Миракян, 1995). Таким образом, в предложенной модели зрительного восприятия порождение пространственности происходит посредством времени. Время выступает как определяющий фактор восприятия пространственной протяженности, поскольку ее отражение становится возможным через отражение времени (длительности) процесса.

Далее А.И. Миракян предположил, что образованные ощущения времени завершения процесса стандартизации могут являться своеобразным гомункулусом, читающим содержание происходящих процессов. Таким образом, благодаря структурно-процессуальной организации системы через ощущение длительности отрезков времени происходит порождение пространства и благодаря переживанию длительности процесса порождения отражения пространства воспринимаются и пространственные протяженности различных объектов, расположенных внутри этого пространства. Соответствующим образом была также рассмотрена модель непосредственно-чувственного восприятия движения и стабильности объектов (Панов, 1998).

Важно отметить, что с методологической точки зрения в данной модели сделана попытка в существенной мере преодолеть отмеченный выше продуктный подход, поскольку, как и в осязательном восприятии (Морина, 1995а, 1995б; Погорельцева, 2000), ощущение протяженности порождается благодаря ощущению процессуальной дискретизации и ощущению длительности процесса, т.е. пространственное восприятие, в принципе, объясняется без привлечения непосредственно пространственных свойств и условий восприятия объектов.

Теоретическое осмысление и экспериментальная проверка представленной теоретической модели А.И. Миракяна, в которой время выступает фактором восприятия про-

пространственной протяженности, были выполнены на основе тахистоскопического предъявления испытуемым букв алфавита разного видимого размера и оценки времени их распознавания (Шукова, 2000). В частности, было установлено, что успешность опознания букв малого размера существенно зависит от их размера, что может рассматриваться в качестве косвенного подтверждения выдвинутой гипотезы о роли процессуальной длительности в зрительном восприятии пространственной протяженности.

Методология экспериментальных исследований

Предложенные А.И. Миракяном фундаментальные трансцендентальные принципы и разработанные на их основе модели носят гипотетический характер и, естественно, нуждаются в экспериментальной проверке. На психологическом уровне проверку гипотетических принципов и моделей трансцендентальной организации процессов формопорождения достаточно трудно осуществить на практике в силу скрытого от наблюдения характера рассматриваемых процессов. В этой связи возможности моделирования в области трансцендентальной психологии существенно сдерживаются сложностью и недостаточной развитостью методологии экспериментальных исследований.

Общий экспериментальный подход здесь может быть построен таким образом, чтобы теоретически на основе моделирования исследуемых процессов выявить определенные качественные отличия процессов образования отношений для разных типов объектов и условий, для которых имеет место выход за пределы формопорождающего диапазона. Понятие формопорождающего диапазона связано «с пространственно-временными свойствами процессов, которые в определенных этим диапазоном границах имеют динамическую стабильность функциональных характеристик и отношений между ними» (Артеменков, 2005).

Известно, что природная сенсорная система имеет определенный диапазон адекватного функционирования (функциональный диапазон), за пределами которого она может либо перестать функционировать вовсе, либо работать с явными сбоями, с которыми часто связывают так называемые иллюзии восприятия (Артеменков, 2005; Artemenkov & Harris, 2005a). Можно считать, что в пределах этого диапазона процессы образования отношений в восприятии никак не проявляют своих особенностей в реальных явлениях восприятия и тем самым их трансцендентальные свойства практически не могут быть выявлены или исследованы. Вместе с тем можно думать, что «глубинная» динамика и анизотропия процессов образования отношений могут стать экспериментально наблюдаемыми в виде специфических явлений и определенных особенностей восприятия на границе и за пределами формопорождающего диапазона. В частности, это может быть явлено в случае критических пространственно-временных условий восприятия, например, в различных условиях ограничения времени восприятия объектов (Артеменков, 2005; Artemenkov & Harris, 2005б). На этом предположении и основывается общая идея предлагаемого экспериментального подхода к верификации моделей трансцендентальной психологии.

На основе качественного и количественного моделирования трансцендентальных принципов можно обосновать или предсказать качественно различные (новые) явления и/или некоторое особое поведение системы в различных объективных критических (пространственно-временных) условиях. Если затем можно будет обнаружить соответствующие эффекты или поведение экспериментально (в процессе изучения реального восприятия объектов в данного типа условиях), то этот результат может служить определенным свидетельством в пользу принятия исходной модели процесса формопорождения, разработанной на основе соответствующих общих принципов трансцендентальной психологии.

Соответствующие экспериментальные исследования, проведенные автором для исследования зрительного восприятия человека, дали возможность проверить модель образования глобальных симметрично-двуединных отношений в процессе зрительного восприятия (Миракян, 1992б; Artemenkov, 2009) и обнаружить некоторые интересные (новые) явления восприятия (Artemenkov 2004, 2005а, 2006а, 2007, 2008).

Предлагаемый экспериментальный подход может быть полезен для проведения дальнейших исследований механизмов процессов восприятия зрительной и других модальностей, а также на практике для психофизического определения функционального диапазона зрительного восприятия формы и движения объектов.

Заключение

Рассмотренные выше работы, а также ряд других проведенных в рамках трансцендентальной психологии теоретико-экспериментальных исследований, показывают, что подход к изучению психических процессов, включая процессы восприятия, на основе аксиоматики фундаментальных трансцендентальных принципов имеет право на существование и приносит свои плоды при рассмотрении многих психологических явлений. Вместе с тем экспериментальная проверка трансцендентальных принципов и модели процесса формопорождения, предложенной в рамках трансцендентальной психологии, представляет значительную сложность. Как было показано выше, в немалой степени это обусловлено требованием изменения образа мышления исследователя.

Как показано выше, используемый в данной области образ мышления исследователя имеет критически важное значение в отношении адекватности модельных представлений реальностям изучаемых систем и процессов и интерпретации получаемых экспериментальных результатов. Изменение об-

раза мышления в трансцендентальной психологии в первую очередь требует преодоления продуктного подхода, т.е. отказа от рассмотрения психических процессов посредством свойств их продуктов и понятий на основании этих свойств условий появления данных продуктов. Продуктный подход оказывается глубоко внедренным в сознание человека в силу большого значения результатов восприятия для практической деятельности, а также наличия ряда «неизбежных когнитивных иллюзий» (например, принятия очевидных данных в качестве удовлетворительных оснований для проведения дальнейших рассуждений без надлежащего анализа адекватности выбранных оснований).

Преодоление продуктного подхода предполагает переход к новой аксиоматике общих фундаментальных принципов, служащих основой для построения гипотетических моделей трансцендентальных процессов. Одной из важных научных задач в этом случае становится задача верификации этих принципов.

Еще одно нетривиальное требование изменения образа мышления связано с необходимостью изменения точки зрения исследователя (наблюдателя) и перенесения ее из внешней статичной точки рассмотрения субъектно-объектного взаимодействия в процесс так, что точка зрения становится динамической и центрированной в исследуемом процессе.

Результирующее изменение образа мышления способствует как новому осмыслению известных психологических явлений, например, восприятия, так и открывает новые горизонты для проведения дальнейших теоретических и экспериментальных научных исследований формопорождения и порождающих процессов в целом.

Список литературы

Артеменков С.Л. Психология восприятия и разработка новых телекоммуникационных интерфейсов // Телемультимедиа. Сентябрь 2004. № 4 (26). С. 15–19.

Артеменков С.Л. Методология трансцендентальной психологии и проблемы моделирования и экспериментального исследования порождающих процессов. Труды ФИТ (вып. 2). М.: Русавиа, 2005. С. 37–57.

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика в психологии. Тексты: Вып. 3. Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М.: Когито-Центр, 2004. С. 82–125.

Величковский Б.М. Успехи когнитивных наук: технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87–93.

Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. С. 188–205.

Козлов В.И. Зрительные иллюзии и полифункциональность восприятия // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 136–143.

Кочурова Э.И. Принцип сопредставленности и полифункциональность восприятия. // Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. С. 159–170.

Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.

Любимов В.В. Психология восприятия. Учебник. М.: ЭКСМО; ЧеРо; МПСИ, 2007. 472 с.

Матурана У.Р. Биология познания // Язык и интеллект / пер. с англ. и нем.; сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 416 с.

Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван: Айастан, 1990. 206 с.

Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. М., 1992а. 216 с.

Миракян А.И. Афизиальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992б. С. 9–46.

Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995. № 2.

Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 1. М.: Институт психологии РАН, 1999. 205 с.

Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 2. М.: Институт психологии РАН, 2004. 383 с.

Морина Н.Л. Историко-философские предпосылки исследования осязания // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность / под ред. В.А. Барабанщикова, В.И. Панова. М.: ИП РАН, ПИ РАО, 1995а. С. 32–44.

Морина Н.Л. Анизотропность руки в процессе осязательно-го восприятия // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность / под ред. В.А. Барабанщикова, В.И. Панова. М.: ИП РАН, ПИ РАО. 1995б. С. 122–134.

Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.

Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 82–107.

Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.

Погорельцева Т.С. Осязательное восприятие пространственной протяженности: автореф. дис. на соискание звания канд. психол. наук. М., 2000. 24 с.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.

Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. М.: Мир, 1990. 239 с.

Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., 1972. С. 5–86.

Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности: автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2000. 20 с.

Artemenkov S.L. Object-determined synchronization of human visual perception in time limited conditions // *J. of Vision*. 2004. Vol. 4, N 8. P. 670a.

Artemenkov S.L. Phenomena of the process of asymmetric visual perception for dilating and contracting size-changing objects in different time limited conditions. Vision Science Society Annual Meeting. Sarasota, USA, 2005 // *J. of Vision*. 2005a. Vol. 5, N 8. P. 727.

Artemenkov S.L. Embodied Cognition & Transcendental Psychology: Understanding the underlying processes of embodied cognition plasticity requires a new methodological paradigm. International Symposium on Body and Cognition: A Multidisciplinary Perspective, 2005, Taipei, Taiwan, NTU p. 9–1 – 9–22. 2005b.

Artemenkov S.L. The origins of sensory awareness: Perception as a generative system. Workshop on Action, Perception and Consciousness & The 10-th Workshop on Attention and Perception. 2005, Taipei, Taiwan, NTU p. 16–17. 2005c.

Artemenkov S.L. Masking effect in visual perception of simultaneously presented dilating and contracting size-changing objects // *J. of Vision*. 2006a. Vol. 6, N 6. P. 630.

Artemenkov S.L. Kansei Versus Extensional Reasoning: The Scientific Illusion of the Conjunction Fallacy in Probability Judgments. Proceedings of the First International Workshop on Kansei, 2006b. P. 8–11.

Artemenkov S.L. The effect of reversing seeing of initial and final locations of shortly presented high speed contracting and dilating objects // *J. of Vision*. 2007. Vol. 7, N 9. P. 753.

Artemenkov S.L. Centre-symmetric process anisotropy of form creation within the process of human visual perception // *Perception*. 2007. Vol. 36, N 213.

Artemenkov S.L. Experimental method for verification of formation of centre-symmetrical relations in human visual perception // *Perception*. 2009. Vol. 38, N 182.

Artemenkov S.L., & Harris M.G. From Constancy & Polyfunctionality in Perception to the Transcendental Psychology approach: historical overview of a novel psychological paradigm // *J. of Integrative Neuroscience*. 2005a. N 4 (4). P. 523–536.

Artemenkov S.L. & Harris M.G. Functional range of the human visual system and some of its spatial-temporal characteristics // Perception. 2005b. Vol. 34, N 245.

Bach-y-Rita P. Brain Mechanisms in Sensory Substitution. N. Y.: Academic Press, 1972.

Bach-y-Rita P., Kercel S.W. Sensory substitution and the human-machine inter-face. TrendsCognSci7: 541–546, 2003.

Bach-y-Rita P., Kercel S.W. A novel strategy for coupling data into the human nervous system, Proceedings of the Fourth American Nuclear Society International Topical Meeting, NPIC&HMIT, Columbus OH, 2004.

Gilovich T., Griffin D., Kahnemann D. eds. Heuristics and Biases. The Psychology of Intuitive Judgment. N. Y.: Cambridge University Press, 2002. 857 p.

Kennedy J.M. & Juricevic I. Blind man draws using convergence in three dimensions // Psychonomic Bulletin and Review. 2006. Vol. 13 (3). P. 506–509.

Milner A.D. & Goodale M.A. The Visual Brain in Action. Oxford: Oxford University Press, 1995. 248 p.

Motluk A. Seeing with your ears // The New York Times Magazine. 11 Dec. 2005.

Noe A. Action in Perception. MIT Press, 2005. P. 277.

Noe A., Thompson E. Introduction to vision and mind, in Noe A., Thompson E. (eds.), Vision and Mind: Selected Readings in the Philosophy of Perception, MIT Press, Cambridge MA, 2002. P. 1–14.

Piatelli-Palmarini M. Inevitable Illusions. John Wiley & Sons, 1994.

Tversky A., & Kahneman D. Extension versus intuitive reasoning: The conjunction fallacy in probability judgment // Psychological Review. 1983. Vol. 90. P. 293–315.

Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind, MIT Press, Cambridge MA, 1991.

Ungerleider L.G., Mishkin M. Two cortical visual systems, in Ingle D.J.G., Goodale M.A., Mansfield R.J.W. (eds.), Analysis of Visual Behavior, MIT Press, Cambridge MA, 1982. P. 549–586.

О трансцендентальном типе рациональности³⁶

Р.М. Нагдян

В психологии восприятия, как и в целом в науке, можно выделить не только этапы перехода от одной исследовательской парадигмы к другой, но и смену идеалов и норм познавательной деятельности исследователей [Нагдян, 2016], подразделяемые в философии науки на классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности. В.С. Степин выделяет основной признак этой типологии: «коррелятивную связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» [Степин, 2003, с. 15].

Те же самые закономерности изменения характеристик познающего субъекта можно обнаружить и в истории развития психологии и, в частности, психологии восприятия. Из анализа, проведенного в работе [Нагдян, 2016] следует, что в настоящее время неклассический период развития психологии восприятия постепенно переходит в свою постнеклассическую фазу, создавая в современной психологии восприятия ситуацию сосуществования трех типов рациональности. Но это первые шаги и многое еще предстоит сделать для уточнения статуса постнеклассической рациональности в психологии восприятия: нет достаточной четкости в определении предмета и метода исследования перцептивных явлений в этой парадигме.

Однако, следует отметить, что подход к психологии восприятия с позиций типов научной рациональности имеет и свои ограничения, что свидетельствует о том, что анализируемая классификация типов научной рациональности является не полной. Дело в том, что научную деятельность, которая относится к каждому из этапов эволюции науки и психоло-

³⁶ Методология современной психологии. Вып. 8 / Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2018. – С. 242-253.

гии восприятия в том числе схематически можно выразить соотношением «субъект-средства-объект» [Степин, 1989, с. 18]. В этой схеме, согласно интерпретации В.Г. Буданова [Буданов, 2009], сосредоточение внимания исследователя лишь на объекте соответствует классической рациональности, на средствах и объекте – неклассической рациональности, а учитывание всех трех компонент соотношения соответствует постнеклассической рациональности. Однако, как будет показано ниже, существующий в настоящее время в психологии восприятия трансцендентальный подход не вписывается в рамки вышеприведенного соотношения В.С. Степина. Для выяснения этой особенности трансцендентального подхода к изучению принципов процесса восприятия обратимся к истокам его появления.

Датой основания трансцендентальной психологии восприятия можно считать 1987 год, когда в Психологическом институте РАО была защищена докторская диссертация «Константность и полифункциональность восприятия» А.И. Миракяна [Миракян, 1987]. В этой работе впервые была изложена методология афизикального (трансцендентального [Миракян, 1995]) подхода к изучению принципов порождающего процесса восприятия. Чтобы осветить разницу методологических позиций традиционной и трансцендентальной психологий восприятия обратимся к анализу их исходных постулатов.

Как было показано в работе [Нагдян, 2016], традиционная психология восприятия формировалась на основе классической рациональности и была направлена на решение вопроса: «Как человек воспринимает (отражает) окружающую действительность». При такой, кажущейся естественной, постановке вопроса априори принимались (по умолчанию) следующие предпосылки исследования:

1. Есть субъект и окружающий его мир. Они взаимодействуют.

2. Мир и объекты, существующие в нем, не зависят от субъекта.

3. Объекты обладают множеством свойств внутри каждой модальности восприятия, которые также независимы от воспринимающего их субъекта. Восприятие может внести свои искажения, но искажаются объективно и независимо существующие от человека свойства объектов.

4. Объект одновременно обладает множеством свойств, но невозможно исследовать все свойства объекта одновременно.

Приведенные выше предпосылки исследования процесса восприятия казались настолько естественными, что принимались как постулаты, не требующие теоретического анализа и эмпирических доказательств.

Постепенное формирование неклассической рациональности, привело, начиная с начала XX века по настоящее время, к осознанию необходимости введения в соотношение классической рациональности «объект-субъект» опосредующих звеньев для восстановления полноты, целостности и объективности исследования. Эти нововведения осуществлялись на самых разных уровнях исследования процесса восприятия – физическом (сюда могут быть включены приборы, ситуация исследования и окружающая среда), физиологическом (физиологические и химические процессы в нервной системе, нейронные сети и отдельные нейроны-датчики), психологическом (субъектные свойства личности). Постнеклассическая рациональность была направлена на познание сверхсложных развивающихся систем-объектов, например, мозга человека, а в субъекте-исследователе важными оказались такие качества личности как мотивация и ценности, по причине чего проводимые в постнеклассической парадигме исследования приобретали общечеловеческое и цивилизационное значение. Однако при всем этом прогрессе в исследовании процесса восприятия крайние составляющие классической, неклассической и постнеклассической рациональности в схеме В.С. Степина, то есть «объект» и «субъект», сохраняются, а это означает, что исследования, проведенные в русле этих типов рациональности, предполагают

изучение процесса восприятия, в котором объект со своими свойствами и субъект со своей физиологией и психическими качествами даны в уже отраженном виде. Именно по этой причине от внимания исследователей ускользал завершившийся в продукте процесс порождения образа воспринимаемых объектов и других перцептивных феноменов. В итоге, это обстоятельство приводило к ограничению возможностей выявления универсальных принципов процесса восприятия, способных объединить и объяснить существующую в традиционной психологии бесконечно разнообразную мозаику результатов перцептивных исследований, а следствием оказалось то, что одна психологическая теория восприятия безуспешно заменялась другой. Причем в каждой отдельной психологической теории восприятия акцентировалась не вся целостность процесса, а некая его грань.

Сказанное относится не только к психологии восприятия, но и к психологии в целом. Именно поэтому причину такого состояния психологии В.М. Аллахвердов видел в том, что «все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться» [Аллахвердов, 1993, с. 11].

На пути к переосмыслению проблемы изучения процесса психического отражения А.И. Миракян (1987) исследовал причины, ограничивающие возможности его изучения, и пришел к выводу, что эти причины кроются в глубоко эмпирическом мышлении человека, функционирующем в пространстве продуктов психического отражения, через которые и определяется разделенность объекта (психических феноменов) и субъекта (исследователя), свойственная классическому, неклассическому и постнеклассическому образам мышления.

Ограниченность этих типов мышления состоит в том, что они позволяют определить лишь характер отношений между психическими феноменами, но не позволяет проникнуть в неосознаваемый процесс их порождения и выявить

его принципы. Этого также невозможно достигнуть, если в качестве исходных данных исследования принципов порождающего процесса восприятия будут взяты эмпирически наблюдаемые свойства объекта, что характерно для всех обсуждаемых типов рациональности.

Следовательно, возникает важная методологическая проблема преодоления ограниченности продуктного (физикалистского) подхода, которая, в свою очередь, привела к необходимости проведения философского анализа ограничивающих причин и построения такой картины мира, в котором реализуются принципы, определяющие возможности порождения психических феноменов. Но так как решение данной проблемы методологически ошибочно начинать, опираясь на понятия, относящиеся к свойствам объектов, то это обстоятельство и говорит о необходимости реализации нового «безобъектного» образа мышления.

Такой анализ, как мы уже указывали в работе [Психология восприятия..., 2017, с 11,] начинается с вопроса «Как должен быть устроен мир, в котором (в ходе эволюции) возможно порождение психического?». Этот вопрос основан на нескольких постулатах:

1) материальный мир предшествует появлению психического (имеется в виду тот период развития мира, когда не было ни психики, ни субъекта отражения как живого существа);

2) мир (в целом), принципы его развития и порождения нового, не даны нам непосредственно (вывод – поэтому представления о них могут быть получены на основе априорных рассуждений, относящихся к конкретному разделу философии – метафизике, частью которой является метафизика бытия, то есть онтология);

3) принципы порождения нового и развития вечны и неизменны; относительноны наши эмпирические представления о них (вывод – поэтому они, существовавшие в начале эволюции, действуют и сейчас, имплицитно многолико проявляясь и приобретая определенные черты-характеристики в

структурно-процессуальной организации физических, биологических и физиологических механизмов органов восприятия и в соответствующих им продуктах психического отражения) (там же).

Можно предположить, что, основываясь именно на таких постулатах, А.И. Миракян формулирует свой основной философский тезис: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10].

Представленные выше системы постулатов коренным образом отличаются друг от друга, потому что описывают совершенно разные картины мира, разные реальности, поэтому созданные на их основе теоретические конструкции (методология, теории, концепции и т.д.), действительно, будут относиться к разным парадигмам, обладающими разными методологическими ресурсами объяснения одних и тех же психологических явлений (что очень напоминает переход от механики классической физики к квантовой механике).

Вновь обратимся к известным типам научной рациональности. Если, например, в неклассической науке объекты рассматривались с позиций их функционирования, направленного на сохранение своей целостности и устойчивости, а в постнеклассической науке этот ракурс дополняется идеей развития, то можно заметить, что отмеченные выше типы рациональности не предназначены для решения задач, связанных с изучением принципов порождения систем-объектов, наличие которых (принципов) не обнаруживается в процессе

непосредственного восприятия объектов, в которых процесс порождения уже завершен.

Таким образом, исследование процесса восприятия, начинающееся с изучения перцептивных феноменов, не может привести к обнаружению порождающих их принципов. А в соотношении «субъект-средства-объект» субъект и, в частности, проявления его психики и объект изначально заданы в уже готовом, завершенном виде, посредством системы соответствующих психологических понятий и категорий. Обратный ход к порождающим их процессам в такой схеме не предусмотрен и не возможен.

Для выхода за пределы этой, ограничивающей исследовательские возможности схемы, необходимо совершить трансцендентальный переход в ту область реальности, которая предшествует порожденной реальности психических феноменов. Характеризуя предполагаемую область трансцендентальной реальности, А.И. Миракян пишет: «по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. порождаться в процессе отражения (выделено нами - Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992, с. 39-40]. В приведенной цитате проявляются коннотации нового образа мышления, благодаря которому создаются наши представления об области трансцендентального перехода. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной

возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и, тем более, тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности отражения действительности.

Проблема изменения образа мышления в трансцендентальной психологии подробно исследована в работе С.Л. Артеменкова [Артеменков, 2010], в которой автор выделяет три предпосылки нового подхода, указанные А.И. Миракяном.

1. «Вместо исходного представления о процессе отражения, как о процессе, происходящем между объектом и субъектом в форме их наличного взаимодействия... чувственное отражение рассматривается как явление, порожденное в процессе образования материей природных и живых форм и имеющее качественно новые проявления тех же закономерностей, которые свойственны процессу развития материи...».

2. «Чтобы понять содержание чувственного отражения и те фундаментальные принципы, действие которых приводит к осознаваемым человеком продуктам отражения, необходимо отвлечься от наличной формы взаимодействия между объектом и субъектом и рассмотреть эту форму взаимодействия посредством гипотетически предполагаемых возможных принципов... с учетом того, что форма взаимодействия, приводящая к субъективному отражению, функциональна по своей природе и, что главное, в этом взаимодействии субъект выступает как носитель всевозможных свойств и отношений с другими объектами и с самим субъектом, а субъект

выступает как носитель возможности преодоления универсальности объекта».

3. «С этой точки зрения первым необходимым условием совершения акта отражения... полагается возможность образования отражательной системой отношений между различными свойствами объектов посредством собственных анизотропно-асимметричных анатомо-физиологических структур» [Артеменков, 2010, с. 333].

Таким образом, подход, предложенный А.И. Миракяном для решения трансцендентальной проблемы, по сути, противоположен физикальному, используемому в естественных науках, относительно которых исследование, проведенное в рамках соотношения «субъект-средства-объект» не приводит к противоречиям.

Учитывая то, что идеи трансцендентальной психологии [Миракян, 1987, 1999, 2004] интенсивно разрабатывались последователями ее основателя и нашли свое отражение в сборниках статей (Принципы..., 1992; А.И. Миракян..., 2010; Психология..., 2017), монографиях (Нагдян, 2007, 2009, 2013, 2017; Панов, 1993, 2014; Шукова, 2013), в множестве кандидатских и докторских диссертаций, можно сделать вывод, что формируется новый тип рациональности – трансцендентальный, необходимый для понимания и познания априорных принципов порождения психических феноменов, дополняющий известную в современной философии науки классификацию типов рациональности, основанную, как было показано выше, на продуктивном подходе к исследованию простых и сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов.

Кроме того, это предположение подтверждается соображениями, берущими свое начало в трансцендентализме И. Канта.

Суммируя все вышесказанное и учитывая новые компоненты в структуре процесса восприятия (процесс и продукт формопорождения, сознание), можно предложить, другую схему процесса восприятия: «мир - продукт формопорожде-

ния - сознание (осознанный образ)». Порождающий процесс восприятия происходит между членами соотношения «мир - продукт формопорождения», который не осознаваем. На этом этапе, соответствующем начальной стадии процесса непосредственно-чувственного восприятия, происходит порождение функционально необходимого продукта, представляющего собой конкретное (расчлененное, выделенное из глобальности) образование с качественно новыми психическими свойствами, не существующими в «физической» реальности. Здесь неправомерно говорить об отражении, адекватности или образе, вследствие чего и пришлось ввести новые термины - «продукт», «формопорождение», «порождающий процесс восприятия» и др. А собственно процесс отражения реализуется в паре «продукт формопорождения - сознание», представляя собой процесс отражения в сознании продукта, результата процесса формопорождения, проявляющегося в виде уже осознаваемого, обозначенного понятием, образа или ощущения. Поэтому можно сказать, что продукт формопорождения является прообразом (прототипом) образа или ощущения, отраженного в сознании, а в этом случае уже можно говорить и об адекватности, и об образе. Можно также предположить, что именно на этой стадии отражения прообраз (продукт формопорождения) претерпевает определенные искажения и ограничения (деформации по Д.А. Ошанину), тем самым создавая предпосылки, как для увеличения, так и для уменьшения эффективности жизнедеятельности человека.

Необходимо отметить, что можно различить два понятия образа: «образ объекта», которого, как было показано нами [Нагдян, 2009, 2017] и В.И. Пановым [Панов, 1997], на самом деле не может быть, и «осознаваемый образ», являющийся следствием опосредованного взаимодействия сознания человека с внешним и/или внутренним миром. И, как это ни парадоксально, именно этому последнему понятию образа приписывается статус объекта, объективно существующего вне сознания в окружающей человека действительности.

Таким образом, согласно этой трехчленной структуре восприятия, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность - это всегда уже воспринятая реальность, порожденная в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью». Однако именно эта реальность - воспринятая, уже отраженная - принимается человеком за действительность. Таким образом, приходит осознание того, что мир (реальность, действительность, природа) для разных систем отражения теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования.

Выше приведенная трехчленная структура процесса восприятия вместе с представлениями А.И. Миракяна об особенностях реальности до отражения (ничто, реальность отсутствующего) во многом совпадают с трансцендентализмом И. Канта, развитом в «Критике чистого разума». В отличие от своих предшественников трансцендентальный сдвиг, осуществленный И. Кантом, определяется им же следующим образом: «Я определяю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько самими предметами, сколько способом нашего познания предметов, поскольку оно должно быть возможным a priori» [Кант, 1994а, с. 25]. Таким образом, автор совершает переход от непосредственного познания предметов к способам их познания, но не в субъективно-психологическом смысле (например, методом дедукции), а в когнитивно-семантическом «как решение проблемы объективности априорных представлений, т.е. возможности их использования в опыте» [Катречко, 2017, с. 38]. Кант стремился ответить на вопрос: «на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету» [Кант, 1994б, с. 487] и считал это «ключом ко всей тайне метафизики» (там же). То есть И. Кант отвечал не на вопрос, что такое метафизика, а на то, как она возможна. В

решении этого вопроса для кантовского трансцендентализма решающим оказывается различие вещи-самой-по-себе от явления, принципиально отличающееся от наивного реализма предшествующей метафизики. А с учетом соотношения «предмет – представление» И. Кант осуществляет «коперниканский переворот», связанный с переходом к концептуальной триаде «предмет (вещь-сама-по-себе) – явление – представление», объединяющая в себе эмпиризм (Локк), постулирующий вектор познания «от предмета к представлению», и рационализм (Декарт), постулирующий вектор познания «от представления к предмету». Однако это не простая сумма двух альтернативных подходов, так как согласно идее «коперниканского переворота» априорным представлениям подчиняются не предметы (как вещи-сами-по-себе), а явления (предметов) как предметы опыта.

Если теперь сопоставить триаду И. Канта с приведенной выше трехчленной структурой восприятия, то можно отметить не только их структурное сходство, но и сходство по содержанию. Так «миру» в одной схеме, понимаемому как нерасчлененная гомогенность или глобальность, соответствует «вещь-сама-по-себе» в другой схеме, «продукту формопорождения» соответствует «явление», а «образу» - «представление».

Обнаруженное сходство позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, так как приведенные выше для сравнения соотношения получены совершенно разными путями, с использованием разных логических подходов, то их сходство указывает на некоторую объективность (истинность) результатов, полученных теоретически в философии и психологии. Во-вторых, несмотря на сходство этих двух соотношений, они предназначены для решения разных задач: для И. Канта это решение гносеологической задачи, поэтому для него было важно осмысление самих понятий и логических соотношений между ними, в связи с поставленной им задачей, а для нас важен психологический аспект этих соотношений, поэтому мы вновь возвращаемся к онтологии и хотим понять

те принципы и процессы, которые позволяют совершить переходы от первого члена соотношения ко второму и взаимопереходы между вторым и третьим членами соотношения. Вместе с тем становится ясным, что для решения этой онтологической задачи необходим именно трансцендентальный тип рациональности, направленный на решение метафизической задачи, возникающей при перенесении области исследований за пределы пространства психических феноменов.

Очевидно и другое – сходство этих двух соотношений, выявленных в философии и психологии, требует дальнейшей теоретической разработки, осмысления и глубокого анализа.

Таким образом, психология восприятия входит в новую, высшую, стадию своего развития, определяемую постнеклассическим и трансцендентальным идеалами и нормами рациональности, новым мировоззрением, новым видением устройства мира и обусловленную более сложными представлениями о структурно-процессуальной организации объекта, предмета и методов исследования психологии восприятия. Открывается необычайно широкий горизонт для проведения фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований в области психологии восприятия, которые станут основой формирования и развития психологии XXI века.

Список литературы

1. А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010.
2. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993. - 198 с.
3. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 324-358.

4. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. - М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 240 с.

5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.3. М.: Чоро, 1994а.

6. Кант И. Избранные письма // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.8. М.: Чоро, 1994б.

7. Катречко С.Л. Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе // Трансцендентальный поворот в современной философии: метафизика, теория опыта, теория сознания. Материалы международного научного семинара. М., 2017. С. 37-45.

8. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.

9. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995, № 2. С.77-94.

10. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн,1, 1999.

11. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн.2, 2004.

12. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Ер.: Сар-вард, 2007.

13. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. – Ер.: Изд «Айастан», 2009. – 104 с.

14. Нагдян Р.М. Очерки метафизической психологии. Ер.: НАИРИ, 2013. – 240 с. (на арм. языке).

15. Нагдян Р.М. Анализ соотношения классической и неклассической рациональности в психологии восприятия (психофизика, гештальтпсихология). Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета, N3, 2016. С. 105-118.

16. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ер.: изд. дом Лусабац, 2017, - 424 с.

17. Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М.: Психологический институт РАО, 1993. - 140 с.
18. Панов В.И. Экопсихология. Парадигмальный поиск. – М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. – 304 с.
19. Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография). Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
20. Психология восприятия: трансцендентальная перспектива // Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. - 344 с.
21. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. Вопросы философии, 1989, 10. – С. 3-18.
22. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Вопросы философии, 2003, 8. – С. 5-17.
23. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. – Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. – 127 с.

Трансцендентальная психология восприятия и трансцендентализм И. Канта³⁷

Р.М. Нагдян

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект N 16-06-00574.

Теоретические положения трансцендентальной психологии восприятия, основанной А.И. Миракяном [4], [5], [6], [7] позволили по-новому понять проблему адекватности психического отражения [8], [9]. В связи с этим выделим некоторые моменты, имеющие отношение к пониманию места психического образа в структуре процесса восприятия и проблемы психического отражения в целом.

Ранее мы уже отмечали, что, несмотря на то, что сознание реагирует не на действительность, а на порожденные образы, связь психики с действительностью существует, и она обозначена в перцептивных компонентах восприятия. Мы использовали термин «обозначена», потому что полагаем, что на этом начальном этапе формирования перцептивных компонентов восприятия еще нет отражения, в обычно употребляемом смысле этого слова, и даже невозможна постановка проблемы образа [10], если исходить из традиционного гносеологического соотношения «объект - субъект».

Понятие «образ» В.И. Панов рассматривает как частное проявление гносеологического соотношения «объект - субъект (образ)» [10, с. 106], которое и определяет исследовательскую парадигму, построение предмета и проблемы исследования. А основная характеристика этой парадигмы «... заключается в том, что она начинается с представления о наличии объекта» (там же, с.107). Показывая далее многообразие и противоречивость толкования понятия «объект» в пси-

³⁷ Методология современной психологии. Вып. 8 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2018. – С. 254-261.

хофизическом, сетчаточно-моторном, феноменологическом, операциональном и экологическом подходах при изучении проблем восприятия, В.И. Панов приходит к выводу, «... что постепенно в разных исследованиях происходит размывание «объекта» как обязательного компонента отношения «объект - субъект (образ)». И тогда оказывается, что проблемы образа не существует, ибо, если «объект» исчезает, то как же тогда можно говорить о его отражении, как можно исследовать отражение в образе того, чего оказывается в действительности актуально еще не существует?» (там же, с.109).

Мы также пришли к выводу, что соотношение «объект - образ», как структурная схема процесса отражения, не соответствует действительности, показав, к примеру, что в соотношении «цвет - ощущение цвета» отсутствует компонента «цвет» [9]. И так как подход был осуществлен с позиций физики, он не оставляет места для психологических вариаций на тему «что такое цвет (объект)» или «каким образом человек воспринимает цвет» и т.д. Физики скажут, что цветных электромагнитных волн просто не существует. В таком случае понятие «отражение» теряет свой первоначальный смысл, предполагающий процесс, приводящий к адекватному или изоморфному уподоблению. Поэтому В.И. Панов прав - мы не можем говорить об образе, как образе объекта, существование которого (объекта) «как такового» неопределенно и ставится под сомнение.

Парадоксы и противоречия, возникшие в этой плоскости современной психологии восприятия, могут быть раскрыты и поняты при обращении к новой парадигме исследования принципов психического отражения, выдвинутой А.И. Миракяном.

Философско-методологический анализ исходных предпосылок исследователей психического отражения позволил А.И. Миракяну выявить общую для них причину, ограничивающую их возможности изучения общих, универсальных закономерностей психического отражения [4]. Для всех этих исследователей оставалось незамеченным то, что при теоре-

тическом и экспериментальном исследовании закономерностей психического отражения они исходили из результатов уже свершившегося акта отражения. Но, как показал анализ исторического опыта изучения процессов отражения, проведенный А.И. Миракяном, реконструкция закономерностей процесса из его результатов невозможна, потому что при таком подходе не могли быть учтены, выявлены и изучены такие важные характеристики процесса, как полифункциональность, гибкость и вариативность восприятия, необходимые человеку и животным для эффективного функционирования в изменяющихся условиях окружающей среды. И если для остальных наук опора на продукты психического отражения была естественным и оправдывающим себя условием изучения закономерностей явлений природы, то для изучения самого процесса отражения такой (физикальный) подход является неправомерным и методологически ошибочным. Однако методология - это следствие существующей в психологии парадигмы, то есть психологического видения картины мира или же образа мышления, основывающегося на общепринятых постулатах об устройстве мира. Поэтому вполне закономерно, что предложенные А.И. Миракяном афизикальные (не опирающиеся непосредственно на продукты восприятия) принципы процесса отражения исходят из новой, может быть, непривычной картины мира. Характеризуя эту картину мира, А.И. Миракян пишет: «по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. породиться в процессе отражения (выделено

нами - Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [5 с. 39-40]. Из приведенной цитаты можно сделать несколько важных выводов, влияющих на наши представления о мире. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и, тем более, тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности отражения действительности.

Но тогда, о чем можно говорить?

Для начала уточним: из того, что гносеологическая оппозиция «объект - субъект» не соответствует фактам, полученным в психологии и физике, и из чего логически вытекает невозможность существования образа «объекта», еще не следует, что образа вообще нет, как явления психической реальности. В сновидениях или, к примеру, при закрытых глазах мы непосредственно имеем дело (осознаем) именно с образами, с которыми можно, а иногда и нужно, работать. Но тогда, где его место в структуре восприятия?

Место образа в структуре восприятия можно определить, учитывая более высокие уровни восприятия, и эту роль мета позиции восприятия играет сознание. В рамках традиционной психологии в экспериментальных и теоретических работах, посвященных исследованию процесса восприятия, конечно, учитывается фактор сознания, но не

в той мере, в какой, как нам кажется, это было необходимо. Причиной этому, вероятно, было то, что исследователи считали преждевременным обращение к феноменам сознания до тех пор, пока не изучены более «элементарные» процессы восприятия.

Суммируя все вышесказанное и учитывая новые компоненты в структуре процесса восприятия (процесс и продукт формопорождения, сознание), можно предложить, другую схему процесса восприятия: «мир - продукт формопорождения - сознание (осознанный образ)». Порождающий процесс восприятия происходит между членами соотношения «мир - продукт формопорождения», который не осознаваем. На этом этапе, соответствующем начальной стадии процесса непосредственно-чувственного восприятия, происходит порождение функционально необходимого продукта, представляющего собой конкретное (расчлененное, выделенное из глобальности) образование с качественно новыми психическими свойствами, не существующими в «физической» реальности. Здесь неправомерно говорить об отражении, адекватности или образе, вследствие чего и пришлось ввести новые термины - «продукт», «формопорождение», «порождающий процесс восприятия» и др. А собственно процесс отражения реализуется в паре «продукт формопорождения - сознание», представляя собой процесс отражения в сознании продукта, результата процесса формопорождения, проявляющегося в виде уже осознаваемого образа или ощущения. Поэтому можно сказать, что продукт формопорождения является прообразом (прототипом) образа или ощущения, отраженного в сознании, а в этом случае уже можно говорить и об адекватности, и об образе. Необходимо отметить, что можно различить два понятия образа: «образ объекта», которого, как было показано нами и В.И. Пановым, на самом деле не может быть, и «осознаваемый образ», являющийся следствием взаимодействия сознания человека с внешним и/или с внутренним миром. И, как это ни парадоксально, именно этому последнему понятию образа приписывается

статус объекта, объективно существующего вне сознания в окружающей человека действительности. Можно также предположить, что именно на этой стадии отражения в сознании прообраз (продукт формопорождения) претерпевает определенные искажения и ограничения (деформации по Д.А. Ошанину), тем самым создавая предпосылки, как для увеличения, так и для уменьшения эффективности жизнедеятельности человека.

Таким образом, согласно этой трехчленной структуре восприятия, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность - это всегда уже воспринятая реальность, порождённая в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью». Однако именно эта реальность - воспринятая, уже отраженная - принимается человеком за действительность, что в частном случае может являться одной из психологических причин смены старых и рождения новых научных парадигм, внешняя сторона которых подробно рассмотрена Т. Куном при исследовании структуры научных революций. С другой стороны, то, что каждый человек (или животное) воспринятую реальность по-своему принимает за действительность и поступает сообразно этой действительности, указывает на существование психологического релятивизма реальности, то есть зависимости устройства и организации «действительности» от уникальных, неповторимых способностей восприятия каждого живого существа и человека, независимо от перспективы рассмотрения этих способностей: вертикальной - в филогенезе, историческом развитии, онтогенезе, или горизонтальной - как существующих в настоящее время. Таким образом, приходит осознание того, что мир (реальность, действительность, природа) для разных систем отражения теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования.

К сказанному можно привести метафорическую аналогию.

В горах Армении есть церковь, которая примечательна тем, что она целиком вырублена в скале. Согласно существующей легенде, неизвестный автор этого фантастического творения начал свою работу с вершины скалы, прорубил верхний свод, затем, углубляясь все дальше и ниже в скалу, оставлял за собой монолитные своды, арки, колонны, каменные украшения и стены, ограничивающие пространство просторного помещения. Взаимодействие «скульптора» с «гомогенной глобальностью» скалы привело к порождению его мира, соответствующего его желаниям и способностям, в котором он мог функционировать так, как хотел. Разница между нашим восприятием, в основе которого, так же, как и у «скульптора», лежит процесс формопорождения, и работой «скульптора» в том, что он понимал, что является творцом своего мира, а мы этого не сознаем, или точнее, не успеваем осознавать, потому что психика «творит» мир мгновенно. И, если бы была возможность сжать десятилетия тяжелейшего труда «скульптора» в одно мгновение, то упорядочивание им «глобальности» скалы в церковь было бы сравнимо с эффектом психического отражения.

Другой «скульптор» на том же месте или в другой скале с такой же «гомогенной глобальностью» прорубил бы другую «церковь», с монолитными сводами, арками, колонами и стенами, подчиняющимися законам другой геометрии, и это был бы его мир, соответствующий его желаниям и способностям творить и функционировать. Таким образом, два мира, порожденные разными людьми из одной и той же «физической» реальности, оказываются разными, и понятно, что таких миров может быть столько, сколько существует живых существ. И при этом нельзя сказать, что один из этих миров истинный, а другой искаженный, потому что ни о каком истинном, независимом от человека (или субъекта отражения) мире нельзя ничего сказать - все они являются уже воспринятыми (порожденными), и для каждого человека (и живого существа) это единственно возможная и «истинная» дей-

ствительность, существующая не только для него, но и (по его мнению) для всех остальных людей.

Точно так же можно сказать и о дальтониках: нельзя утверждать, что у них искаженное восприятие действительности, а у «нормальных» людей адекватное или «истинное». Восприятие ими мира зависит от особенностей функционирования их отражательных систем, и ни одна из этих систем не имеет преимущества перед другими, если речь идет об «истинности» или адекватности отражения реальности. Есть лишь предполагаемая «гомогенная глобальность» или «физическая» реальность, из которой каждое живое существо, благодаря уникальной, присущей только ему, порождающей системе создает свой субъективный мир, в котором оно функционирует, как в реально существующей действительности. Не только эволюция мира приводит к появлению психики и сознания, но и психика создает мир, через которое она и реализует свой потенциал.

Выше приведенная трехчленная структура процесса восприятия вместе с представлениями А.И. Миракяна об особенностях реальности до отражения (реальность отсутствующего) во многом совпадают с трансцендентализмом И. Канта, развитом в «Критике чистого разума». В отличие от своих предшественников трансцендентальный сдвиг, осуществленный И. Кантом, определяется им же следующим образом: «Я определяю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько самими предметами, сколько способом нашего познания предметов, поскольку оно должно быть возможным a priori» [1, с. 25]. Таким образом, автор совершает переход от непосредственного познания предметов к способам их познания, но не в субъективно-психологическом смысле (например, методом дедукции), а в когнитивно-семантическом «как решение проблемы объективности априорных представлений, т.е. возможности их использования в опыте» [3, с. 38]. Кант стремился ответить на вопрос: «на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету» [2, с. 487] и считал это «ключом ко всей тайне метафизики» (там

же). То есть Кант отвечал не на вопрос, что такое метафизика, а на то, как она возможна. В решении этого вопроса для кантовского трансцендентализма решающим оказывается различие вещи-самой-по-себе от явления, принципиально отличающееся от наивного реализма предшествующей метафизики. А с учетом соотношения «предмет – представление» И. Кант осуществляет «коперниканский переворот», связанный с переходом к концептуальной триаде «предмет (вещь-сама-по-себе) – явление – представление», объединяющая в себе эмпиризм (Локк), постулирующий вектор познания «от предмета к представлению», и рационализм (Декарт), постулирующий вектор познания «от представления к предмету». Однако это не простая сумма двух альтернативных подходов, так как согласно идее «коперниканского переворота» априорным представлениям подчиняются не предметы (как вещи-сами-по-себе), а явления (предметов) как предметы опыта.

Если теперь сопоставить триаду И. Канта с приведенной выше трехчленной структурой восприятия, то можно отметить не только их структурное сходство, но и сходство по содержанию. Так «миру» в одной схеме, понимаемому как нерасчлененная гомогенность или глобальность, соответствует «вещь-сама-по-себе» в другой схеме, «продукту формопорождения» соответствует «явление», а «образу» - «представление».

Обнаруженное сходство позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, так как приведенные выше для сравнения соотношения получены совершенно разными путями, с использованием разных логических подходов, то их сходство указывает на некоторую объективность (истинность) результатов, полученных теоретически в философии и психологии. Во-вторых, несмотря на сходство этих двух соотношений, они предназначены для решения разных задач: для И. Канта это решение гносеологической задачи, поэтому для него было важно осмысление самих понятий и логических соотношений между ними, в связи с поставленной им задачей, а для нас важен психологический аспект этих соотношений, поэтому мы вновь возвращаемся к онтологии и хотим понять

те принципы и процессы, которые позволяют совершить переходы от первого члена соотношения ко второму и взаимопереходы между вторым и третьим членами соотношения. Ясно и другое – сходство этих двух соотношений, выявленных в философии и психологии, требует дальнейшей теоретической разработки, осмысления и глубокого анализа.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.3. М.: Чоро, 1994.
2. Кант И. Избранные письма // Кант И. Сочинения в 8-ми т.т. Т.8. М.: Чоро, 1994.
3. Катречко С.Л. Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе // Трансцендентальный поворот в современной философии: метафизика, теория опыта, теория сознания. Материалы международного научного семинара. М., 2017. С. 37-45.
4. Миракян А.И. Полифункциональность и константность восприятия. Дисс. док. пси. наук, М., 1987.
5. Миракян А.И. Афикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография) под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. С. 9-46.
6. Миракян А.И. Контур трансцендентальной психологии. Кн.1. М.: изд. ИП РАН, 1999.
7. Миракян А.И. Контур трансцендентальной психологии. Кн.2. М.: изд. ИП РАН, 2004.
8. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Ер.: изд. «Сарвард», 2007.
9. Нагдян Р.М. Загадка психики. Трансцендентальная психология и метафизика, Ер.: изд. «Лусабац», 2017.
10. Панов В.И. От проблемы образа к проблеме формопорождения, В сб. «Образ в регуляции деятельности». М.: Российское психологическое общество, 1997. С. 101-112.

Р.М. Нагдян

5.1. Постановка проблемы исследования

Основные мысли, изложенные в главе 3, не новы. Большой частью они уже были высказаны Джорджем Беркли. Мы лишь добавили представление о реальности, существующей до отражения, показали возможность психологического релятивизма воспринимаемой реальности и то, насколько плодотворны эти соображения для психотерапевтической практики, тем самым очертив контуры методологии трансформации эмоций и поведения человека. Кроме того, нами была предложена концепция о существовании человека одновременно в четырех реальностях – существующей до отражения, объективной (воспринимаемой, «внешней») реальности, реальности нашего внутреннего мира (ощущения, чувства, образы, представления и т.д.) и реальности бессознательного.

Однако, как будет показано ниже, именно эти новые моменты или «дополнения» послужили основанием для постановки вопроса об исследовании психологических причин противоборства между основными направлениями философии – материализмом и идеализмом, что привело к необходимости введения понятия «психология философии».

Можно сказать, что, если психология возникла из философии, то причиной возникновения философии и ее направлений была психология философов. Аналогичную мысль высказывает и Н.Н. Нечаев: «У меня глубокое внутреннее убеждение, что все области научного знания являются по сути дела своеобразными подотраслями психологии, так как данные любой науки – суть результат, средство и условия для осмысления Мира. Концепции современной математики

³⁸ Фрагмент из книги Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ер., «Изд. дом Лусабац», 2017. – С. 249-270.

или биологии – это, прежде всего, концепты современного математического или биологического мышления. Психологу должно стать ясно, что вся математика есть не что иное, как сложившиеся и складывающиеся способы математического мышления, не востребованные большинством человечества, что вся инженерия есть не что иное, как громадный арсенал способов инженерного мышления, и т.д. и т.п... Психолингвистика, пусть весьма поверхностно, это уже понимает, «психоматематики» или «психофизики» в указанном понимании еще не существует» [Неаев, 2000, с. 9]. Продолжая мысль Н.Н. Нечаева, можно сказать, что данное исследование есть попытка создания «психофилософии».

Необходимо отметить, что в психологической науке уже имеются исследования с подобными названиями. Так, в 1998 году издается учебник «Психология науки» [Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский, 1998]. На первый взгляд, кажется, что не должно быть особой разницы между психологией науки и психологией философии, так как психологию философии можно рассматривать как часть психологии науки, как одну из ее «проекций». Поэтому можно предположить, что психологические закономерности становления и развития науки в равной мере относятся и к философии. Однако дело в том, что некоторые методологические установки авторов данного учебника не вписываются в методологический «контекст» нашего исследования.

В этой работе большое внимание уделено исследованию таких вопросов как механизмы научного мышления, взаимосвязь рационального с иррациональным и подсознательным, закономерности коллективного творческого процесса, логико-психологические и социальные условия научных открытий, межличностные отношения ученых. И многие из этих вопросов рассматриваются через призму следующей установки: «утверждение, что самое существенное в творческом процессе скрыто за порогом сознания, ничем не обогащает реального знания о продуктивном мышлении. Можно сколько угодно преклонять колени перед фактом неосозна-

ваемости тех умственных операций, которые порождают творческий продукт, но это нисколько не продвинуло и не продвинет наше понимание процесса научного творчества» [Аллахвердян и др., 1998, с. 12]. То есть авторы, не отрицая факта значимости неосознаваемых процессов порождения продуктов научного творчества, тем не менее скептически относятся к необходимости исследования того, что «скрыто за порогом сознания». Между тем, как было показано в предыдущих разделах, психология начинается именно за порогом нашего сознания. А на поверхности мы имеем дело с психологическими фактами (даже если это нововыявленное знание), лишенных порождающей процессуальности, которые обрабатываются методами и концептами логики, лингвистики, социологии, культурологии или истории.

Корни этой ограничивающей методологической установки заложены в том, как ими рассматривается отношение между продуктом творческой деятельности и процессом, приводящем к данному результату. Они пишут: «Результативная и процессуальная стороны творчества разделяются только в абстракции. Психология ставит акцент преимущественно на второй стороне, но, изучая ее, исходит из определенных представлений о природе эффекта, достигнутого, благодаря процессу» (там же, с. 13). Получается, что изучается процесс, но в качестве исходных данных для анализа процесса выступает «природа эффекта, достигнутого благодаря процессу». Это типичный образец продуктного подхода, применение которого, как показали исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), не позволяет выявить принципы и закономерности процесса, в особенности, если речь идет о порождающем процессе, который неосознаваем. В таком случае, исследование процессуальной стороны творчества, на которое «преимущественно ставит акцент психология», не достигает своей окончательной цели. Эти трудности, возникающие при применении продуктного подхода (или традиционного исследовательского образа мышления), вероятно, и составляют основу скептицизма относительно необходимости ис-

следования порождающих процессов, «скрытых за порогом сознания», в подсознании.

Для авторов цитируемого учебника сложным для объяснения оказывается и другое психологическое явление, характерное для научного творчества. Стараясь объяснить механизм «инуитивных находок», они полагают, что «Естественнее объяснить эти случаи тем, что исследователь в силу своего предшествующего опыта или других обстоятельств нередко случайного характера, но непременно на фоне предельной сосредоточенности на решаемой им проблеме, сумел перейти с одной привычной логической колеи на другую» (там же, с. 12). Другими словами, в ситуациях «озарения», «инсайта» или «прозрения» исследователю каким-то непонятным для него самого и для изучающего его творческую деятельность психолога способом удается перейти «с одной привычной логической колеи на другую». Интересно отметить, что проблема, сформулированная в такой языковой форме «подсказывает» и соответствующее ее решение. То есть можно предположить, что имеются две системы логических рассуждений S_1 и S_2 и необходимо найти определенный оператор преобразования, переводящий систему S_1 в систему S_2 . Сказанное может служить примером компьютерного моделирования научного творчества. Но, естественно, в таком решении не будет ничего психологического – психическое изменение будет заменено логическим преобразованием, лишенном полифункциональной гибкости и вариативности естественного процесса творчества (таковы, обычно, последствия применения продуктного подхода). В качестве иллюстрации подобных переходов в творческой деятельности авторы приводят следующий пример: «Геометрия Эвклида и геометрия Лобачевского построены на разных системах логических рассуждений, но обе – одинаково логичны. Другое дело, что ни сам исследователь, ни психолог, изучающий творческий процесс, не знают пока механизмов перехода с одной привычной колеи мысли на другую» (там же). Действительно, Евклид и Лобачевский – творческие

люди, но система их логических рассуждений о геометрических свойствах пространства – разная. Причем, изучением систем логических рассуждений ученых, структуры, динамики и механизмов их научной деятельности невозможно объяснить или понять причины, детерминирующие процесс перехода на новую колею мысли, к новой системе рассуждений. В данном случае необходим ответ на вопрос: «какие психологические причины ответственны за разное восприятие пространства или, если взять более широко, одной и той же реальности». Ведь физическая реальность, относительно которой рассматривались пространственные отношения, во времена Евклида и Лобачевского была одна и та же. Однако, продуктивный подход, исключающий возможность изучения неосознаваемых порождающих процессов, который реализуется авторами «Психологии науки», скорее всего, не будет способствовать решению этого вопроса.

Кроме психологии науки, в том же русле, А.В. Юревичем плодотворно разрабатывается круг проблем, под общим названием «психология методологии» [Юревич, 2005], который является частью «психологии науки», но уже ближе к «психологии философии». В своем исследовании А.В. Юревич опирается на современные тенденции в определении предмета методологического анализа науки. Имеется в виду, что кроме «когнитивной» составляющей научного познания необходимо учитывать и ее социально-психологическую сторону, то, что старалась элиминировать традиционная наука, и то, что соответствует современной постнеклассической рациональности [Степин, 1989; 2003]. Поэтому процесс познания природы представляется не как «беспристрастное «чтение книги природы», а находится под большим влиянием особенностей познающего субъекта» [Юревич, 1999, с. 5]. «Предмет методологического анализа науки, – пишет А.В. Юревич, – в том числе и любой конкретной научной дисциплины в этом случае выступает как *система взаимосвязанных когнитивных и социальных* (и психологических, по Юревичу, – Р.Н.) *ориентиров и факторов научного познания*, а подобным образом

понимаемая методология может быть названа *социальной методологией*» [Юревич, 2005, с.16].

Именно с позиций социальной методологии, в контексте постнеклассической рациональности, рассмотрим парадоксальную ситуацию, возникающую на «территории» философии, при психологическом анализе творчества, противоположных по взглядам на мир, философов, и попытаемся определить психологические детерминанты, определяющие (и «снимающие») эти парадоксы.

На протяжении многих веков в философском описании воспринимаемого человеком мира существовало два основных подхода – материалистический и идеалистический. Они настолько противоречивы и противоположны в ответе на основные вопросы философии, что между некоторыми представителями этих направлений складывались отношения, доходящие до нескрываемой враждебности. И действительно, для материалиста мысль о том, что объекты природы – это комплексы или комбинации ощущений, является абсолютно абсурдной. А уверенность идеалиста в своем мировоззрении настолько непоколебима, что философ-материалист (если б он имел право) поднял бы вопрос о психологическом статусе своего оппонента. И наоборот, если представителю субъективного идеализма говорят, что существует материя, обладающая определенными качествами и свойствами, что психика и сознание являются одним из свойств материи (функцией мозга), он не только будет возмущен, но сочтет к тому же носителя таких идей человеком глупейшим и опасным для всего человечества.

Так как мы не ставили перед собой цели решать философские проблемы, а нас интересовали психологические причины появления и существования таких разных по мировосприятию типов людей (материалистов и идеалистов), то в качестве объектов анализа мы выбрали рассуждения наиболее ярких (точнее, наиболее «крайних») представителей этих направлений, а именно: субъективного идеалиста (как это принято говорить) Дж. Беркли и его оппонента материалиста-марксиста В.И. Ленина.

Для начала приведем несколько примеров того, как они характеризуют друг друга. Так, В.И. Ленин, критически анализируя сочинения Э. Маха, сторонника берклианства, пишет: «...если он (Мах – Р.Н.) не признает, что «чувственным содержанием» является объективная, независимо от него существующая, реальность, то у него остается одно «голое абстрактное» Я, непременно большое и курсивом написанное Я=«сумасшедшее фортепиано», вообразившее, что оно одно существует на свете» [Ленин, 1931, с.34-35]. Приведем также пример того, как Дж. Беркли относится к мнению материалистов: «...отсюда очевидно, что само понятие о том, что называется *материей* или *телесной субстанцией*, заключает в себе *противоречие* (выделено нами – Р.Н.). Это в такой мере ясно, что я не считаю необходимым тратить много времени на доказательство *нелепости* (выделено нами – Р.Н.) данного мнения» [Беркли, 1978, с. 175]. Итак, материалисты «противоречивы», говорят «нелепости», а во многих других местах указывается на их «странность». Или: «Все их *чудовищные* (выделено нами – Р.Н.) системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее (материи – Р.Н.), что раз будет удален этот краеугольный камень, – и все здание неминуемо рухнет» (там же, с.213). Подобных примеров с обеих сторон можно привести достаточно много, что указывает на постоянство их непримиримого отношения к философским концепциям своих оппонентов. В то же время В.И. Ленин указывает на сложность этой борьбы, полагая (как и большинство материалистов), «...что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело» [Ленин, 1931, с. 28].

Тогда в чем же дело? Почему, существуя в одном и том же мире, независимо от времени и эпохи, два человека могут иметь столь разные, доходящие до противоположности, представления о нем? И, более того, каждый из них абсолютно убежден в истинности своих взглядов. Если посмотреть на эту ситуацию глазами нейтрального (в смысле отношения к философии) психолога, то один из этих философов настоль-

ко неадекватно отражает действительность, что его можно было бы принять за психически ненормального человека. Но история философии не подтверждает это предположение, поэтому вопрос о том, почему возможно столь разное восприятие одной и той же реальности разными людьми остается открытым. Ясно одно, что через анализ философских текстов и логических аргументаций мы не выявим причин этих различий.

5.2. О невозможности согласования оппозиционных мировоззренческих парадигм

Подходя к этой ситуации логически (теоретически), можно выделить три варианта.

1. Если прав материалист, то тогда надо признать существование вне и независимо от человека реальности, состоящей из объектов со своими свойствами и качествами, а проявления ощущений и образов – адекватными отражениями, копиями объектов и их свойств и т.д. Все строго должно укладываться в рамки материалистической парадигмы «материя первична – сознание вторично». «Материализм, – пишет В.И. Ленин, – в полном соответствии с естествознанием берет за первичное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи» [Ленин, 1931, с. 37].

2. Если прав идеалист, то тогда надо признать, что вещи – это комплексы ощущений, которые существуют в нашем разуме (сознании) и то, что мы видим вне нас, – это отраженные в сознании идеи (по Беркли) или комплексы ощущений. Поэтому стоит нам закрыть глаза, и мир исчезнет. Однако Беркли с этим не соглашается: «Нам возразят..., – пишет он, – что мы упраздняем все телесные субстанции. На это я отвечу, если слово *субстанция* понимать в житейском (*vulgar*) смысле, т.е. как комбинацию чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т.п., то меня нельзя обвинять в их уничто-

жении. Но если слово субстанция понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств вне сознания – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало» [Беркли, 1978, с. 187]. Отрицание существования материи, обладающей определенными свойствами, кажется настолько абсурдным с материалистической точки зрения, что напоминает бред сумасшедшего. Но весь парадокс и заключается в том, что ни Дж. Беркли, ни другие субъективные идеалисты не были сумасшедшими. В свою очередь, сам Дж. Беркли, как это было показано выше, считал понятие материи в философии материализма полнейшим абсурдом. Но материалисты тоже не были сумасшедшими.

Отсюда видно, что разрешение борьбы между материализмом и идеализмом не является только философской проблемой, и она, как нам кажется, в принципе не может быть разрешена с помощью одних философских рассуждений. Это тупик, о котором свидетельствует сама история философии, потому что философы подходили к своим оппонентам лишь по-философски (иначе им и не нужно было) и не замечали в оппонентах (а не в их рассуждениях!) психологических парадоксов и психологических причин различия их взглядов на реальность. О философе, как о личности, судили по его философским конструкциям. А должно было быть наоборот: лишь только поняв, что такое философствующий субъект, как он порождает свою философию, как философия конкретного философа связана с состояниями осознанности мира, только после выяснения этих и подобных им психологических вопросов можно было бы адекватно понять причины возникновения представлений философа о мире и его устройстве. По этому поводу вспоминаются слова из книги М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание» (1997): «Философия сознания... – это гораздо больше о философе, чем о философии (включая его собственную)». И действительно, независимо от того, чью именно философию мы анализируем – материалиста или идеалиста, мы име-

ем дело, прежде всего, с его сознанием. Однако выяснение всего этого не входило в задачи философов, их интересовал лишь «когнитивный» аспект философии. Кроме того, ситуация усугублялась тем, что они часто имели дело с текстом, а не с человеком. А текст – это продукт сложнейшей психической деятельности, в котором сама эта деятельность не проявляется. В тексте застыл лишь «поверхностный» слой этого процесса, а между тем, «по ту сторону текста», недоступного читателю, скрываются вся психология его деятельности – особенности видения мира, истинные смыслы и значения употребляемых автором символов, метафор и номинализаций. И все это, естественно, не позволяло адекватно и исчерпывающе понять истинные представления автора-философа. Психологи также не могли решить (или осознать?) эту проблему, потому что к философствующей личности они подходили как уже стихийно сложившиеся материалисты или идеалисты, поэтому психологические «парадоксы» и психологические причины возникновения той или иной философской концепции оставались незамеченными.

Из истории физики известно, что физики также сталкивались с абсурдами. Но эти абсурды чаще касались экспериментальных данных, которые не укладывались в рамки существующих физических теорий. Наиболее существенным «абсурдом» можно считать данные опытов Майкельсона-Морли, из которых следовало, что скорость света не может быть ни увеличена, ни уменьшена, что явно противоречило здравому смыслу, основанному на ньютоново-галилеевском мировоззрении, согласно которому скорость движущегося тела может быть уменьшена до нуля или увеличена до сколь угодно большой величины. Первым психологическим шагом для физиков был вопрос принятия этого факта. Можно было не принимать его и спокойно жить дальше, как поступала психология с фактами экстрасенсорных явлений, астрологии, магии, оккультизма и прочей «чепухи». Но можно было принять этот факт, что, однако, повлекло бы за собой необходимость пересмотра основных положений физики того

времени. Создание новой физической теории (А. Эйнштейн) сопровождается другим важным психологическим событием – спонтанным изменением состояния сознания ученого, переводящее его (сознание) на другой уровень осознания реальности. Для этого уровня осознаваемости относительным (то есть зависящим от точки зрения наблюдателя) становится уже не только скорость и направление движения объекта, но также его пространственно-временные характеристики и масса, что уже выходит за пределы возможностей понимания и восприятия «среднестатистического» человека, обладающего «здоровым смыслом». Далее в истории физики происходит сдвиг научно-философской парадигмы, меняется и принимается за истинную, то есть осознается, совершенно другая картина мира. Однако еще раз отметим наше предположение, что сдвиг парадигмы сопровождается изменением состояния сознания ученых, определяющего новый уровень осознания и восприятия мира.

3. Если признать, что реальность относительна и зависит от позиции восприятия наблюдателя (ученого), то тогда надо отбросить мысли об истине или истинности и начать думать о том, какая из позиций наилучшим образом отвечает требованиям разрешения научных (в том числе и психологических), практических и духовных проблем. Но тогда надо признать, что материалист осознает одну реальность, а идеалист – другую. Они живут в разных мирах и каждый из них считает истинным *свой* мир.

Одним из важных моментов в споре В.И. Ленина и Дж. Беркли был вопрос о возникновении ощущений. Согласно мнению В.И. Ленина, идеалисты ставят «...в вину материализму... нерешенность вопроса о том, откуда «возникают» ощущения» [Ленин, 1931, с. 36]. Что касается Дж. Беркли, то он сам не имел на этот вопрос научного ответа, поэтому обращался к Богу. В.И. Ленин, в той же цитате, на этот вопрос отвечает вопросом: «Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных» (там же). Из

этого следует, что материалисты, не имея достаточных данных для решения этого вопроса, всего лишь верили и были убеждены, что ощущения (и сознание в том числе) *должны быть* свойством высокоорганизованной материи. Но уже в других местах это предполагаемое «должно быть» (являющееся следствием «недостаточности данных») опускалось и связке «ощущение – есть свойство материи» приписывался статус достоверного факта. То есть на один из самых главных вопросов (откуда возникают ощущения), который разрешил бы спор между материалистом и идеалистом, философия не имела достоверного ответа. И именно этот пробел в психологии, в исследованиях закономерностей и принципов психического отражения, повлек за собой необходимость обращения к абсолютам, в одном случае – к материи, в другом – к Богу. Дж. Беркли так отмечает этот момент: «Я утверждаю так же, как и ты (имеется в виду материалист Гилас – Р.Н.), что, раз мы испытываем воздействие извне, мы должны допустить силы извне – в бытии, отличном от нашего. В этих пределах мы сходимся. Но затем мы расходимся – относительно рода этого могучего бытия. Я считаю его духом, ты – материей или – я не знаю каким (я мог бы также добавить, ты не знаешь, каким) – третьим качеством» [Беркли, 1978, с. 334]. Таким образом, для материалистов (и идеалистов) начала XX века не было известно, откуда «возникают» ощущения. Прошло более ста лет со дня выхода в свет цитируемой книги В.И. Ленина... и, ради справедливости, надо отметить, что до сих пор неизвестно, откуда возникают ощущения *и все остальное психическое, включая сознание*.

К вопросу «откуда» следовало бы добавить еще два: «как» и «что». Вопрос «откуда» – философский, потому что он определяет отношение ощущений к остальному миру и предполагает возможность возникновения ощущений не только из материи, но, может быть, и еще откуда-то. Вопрос «как» или «каким образом» происходит это возникновение – это вопрос естествознания, то есть теоретико-экспериментальных исследований, в которых могут быть

задействованы многие науки и психология в первую очередь. Вопрос «что», «что такое ощущение» – это и философский, и психологический вопрос. В особенности для психологии этот вопрос важен тем, что именно им определяется предмет психологии, онтология психических явлений. Несмотря на то, что эти три вопроса относятся к разным аспектам и уровням анализа проблемы ощущений (образов, чувств, сознания и т.д.), они взаимообуславливают друг друга и не могут быть решены по отдельности: то есть должны быть решены вместе, одновременно, но, к сожалению, ни философия, ни психология до сих пор не могут ответить на эти вопросы. Из выше изложенного видна также теснейшая взаимозависимость между философией и психологией.

Введение представления о безобъектной реальности, существующей вне сознания человека и до ее восприятия, существенным образом меняет понимание рассуждений Беркли (а вслед за этим, субъективного идеализма) и В.И. Ленина (а значит, и материализма).

В.И. Ленин обвиняет Дж. Беркли в том, что он «...не только откровенничал насчет тенденций своей философии, а старался также прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для «здорового смысла», что он «инстинктивно» защищается «от обвинения в том, что теперь было бы названо субъективным идеализмом и солипсизмом» [Ленин, 1931, с. 22]. Нужно ли было Дж. Беркли «инстинктивно защищаться» от подобных обвинений, когда он сам часто говорил, что его философия не согласуется со «здоровым смыслом толпы», то есть обыкновенных людей, не говоря уж о философях-материалистах?

Посмотрим, как «защищается» Дж. Беркли, обратившись к одной из вышеприведенных цитат: «Могут возразить, что согласно вышеприведенным принципам, все то, что реально и субстанционально в природе, изгоняется из мира и заменяется химерической схемой идей. Все существующие вещи существуют лишь в духе, т.е. только мыслимы. Во что же обратятся солнце, луна и звезды? Что должны мы ду-

мать о домах, горах, реках, деревьях, камнях, даже о наших собственных делах? Неужели это не более, как химеры или обманы воображения? Я отвечаю на это..., что, принимая вышеизложенные принципы, *мы не теряем ни одной вещи в природе...* (выделено нами – Р.Н.). Существует совокупность *rerum naturae* (природных вещей – Р.Н.), и различие между реальностями и химерами сохраняет полную свою силу..., но и те, и другие существуют равным образом в духе и в этом смысле суть одинаково *идеи*» [Беркли, 1978, с. 186]. В.И. Ленин не верит словам Беркли, что «мы не теряем ни одной вещи в природе». Но даже если поверим, все равно, не освободимся от парадокса. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, природа есть, и она остается всегда такой, какой была (эту мысль Дж. Беркли должен был принять уже потому, что он был епископом и, очевидно, верил в сотворение мира, произошедшее, естественно, независимо от его воли и задолго до его рождения); с другой – реальность существования вещей означает их существование лишь в сознании в виде идей (образов, ощущений, чувств, представлений). Для критикующего материалиста такое противоречивое сочетание очень удобно, потому что первую часть парадокса можно принять за «инстинктивную защиту», то есть неправду, а вторую – за реальную позицию Дж. Беркли, и тогда парадокс исчезает, а он сам превращается в субъективного идеалиста. Но и для Дж. Беркли здесь, видимо, нет парадокса. Тогда каким образом он решил его внутри себя? Что он имел в виду под природой? Нам кажется, что Дж. Беркли не разрешил этот парадокс до конца, но интуитивно чувствовал его разгадку. В следующем параграфе цитируемого сочинения он пишет: «Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, – реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы называют материей или телесной субстанцией»

(там же, с.186). То есть Дж. Беркли признает существование природы, но против материи, *какой* ее понимают материалисты. Для материалиста это совершенно не приемлемо: как можно быть против материи, но признавать существование природы.

Далее Дж. Беркли поясняет, что понимается под материей или телесной субстанцией: «Но если слово субстанция понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств (существующих) вне сознания, – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало, не существовало даже в воображении» (там же, с. 187). Значит, Беркли против существования вне сознания человека объектов, *наделенных качествами или свойствами*, ибо они (эти качества и свойства) могут существовать только в духе (в уме, в сознании), но, опять же, учтем то, что он, *в общем*, не был против существования природы. Но подобное сочетание приводит к тому, что, действительно, совершенно невозможно вообразить нечто, существующее вне человека (вне меня), которое не обладает ни цветом, ни звуком, ни вкусом, ни запахом, ни мягкостью или твердостью и т.д. Однако в сознании человека природа представлена в совокупности именно таких свойств и качеств, существующих лишь в его сознании. То есть сами воспринимаемые объекты «перестают существовать», *как образы сознания*, когда человек закрывает глаза, но, учитывая, что Беркли, тем не менее, верит в реальное существование природы, для разрешения этого парадокса ему необходимо было ввести представление о существовании безобъектной реальности (то, что мы назвали Реальностью-1), предшествующей реальности уже воспринятой и существующей вне сознания человека. Это открыло бы новые горизонты перед психологией в связи с необходимостью разработки новой методологии, обладающей возможностью показать, как из этой безобъектной реальности, при ее взаимодействии с субъектом, порождаются необходимые для функционирования человека объекты, вос-

принимаемые в совокупности их качеств и свойств: величины, формы, цвета, звука, запаха и т.д. Однако Дж. Беркли не сделал этого последнего шага, хотя и был близок к нему, а для материалистов не существовало ни такого понятия, ни такой догадки (о безобъектной реальности). Поэтому, если дословно принять и Дж. Беркли, и В.И. Ленина, то получается, что они спорили не столько о том, есть материя или нет, а о том, что такое природа-вне-сознания человека. Для материалистов природа – это то, что есть вне человека и таким же образом отражается в его сознании, а для Беркли – это то, что есть вне человека, но без тех свойств и качеств, которые возникают и существуют лишь в сознании. Однако, несмотря на такое различие в понимании природы, в конечном счете, и материалист и идеалист в жизни видят (ощущают) одно и то же. Различие между ними заключается в качестве осознанности мира, в несхожести мироощущений и мировосприятий, что говорит о несоответствии их состояний сознания.

Кстати, если не поверить словам Дж. Беркли, что «...мы не теряем ни одной вещи в природе», как это сделал В.И. Ленин, то его действительно можно обвинить в солипсизме. Однако Дж. Беркли отрицает свою причастность к солипсизму: «Но какую бы власть я ни имел над своими мыслями, я нахожу, что идеи действительно воспринимаемые в ощущении (в отличие от идей воображения – Р.Н.), не находятся в такой же зависимости от моей воли. Когда я открываю глаза при полном дневном свете, то не от моей воли зависит выбрать между видением или невидением, а также определить, какие именно объекты представляются моему взгляду; то же самое относится к слуху и другим ощущениям: *запечатленные ими идеи не суть создания моей воли* (выделено нами – Р.Н.). Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их» (там же, с. 184). Как видно, Дж. Беркли не сторонник произвольно-волюнтаристского подхода к восприятию внешнего мира («когда я открываю глаза»), подчиняющегося формуле солипсизма: реальность такова, какой я хочу ее видеть. Но, с другой стороны, возникает уже

знакомая ситуация, когда из-за «недостаточности данных», обращаются к абсолютам (или абстракциям).

Следовательно, для Дж. Беркли природа, мир существует, и существует независимо от *его* воли, однако без материальных объектов, *наделенных свойствами*, адекватными нашим ощущениям: таких объектов (точнее, таких качеств, которые мы приписываем объектам) в природе нет, они существуют лишь в нашем сознании.

Путаница возникает из-за *отождествления* двух совершенно разных понятий – мира вне человека и воспринятого мира. И если Дж. Беркли догадывался об их различии, но не сделал попыток более полно представить, что он понимает под природой, существующей вне человека, то материалисты, и В.И. Ленин в их числе, полностью находились в этом отождествлении, то есть не осознавали их различия.

Попытка подобного различения была предпринята А.Н. Леонтьевым. Разрабатывая вопросы философии психологии, в известной работе «Образ мира», А.Н. Леонтьев пишет: «Здесь я подхожу к труднейшему, можно сказать, критическому пункту опробываемого мною хода мысли...

Тезис этот состоит в том, что *мир в его отдаленности от субъекта амодален...* Выдвигая этот тезис, я исхожу из очень простого и, на мой взгляд, совершенно оправданного различения свойств двойного рода.

Один – это такие свойства неодушевленных вещей, которые обнаруживаются во взаимодействиях с вещами же (с «другими» вещами), т.е. во взаимодействии «объект – объект». Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с вещами особого рода – с живыми чувствующими организмами, т.е. во взаимодействии «объект – субъект». Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецепирующих органов субъекта. В этом смысле они являются модальными, т.е. субъективными» [Леонтьев, 1983, с. 257]. И далее: «Итак, предметный мир, взятый как система только «объектно-объектных» связей (т.е. мир без животных, до животных и человека), амодален. *Только*

при возникновении субъектно-объектных связей, взаимодействий возникают многообразные и к тому же меняющиеся от вида к виду модальности» (там же, с.258).

Таким образом, А.Н. Леонтьев дает четкое различие двух представлений о мире: при наличии в нем субъекта и без него. При наличии взаимодействующего с миром субъекта мир представлен субъекту в модальностях восприятия, без субъекта, когда отсутствует взаимодействие между субъектом и миром, – мир амодален. Но вспомним, что именно такой мир и имел в виду Дж. Беркли, когда говорил, что в природе (он признавал реальность существования природы) вне сознания человека не может быть субстанции, обладающей «акциденциями или качествами». Схожесть этих рассуждений позволяет предположить, почему А.Н. Леонтьев считал этот ход мыслей «труднейшим» и «критическим»: тезис об амодальности мира, существующего до человека, мог бы отвести исследователя в сторону от материализма, и, кроме того, невозможно амодально представить то, что человек и человечество всегда воспринимало в совокупности «совместных» модальностей – для этого у нас просто не хватит воображения. Однако, если сопоставить дальнейшие их рассуждения, то они резко, до противоположности, отличаются друг от друга. Если у Дж. Беркли модальные качества *возникают* в сознании человека и не принадлежат объекту, то у А.Н. Леонтьева модальные качества *обнаруживаются* субъектом как субъективные свойства объекта (субъективные, потому что зависят от «свойств рецепирующих органов субъекта»).

Из вышеприведенного тезиса А.Н. Леонтьева возникают и другие вопросы, которые требуют ответа, например, насколько правомерно говорить о *свойствах* вещей, обнаруживающихся в объектно-объектных отношениях, когда (если) нет субъекта? Или – как соотносятся понятия «амодальный» и «безобъектный» и т.д. Мы не ставили перед собой цель дать подробный анализ этого тезиса, нам важно было показать, что, согласно А.Н. Леонтьеву, тот мир, который существует

вне сознания человека и вне взаимодействия с ним и который был всегда и до человека – амодальный, а мир, при наличии взаимодействующего с ним человека, – такой, каким его воспринимает человек в совокупности разных модальностей. Одним словом, важно было показать, что реальность до отражения качественно отличается от реальности отраженной. С философской точки зрения – это не материализм, но и не идеализм. С психологической, причиной этих (леонтьевских) рассуждений является другой способ осознания мира, как следствие *другого состояния сознания*, отличного от состояний сознания материалиста и идеалиста, которые затем воплощаются в определенный ход мыслей.

Если вышесказанное перевести на язык четырех реальностей, то можно сказать, что сознание Дж. Беркли обращено к Реальности-3, к реальности внутренних образов (своих и других людей), а сознание материалистов обращено к Реальности-2 – той, которую мы называем объективной (объектной), существующей вне и «независимо» от нас, что и является для них (материалистов) реальностью, природой. Представления о Реальности-1, существующей вне сознания человека, еще не отраженной, не дает ни Дж. Беркли, хотя у него была догадка о ней, ни, тем более, материалисты. Это является следствием того, что не было четкого различия между понятиями «мир-в-себе» и «воспринятый мир». Что же не давало им возможности сделать это различие? Почему Дж. Беркли не смог дать четкого представления о способе существования природы вне человека? Почему В.И. Ленин полностью отрицает то, что вне сознания может быть иная реальность, отличная от уже отраженной?

«Постулаты запрета», которые необходимо учитывать при исследовании закономерностей процесса психического отражения, выдвинутые А.И. Миракяном, позволяют ответить на эти вопросы. Анализ истории развития философско-методологических и естественнонаучных оснований выявления и исследования проблем непосредственно-чувственного отражения позволил А.И. Миракяну придти к

следующим выводам: «Нельзя использовать 1) характеристики продуктов уже свершившихся процессов восприятия, 2) представления об изоморфности, адекватности и 3) способах абстрактно-логического построения отношений между непосредственными и опосредствованными образами и понятиями, относящимися к разным уровням психического отражения (выделенные цифрами в цитате выводы А.И. Миракяна мы и назвали «постулатами запрета» – Р.Н.)» [Миракян, 1990, с. 192].

А.И. Миракян убедительно показал, что как материалисты, так и идеалисты при анализе проблем психического отражения неизбежно допускали одну и ту же методологическую ошибку. Они не замечали, что исходными основаниями для анализа процесса непосредственно-чувственного отражения служили продукты уже свершившегося процесса восприятия, из которых затем невозможно вывести или реконструировать закономерности и принципы самого порождающего процесса восприятия. И если материалисты при этом опирались на данные о внешних объектах, их свойствах и отношениях между ними, то идеалисты опирались на идеи, образы и понятия, как отраженные в сознании, идеально-результативные данные. Но, если не замечали, значит – *не осознавали*, что имеют дело с продуктами отражения. А если они это не осознавали, следовательно, у них не могли возникнуть вопросы относительно мира или реальности, существующей до отражения. А как показал А.И. Миракян, представления о реальности, существующей до отражения субъектом мира, имеют важное значение для построения научной теории процесса психического отражения, удовлетворяющей требованиям полифункциональности и гибкости естественного процесса отражения [Миракян, 1992].

Возвращаясь к цитируемой выше работе А.Н. Леонтьева, обратим внимание на то, каким образом там осуществляется переход от образа мира к миру «в его отдаленности от субъекта», то есть к миру до отражения. Действительно, в этой работе сначала речь идет об образе мира, осознаваемого с

гносеологической позиции: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ... Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» [Леонтьев, 1983, с. 255], и только потом появляются рассуждения о мире до человека, но уже с онтологической позиции (об этом уже говорилось выше). Важно отметить, что этот переход от образа мира к рассуждениям о мире не совершается логическим путем, посредством последовательных умозаключений. Тогда откуда появилась идея об амодальности мира? Здесь происходит скачок мысли, который не мог быть осуществлен в процессе (научного) мышления, который всегда непрерывен. Для обсуждаемого случая непрерывность мышления могла привести либо к постулату изоморфности или адекватности, что характерно для материалистического образа мышления, либо к постулату о созидательном вмешательстве высших (внешних) или внутренних сил, характерному для идеалистического образа мышления, но к тезису об амодальности мира, как способу его существования до человека – нет. Поэтому, действительно, есть основания полагать, что такой скачок мысли является следствием перехода в другое состояние сознания.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что основной психологической причиной неразрешимости проблемы противостояния между материализмом и идеализмом является несоответствие уровней и состояний сознания носителей этих двух философских концепций.

5.3. Зависимость сдвигов парадигм от изменений состояний сознания.

Основываясь на вышеизложенном, состояние сознания можно характеризовать как психическое явление, которое меняется скачкообразно и обуславливает возникновение и особенности нового образа мышления и восприятия мира. По нашему мнению, именно состоянием сознания определяется мироощущение и мировосприятие человека, уров-

ни и особенности осознания им мира. Мыслительная деятельность, с непрерывностью своего протекания, необходима как одно из условий (но не причина) для перехода в новое состояние сознания, но она также необходима как подготовительный этап к «инсайту» для осуществления квантового (дискретного) перехода, после которого начинается новый этап мышления в другой категориальной системе, с другим ощущением мира и своего места в нем, с другим отношением к миру, которые и характеризуют новое состояние сознания. На возможность подобных переходов, происходящих в медитативных состояниях, указывали такие известные психологи как В.В. Козлов (2005), В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко (2007). В данном контексте, речь идет не просто о переходе в новое состояние сознания, а об *определенном фундаментальном изменении состояния сознания*. Но подобные «парадигмальные» переходы в новое состояние сознания – явления редкие, и большинство людей проживают свою жизнь, оставаясь, сами того не замечая, в пределах одной какой-либо парадигмы, в одном особом состоянии сознания, определяющем эту парадигму. Из истории человечества можно привести множество примеров, указывающих на то, как разные состояния сознания определяли разные способы мышления и видения мира: язычник (идолопоклонник) и единобожец, атеист и верующий, материалист и идеалист; геоцентризм Птолемея и гелиоцентризм Коперника, понимание физической реальности Ньютоном и Эйнштейном, корпускулярное и волновое представления мира, продуктное и афизикальное осознание психических явлений и т.д. Во всех перечисленных парах, имеем дело с разными состояниями сознания, которыми и определяются разные способы видения мира и мышления о нем. Из этого, в частности, следует, что материалист не принимает и не понимает идеалиста не потому, что один из них умный, а другой глупый, один психически здоровый, а другой психически больной, один прав, а другой неправ, а потому, что они находятся в разных состояниях сознания,

что означает существование в разных реальностях, и законы одной реальности не действуют в другой.

Здесь мы вплотную подошли к новому научно-философскому подходу, именуемому виртуалистикой, где те же вопросы рассматриваются с точки зрения виртуальных реальностей. К вышеприведенным рассуждениям прямое отношение имеют следующие положения виртуалистики.

Во-первых, существуют виртуальные реальности, обладающие свойствами порожденности, актуальности, автономности и интерактивности. Причем виртуальная реальность порождается константной реальностью, и законы виртуальной реальности не сводимы к законам константной реальности, и наоборот, то есть в виртуалистике невозможен редукционизм.

Во-вторых, возможно существование множества онтологически равнозначных реальностей, что и характеризует принцип полионтизма в виртуалистике.

В-третьих, из принятого в виртуалистике принципа конструктивизма следует невозможность построения абсолютной картины мира, так как никакая из реальностей не может считаться «последней», «самой истинной», «абсолютной» и т.п. Поэтому любая задача, даже построение философии, «... становится решением относительной задачи, становится решением, обусловленным сознательным выбором человеком своего исходного положения в системе его мировоззрения» [Носов, 2001, с. 15].

Как видно из этих положений, в виртуалистике полностью отвергается моноонтичная парадигма, характерная для научного менталитета Нового и Новейшего времени.

Одной из главных особенностей монизма является представление о реальности, как об одноуровневом и однородном образовании. Н.А. Носов поясняет: «Одноуровневом – потому, что, сколько бы ни было видимых уровней, все они сводятся к конечной реально существующей сущности» [Носов, 2000, с. 26]. Добавим лишь, что это «реально существующее» относится к конкретным субъектам. То

есть «...для современной науки и философии свойственно сводить мир к одной онтологической реальности: атомы, энергия, психика, дух и т.п.» (там же). Таким образом, отсюда следует, что именно отсутствие представления о полионтизме порождает противоречие между материалистом и идеалистом, так как каждый из них как за единственно возможную принимает «свою» реальность. И к тому же, так как вся совокупность компонентов мировоззрения человека составляет содержание его сознания, выраженное в продуктивно-результативной форме, то, с психологической точки зрения, материалист и идеалист находятся на разных уровнях и в разных состояниях сознания, и поэтому «другая» реальность для них остается полностью неосознаваемой.

Таким образом, мы попытались выявить психологические причины противоборства между материализмом и идеализмом, При этом, еще раз хотим подчеркнуть, что нас не интересовали вопросы, кто прав, кто ближе стоит к истине – это философские, гносеологические вопросы, это область философской рефлексии. С психологической же точки зрения, важно было определить то, чем обусловлены возможность и причины появления этого *различия* в отражении действительности. Для этого нам пришлось с общефилософского уровня перейти на уровень анализа отдельной личности, и тогда появилась возможность выявления различий на уровне индивидуального сознания. Философы не замечали этих различий в собственной психологии, и поэтому в каждом отдельном случае из общей картины мира выпадал сам философствующий субъект (как объект и субъект отражения), что способствовало описанию мира в терминах аристотелевской логики: «это есть..», «является», «существует» и т.д. (приводящего к фрагментарности, локализованности и метафоричности рассматриваемых явлений); то есть, когда индивидуально-предполагаемое неосознанно выдавалось за реально существующее в действительности. И поэтому они могли безрезультатно спорить сколь угодно долго, защищая свои философские позиции. Как было показано выше, основ-

ную причину в появлении этого различия в отражении мира мы видим в наличии у представителей обсуждаемых направлений в философии различных состояний сознания, чем и определялось различие их образов мышления, воплотившиеся в соответствующие философские концепции. Здесь также важно отметить, что теоретическими аргументами и рассуждениями, то есть посредством мышления, невозможно было совершить переход из одного состояния сознания в другое (как, например, Евклид не смог бы из постулатов известной ему геометрии путем теоретических рассуждений вывести геометрию Лобачевского – для этого ему нужно было бы «оказаться» в другом состоянии сознания, обеспечивающем новое специфическое видение пространства), в чем, по нашему мнению, и была психологическая причина неразрешимости их спора. Нужен был переход на более высокий уровень сознания, определяющий новое состояние сознания, в котором новый образ мышления смог бы выявить более глубокие, то есть психологические, причины противоречия между материалистами и идеалистами. И, как показал психологический анализ, противоречия возникали из-за неосознавания того, что сопоставлялись и сравнивались закономерности и принципы, относящиеся к разным реальностям. Выражаясь иначе, неразрешимыми противоречия делало то, что каждый из них был убежденным сторонником «своего» *монистического* подхода при понимании, описании и объяснении явлений мира. Поэтому кажется вполне допустимым, что осознание представлений о психологической относительности реальности и полионтизме приведет к снятию противоречий между материализмом и идеализмом, которые могут рассматриваться как предельные и равнозначные варианты обобщенной философской модели более сложной картины мира. Но показать это, на наш взгляд, уже является задачей философов.

Список литературы

- Беркли Дж. Сочинения. Изд-во «Мысль». М., 1978. – 555 с.
- Ленин В.И. Сочинения, т.Х111. Гос. соц. эконом. изд-во. Москва-Ленинград, 1931. 387 с.
- Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные произведения, т. 2. Изд-во «Педагогика». М., 1983. С. 251-261.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Школа «Языки русской культуры». М., 1997.
- Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Изд-во «Айастан». Ереван, 1990. - 205 с.
- Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах // Принципы порождающего процесса восприятия. Коллективная монография. М., 1992. С. 9-46.
- Нагдян Р.М. Образы реальностей. Сборник научных статей. Изд-во ЕГУ. Ереван, 2003. С. 179-191.
- Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Изд-во «Сарвард». Ереван, 2007. - 74 с.
- Носов Н.А. Виртуальная психология. Изд-во «Аграф». М., 2000, - 432 с.
- Носов Н.А. Манифест виртуалистики. Путь. М., 2001. -17 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НАЧАЛО. БЕСЕДЫ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ В ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ	8
Анализ проблем изучения психического отражения профессором Ф.Т. Михайловым	9
Обсуждение сообщения А.И. Миракяна «Об онтологическом основании изучения психического отражения» с А.С. Арсеньевым, В.В. Давыдовым и Ф.Т. Михайловым	45
Беседа с В.В. Давыдовым о принципах и механизмах процесса психического отражения	79
Обсуждение идеи концепции «трансцендентальной психологии» с Э.И. Кочуровой	108
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	127
Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах	127
Миракян А.И. Основания трансцендентальной психологии восприятия	171
Панов В.И. Парадигмальный анализ парадоксов в изучении психики	208
Панов В.И. Формообразование как принцип изучения и как принцип бытия психической реальности: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты	223

Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология и проблемы исследования формопорождающих процессов	239
Козлов В.И. Теоретико-методологическое обоснование исследования элементарных перцептивно-интеллектуальных актов как порождающих процессов	205
Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике	288
Шукова Г.В. Научное наследие А.И. Миракяна: инструмент познания или факт истории науки?	308
ГЛАВА 3. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	328
Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления	328
Нагдян Р.М. О трансцендентальном типе рациональности	371
Нагдян Р.М. Трансцендентальная психология восприятия и трансцендентализм И. Канта	386
Нагдян Р.М. От философии психологии к психологии философии	396

РУБЕН НАГДЯН

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Хрестоматия

Том 1

E-mail автора: r.nagdyan@mail.ru

Պուշկինի 46

Ֆեռ.՝ + 374 (55) 78 47 87, + 374 (10) 53 96 47

E-mail: lusabats@netsys.am lusabats@mail.ru

Տպագրված է «Լուսաբաց հրատարակչատան» տպարանում